

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. В. Эдельман.</i> На следующий день после 14 декабря: Николай I и его гвардия	7
<i>Г. Н. Бибиков.</i> Инструкция жандармам 1827 года по контролю за набором рекрутов	24
<i>Рето Барметтлер.</i> Жомини и русско-турецкая война 1828–1829 гг.: фрагмент биографии	33
<i>К. М. Ячменихин.</i> Военные поселения при императоре Николае I	64
<i>Брюс В. Меннинг.</i> А. И. Чернышев: русский Ликург	74
<i>Р. В. Кондратенко.</i> К вопросу о регулировании кора- бельного состава Балтийского флота во второй четверти XIX века	103
<i>Д. Н. Иванов.</i> Черноморский флот и турецко-египетский конфликт во второй половине 1830-х годов	132
<i>Р. Н. Рахимов.</i> Отдельный Оренбургский корпус: проекты и реалии воюющей окраины в николаевскую эпоху	165
<i>А. В. Кухарук.</i> Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы	191
<i>Йоханан Петровский-Штерн.</i> Николай I и еврейская рекрутчина: новые контексты	206
<i>А. А. Кривопалов.</i> Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853– 1856 гг.	238
<i>Ибрахим Кёремезли.</i> Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853–1854)	273

<i>П. М. Ляшук.</i> Строевые офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг.	295
<i>Н. Н. Смолин.</i> Дружины Государственного Подвижного ополчения 1855–1856 гг.	325
<i>Ю. А. Наумова.</i> Ранение, болезнь и смерть в повседневности русских войск в Крымскую войну	367
Сведения об авторах	403
Свод содержания «Русских Сборников» (I–VII)	405

О. В. ЭДЕЛЬМАН

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ 14 ДЕКАБРЯ:

НИКОЛАЙ I И ЕГО ГВАРДИЯ

Вотечественной историографии сложилась давняя и устойчивая традиция видеть и оценивать последствия восстания 14 декабря почти исключительно через призму того, что происходило с участниками декабристского движения. В этой связи обсуждаются в первую очередь репрессии против декабристов, и, в более удаленном плане, общие принципы политики Николая I, «напуганного» декабрьским выступлением. Такая исследовательская оптика позволяет, действительно, видеть одну из важнейших сторон этого исторического момента. Но в то же время ряд аспектов остается без внимания. Ведь декабристы были не единственными участниками драмы, разыгравшейся на Сенатской площади. В ней участвовали молодой император, генералитет, верхушка государственного аппарата — и, несомненно, извлекли какие-то свои уроки, касающиеся не только общих принципов политики, но и гораздо более приземленных, ситуативных приемов управления. А статистами в этой драме выступила значительная часть состава императорской гвардии. На Сенатской площади шел бой, были убитые и раненые. Затем одни оказались в крепости, другие получили награды.

За 14-м декабря последовало противостояние самодержавной власти и узников — носителей либеральных идей. Эта во многих отношениях ставшая ключевой для последующей истории страны линия напряженности заслонила собою другие проблемы, также являвшиеся следствием 14 декабря, но быстро локализованные, оставшиеся латентными, не проявленными и потому имевшие значение лишь в рамках того исторического момента. Исследователи декабризма неоднократно обращали внимание на тот факт, что, карая декабристов, многие из которых были отпрысками знатнейших аристократических фамилий, Николай I должен был предпринять шаги

для привлечения высшего сословия на свою сторону, завоевания его симпатий. Представляется, однако, что в декабрьские дни 1825 года для только что вступившего на престол императора первоочередным вопросом было не расположение к нему аристократии¹, а гораздо более спешная и насущная проблема: отношения с гвардией.

Три восставших полка, беспокойно прошедшая присяга еще в нескольких, затянувшийся выход конной гвардии на помощь Николаю Павловичу, обнаружение участников заговора среди офицеров многих полков, наконец (быть может, в первую очередь) весьма двусмысленное поведение верхушки гвардейского командования в день восстания — новоиспеченному монарху тут было о чем беспокоиться². И, безусловно, он не мог себе позволить только лишь карательную политику. Положение требовало от Николая I уверенного, тонкого и тактичного маневра: выказать гвардии благодарность за поддержку, но не дать слабину и не допустить мысли, что царь от нее зависит; покарать мятежников, но не допустить, чтобы наказание раздражало излишней жесткостью; сделать милостивые жесты, но не допустить падения дисциплины. Николай Павлович с этой задачей справился довольно успешно.

Собственно, в общих чертах факты, на которые опирается данная статья, были давно известны и фигурировали в литературе. О наградах (правда, не полностью обо всех), полученных гвардейцами

1 Здесь уместно сослаться на мнение В. М. Боковой, полагающей, что восстание на Сенатской площади ужаснуло столичное общество, достаточно единодушно принявшее сторону Николая I, восшествие которого на престол пробудило к тому же массу оптимистических ожиданий (Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. М., 2003. С. 575–583).

2 Здесь следует отметить существенный нюанс. До своего внезапного воцарения Николай Павлович командовал гвардейской пехотной бригадой, и к делу этому относился в высшей степени серьезно и ответственно. Непосредственными его начальниками по этой должности являлись командующий гвардейским корпусом генерал А. Л. Воинов, командующей гвардейской пехотой генерал К. И. Бистром, начальник Гвардейского штаба генерал А. И. Нейдгардт. Из дневника Николая Павловича видно, что на протяжении всего 1825 года с этими генералами он виделся регулярно, почти ежедневно, причем в целом круг общения великого князя в ту пору был весьма узким. Практически он сводился к членам семьи, тесному кругу домашних (адъютанты, воспитатели детей, фрейлины, несколько интимно приближенных к царской семье представителей аристократии, таких как графиня Ш. К. Ливен и княгиня А. Н. Волконская), а также представителям гвардейского и морского генералитета и офицерства, известным Николаю по службе, но отнюдь не входившим в его ближнее окружение. Напротив, в столичном свете Николай Павлович бывал лишь изредка, частных великосветских домов не посещал и связи его с аристократией в тот период были, по-видимому, слабыми (см. дневник Николая Павловича за 1825 г.: ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 48 (подлинник); Д. 49 (копия)). Таким образом, 14 декабря он должен был рассчитывать именно на поддержку гвардейской верхушки, и демонстративно неопределенное поведение Воинова и Бистрома не могло не стать для Николая одним из неприятнейших сюрпризов этого дня.

за подавление восстания на Сенатской площади, писали еще дореволюционные военные историки. В первую очередь следует назвать автора тщательно прописанной истории лейб-гвардии Московского полка Н. С. Пестрикова и Г. С. Габаева, труд которого об участии гвардии в декабристском восстании с 1920-х годов является основным по этой теме и по сию пору не утратил значения³. Причины, по которым я все же сочла полезным вернуться к этой проблеме, состоят в том, что по традиции писания полковых историй (в рамках которой оставался и Г. С. Габаев, специалист «старорежимной» формации, которому пришлось приспособляться к идеологическим условиям послереволюционных лет) полученные гвардейцами награды лишь перечислялись как пример монаршей милости к тому или иному полку или военнослужащему, но никогда не осмыслялись в более широких рамках, как часть мер, предпринятых Николаем I после восшествия на престол. Кроме того, работы Пестрикова и Габаева имеют один, общий для старой историографии, существенный недостаток: в них отсутствуют архивные ссылки⁴, что порождает у современного исследователя определенное недоверие к их данным⁵. Обратившись к материалам, хранящимся ныне в Российском государственном военно-историческом архиве, я смогла удостовериться, что, во-первых, данные эти вполне обоснованны, и во-вторых, в части наград и мероприятий по гвардии они неполны. Настоящая статья имеет целью восполнить фактические лакуны и дать более-менее цельный обзор политики Николая I в отношении гвардии в столь сложные первые месяцы его царствования. Говоря о политике в отношении гвардии, я имею в виду меры, явившиеся непосредственным следствием восстания; рассмотрение иных, связанных

3 Пестриков Н. С. История л.-гв. Московского полка. СПб., 1903–1904. Т. 2; Габаев Г. С. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. // Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М.; Л., 1926. С. 155–206 (Работа Габаева была опубликована как приложение к исследованию Преснякова).

4 Н. С. Пестриков работал с документами полкового архива, которые он обильно цитирует. Это тем более ценно, что часть использованных им дел до нас не дошла. Самой существенной потерей, если говорить о декабристоведении, являются материалы полкового следствия, ведшегося учрежденной при полку следственной комиссией, — лишь немногие его итоговые документы были затребованы Следственным комитетом по делу декабристов и сохранились в составе их следственных дел. Г. С. Габаев писал свою работу в то время, когда архивы перевозились из Петрограда в Москву и были недоступны, поэтому он был вынужден опираться на литературу и собственные старые выписки.

5 Это сказалось, в первую очередь, в имевшей место в советском декабристоведении дискуссии о числе человеческих жертв восстания на Сенатской площади. Данные, которые приводил Г. С. Габаев на основании военных архивов, были оспорены таким авторитетным ученым, как академик М. В. Нечкина, считавшая их намеренно заниженными правительственной стороной. Однако материалы РГВИА, как и общие соображения ряда исследователей, подтверждают цифры Габаева.

с течением службы, распоряжений по гвардейскому корпусу за этот период предоставим специалистам по военной истории.

Как известно, накануне воцарения командовавший гвардейской пехотной бригадой великий князь Николай Павлович был непопулярен среди гвардейцев из-за своих требовательности, мелочных придирок и формализма. На это, говоря об истоках ситуации междоусобицы, многократно указывали и современники, и исследователи. Но, пожалуй, одним из самых тонких и проницательных наблюдателей оказался декабрист В. И. Штейнгейль, заметивший, что тут дело было отнюдь не в промахах Николая Павловича, не потрудившегося завоевать симпатии подчиненных. «Вообще в это время вел. князь не имел приверженцев. Строгая справедливость (...) велит сказать, что нельзя ни укорять, ни винить в этом вел. князя. Покойный государь Александр был подозрителен, имея тоже к тому сильный повод. Приобрести любовь, особливо войск, было бы во стороны вел. князя более, нежели политической ошибкою»⁶.

После восстания Николай Павлович не мог не покарать мятежников. Но и слишком широкие репрессии были не в его интересах. Так же как не мог он наказывать тех, кто (хотя бы по видимости) действовали исключительно как приверженцы Константина Павловича.

19 декабря 1825 г. Николай I высочайшим манифестом объявил всех нижних чинов, участвовавших в восстании «как невольны к тому по заблуждению увлеченных» невиновными в государственном преступлении. Те рядовые, кто добровольно вернулся в свои казармы, были таким образом высочайше прощены и впоследствии отправлены заглаживать свой проступок на Кавказ, из них был сформирован лейб-гвардии Сводный полк. Солдаты, пытавшиеся при подавлении восстания оказать сопротивление и схваченные правительственными войсками, были сначала заключены в Петропавловскую крепость, а затем распределены по финляндским крепостям (Выборг, Кексгольм). Об умонастроении и моральном состоянии этих солдат находившийся в Кексгольме подполковник Выборгского пехотного полка Розенштейн 13 февраля рапортовал командующему Отдельным Финляндским корпусом генералу А. А. Закревскому: «Из числа находящихся арестантов в лазарете, двое из оных были весьма трудны, болезнь походила род сумасшествия, которая уже прошла, оные самые рассказывали, что сие приключилось не от чего более как единственно от тоски. Некоторые из арестантов спрашивали наших солдат, что не знают ли оные, что с ними будут делать и почему их до сих пор не приводят к присяге на верность службы. Хотя и было позволено им с конвоем прохаживаться в крепости, но они только один раз ходили, и то не более как четверть часа. Вообще заметно в сих людях большое уныние, особенно в Морском Экипа-

⁶ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма / Сост. Н. В. Зейфман, В. П. Шахеров. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 147.

же, о чем вашему превосходительству всеподданнейше донести честь имею»⁷. Участь этих солдат разрешилась вскорости, они также были включены в состав л.-гв. Сводного полка и отправлены к нему партиями из крепостей. Полк выступил из Петербурга 26 февраля 1826 г., принял участие в двух летних кампаниях, вернулся в столицу 11 декабря 1827 г. и был упразднен, а люди вернулись в прежние полки⁸.

Несколько солдат дополнительно пострадали за участие в восстании. Рядовой л.-гв. Московского полка Иван Матвеев был лишен награды за 20-летнюю беспорочную службу — знака отличия Св. Анны. В связи с этим в конце января 1826 г. командование Гвардейского корпуса распорядилось выяснить, нет ли еще среди рядовых провинившихся полков таких, кого следует лишить знаков отличия. Оказалось, что в л.-гв. Московском полку таковых больше нет, а среди лейб-гренадер — 6 человек и еще один уже умер от ран⁹. Кроме того, один гвардейский солдат был переведен служить в армию. Быть может, таких случаев было больше, но в архивах военного ведомства обнаруживается лишь дело о переводе в армию в феврале 1826 г. рядового Лейб-Гренадерского полка Трофима Черваченко. Наказан он был по совокупности, не только за восстание, но и за дурное поведение: в 1824 г. его дважды порол розгами за ослушание офицера и за кражу подметок у своего товарища по службе¹⁰.

Под суд за 14 декабря были отданы лишь 8 рядовых его участников, причем судили их за совершенные попутно в ходе восстания преступления служебного порядка: оказание прямого неповиновения непосредственному начальству, порчу или потерю знамени и т. п. В отношении рядовых имели место два судных дела, по одному шли унтер-офицер лейб-гвардии Московского полка Александр Луцкий и рядовой того же полка Николай Поветкин, по другому — шестеро нижних чинов лейб-гвардии Гренадерского полка (унтер-офицер Трофим Федотов, барабанщик Федор Трофимов, рядовые Пантелей Долговязов, Данило Соловьев (Сысоев), Семен Рытов и Гаврила Мезенцов. Приговоры по обоим делам были вынесены уже после завершения процесса декабристов, в середине 1827 года, и восемь солдат после телесных наказаний отправились отбывать сибирскую каторгу¹¹.

⁷ РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Д. 19. Л. 8. (Об отправлении в Выборг и Кексгольм содержащихся в Санкт-Петербургской крепости гвардейских полков нижних чинов, участвовавших в происшествии 14 декабря 1825 г.)

⁸ Подробнее об этом см.: Габаев Г. С. Указ. соч. С. 195–197.

⁹ РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 4136 (О лишении награды за выслугу лет рядового л.-гв. Московского полка Ивана Матвеева за участие в восстании 14 декабря 1825 г.).

¹⁰ РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1440 (О переводе солдата л.-гв. Гренадерского полка Трофима Черваченко в армию).

¹¹ Подробнее см. в подготовленном нами очередном томе документальной серии «Восстание декабристов»: Восстание декабристов. Документы. Т. XXI. Дела

О том, как происходили аресты декабристов и солдат-участников восстания, существует обстоятельная литература¹² и нет необходимости здесь к этому возвращаться. Что в то же время происходило в остальной — и основной — части гвардии?

Во второй половине декабря в штабе Гвардейского корпуса занимались тремя проблемами, порожденными 14 декабря: выясняли, где находится недостающий личный состав затронутых восстанием полков, готовили наградные списки, а также устанавливали размер материального ущерба.

Первые представления о награждении были поданы буквально на следующий день после событий на Сенатской площади. 15 декабря командовавший конногвардейцами генерал-майор А. Ф. Орлов и командир кавалергардов генерал-лейтенант Н. И. Депрерадович представили списки офицеров, бывших в строю, с указанием тех из них, кто отличился «в действиях против мятежников» и заслуживает награждения. Затем появились такие же списки и от прочих полков, стоявших на Сенатской на правительственной стороне. Списки эти, как положено, прошли по команде через штаб Гвардейского корпуса, сведения уточнялись и проверялись, но еще до окончания декабря поступили на высочайшее рассмотрение. Для офицеров предусматривались ордена или производство в следующий чин, а для особо отличившихся назначение во флигель-адъютанты¹³. Ордена и производства раздавались щедро, особенно кавалергардам и конногвардейцам (там ордена были даны всем командирам полков, дивизионов и эскадронов, старшим полковникам и полковым адъютантам), и, как отмечал Г. С. Габаев, «замечается некоторое несоответствие их с заслугами перед правительством»; он же указывал, что ни до, ни после того никогда не случалось столь массового назначения в свиту: появилось в общей сложности 20 новых генерал-адъютантов и 40 флигель-адъютантов. Назначения генерал-адъютантов состоялись быстро, до 25 декабря, 39 флигель-адъютантов — до 15 января. Последним, с отсрочкой в полгода, флигель-адъютантские эполеты получил Владимир Иванович Пестель, указ состоялся 14 июля 1826 г., на другой день после казни его брата¹⁴. Традиционно это трактуется в литературе как довольно циничный жест Николая I в адрес семейства Пестелей: казни Павла Пестеля, он как бы такой ценой покупал лояльность его родни. Однако, при этом исследователи обращали внимание только на дату производства, но не на дату представления Владими-

Верховного уголовного суда и Следственной комиссии / Под ред. С. В. Мироненко. Сост. О. В. Эдельман. (В печати).

12 См. например: Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...»: Следствие и суд над декабристами. М., 1988.

13 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1617 (О награждении офицеров и солдат, находившихся в строю 14 декабря 1825 г.). См. также соответствующий раздел работы Г. С. Габаева (Указ. соч. С. 197–201).

14 Габаев Г. С. Указ. соч. С. 197–198.

ра Пестеля. А представлен к производству он был 15 декабря, когда Николай Павлович еще не имел понятия ни о роли Павла Пестеля в тайном обществе, ни уж тем более не предполагал его казни. Ситуация оказывается гораздо более сложной. Мало того, путанице способствует упоминание Владимира Пестеля и в еще одном высочайшем приказе, изданном 7 июля 1826 г. и содержащем разом объявления высочайшего благоволения офицерам, хорошо себя показавшим во время обычных летних маневров под Красным Селом, а также перечень офицеров, прикосновенных к тайным обществам и в качестве наказания переводящихся в провинциальные полки и гарнизоны. Среди отмеченных монаршим благоволением значился командир дивизиона Кавалергардского полка полковник Пестель 3-й¹⁵.

Вероятно, назначение Владимира Пестеля во флигель-адъютанты было отложено до окончания следствия над декабристами, поскольку Николай I боялся попасть в просак: в тех обстоятельствах он вполне имел шанс обнаружить, что новоиспеченный флигель-адъютант тоже принадлежит к числу заговорщиков. Ведь пока готовились наградные документы, арестованный П. И. Пестель был не только привезен в Петербург, но и давал уже показания, и все более очевидной становилась его активнейшая роль в Южном обществе. Дружба двух братьев была известна, у следствия имелись сведения о причастности В. И. Пестеля к ранним декабристским организациям, к тому же его однополчане И. А. Анненков и П. Н. Сви-стун, хотя и были на Сенатской площади на своих местах в рядах полка, но также оказались среди виновных. Неудивительно, что Николай не стал спешить с назначением Владимира Пестеля в свиту, а указ о назначении, последовавший 14 июля, был не столько его «покупкой», сколько гласным и демонстративным объявлением о его невиновности. Кроме того, это был также жест, адресованный и другим родственникам осужденных декабристов. Он означал, что император не собирается преследовать или ущемлять их за родственные связи с государственными преступниками. А Владимиру Пестелю (как и другим в его положении) давали понять, что преданность особе государя и верноподданнические обязательства должны стоять выше чувств к преступному брату.

В наградных списках нет подробного описания того, как именно отличился Владимир Пестель 14 декабря, сказано только, что он «14 числа был послан с эскадром в казармы Морского Экипажа и потом во всю ночь делал разъезды»¹⁶. В столь же общих выражениях описаны были и заслуги других офицеров. По-видимому, ни-

15 Типографский экземпляр высочайшего приказа от 7 июля 1826 г. см., например, в следственном деле поручика И. П. Гудима (ГА РФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 80. Л. 5–6 об.); дело Гудима вошло в находящийся в печати т. XXI документальной серии «Восстание декабристов».

16 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1617. Л. 7.

чего особенного они и не сделали, находились на своих местах, выполняли приказы, на площади попадали под пули. Конногвардейцы и кавалергарды ходили в атаки на каре восставших, атаки по единодушному признанию свидетелей были вялые (официально это объяснялось тем, что лошади не были перекованы на зимние подковы с шипами и отчаянно скользили, был сильный гололед), ликвидировать восстание они не смогли. Кроме того, как известно, конногвардейцы пришли на площадь поздно, А. Ф. Орлову стоило труда вывести их из казарм, где они до неприличия долго собирались. Можно предположить поэтому, что широкая раздача наград была вызвана не столько заслугами этих двух привилегированных гвардейских кавалерийских полков, сколько именно необходимостью для власти раздать награды. Тем самым Николай I создавал видимость того, что гвардия поддержала его более решительно и безусловно, чем то было на самом деле; привязывал к себе офицеров; и даже, наградив сверх реальных заслуг, в некотором роде делал их обязанностями себе, заставлял забыть, что сам только что крайне нуждался в их поддержке.

Среди награжденных особо стоит отметить тех, кто, оказавшись рядом с восставшими, пытался им помешать. Например, поручик лейб-гвардии Московского полка граф Ал. К. Ливен удержал солдат своей роты от участия в восстании, не выпустил их и казарм и хотел остановить и другие роты, при том что, по показаниям нескольких солдат и рапорту командующего 1-й гвардейской пехотной бригадой генерала Исленьева, в полковом дворе А. А. Бестужев грозил Ливену пистолетом¹⁷. Бестужев, впрочем, отрицал, что стрелял по Ливену¹⁸.

Рядовой того же л.-гв. Московского полка Харлам Григорьев спас при начале восстания бригадного командира генерал-майора В. Н. Шеншина. Как известно, Шеншин и полковой командир генерал-майор П. А. Фредерикс останавливали взбунтовавшихся солдат, выбегавших из казарм во двор и оттуда отправившихся на Сенатскую площадь. Чтобы не дать полковому и бригадному командирам пресечь восстание в самом начале, декабрист, штабс-капитан и командир роты этого полка кн. Д. А. Щепин-Ростовский ударами сабли изранил их обоих. Фредерикса он мог зарубить насмерть, если бы не вмешательство солдата Харлама Григорьева. «Когда штабс-капитан князь Щепин-Ростовский ударом сабли поверг на землю бригадного командира генерал-адъютанта Шеншина и продолжал наносить ему удары, в то время г [осподин] бригадный командир защищался ногами и придя уже в совершенное ослабление, не мог более защищаться, тогда Щепин-Ростовский занес саблю поперек корпуса его в намерении нанести сильнейший удар, но роты его высочества стрелок Харлам Григорьев, увидев и бросаясь на помощь его, поставил ружье и тем оборонил от смертельного удара. Генерал-адъютант Шен-

¹⁷ Там же. Л. 27–28.

¹⁸ Восстание декабристов. Т. 1. С. 439.

шин просил его императорское высочество довести сей похвальный поступок стрелка Григорьева до высочайшего его императорского величества сведения. Вследствие чего по личному докладу о сем его императорского высочества государь император высочайше повелеть соизволил: произвести рядового сего в унтер-офицеры, дать ему медаль за спасение человечества и денежное награждение»¹⁹. Харлам Григорьев получил и унтер-офицерский чин, и медаль «За спасение человечества», а денежная награда выразилась в 500 рублях²⁰.

Более скромный поступок, но также снискавший награду, совершил унтер-офицер Гвардейского Экипажа Хорошилов: «Когда его высочество, подъехав к Гвардейскому Экипажу, изволил увещевать людей, — унтер-офицер сего экипажа Василий Хорошилов в то же время, отделяясь от прочих, явился к его высочеству»²¹. Хорошилов мог бы таким образом дать пример, и Михаилу Павловичу удалось бы увести часть солдат с площади. Но они за Хорошиловым не последовали. А Хорошилов получил в награду 150 рублей.

Вообще, офицеров награждали преимущественно орденами и чинами, а рядовых — деньгами. Все рядовые солдаты, стоявшие 14 декабря на караулах на Главной гауптвахте и в губернских присутственных местах, получили в награду по 5 рублей, унтер-офицеры — по 10 рублей; находившиеся на Петровской (Сенатской) площади — рядовые по 50, унтер-офицеры по 100 рублей, у казарм Московского полка — рядовые по 50, унтер-офицеры по 300 рублей (всего на эти награждения было ассигновано 4425 руб.)²². Все рядовые, бывшие 14 декабря в строю в рядах правительственных войск и в городских караулах, их было 14 118 человек, получили по 2 рубля деньгами каждый. Кроме того, каждому из них был выдан дополнительный паек — по 2 чарки водки и по 2 фунта рыбы. Нижним чинам частей, вызванных в день

¹⁹ Отношение великого князя Михаила Павловича командующему Гвардейским корпусом генерал-адъютанту А. Л. Воинову, 2 апреля 1826 г. (РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1862. Л. 2–2 об.: О награждении унтер-офицера лейб-гвардии Московского полка Х. Григорьева за спасение бригадного командира генерал-адъютанта Шеншина от покушения на него штабс-капитана полка кн. Щепина-Ростовского во время восстания 14 декабря 1825 г.).

²⁰ О награждении Ливена и Х. Григорьева упоминает автор полковой истории: Пестриков Н. С. Указ. соч. Т. 2. С. 24, 27, 46.

²¹ РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1747. Л. 2–2 об. (О выдаче наградных денег унтер-офицеру Гвардейского Экипажа Хорошилову).

²² РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 2119. Л. 8–12. (О выдаче наградных денег солдатам гвардии, участвовавшим в подавлении восстания 14 декабря 1825 г.). По сведениям Г. С. Габаева, у Московских казарм в тот день стоял караул от л.-гв. Павловского полка, его начальник унтер-офицер Тюриков получил 300 рублей, а на остальных чинов караула — 24 человека — выделялась на всех 1000 рублей. В карауле на Сенатской площади находилось 3 унтер-офицера и 37 рядовых (Габаев Г. С. Указ. соч. С. 200), они, также как несшие караулы Зимнего дворца и Главной гауптвахты, были от л.-гв. Финляндского полка. Всего по городу в караулах было 26 рот, около 4000 человек (Там же. С. 180–181).

восстания из-за города, дано по 1 рублю, 1 чарке водки и 1 фунту рыбы²³. Причем военный министр генерал-адъютант А. И. Татищев сообщил 25 декабря командующему гвардейским корпусом высочайшее повеление, чтобы деньги было розданы солдатам «сегодня же», на это было отпущено 36836 рублей ассигнациями²⁴.

Благодарностью Николая Павловича был отмечен л.-гв. Конно-пионерный эскадрон и находившийся в одном дивизионе с ним 1-й Конно-пионерный (не гвардейский) эскадрон. По высочайшему повелению, отличившиеся рядовые дивизиона должны были получить по 30 рублей, унтер-офицеры по 40 руб., фельдфебель — 50 руб., всего для этого ассигновалось 1710 руб.²⁵

Что касается первой пришедшей на помощь Николаю части, л.-гв. Саперного батальона, то там все бывшие 14 и 15 декабря в строю офицеры были премированы годовым жалованьем²⁶. А рядовому составу л.-гв. Конного полка новым государем был повышен оклад жалованья, их сравняли с самым привилегированным в этом отношении полком — Кавалергардским²⁷.

Особые денежные выплаты получили солдаты, раненые в ходе восстания. Размер сумм колебался от 25 до 300 рублей в зависимости от тяжести ранения, величины определялись круглые — 25, 50, 100, 200, 300 рублей. Самую крупную награду за ранение — 500 рублей — получил рядовой л.-гв. Конного полка Карп Хватов, раненый пулей в плечо и лишившийся руки; также ему была назначена пожизненная пенсия в 500 рублей в год. Равного размера пенсию определили и вдове убитого в тот день конногвардейского унтер-офицера Антипина²⁸.

Среди награжденных раненых были два солдата-московца — унтер-офицер Иван Моисеев (Мосеев) и гренадер Красовский, «ранены мятежником князем Щепиным-Ростовским за то, что не отдавали знамя, первый саблею в голову, а последний в живот с выпадением сальника»²⁹. Они, как пострадавшие от мятежников, также были

награждены достаточно крупной суммой — по 300 руб. каждому³⁰, несмотря на то, что Щепин-Ростовский на первом допросе, снятом генералом В. В. Левашовым, сообщил, что раненый им Красовский объявил ему: «В<аше> с<иятельство>, вы ошиблись; я за Им<ператора> Констан<тина>» и отправился вместе с восставшими³¹.

Примечательно, что впоследствии были отмечены и лечившие раненых лекаря. Штаб-лекарь л.-гв. Московского полка Финдейзен получил орден Св. Анны 3-й степени за усердное лечение раненых и смотрение за полковым госпиталем, особенно же за «деланное пособие в совершенном излечении рядового одного полка, получившего во время случившегося 14 декабря происшествия от рук того л.-гв. Московского полка князя Щепина-Ростовского [ранение] саблею, которою распорол всю внутренность брюха»³². Вылечил от такой раны Финдейзен, очевидно, Андрея Красовского. Такую же награду, орден Св. Анны 3-й степени, Николай I определил и штаб-лекарю Кавалергардского полка Сильванскому, который 14 декабря «неотлучно находился при полку, подавал помощь раненым, и когда командир л.-гв. Гренадерского полка полковник Стюрлер был ранен мятежниками, то он первый из лекарей подал ему тут же на месте помощь»³³. К тому же Сильванский исполнял обязанности уехавшего с Александром I в Таганрог старшего полкового лекаря Рейнгольда, а лазарет Кавалергардского полка был одним из мест, куда свозили раненых во время восстания.

Перечисленным весь список награжденных за ликвидацию «происшествия» 14 декабря не исчерпывается. Не только бывшие в строю офицеры и солдаты, раненые, лекаря, полковые адъютанты — награды удостоился даже квартирмейстер л.-гв. Павловского полка Панов, получил по высочайшему приказу 800 руб. ассигнациями за то, что не дожидаясь приказа, привез в полк хлеба и выполнял свои квартирмейстерские обязанности³⁴. Очевидно, что Николай I намеренно раздавал награды сколь возможно щедро.

23 Габаев Г. С. Указ. соч. С. 197; РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 2119. Л. 13.

24 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 2119. Л. 10. О том, чтобы все награды были розданы без промедления, командование Гвардейского корпуса следило. Когда позже выяснилось, что два раненых конногвардейских унтер-офицера получили причитающиеся каждому 100 рублей с задержкой, только в марте месяце, о причинах промедления в штабе корпуса возникла специальная переписка. Оказалось, что так произошло по желанию самих награжденных, решивших получить деньги после выписки из госпиталя (Там же. Л. 2–6).

25 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1648 (Об отпуске денег солдатам л.-гв. Конно-пионерного эскадрона, отличившимся во время происшествия 14 декабря 1825 г.).

26 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1636 (О выдаче годового жалованья штаб- и обер-офицерам л.-гв. Саперного батальона).

27 Габаев Г. С. Указ. соч. С. 199.

28 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1616 (О выдаче пенсий семье убитого унтер-офицера л.-гв. Конно-пионерного эскадрона Антипова и солдату л.-гв. Конного полка Хватову).

29 «Список убитых и раненых нижних чинов 14 числа сего декабря», составлен-

ный по-видимому 16 декабря 1825 г. (РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1611. Л. 8–11: О предоставлении командирами гвардейских частей ведомостей и списков солдат, раненых, убитых и пропавших без вести во время восстания 14 декабря 1825 г.).

30 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 2119. Л. 11–12.

31 Восстание декабристов. Т. 1. С. 397–398. Однако если верить описанию раны А. Красовского, он вряд ли физически мог встать в ряды восставших и пойти с ними. В показаниях Д. А. Щепина-Ростовского встречаются фактические неточности, что неудивительно, учитывая бурные события того дня и желание декабриста оправдаться.

32 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1688. Л. 2 (О награждении штаб-лекаря л.-гв. Московского полка Финдейзена).

33 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1684. Л. 2 (О награждении по службе штаб-лекаря Кавалергардского полка Сильванского).

34 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1635 (О награждении квартирмейстера л.-гв. Павловского полка Панова за участие в подавлении восстания 14 декабря 1825 г.).

Но, вместе с тем, нельзя было и допустить девальвации этих наград. Поэтому, когда речь шла о награждении не по должности, а за какие-либо поступки, случаи эти так или иначе проверялись. Самую обстоятельную из известных нам проверок такого рода повлекло заявление фейерверкера Белорусова. Фейерверкер кронштадтского артиллерийского гарнизона Белорусов объявил по команде, что именно он опознал и помог задержать переодетого Н. А. Бестужева, пытавшегося спрятаться в Кронштадте после восстания. Белорусов рассчитывал на награду. Получив через генерал-фельдцейхмейстера в. кн. Михаила Павловича записку о Белорусове, руководство Главного штаба прежде всего озаботилось проверкой, действительно ли Белорусов заслуживает награды. Дежурный генерал А. Н. Потапов (сам член Следственного комитета по делу декабристов) обратился к возглавлявшему Следственный комитет военному министру А. И. Татищеву, с тем, чтобы от Н. А. Бестужева потребовали подробных показаний об обстоятельствах его ареста (возможно, возникло подозрение, что Белорусов мог быть с ним в сговоре, но затем выдал его властям). В Кронштадте же местной полицией было произведено целое следствие, допрошены все домочадцы и квартиранты Белорусова (Н. А. Бестужев был арестован в их доме, где попросил ночлега), затребованы рапорты местных полицейских чинов. Результатом этого разбирательства стали два дела — одно хранится в архиве Следственного Комитета, второе — в фонде Канцелярии дежурного генерала Главного штаба³⁵. Удостоверившись в обстоятельствах, Николай I распорядился выдать Белорусову одновременно сто рублей³⁶.

Между тем, командование гвардии столкнулось в результате восстания 14 декабря не только с необходимостью проводить аресты и возможностью представлять к наградам. Прежде всего, требовалось элементарно выяснить положение дел, и в первую очередь — где находится личный состав восставших полков. Сколько солдат осталось в казармах (то есть сохранило повиновение командованию), сколько ушло на Сенатскую площадь, кто из них вернулся к вечеру в казармы, а кто отсутствует и где они находятся; число убитых и раненых; наконец, материальный ущерб, нанесенный восстанием — все это надо было установить. Занимался сбором сведений штаб Отдельного гвардейского корпуса, туда стекалась информация из полков. В архивном фонде штаба хранятся два дела на этот счет, до сих пор не публиковавшихся и практически не использовавшихся в декабристоведении³⁷.

35 ГА РФ. Ф. 48. Д. 274; РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Св. 14. Д. 50 (оба дела носят одинаковые названия: «О фейерверкере Белорусове, содействовавшем к поимке Николая Бестужева»).

36 РГВИА. Ф. 36. Оп. 4. Св. 14. Д. 50. Л. 30–31.

37 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1611, 1612. Большинство документов обоих дел (за исключением малозначащей канцелярской переписки) включено нами

Известно, что после картечных выстрелов на Сенатской площади солдаты восставших полков разбежались, часть их вернулась в свои казармы, часть была арестована и отправлена в Петропавловскую крепость; наконец, некоторые оказались в госпиталях или убитыми. Но проблема была в том, чтобы свести воедино и сопоставить списки по всем этим категориям. 15 декабря в трех гвардейских полках, Московском, Гренадерском и Морском Экипаже, знали лишь, сколько людей находится в казармах. Остальные числились неявившимися. Большинство из них находилось в крепости или госпиталях, но полковое начальство еще не получило их списков. Таким образом, 15 декабря от полков в Штаб гвардейского корпуса сообщалось: из л.-гв. Гренадерского — что накануне ушло из казарм унтер-офицеров 91, музыкантов 52, рядовых 1100, вечером больше половины вернулись в казармы, в том числе 11 ранеными, не вернулись 55 унтер-офицеров, 27 музыкантов и 493 рядовых³⁸, сведений об убитых пока не было; в Гвардейском Экипаже числили убитыми 3 рядовых и одного музыканта, ранеными 25 рядовых и одного унтер-офицера, не явившихся — 8 унтер-офицеров, 71 рядового и лейтенанта М. К. Кюхельбекера³⁹. На следующий день, 16 декабря, поступили сведения из л.-гв. Московского полка: «В полку убитых не имеется, сколько же убито со стороны мятежников, полку неизвестно, о раненых же при сем препровождается именной список». Раненых числилось — генерал Фредерикс, полковник Хвоцинский, унтер-офицер Иван Мосеев и гренадер Андрей Красовский, т. е. все раненые на полковом дворе Д. А. Щепиным-Ростовским. Кроме того, в полк явились трое раненых рядовых, бывших в рядах восставших. На 15–16 декабря в полку числилось в отлучке 350 человек рядовых, 27 унтер-офицеров, 4 музыкантов и 1 нестроевой чин⁴⁰. В полках понимали, несомненно, что не вернувшиеся в казармы люди скорее всего находятся в крепости. Но точных списков пока не имели.

Тем временем были получены сведения от коменданта Петропавловской крепости, пересчитавшего своих арестантов. Приходили и рапорты от госпиталей о находящихся там раненых солдатах. 17 декабря в Штабе гвардейского корпуса составили первый сводный список, в котором заметно много неясностей и противоречий. Видимо, занимавшийся этой работой полковник гвардейского штаба Зуйков быстро осознал, что, оперируя общими цифрами о количестве рядовых, унтер-офицеров и музыкантов каждого полка, до-

в подготовленный для публикации очередной том «Восстания декабристов» (Т. XXI, в печати).

38 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1612. Л. 15–18. Впрочем, в полку полагали, что в число не явившихся вошли и находящиеся на карауле в Зимнем дворце (унтер-офицеров 29, музыкантов 24, рядовых 82).

39 Там же. Л. 20–22.

40 Там же. Л. 6–10.

биться ясности не удастся, поэтому 19 декабря из полков были представлены первые варианты поименных списков солдат, по ротам. С этого момента учет и поиск велся уже не по общему количеству людей, но поименно. На списках осталось множество рабочих помет, сделанных рукой полковника Зуйкова. Он отмечал, что тот или иной солдат обнаружился в крепости, уточнял имена, в конце каждого ротного списка подводил итог, затем своей рукой написал ведомость о числе нижних чинов в крепости и госпиталях⁴¹. Но уже 20–21 декабря он составил обновленную версию — «Ведомость о числе людей, не явившихся в полки Гвардейского корпуса после 14 декабря, где сколько из них оказалось и затем сколько недосчитывается по представленным спискам»⁴². Теперь выходило следующее: не явившихся в казармы было москвичей 385, лейб-гренадер 276, гвардейских моряков 92, всего 753. Из них в крепости оказались 667 человек, в госпиталях 48, убито и умерло от ран 5, «затем действительно недосчитывается» 33 человека⁴³. Зуйков составил именной перечень этих, действительно отсутствовавших, солдат⁴⁴. В нем, впрочем, значится не 33, а 35 человек. Вскоре около 10 имен были сделаны приписки, что люди нашлись в крепости, куда были привезены с разных гауптвахт несколько дней спустя после восстания (отчего и возникла неразбериха), один умер в Придворном госпитале (а не в военных, сведения из которых поступили в штаб Гвардейского корпуса), двое оказались налицо при полку. В итоге недоставало 25 человек. На них 22 декабря из полков были затребованы подробные сведения из формулярных списков: откуда родом, холост или женат, где проживает семья. 24 декабря командующий Гвардейским корпусом препроводил списки пропавших солдат со всеми этими сведениями к петербургскому военному генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, прося «сделать зависящее с вашей стороны распоряжение к поимке их по приметам, в списке означенным»⁴⁵. Таким образом, гвардейское командование искало этих солдат среди живых, а не среди мертвых.

Представляется, что в штабе Гвардейского корпуса были близки к истине, полагая этих солдат беглыми, ведь есть и показания участников восстания, и свидетельства очевидцев, что солдаты, разбегаясь, бросали оружие, амуницию, снимали с себя обмундирование и переодевались в гражданскую одежду. Среди собранного на улицах Петербурга полкового имущества, действительно, были предметы форменной одежды, в том числе солдатские штаны; и если еще

41 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 1611. Л. 5–5 об.

42 Там же. Л. 6–7.

43 Все эти ведомости — черновые, цифры в них зачастую переправлены, а суммы кое-где не совпадают.

44 Там же. Л. 16–16 об.

45 Там же. Л. 30.

можно предположить, что те или иные детали костюма бежавшие в панике солдаты просто теряли (рукавицы, ремни, шапки), то про штаны этого никак не подумать нельзя. Однако, документов, проясняющих судьбу пропавших без вести солдат, в делах штаба Гвардейского корпуса не обнаружено. Неясно, нашли ли кого-то из них впоследствии.

Разбросанное по улицам столицы полковое казенное имущество было еще одним пунктом головной боли гвардейского начальства. Дней десять после восстания его собирала повсюду полиция. Речь шла не только о казенной амуниции, но и о весьма значительном количестве оружия. По подписанной 30 декабря 1825 г. исполняющим обязанности столичного военного губернатора П. В. Голенищевым-Кутузовым ведомости полковым вещам, собранным в 1-й и Васильевской частях Петербурга, ружей значилось 225 (из них «более 38» были заряжены), тесаков 162⁴⁶, и это не полные данные. Собранные вещи свозили в полицейские части, на караулы и гауптвахты, передавали в столичный ордонансгауз, в дежурство Гвардейского корпуса, туда являлись представители полков и разбирали вещи. Сюжет этот не заслуживал бы особого внимания (хотя, безусловно, перечни потерянных и брошенных бежавшими солдатами предметов дополняют ярким штрихом историю восстания 14 декабря), если бы не встал вопрос о возмещении нанесенного восстанием материального ущерба.

Процесс составления списков утраченного и поврежденного казенного имущества во всех трех полках занял много времени, существует несколько вариантов таких перечней⁴⁷. Наконец, 29 марта 1826 г. в штабе Гвардейского корпуса появилась итоговая сводная ведомость⁴⁸. На следующий день командующий корпусом генерал-адъютант А. Л. Воинов сообщил командующему гвардейской пехотой генерал-адъютанту К. И. Бистрому, что представленные перечни вызывают у него большое сомнение: там видны явные несоразности, например, странно, что утраченных ружейных замков числится больше, чем утраченных ружей, и т. д. Да и общее число утраченных вещей показалось Воинову подозрительно большим, он дал Бистрому распоряжение разобраться в этом вопросе⁴⁹. По-видимому, высшее гвардейское начальство заподозрило, что полковники пытаются под видом ущерба от восстания списать все свои накопившиеся недостачи. 17 апреля К. И. Бистром получил ра-

46 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 883. Л. 9 (Дело штаба Отдельного гвардейского корпуса по переписке с командирами гвардейских частей и петербургским комендантом о сдаче в штаб корпуса оружия, подобранного полицией после восстания 14 декабря 1825 г.).

47 РГВИА. Ф. 14664. Оп. 1. Д. 890. Л. 4–18 (Об утраченных полками л.-гв. Московским, Гренадерским и Гвардейским Экипажем во время происшествия 14 декабря 1825 г. вещам).

48 Там же. Л. 19–20 об.

49 Там же. Л. 21.

порт от командира л.-гв. Московского полка Фредерикса, который утверждал, что преувеличений в ведомостях нет, напротив, утраченных 14 декабря вещей оказывается даже больше, чем показано в ведомости. В этом же рапорте Фредерикс предлагал все материальные убытки взыскать с ротных командиров, виновных в восстании⁵⁰. Идея эта была принята, стало быть, убытки должны были быть вменены декабристам. Полки продолжали утрясать ведомости и уточнять размер ущерба. Вслед за Московским, лейб-Гренадерский полк и Гвардейский экипаж также подали объяснения, из которых следовало, что количество утраченных вещей заявлено обоснованно⁵¹. Была выведена общая по трем полкам оценка утраченного казенного имущества. Сумма, которая должна была быть взыскана с декабристов, составила 12 213 руб. 93 коп.⁵²

Но на этом переписка об определении действительного количества и реальной стоимости утерянного имущества не закончилась, она тянулась еще год. Видимо, верховное командование все же считало полковые списки дутыми. Во всяком случае, 22 марта 1827 г. К. И. Бистром вновь писал вел. кн. Михаилу Павловичу, защищая полковых командиров. Он объяснял, что столь значительная потеря вещей связана с тем, что восставшие солдаты, убегая с Сенатской площади, прятались, переодевались и бросали свои форменные вещи и оружие, и никаких приписок со стороны полковых командиров, по его мнению, здесь нет⁵³. Однако, — продолжал Бистром, — дело уже решено начальником Главного штаба И. И. Дибичем. На предложение взыскать стоимость утраченного имущества с зачинщиков восстания опытный службист Дибич возразил, что такого размера потери имущества произошли не из-за мятежников, а потому, что полки не приняли своевременно должных мер по сбору оружия и вещей. Они предпочли дожидаться, когда это проделает полиция, проявив тем самым нерадивость. Кроме того, Дибич напомнил об изданном уже 22 августа 1826 г. высочайшем манифесте, согласно которому все оставшиеся за декабристами казенные денежные претензии по их прежней службе наследникам их прощались, а полкам суммы компенсировались из казны. По мнению начальника Главного штаба, претензии гвардейских полков должны быть подведены под этот манифест.

Представляется, что распоряжение Дибича не могло не быть согласовано с императором. А Николай I из соображений политических вряд ли был в восторге от идеи взыскать указанные суммы с зачинщиков восстания. Более того, он уже сделал несколько важных жестов в противоположном направлении, и манифест 22 августа был в их числе. Сами декабристы, как известно, приговором ли-

шались всех прав состояния, их имения переходили к наследникам, как если бы они умерли. Таким образом, взыскание казенных долгов обратилось бы также на наследников, родственников декабристов. Со стороны Николая I аннулирование казенных долгов осужденных было не только жестом, призванным продемонстрировать монаршее великодушие, но и актом простой справедливости. Денежное и имущественное хозяйство полка того времени представляло собой настолько сложную и запутанную систему, полковые командиры имели вполне легальное право вести дела полка отчасти на коммерческой основе (скажем, купив припасы по одной цене, при колебании цен сыграть на этом, перепродать их и купить другие с выгодой для полковых сумм; пустить в продажу старых лошадей и формально выслужившие свой срок вещи и т. д.). Поэтому внезапный арест полкового командира (что и произошло с некоторыми декабристами) в большом числе случаев мог обнаружить денежную недостачу просто потому, что деньги в тот момент находились где-то в обороте. Если прибавить к этому весьма путаную систему учета и отчетности, ясно, что до конца распутать финансовые обстоятельства полка после ареста командира было столь же сложно, как и арестованному полковнику, сидя в крепости, оправдаться: оставайся он при своей должности, он бы изыскал возможность привести денежные дела в порядок. Николай I, по-видимому, решил строго дозировать кары и не пугать без необходимости всех в армии полковых командиров. Они должны были уяснить: мелкие комбинации с казенными суммами — это одно, участие в политическом комплоте — совсем другое.

С другой стороны, после осуждения декабристов Николай I распорядился навести справки об имущественном положении их родственников, и в случае, если те с осуждением родственника лишились кормильца, или же находятся в тяжелом положении из-за расстройств имений, оказать им помощь. Целому ряду семей (как правило, престарелым матерям, сестрам) было назначено казенное пособие в виде пенсии. Причем в число получивших его вошла, к примеру, мать Д. А. Щепина-Ростовского. Это также должно было улучшить образ нового императора в глазах дворянского сословия. И на этом фоне взыскание с виновников 14 декабря казенных претензий было бы неуместно.

Восстанавливая отношения с гвардией после своего воцарения, Николай I избрал достаточно гибкую и тонкую тактику, вопреки сложившемуся о нем прежде мнению как о командире мелочном и придиричвом (или, быть может, как раз это мнение он имел в виду и старался скорректировать). Он эффективно дозировал суровые кары и щедрые раздачи наград и милостей, демонстрировал справедливость и великодушие. И эта политика оказалась вполне успешной: более проблем с неповиновением гвардии на протяжении его царствования не случалось.

⁵⁰ Там же. Л. 23–24.

⁵¹ Там же. Л. 27–30.

⁵² Там же. Л. 36–37 об.

⁵³ Там же. Л. 60–61.

Г. Н. БИБИКОВ

ИНСТРУКЦИЯ ЖАНДАРМАМ 1827 ГОДА ПО КОНТРОЛЮ ЗА НАБОРОМ РЕКРУТОВ

В 1826–1827 гг. по инициативе императора Николая I жандармские формирования Российской империи постепенно объединяются в единый Корпус жандармов. Входившие ранее в состав Отдельного корпуса внутренней стражи и подчиненные командирам гарнизонных батальонов, губернские, портовые и крепостные жандармские команды получают нового командующего в лице шефа жандармов. В первые годы существования жандармского корпуса определяется его структура, а также компетенция жандармских генералов, штаб- и обер-офицеров. В апреле 1827 г. Европейская Россия была разделена на 5 жандармских округов; в непосредственном подчинении начальников округов оказались начальники отделений (штаб-офицеры), каждому из которых оперативно подчинялись несколько губернских жандармских команд. Сразу после своего утверждения в новых должностях в 1827 г. жандармские чины призваны были обеспечить контроль за проведением первого в николаевское царствование рекрутского набора, начало которого манифестом от 26 августа было назначено на 1 ноября. Привлечение жандармов к этой деятельности свидетельствовало о доверии со стороны императора и о росте значения жандармского корпуса в осуществлении внутренней политики.

Для правительства не было секретом, что рекрутские наборы создают благоприятную почву для многочисленных злоупотреблений. Реформирование системы комплектования вооруженных сил виделось Николаю I важнейшим звеном общей военной реформы, осуществление которой было отложено на 1830-е гг. ввиду участия армии в войнах 1826–1831 гг.

Еще за несколько месяцев до начала 91-го рекрутского набора было принято решение о привлечении вновь назначенных генералов

и штаб-офицеров жандармского корпуса к его проведению. 19 сентября 1827 г. шеф жандармов А. Х. Бенкендорф получил отношение начальника Главного штаба барона И. И. Дибича, излагавшее указание Николая I об участии жандармов в контроле за ходом рекрутского набора: «Государь император высочайше повелеть соизволил: сделать распоряжение по Корпусу жандармов, чтоб штаб-офицеры оного, при производстве объявленного 91 набора, входили в те рекрутские присутствия¹ по вверенным им отделениям, где они в сие время находиться будут и наблюдали за действиями по приему рекрут. На обязанность их возложить, бдительный надзор за точным исполнением законоположений и высочайше утвержденных правил, и если заметят в чем-либо отступление, или изменение, то должны доносить о том немедленно»². По мысли Николая I, переданной Бенкендорфу через Дибича, полномочия жандармских офицеров в ходе рекрутских наборов сводились к функциям контроля.

Еще до получения предписания императора шеф жандармов распорядился составить аналитическую записку «О злоупотреблениях при рекрутских наборах». Именно эта записка, публикуемая ниже, послужила основой для составления соответствующей инструкции жандармским офицерам. Ознакомившись с ее текстом, шеф жандармов сделал пометку: «Сочинить инструкцию нашим штаб-офицерам; к завтрашнему дню». Такая оперативность была связана с необходимостью в кратчайшие сроки определить и зафиксировать компетенцию жандармов в ходе предстоящего рекрутского набора.

К 19 сентября, когда в штабе Корпуса жандармов было получено отношение Дибича, инструкция уже была составлена. Бенкендорф направил ее при рапорте Дибичу 29 сентября и озаглавил как «Проект предписания гг. генералам, штаб- и обер-офицерам вверенного мне корпуса, на случай предстоящего рекрутского набора». Одновременно он просил заранее известить начальство тех ведомств, чиновники которых заседают в рекрутских присутствиях, о новых правах жандармских офицеров.

От Дибича проект инструкции поступил на рассмотрение Николая I. Император ввиду обстоятельств не склонен был медлить

¹ С началом очередного рекрутского набора в губернии создавался распорядительный орган — рекрутский комитет и исполнительные — рекрутские присутствия. Присутствия учреждались в каждом «приемном месте», которых полагалось не более 4 в губернии. В губернском городе присутствие составлялось, под председательством председателя казенной палаты, из местного губернского предводителя дворянства, советника казенной палаты, управлявшего её ревизским отделением, военного приемщика и медицинского чиновника; в уездном городе — из местного уездного предводителя дворянства, предводителя дворянства ближайшего приписного уезда, городничего, военного приемщика и медицинского чиновника (председательство возлагалось на старшего в чине предводителя).

² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 15. Л. 7–7 об.

с ее утверждением. Однако текст документа не в полной мере соответствовал его взгляду на роль жандармских офицеров в ходе предстоящего рекрутского набора, и он потребовал от Бенкендорфа включить в него предписание, которое заметно меняло компетенцию жандармского офицера. Если по первоначальному проекту Бенкендорфа жандармский офицер должен был в случае получения жалоб сноситься с местным начальством в лице председателя рекрутского присутствия, то после дополнения Николая I он получил возможность напрямую обращаться к представителям императора — его флигель-адъютантам, находящимся в губерниях для наблюдения за приемом рекрутов³.

Шеф жандармов вскоре представил проект инструкции, дополненный вставкой: «По высочайшему повелению в каждой губернии будет находиться во время рекрутского набора флигель-адъютант его величества, которого вы должны извещать о всех злоупотреблениях по сей части, до вас дошедших»⁴. Затем этот вариант был несколько доработан в Инспекторском департаменте Военного министерства, чтобы наиболее точно передать распоряжение императора.

По сути дела, данная инструкция, санкционированная императором, вводила в состав рекрутского присутствия независимое наблюдающее и контролирующее лицо. Жандармские чины не имели права вмешиваться в ход рекрутского набора, вступать в переписку по поводу нарушений с губернским начальством, однако они имели возможность оперативно доносить обо всех злоупотреблениях присутствующему в губернии флигель-адъютанту и прямо в Петербург шефу жандармов.

Инструкция за подписью Бенкендорфа была опубликована как циркулярное предписание Инспекторского департамента Военного министерства генералам, штаб- и обер-офицерам Корпуса жандармов. Однако вскоре стало ясно, что начальников округов, отделений и штаб-офицеров из окружных управлений не хватит для наблюдения за всеми губернскими, а тем более и некоторыми уездными рекрутскими присутствиями. С этой целью Бенкендорф направил начальникам жандармских округов предписание посылать в эти присутствия адъютантов начальников отделений и снабжать их той же инструкцией.

Очень скоро возникло и другое недоразумение. Текст инструкции был неверно истолкован отдельными начальниками отделений, которые по ее получении отдали распоряжения начальникам жандармских команд войти в рекрутские присутствия. Ряд начальников жандармских команд также истолковали инструкцию таким образом. Из штаба Корпуса жандармов последовали

3 Там же. Л. 12–12 об.

4 Там же. Л. 21 об.

разъяснения, что инструкция «к начальникам губернских команд не относится, а по сему вы и не должны входить в рекрутское присутствие, а тем не вмешиваться в распоряжения оного, без особого на то предписания своего начальства. Но если дойдут до вас сторонним образом точные и достоверные сведения о каких-либо злоупотреблениях и беспорядках по рекрутскому набору, то в таком случае можете доносить о сем частными только записками господину шефу жандармов в С.-Петербург»⁵. Такие временные меры были необходимы на тот момент, когда система жандармского контроля над рекрутскими наборами только формировалась.

Уже при исполнении описанных в инструкции обязанностей жандармские офицеры, особенно адъютанты начальников отделений из числа обер-офицеров, столкнулись с множеством затруднений, вызванных тем, что губернские чиновники и гарнизонные командиры не признавали их права на присутствие при наборе и освидетельствовании рекрут⁶. Такая картина наблюдалась и в следующие годы, так что 5 ноября 1829 г. Министр внутренних дел на основании обращения Бенкендорфа «был вынужден приказать губернаторам допускать офицеров в присутствия, констатировав, что право это вытекает из имеющихся у жандармов инструкций»⁷. В последующие годы право жандармских офицеров входить в рекрутское присутствие подтверждалось циркулярными предписаниями Инспекторского департамента и было окончательно узаконено в Рекрутском уставе, принятом 28 июня 1831 г. К этому моменту в результате преобразования организационной структуры жандармского корпуса данные функции перешли к губернским штаб-офицерам и их адъютантам (звено начальников отделений было ликвидировано), что позволило охватить жандармским надзором подавляющее большинство присутствий.

В 1830-е гг. в ходе реализации программы по реформированию военного ведомства полномочия жандармских офицеров по контролю за рекрутскими наборами были усилены. В 1834 г. «государь император высочайше повелеть соизволил: чтобы губернские жандармские штаб-офицеры и состоящие при них за адъютантов обер-офицеры, имели во всякое время (подчеркнуто в тексте приказа. — Г. Б.) вход в рекрутские присутствия, для наблюдений, как при наборах по высочайшим манифестам, так и впоследствии часто производящимся, действуя во всяком случае согласно дан-

5 Там же. Л. 44–44 об.

6 См.: ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 147 («О притеснениях со стороны внутренней стражи»).

7 Романов В. В. Компетенция жандармских штаб-офицеров в губерниях во второй половине 20-х-50-е гг. XIX в. // Проблемы российской государственности: вопросы истории, теории, практики. Сб. науч. тр. / Отв. ред. Р. Л. Хачатуров. М., 2004. С. 101.

ной им по сему предмету инструкции»⁸. До 1834 г. право жандармов на присутствие при рекрутском наборе каждый раз подтверждалось специальным «высочайшим разрешением», которое действовало только в период проведения набора. Однако и в течение года присутствия периодически открывались для приема рекрутов в зачет будущих наборов и рекрутов из числа т. н. «охотников». С 1834 г. жандармы получили право беспрепятственно и в любое время входить в рекрутские присутствия и стали в них обязательными лицами.

Кроме того, в 1835 г. Николай I согласился на предложение Бенкендорфа, чтобы во время нахождения в рекрутском присутствии жандармские офицеры имели в передних комнатах одного или двух нижних чинов жандармских команд «под предлогом сохранения в многолюдстве полицейского порядка, но с тою истинною целью, чтобы оставаясь во все время приема, они могли незаметным образом наблюдать за отдатчиками и действиями некоторых чиновников, навлекающих на себя подозрение частыми выходами из присутствия в передние комнаты»⁹.

Инструкция 1827 г. с отдельными дополнениями действовала до конца николаевской эпохи. Новые «Правила для руководства штаб-офицерам Корпуса жандармов при рекрутских наборах» были утверждены шефом жандармов князем В. А. Долгоруковым в 1856 г.¹⁰ В. В. Щепетильников в своем исследовании «Комплектование войск в царствование императора Николая I» приходит к выводу, что в николаевское время число бежавших и заболевших по время препровождения к месту службы рекрутов было сведено к минимуму, «неплохо были обеспечены рекруты и предметами довольствия»¹¹. Очевидно, определенную роль в достижении этого результата сыграли и жандармские офицеры.

Публикуемые ниже документы хранятся в Государственном Архиве Российской Федерации в фонде штаба Отдельного корпуса жандармов. Записка «О злоупотреблениях при рекрутских наборах» публикуется по рукописному тексту (ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 15. Л. 1–3 об.). Текст инструкции генералам, штаб- и обер-офицерам Корпуса жандармов по случаю 91-го рекрутского набора публикуется по печатному оттиску (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 15. Л. 22–22 об.). В публикации сохранены стиль и особенности написания подлинников с сохранением подчеркиваний оригинала.

⁸ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 212. Л. 4.

⁹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 275. Л. 2.

¹⁰ См.: ГА РФ. Ф. 109. 1 экзп. Оп. 7 (1832). Д. 373.

¹¹ Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. IV. Кн. 1. Отд. II. Исторический очерк. Комплектование войск в царствование императора Николая I. Составил В. В. Щепетильников. СПб., 1907. С. 241.

г. Записка

«О злоупотреблениях при рекрутских наборах».

Злоупотребления при рекрутских наборах главнейшие суть:

1. пристрастный разбор очередей на месте.
2. происки и подкупы от отдатчиков, представляющих рекрут;
3. лекарский осмотр.
4. обмундирование рекрут

г. РАЗБОР ОЧЕРЕДЕЙ¹²

В 1805 или 807 году издан прекраснейший закон¹³ о повсеместном учреждении пятисотных участков¹⁴, для такого распределения рекрутских очередей, которое бы отсекало все злоупотребления насилий и произвола и делало, вместе, все движение набора простее и легче.

¹² В труде А. Ф. Редигера подробно описана суть очередной системы отбора рекрут:

«1. Все семейства данного участка вносятся в очередные списки, по порядку числа состоящих в них работников, причем работниками считаются все способные к труду в возрасте 18–60 лет.

2. Семейства дают рабочих по очереди, начиная с многорабочих; имеющие всего одного рабочего (одиночки) вовсе освобождаются от поставки рекрут. Семьи, имеющие более 4-х работников, были обязаны ставить и второго рекрута ранее, чем очередь доходила до семейств, имевших в 2 раза меньшее число работников, а семейства, имевшие более 7-ми работников — еще третьего рекрута, раньше поставки первого рекрута семействами, имевшими в 3 раза меньшее число работников. В один набор ни одно семейство не обязано было ставить более одного рекрута, а в разные наборы — более трех. Когда очередь обошла все семейства участка, то она начиналась с начала.

3. Каждая семья, до которой дошла очередь, ставит рекрута, если в ней есть лицо, годное физически, в возрасте 20–35 лет. Если в семье несколько таких лиц, то предпочтительно отдаются холостые, а из них старшие по летам; если все женаты, то берутся прежде бездетные; наконец, когда все женаты и имеют детей, то выбор определяется или волею родителей, или добровольным соглашением, или жребием».

С 1830-х гг. очередной порядок постепенно заменяется жеребьевым, что, однако, не коснулось помещичьих крестьян. (См.: Редигер А. Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. 3-е изд. СПб., 1900. С. 87).

¹³ В данном случае автор записки, очевидно, путает даты; речь может идти о Рекрутском уставе 1810 г., который узаконил очередную систему отбывания воинской повинности.

¹⁴ При рекрутских наборах счет велся на 500 душ мужского пола, годных к приему в солдаты, т. к. организовывались т. н. пятисотные участки; как правило, в армию забирали 2 из 500, в отдельные годы 4 человек. В 1812–1814 и 1853–1855 эти пропорции резко увеличивались. С 1830-х место пятисотных участков занимают тысячные.

Спасительный закон сей так обелил и отвратил все злоупотребления при разборе очередей, что для приведения их оставлено одно средство — не исполнять его, и это сделано. После тысячи возражений о его неудобствах и многолетней о них переписки, он приведен в действие в некоторых только губерниях; а в других оставлен. Прошли многие годы, и не сделано еще поверки: везде ли учреждены пятисотные участки?

Между тем, где они не учреждены, там все идет по-прежнему. Я видел это в трех губерниях. Волостные правления с земскою полициею сами назначают очереди, обходят кого хотят, обирают богатых, угрожая очередью, и угнетают бедных и незащитных вдов и сирот.

Что закон о пятисотных участках хорош и может быть повсеместно приведен в действие, сие доказывается тем, что в удельных имениях разных губерний он исполняется с наилучшим успехом.

2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕКРУТ

Как скоро дело разбора очередей на месте устроено, выбираются самые ловкие люди, от крестьян мироедами и капитанами, а в казенной палате отдатчиками именуемые¹⁵. Они, приехав на место набора, являются: 1-е. К повытчику палаты¹⁶, который представляет присутствию выписки из ревизских сказок, дабы сладить с ним показание или сокрытие очередей. 2-е. К секретарю палаты. 3-е. К советнику хозяйственной экспедиции, который обыкновенно рекрутским делом, как один настоящий в нем знаток, заправляет, между тем как прочие, по согласию с ним или по лени, на него полагаются. 4-е. К медицинскому чиновнику, который нужен для сокрытия болезней у тех, которых хотят отдать и для вымысла недостатков и сомнений в рассуждении тех, которые должны быть обракованы¹⁷. 5-е. К военному чиновнику, который должен помогать лекарю.

Всю сию систему неистовства можно разрушить одним ударом, приказав полиции города взять от отдатчиков присланных рекрут, для представления присутствию; а отдатчиков, отобрав у них привезенные общественные суммы, для возвращения селению, доколе они еще не розданы, выслать немедленно из города.

¹⁵ Отдатчиком при рекрутском наборе выступал ответственный представитель того крестьянского общества, из которого был выбран рекрут. Он сопровождал рекрута в присутствие и вносил за него необходимые взносы, собранные всем крестьянским обществом (т. н. общественные суммы). При Александре I отдатчики сдавали за рекрута продовольствие на 3 месяца, одежду и определенную денежную сумму. При Николае I все натуральные взносы были заменены денежными.

¹⁶ Другое наименование для помощника столоначальника.

¹⁷ Т. е. признаны негодными к службе.

3. ОСМОТР РЕКРУТ

По закону должно употреблять при наборе не одних штатных медицинских чиновников, но и вольнопрактикующих, так, чтобы, когда соберутся они в присутствии, по жребию выбирался тот, который в тот день должен осматривать рекрут. Но сие под разными предложениями не исполняется. Лекари вольнопрактикующие не имеют за сие ни наград, ни жалованья, и видя одну потерю времени и множество неприятностей, уклоняются от сей обязанности под разными благовидными предложениями, и таким образом и они, и приглашавшие их правы; а беспокойный закон уничтожен.

Таковы обыкновенно последствия, когда при издании наилучших законов нет надзора за их исполнением.

4. ОБМУНДИРОВАНИЕ

Оно обыкновенно, по крайней мере по большей части, делается самым подложным образом, т. е. отдается будто бы с торгов, но в самом деле переходит в руки те же, кои принимать рекрутскую одежду должны.

Всего бы лучше возложить сию обязанность на Комиссариат¹⁸, взяв известную и определительную плату за все рекрутские принадлежности, при приеме рекрута.

Здесь означены только главнейшие роды злоупотреблений при наборе; а видов их и исчислить невозможно. Так дело сие, чрез много лет укоренившееся, приведено к усовершенению.

Ревель, 5 сентября 1827.

2. Инструкция генералам, штаб- и обер-офицерам Корпуса жандармов по случаю 91-го рекрутского набора.

Высочайшим манифестом в 27 день августа сего года повелено сделать повсеместный в нынешнем году рекрутский набор с пятисот душ по два человека, кроме Грузии и Бессарабской области.

При оном рекрутском наборе имеет ваше высокоблагородие, чтобы:

1. Раскладка рекрут была делаема справедливо, чтобы не осуждальсь богатые и не угнетаемы были бедные и незащитные.

2. Прием рекрут производился бы без всякого пристрастия и согласно существующим положениям.

3. Чтобы отдатчиков не притесняли промедлением приема.

¹⁸ «Комиссариатом» называли совокупность всех комиссариатских учреждений, которые заведовали комиссариатским довольствием войск.

4. На обмундирование не взимали свыше цены, означенной в указе, Правительствующему Сенату данном; а именно по 43 рубли на каждого рекрута.

5. Чтобы при осмотре присутствующими рекрута строгое обращалось внимание на его здоровье, и без законных причин с телесными недостатками чтобы не принимали; равно и чтобы в мере не было сделано натяжки или утайки¹⁹.

6. Чтобы по принятии рекруты тотчас уже поступали в ведение военных приемщиков²⁰.

7. Чтобы отдатчики в те же сутки снабжаемы были квитанциями²¹.

8. Наконец, когда уже поступят рекруты в ведение военного приемщика, наблюдать, чтобы их не отпускали в дома и чтобы они довольствуемы были улутшенною пищею на основании постановлений и в непродолжительном времени обмундированы.

Для сего дается вам право входить в присутствие рекрутского набора, но не должны ни подавать голоса в решении приема или отказа, ни подписывать журнала присутствия, о всех отступлениях рекрутских присутствий от правил законных, если таковые замечены вами будут, обязаны тотчас объявлять словесно председателю присутствия, строго наблюдать при том должное приличие и объясняя, что по предмету сему немедленно должны донести находящему в губернии при рекрутском наборе флигель-адъютанту его величества, который по получении сего донесения уже поступит по данному ему на таковой случай предписанию. Обо всем же, вами замеченном и по представлению вашему не уваженном, мне доносить.

Насчет содержания рекрут по § 8 если узнаете какое отступление от правил, можете предварить батальонного командира²².

Если до вас дойдут жалобы насчет притеснений в раскладе и несправедливости очереди рекрутской, то о сем должны предварять о казенных крестьянах вице-губернаторов, а о помещичьих предводителей дворянства; но ни в какую переписку не входить.

Генерал-адъютант Бенкендорф

19 В данном случае под «мерею», очевидно, подразумевается рост рекрута, который должен был быть не меньше 2 аршин и 4 вершков (примерно 151 см.).

20 Представитель военного начальства, ответственный за прием рекрутов и дальнейшее их перемещение к месту службы.

21 Квитанциями о приеме рекрута.

22 Т. е. командира местного батальона внутренней стражи.

РЕТО БАРМЕТТЛЕР

ЖОМИНИ

И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1828–1829 гг.:

ФРАГМЕНТ БИОГРАФИИ¹

Швейцарский уроженец Антуан-Анри Жомини (1779-1869), успевший побывать генералом сперва на французской, а затем на русской службе, был одним из самых влиятельных военных историков и теоретиков XIX века. Несмотря на этот факт и в отличие от другого виднейшего военного теоретика той эпохи — Клаузевица, имя Жомини остается неизвестным широкой обществу, не только в Швейцарии, но и в России, которой он служил с 1813 г. вплоть до своей смерти в 1869 г.² Более того, даже если произведения Жомини более-менее известны специалистам, сведения о его биографии и наши представления о его реальном влиянии и положении в качестве генерала и военного специалиста остаются фрагментарными и неполными.

Как указывалось в недавних работах³, наши сведения о жизни Жомини основаны на очень ограниченном числе источников, которые вдобавок носят весьма субъективный характер. Самое важ-

1 Статья основана на исследованиях, проведенных при подготовке комментированного издания второго тома воспоминаний Жомини, в котором освещаются его годы на русской службе. Исследовательский проект осуществлен при поддержке Швейцарского национального научного фонда (SNSF), проект № 1000111-116260 (Edition critique du second volume des Souvenirs d'Antoine-Henri Jomini).

2 Но даже находясь все эти годы на формальной службе в России, Жомини бывал там лишь эпизодически.

3 Langendorf, Jean-Jacques. Faire la guerre: Antoine-Henri Jomini. Vol. 1: Chronique, Situation, Caractère. Chêne-Bourg / Genève, Georg, 2001; Rapin, Ami-Jaques. Jomini et la stratégie. Lausanne, Payot, 2002.

ное из этих произведений принадлежит перу Фердинанда Леконта, которого можно считать официальным биографом Жомини⁴. Последний не только передал в распоряжение Леконту две рукописных тетради своих воспоминаний⁵; они несколько раз встречались, и Жомини даже ознакомился с книгой Леконта, еще не вышедшей из печати⁶. Соответственно работа Леконта представляет собой крайне субъективное описание жизни Жомини, его карьеры и отношений с современниками. Кроме того, Леконт затрагивает в основном французский период жизни Жомини, пренебрегая более продолжительным периодом его службы в России. Короче говоря, ощущается насущная потребность в научной биографии Жомини, отправной точкой для создания которой могло бы стать комментированное издание вышеупомянутых воспоминаний генерала⁷.

Годам, проведенным Жомини на российской службе, до сих пор не посвящалось сколько-нибудь значительных исследований. Жомини по сути бывал в России лишь наездами, хотя в 1813 г. получил от Александра I высокий чин генерал-лейтенанта и в том же году стал генерал-адъютантом. В правление Николая I Жомини стал играть более активную роль, внося заметный вклад в создание Императорской Военной академии. Кроме того, он участвовал в кампании 1828 г.,⁸ а во время Крымской войны вернулся в Санкт-Петербург. Вообще говоря, труды Жомини были хорошо известны в России еще до того, как он поступил на царскую службу, а его значение как военного теоретика широко признавалось его современниками⁹. Однако, наши сведения о жизни Жомини и его карьере в качестве русского генерала исчерпываются несколькими эпизодами. В статье, посвященной созданию Императорской Военной

4 Lecomte, Ferdinand. Le général Jomini, sa vie et ses écrits. Esquisse biographique et stratégique. Lausanne, Tanera, 1860; 2nd edition: Lausanne, L. Corbaz, 1869; 3rd edition: Lausanne, V. Benda, 1888. Еще один биографический рассказ о жизни Жомини был опубликован в 1935 г. одним из его потомков, Ксавьером де Курвиллем. В то время как в распоряжении Леконта находилась только первая часть воспоминаний Жомини, Курвилль в своей работе мог пользоваться их полным собранием: Courville, Xavier de. Jomini ou Le devin de Napoléon. Paris, Plon, 1935.

5 Recueil de souvenirs pour mes enfants // Швейцарская федеральная военная библиотека в Берне (EMB, ныне — Library am Guisanplatz), TAP 0195 / TAP 0196. Эти воспоминания были изданы лишь частично.

6 Rapin. Op. cit., 2002. P. 8.

7 Rapin. Op. cit., 2002. P. 259.

8 Часть заметок Жомини, относящихся к этой кампании, была издана в: Мольтке, Г. фон. Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828 и 1829 г. Т. 1. СПб., 1876–77. С. 210–234. Эти заметки не входили в состав оригинального немецкого издания и были включены в книгу переводчиком Н. Шильдером.

9 См., например: Discours de M. de Boutourlin, sur l'influence des ouvrages du général Jomini. Paris, Anselin et Pochard, 1827.

академии и кампании 1828 г., Рейшель¹⁰ пытается оценить реальное положение Жомини в качестве военного специалиста в России. Но его статья основана в первую очередь на воспоминаниях Жомини, хотя автор и признает их субъективность. Отсутствие иных источников не позволило ему сделать какие-либо выводы о реальном положении и влиянии Жомини как военного советника при российской армии¹¹.

Уделяя основное внимание кампании 1828 г. и пользуясь как воспоминаниями Жомини, так и документами из русских и швейцарских архивов и опубликованными источниками, я поставил перед собой задачу нарисовать более полную картину жизни Жомини в роли русского генерала и выяснить его реальное положение и влияние в этот период. Меня интересует не столько влияние произведений Жомини на русскую военную мысль, сколько его непосредственное влияние в качестве советника. Впоследствии результаты исследования будут изложены в более широкой перспективе, с целью внести вклад в научную биографию Жомини. Кампания 1828 г. представляется особенно подходящей и интересной в качестве иллюстрации к биографическому подходу, поскольку положение Жомини во время этой кампании выглядит весьма показательным для его военной карьеры в целом. Судя по всему, вопреки желаниям и амбициям самого Жомини, его всегда воспринимали главным образом как автора военно-теоретических произведений, и напротив, его советы как военного специалиста почти никогда не принимались во внимание.

От Пайерна до Санкт-Петербурга: жизнь и карьера Жомини до 1828 г.¹²

Антуан-Анри Жомини родился в 1779 г. в маленьком городке Пайерн, на территории современного швейцарского кантона Во, и провел там почти все детство. Его отец, важный человек по местным меркам, отправил сына в Аарау — учить немецкий и получить коммерческое образование, продолженное в Базеле. В 1796 г. Жомини перебрался в Париж, где работал в банке. В 1798 г. Швейцарию накрыла волна революционных движений, поддерживавшихся Францией. На территории страны была провозглашена Гельветическая республика, зависимая от Франции. Кантон Во, доселе находившийся под влиянием Берна, был переименован в Леман, а кантональные власти были сменены центральным правительством —

10 Reichel, Daniel. La position du général Jomini en tant qu'expert militaire à la cour de Russie // Actes du Symposium 1982. Lausanne, Centre d'histoire et de prospective militaires, 1982. Pp. 59–75.

11 Строго говоря, Рейшель делает некоторые выводы о положении Жомини как военного советника, но в то же время признает необходимость обратиться к иным источникам, помимо воспоминаний Жомини.

12 Эта короткая биография основана в основном на: Rapin. Op. cit. 2002 и Langendorf. Op. cit. 2001.

Директорией. В конце того же года Жомини вернулся из Парижа в Швейцарию, где сумел получить должность в только что созданном военном министерстве. Самым поразительным в карьере Жомини является тот факт, что он не получил никакого формального военного образования, будучи самоучкой, почерпнувшим опыт военного дела из книг, а впоследствии — из службы во французской армии. Однако, административная работа в военном министерстве принесла ему первые чины: получив по вступлении в должность чин лейтенанта, в 1799 г. он был произведен в капитаны, а на следующий год получил чин командира батальона (*chef de bataillon*).

В 1801 г., попав под следствие по обвинению во взятках¹³, Жомини снова уехал из Швейцарии в Париж, где занялся коммерцией. В то же время он посвятил себя исследованию стратегии и работал над своей первой рукописью, которая впоследствии стала основой для его «*Traité des grandes opérations militaires*»¹⁴. В 1805 г. Жомини вступил добровольцем во французскую армию и стал адъютантом при маршале Нее, вероятно, не без помощи влиятельных знакомых отца. Он последовал за Неем в Булонский лагерь, а затем в Германию и в Тироль. По требованию Нея Жомини получил место при генеральном штабе 6-го армейского корпуса. На следующий год он стал первым адъютантом Нея, а впоследствии, во время прусской кампании, временно служил в Генеральном штабе Наполеона. Осенью 1807 г. Жомини был назначен начальником штаба 6-го армейского корпуса Нея и занимал эту должность в течение войны в Испании. Летом 1809 г. Ней отправил Жомини в Вену с поручением проинформировать Наполеона о положении в Испании. По неясным причинам маршал захотел избавиться от своего начальника штаба.

Недовольный своей новой должностью при Луи-Александр Бертье, Жомини в 1810 г. попытался перейти на русскую службу¹⁵. Однако, Наполеон отказался дать ему отставку и назначил его бригадным генералом, а кроме того, приказал ему написать историю итальянских кампаний 1796–1800 гг. В 1812 г. Жомини уча-

13 Жомини якобы вымогал деньги у армейского поставщика в обмен на определенные поблажки. По-видимому, он нуждался в деньгах для покрытия картонных долгов: Langendorf, Jean-Jacques. *Krieg führen: Antoine-Henri Jomini*. Zürich, vdf Hochschulverlag, 2008.

14 Впервые изданный в трех томах под названием «*Traité de grande tactique*» (Paris, 1805–1806), «Трактат» впоследствии был издан как «*Traité de grandes opérations militaires*» (Paris, 1807–1809; 5 томов). Второе издание было осуществлено в Париже в 1811–1816 гг. (8 томов).

15 Переписка, относящаяся к контактам между Жомини и Чернышевым, который в то время был русским военным агентом в Париже, издана: Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 121. СПб., 1906. Из этих документов следует, что инициатором данных контактов был Чернышев, и что Александр I придавал достаточно большое значение переходу Жомини на русскую службу.

ствовал в кампании против России. Во время этой кампании он сначала был губернатором Вильно, а затем был назначен губернатором Смоленска. В своих воспоминаниях Жомини утверждает, что сыграл важную роль при переходе наполеоновской армии через Березину во время отступления из России. Оказавшись во Франции, Жомини несколько месяцев отдыхал от лишений, испытанных в ходе этого отступления. Восстановив здоровье, он вернулся в армию и был назначен начальником штаба 3-го армейского корпуса Нея. По утверждениям Жомини, он принимал деятельное участие в битве при Баутцене и ему был предложен чин дивизионного генерала. Однако, будучи вычеркнут из списков лиц, представленных к повышению, что Жомини приписывал недоброжелательству Бертье, он решил покинуть французскую армию и перейти на русскую службу.

14 августа 1813 г., во время перемирия, Жомини выехал из расположения французской армии и два дня спустя прибыл к Александру I в Прагу. Царь даровал ему чин генерал-лейтенанта¹⁶, а после Кульмской битвы Жомини стал генерал-адъютантом¹⁷. В ходе кампании Александр I командировал Жомини к главнокомандующему союзными силами князю Шварценбергу, а во время сражений Жомини обычно находился при императоре¹⁸. Впоследствии он сопровождал Александра I на Венский конгресс, во время которого подал императору интересную записку, касающуюся угрозы господства Великобритании на морях после поражения Франции¹⁹.

В 1816 г. Жомини впервые приехал в Санкт-Петербург, где провел зиму. В своих воспоминаниях он упоминает две записки, составленные им в это время для Александра: одну — о возможных

16 Согласно послужному списку Жомини за 1817 г., он поступил на русскую службу 4(16) августа 1813 г. в чине генерал-лейтенанта (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 556–557).

17 Согласно послужному списку Жомини за 1854 г., он получил чин генерал-адъютанта за заслуги во время Кульмской битвы (РГВИА. Ф. 395. Оп. 160. 1854 г. Д. 395. Л. 14–15).

18 Михайловский-Данилевский А. И. Записки о походе 1813 года. СПб., 1836. С. 213–225; см. также послужной список Жомини за 1817 г. (РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7063. Л. 556–557).

19 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18168. *Extrait de mon journal* (14 ноября 1814). В этом геополитическом анализе Жомини отмечает, что с поражением Франции ликвидирована последняя угроза господству Великобритании на морях, а следовательно, ее торговле и вмешательству в европейские дела. Согласно Жомини, единственной силой, которая способна не допустить абсолютного господства Великобритании, остается Россия. Поэтому англичане окажут противодействие любым попыткам России увеличить свое влияние. Соответственно Россия должна вступить в союз с Францией, Испанией и, возможно, Пруссией, заинтересованными в том, чтобы не допустить британского господства. Как сам Жомини отмечает в своих мемуарах, Крымская война (1853–1856) подтвердила его правоту.

войнах, в которые может быть вовлечена Россия, и вторую — о защите российских границ²⁰. За первую из них он получил орден Св. Владимира 2-й степени²¹. Кроме того, в ноябре 1816 г. Александр приказал ему написать историю кампаний 1812–1815 гг.²² В целом представляется, что во время своего первого пребывания в Санкт-Петербурге Жомини действительно старался интегрироваться в русское общество, но без особого успеха²³.

В 1817 г. Жомини уехал из России в Париж, официально сославшись на проблемы со здоровьем. Однако, явно разочаровавшись своим положением в России и при Александре, следующие шесть лет он провел в работе над своим вторым крупным произведением, «Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution»²⁴. В Россию он вернулся лишь в 1824 г., привезя с собой в Санкт-Петербург старшего сына, которого определил в Пажеский корпус. Во время своего пребывания в российской столице он просил Александра принять какое-либо решение относительно его карьеры, пред-

ложив три варианта: остаться в России, выучить язык и получить какую-либо должность в империи; отправиться с тем или иным поручением в другую страну; или вернуться во Францию и продолжить работу над своей историей. В конце концов Александр «позволил ему вернуться» во Францию²⁵.

Таким образом, большую часть правления Александра I Жомини провел во Франции, но все изменилось, когда императором стал Николай. По воспоминаниям Жомини, Николай выразил намерение более активно использовать его на службе в России и попросил Жомини продать имение своей жены под Парижем и окончательно переселиться в Санкт-Петербург. В это время улучшилось и финансовое положение Жомини²⁶. В день коронации Николая Жомини был произведен в генералы от инфантерии²⁷. В то время он участвовал в работе комитета, обсуждавшего меры по реформированию военного образования в России, а во время торжеств по случаю коронации Николая в Москве Жомини, согласно его воспоминаниям, каждый день встречался с императором²⁸.

Пробыв какое-то время во Франции, Жомини вернулся в Санкт-Петербург летом 1827 г. В своих воспоминаниях он пишет, что был неприятно поражен переменами в окружении императора. По его словам, император стал холодным и недоступным. Фаворитами Николая стали Чернышев, Орлов и Бенкендорф, а начальник Главного штаба Дибич делал все, чтобы изолировать императора от кого-либо, кто мог представлять угрозу для этой «военной камарильи»²⁹.

Жомини продолжил работу в области военного образования. Еще весной 1826 г. по приказу императора он составил записку о создании Центральной школы стратегии (Ecole Centrale de Grande Tactique) в Санкт-Петербурге³⁰. В то же время Россия гото-

20 Записка о крепости, датированная 1816 г., находится в московском РГВИА (Ф. 846. Оп. 16. Д. 25999). Записка о возможных войнах России с другими державами (датированная 1816 г.) упоминается в каталоге Военно-ученого Архива главного управления Генерального штаба Том III. 1910 (Д. 17947). Фонды этого архива ныне хранятся в РГВИА (Ф. 846). К сожалению, записка была утрачена, по словам служащих архива, во время эвакуации в годы Второй мировой войны.

21 Согласно формулярному списку Жомини за 1828 г., он получил орден Св. Владимира 2-й степени за труд, написанный по приказу Александра I в 1817 г. (РГВИА. Ф. 395. Оп. 160. 1854 г. Д. 395. Л. 4–6). Копию диплома ордена от 29 мая 1817 г. см.: РГВИА. Ф. 395. Оп. 6. 1817 г. Д. 456.

22 Подробнее см.: Тартаковский А. Г. Труд К. Ф. Толя об отечественной войне 1812 г. // Исторические записки. Т. 85. М., 1970. С. 381 и далее; а также: РГВИА. Ф. 35. Оп. 1 / 242. Св. 16. Д. 6.

23 Эти попытки всегда были связаны и с финансовым вопросом. Согласно воспоминаниям Жомини, Александр в 1813 г. обещал сделать его богатым. Во время первого пребывания в России Жомини несколько раз пытался напомнить императору о его обещании. Так, когда Александр стал расспрашивать, какое впечатление произвела на него столица, Жомини ответил, что по сравнению с шириной улиц дома здесь слишком низкие, и если бы у него был капитал, он бы скупил все маленькие дома на Невском проспекте и пристроил к ним по паре этажей. На этом он бы сумел заработать и одновременно сделать Петербург более красивым. Однако, Александр не дал ему ссуду, на которую он надеялся. В другой раз Жомини попросил позволения учредить в Санкт-Петербурге компанию для страхования от пожаров — в России подобных учреждений тогда еще не существовало, и поскольку многие дома были застрахованы в иностранных компаниях, империя лишалась значительных объемов капитала. Согласно воспоминаниям Жомини, император разделял его мнение, но министр финансов заявил, что подобный проект в России неосуществим (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

24 Histoire critique et militaire des guerres de la Révolution. Paris, Anselin et Pochard, 1820–1824 (15 томов).

25 РГВИА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 1595. Рапен утверждал, что и сам Жомини, по-видимому, предпочитал третий вариант. Во-первых, он не мог позволить себе жить в Петербурге из-за финансовых трудностей; во-вторых, его отношения с императором ухудшились с тех пор, как он поступил на русскую службу (Rapin. Op. cit. 2002. P. 88). С другой стороны, вероятно, Жомини действительно надеялся получить должность в России или в другой стране, руководствуясь, в частности, финансовыми соображениями. Еще в 1818 г., на Аахенском конгрессе, Жомини строил планы поселиться с швейцарскими колонистами на юге России, но из этого проекта ничего не вышло. Документы, связанные с этим проектом, см.: РГВИА. Ф. 35. Оп. 5 / 246. Д. 588.

26 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

27 Согласно послужной записи Жомини от 1854 г., он получил чин генерала от инфантерии 22 августа 1826 г. — 22 августа (3 сентября) 1826 г. состоялась коронация Николая I (РГВИА. Ф. 395. Оп. 160. 1854 г. Д. 395. Л. 4–6).

28 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

29 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

30 Notes sur l'établissement d'une Ecole Centrale de Grande Tactique // РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–25. См. также: Глиноецкий Н. П. История русского генерального штаба. Т. II. СПб., 1894. С. 14 и далее.

вилась к новой войне с Османской империей. Жомини как генерал-адъютант участвовал в этой войне, высказав свои идеи о ведении операций в нескольких записках и письмах, адресованных императору. Фактически, за исключением кампании 1813–1814 гг. против Наполеона, кампания 1828 г. против турок была единственной войной, в которой он участвовал как русский генерал³¹. На примере этой кампании я постараюсь показать положение Жомини при русской армии и его значение как военного советника. Судя по всему, в роли советника Жомини пользовался намного меньшим влиянием, чем можно судить по его популярности как военного мыслителя. Такое положение представляется типичным для всей его российской карьеры и отчасти противоречит воспоминаниям Жомини и его биографии, составленной Леконтом.

Если достоинства Жомини как писателя не подвергаются сомнению, то его таланты военного советника находятся под большим вопросом³². Как мы увидим, представление о колоссальной разнице между Жомини-мыслителем и Жомини-советником возникло в среде российских офицеров еще в кампанию 1813 г. и продолжало существовать в 1828 г. Возможно, этим отчасти объясняется определенная маргинальность Жомини в русской армии. Кроме того, она, вероятно, была обусловлена его изменой в 1813 г., а также особенностями его характера: «Очень хороший офицер, Жомини был известен только благодаря своим произведениям, в которых содержится много поучительного и которые приобрели огромное влияние, прежде всего в России, на генералов, а главным образом на молодых офицеров, которые начинали понимать, что на войне важна не только муштра. Однако, как и все авторы, пишущие о войне, Жомини создал очень изящные теории, но на практике никогда не смог ничего достичь, никогда не командовал войсками и едва ли обладал способностями для этого. (...) Впоследствии мне приходилось часто иметь с ним дело. Я презирал его за дезертирство и не выносил его, но и в его личности не было ничего, вызывавшего бы симпатию: холодное лицо, хитрость и фальшь во взгляде и непомерное хвастовство»³³.

31 В кампании следующего года Жомини уже не участвовал. Впоследствии он вернулся в Россию во время Крымской войны, но остался в Санкт-Петербурге, где написал множество писем и записок, сейчас хранящихся в РГВИА (Ф. 1. Оп. 1. Д. 21979; Ф. 481. Оп. 1. Д. 664. Л. 32–45 (Письма к М. Д. Горчакову)).

32 Это противоречит выводу Рейшеля о том, что способности Жомини как эксперта никогда никем не оспаривались (Reichel, art. cit., p. 73).

33 Schubert, Friedrich von. Unter dem Doppeladler. Erinnerungen eines Deutschen in russischem Offiziersdienst 1789–1814 / Herausgegeben und eingeleitet von Erik Amburger. Stuttgart, Koehler, 1962. Ss. 314–315. Генерал Шуберт был членом комитета, который в 1829–1830 гг. составил проект о военной академии. Жомини возглавлял этот комитет.

Ниже мы вернемся к вопросу о различии между Жомини как автором и Жомини как военным советником, а также к вопросу о его маргинальности в русской армии. Но прежде всего важно выяснить положение Жомини во время кампании 1828 года.

Жомини и русско-турецкая война 1828–1829 гг.

Леконт, написавший биографию Жомини, посвятил лишь небольшой абзац участию своего героя в войне 1828–1829 гг., несомненно, основываясь на сведениях, которые ему сообщил сам Жомини: «Кампания против Турции отвлекла его от работы³⁴. Он отправился в экспедицию вместе с императором Николаем и оказал ему выдающиеся услуги, особенно при штурме Варны и в ходе планирования второй кампании. Без его вмешательства осада Варны, вероятно, была бы снята, и он за свое участие в ней получил орден Св. Александра»³⁵.

Таким образом, согласно Леконту, Жомини активно участвовал в этой кампании. Но как ни странно, эти «выдающиеся услуги» не фигурируют в литературе о русско-турецкой войне 1828–1829 гг.; Жомини вообще едва упоминается в связи с этой войной, а та возможная роль, которую он играл в планировании военных операций, становилась предметом лишь поверхностных дискуссий. Более того, записки и письма, адресованные им до и во время кампании русскому императору Николаю I, были изданы лишь частично. Глиноецкий в своей фундаментальной работе о российском Генеральном штабе³⁶ отмечает, что в архивах сохранилось множество предложений о том, как воевать с турками, и особенно значительно число записок, поданных Жомини в 1828 г. Кроме того, по словам Глиноецкого, никто не придавал значения этим запискам, что сильно задевало Жомини³⁷. Часть этих записок и писем, ныне хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве³⁸, была издана Шильдером в его переводе истории этой кампании, написанной Мольтке³⁹. На основе публикации Шильдера Н. Епанчин сделал краткий обзор мнений Жомини относительно военных операций против турок за Балканским хребтом⁴⁰.

Остается, разумеется, вышеупомянутая статья Рейшеля⁴¹. Про-

34 Леконт имеет в виду проект военной академии.

35 Lecomte. Op. cit. 1860. P. 239.

36 Глиноецкий. Указ. соч. Т. II. 1894.

37 Глиноецкий. Указ. соч. Т. II. 1894. С. 33.

38 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586.

39 Мольтке. Указ. соч. 1876–77. С. 210–234.

40 Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Т. II. СПб., 1906. С. 13–14.

41 Reichel. Op. cit. 1982.

блема в том, что она основана исключительно на воспоминаниях Жомини, и Рейшель снова воспроизводит описание самого Жомини. Я ставлю перед собой ту же задачу, что и Рейшель, а именно — выяснить положение Жомини в русской армии вообще, и во время кампании 1828 г. в частности. Как уже упоминалось, Жомини отправил Николаю I несколько записок и писем, в которых выражал свое мнение по поводу военных операций. К несчастью, уже невозможно выяснить, кто их читал, и оказали ли они какое-либо прямое или косвенное влияние на принятые решения. Кроме того, не менее трудно судить об их ценности или оригинальности. Однако, в этих документах содержатся элементы, позволяющие нам понять, каким образом сам Жомини оценивал свою позицию военного советника при императорском штабе. Соответственно, кампания становится фоном для этого анализа, а в центре внимания окажутся попытки Жомини оказать какое-либо влияние на ее ход. Отсюда мы попытаемся провести связи с другими периодами его жизни.

Подготовка к войне

25 апреля (7 мая) 1828 г. 2-я армия под командованием Витгенштейна в трех местах форсировала Прут и приступила к оккупации Молдавии и Валахии⁴². Примерно двумя неделями ранее Жомини, еще находясь в Санкт-Петербурге, подал императору Николаю I письмо и записку⁴³, в которых излагал свои идеи по поводу грядущей кампании. Первые строки письма свидетельствуют, что у Жомини никто не спрашивал совета по этому поводу: «Если Ваше Величество точно осведомлены о моем прошлом, то убежден, что Они соизволят выслушать меня в отношении этих важных вопросов». Согласно Жомини, его пригласил в Россию Александр I именно для того, чтобы консультироваться с ним в подобных случаях, и Жомини даже в мирное время составлял для него записки о возможных войнах⁴⁴. Таким образом, письмо и записка появились на свет по инициативе самого Жомини. Более того, Жомини даже оставался в неведении о планах на предстоящую кампанию. Ссылаясь на свою записку, он пишет: «Если бы я имел более определенные сведения о наших политических отношениях и состоянии ос-

42 Moltke, Helmuth von. Der russisch-türkisch Feldzug in der europäischen Türkei 1828 und 1829. Berlin, G. Reimer, 1845, p. 62.

43 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 95, 96–100. На письме имеется пометка «Санкт-Петербург, 13 апреля 1828». Оба документа были переведены на русский и опубликованы Шильдером (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 210–221).

44 На самом деле Жомини нередко выступал со своими идеями, не дожидаясь приглашения. В качестве примера можно привести вышеупомянутую записку о британском господстве на морях, составленную во время Венского конгресса.

манского войска, а также о наших силах, то мог бы принести больше пользы; однако сие было не в моей власти».

В своей записке⁴⁵ Жомини, убежденный в том, что невозможно заранее составить план всей кампании, выделяет четыре ключевые операции. Во-первых, армии следует форсировать Дунай, осадить крепости и изгнать врага за Балканский хребет. В ходе второй операции необходимо сосредоточить армию на равнинах Шумлы⁴⁶, где, вероятно, будет проходить главная линия вражеской обороны. Третьей операцией станет сражение со врагом. Если он уклонится от сражения, следует перейти к четвертой операции: либо осадить Шумлу, либо наступать на Адрианополь⁴⁷, вынуждая врага прикрыть этот город. Рассматривая две эти возможности, Жомини указывает, что «в стратегическом плане не следовало бы переходить Балканский хребет, не изгнав главную часть вражеских сил из Шумлы». Кроме того, следует принимать во внимание и политическую ситуацию в Европе. При наличии сомнений Жомини советует проявить осторожность и растянуть войну на две кампании. В течение первой кампании следует взять Варну, Силистрию и Русчук⁴⁸, что послужит фундаментом для второй, менее рискованной кампании.

Три дня спустя, 16 (28) апреля, Жомини отправил Николаю I новое письмо, которым вносил некоторые исправления в свою записку⁴⁹. Интереснее всего последние несколько строк. Очевидно, Дибич, начальник Главного штаба, обещал Жомини, что Николай перед отъездом удостоит его аудиенции, которую тот «испрашивал по серьезным причинам». Свое письмо Жомини завершает с типичным для него пафосом: «Не могу заставить себя поверить, что буду иметь несчастье засвидетельствовать отъезд Вашего Величества, не будучи выслушан... Я прошу не о милости; мною движет лишь потребность узнать, достоин ли я быть генерал-адъютантом Вашего Величества». Как мы увидим, Жомини так и не дождался аудиенции.

Судя по его письму, по крайней мере первоначально Жомини не получил приказа сопровождать императора на Дунай⁵⁰. Не вполне ясно, получил ли он вообще такой приказ, и почему он в конце кон-

45 Она носит название «Observations sur la Guerre de Turquie».

46 Ныне Шумен — город на северо-востоке современной Болгарии.

47 Современный Эдирне в Турции.

48 Русе в современной Болгарии, на правом берегу Дуная.

49 Письмо Жомини Николаю I. Помечено Санкт-Петербургом, 16 апреля 1828 (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 77). Это письмо обсуждается Шильдером в его переводе книги Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 221–222).

50 Однако, в письме к Дибичу, объясняя свое затруднительное финансовое положение, Жомини указывал, что ему нужны деньги на содержание семьи, пока он будет в отъезде, а также кое-какие средства для самого себя на время кампании. Письмо помечено Санкт-Петербургом, 18 марта 1828 (РГВИА. Ф. 395. Оп. 17. 1828 г. Д. 18. Л. 4). Таким образом, если Жомини писал правду, он уже в марте знал о своем грядущем участии в кампании.

цов выехал из Санкт-Петербурга в армию. Согласно воспоминаниям Жомини, ему было суждено сопровождать императора⁵¹. Из других источников известно, что Николай покинул Санкт-Петербург 26 апреля (8 мая) в сопровождении А. Бенкендорфа, шефа корпуса жандармов и начальника императорской главной квартиры, а также генерал-адъютанта Жомини, принца Вюртембергского и ряда представителей дипломатического корпуса⁵². После этого императорская главная квартира была разделена на несколько частей. В первую входили лица, сопровождавшие императора: начальник Главного штаба Дибич, генерал-квартирмейстер Сухтелен, Бенкендорф и другие. Жомини, Васильчиков и Трубецкой оказались во второй части⁵³. Это подтверждает и Жомини в своих воспоминаниях, сетуя на такое разделение главной квартиры. По его словам, причиной того, что ряд наиболее опытных генералов отставали от императора на целый день, могла быть только зависть со стороны Дибича и Бенкендорфа⁵⁴.

27 мая (8 июня) 1828 г. Николай I прибыл в Сатуново, где велась подготовка к форсированию Дуная 3-м корпусом. Сразу после его прибытия началась переправа. На следующий день через Дунай переправился сам император, и к 30 мая (11 июня) на правом берегу реки находилось уже 35 тысяч солдат 3-го корпуса. Оттуда 3-й корпус начал наступление на Карасу⁵⁵, куда главные силы, а также императорский штаб прибыли 6 (18) июня. Здесь наступление пришлось остановить, поскольку главный отряд насчитывал лишь 12–15 тыс. солдат. Иными словами, из 75 тыс. солдат, перешедших через Прут, 60 тыс. пришлось оставить для осады различных крепостей и прикрытия операционных линий. На осаду одного лишь Браилова⁵⁶ был выделен весь 7-й корпус, т. е. треть всей армии⁵⁷.

Лагерь в Карасу

Только в Карасу Жомини, которого Николай I так ни разу и не принял, предпринял новую попытку привлечь к себе внимание императора, но явно не добился особого успеха. В пись-

51 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

52 Столетие Военного Министерства 1802–1902. Т. 2. Кн. 3. СПб., 1908. С. 239–241. Однако в письме Чернышеву от января 1830 г. Жомини утверждал, что выехал из Санкт-Петербурга, направляясь в сторону Турции, 2 мая 1828 г. (РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 2116. Л. 19).

53 Столетие Военного Министерства 1802–1902. Т. 2. Кн. 3. СПб., 1908. С. 358–359.

54 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

55 Историческое название современной Меджидии, города на юго-востоке Румынии между Дунаем и Черным морем.

56 Браила, город в современной Румынии на Дунае.

57 Епанчин. Указ. соч. Т. 1. СПб., 1905. С. 418.

ме Николаю I⁵⁸ Жомини утверждал, что никогда не сомневался в успехе операции за Балканским хребтом силами армии в 75–80 тысяч человек, но только при наличии обсервационного корпуса в 50–60 тыс. человек, размещенного между горами и Дунаем для сдерживания врага в Силистрии, Рушуке, Шумле и Варне. Однако, рассматривая текущую ситуацию, Жомини заключал, что на тот момент русской армии недостаточно сил для вторжения за Балканы при одновременной охране долины Дуная. Он предлагал дать туркам сражение между Базарджиком⁵⁹ и Шумлой, заманив их туда мнимым отступлением, а если они не клюнут на эту уловку, осадить и взять Шумлу, одновременно отдельным отрядом атаковав Варну. Он писал, что не знает, планируется ли такая операция и имеется ли флотилия, готовая оказать ей содействие. Короче говоря, Балканы можно пересечь лишь после прибытия подкреплений и взятия либо блокирования Варны и Шумлы. Жомини прибавлял, что в случае операции против Адрианополя Николай должен доверить ее проведение одному из генералов, а сам остаться в обсервационной армии, учитывая все неудобства, связанные с присутствием императорской квартиры и самого императора в столь негостеприимной области.

Очевидно, с тех пор как Жомини оказался в армии, его положение при императорской квартире не изменилось, и эта ситуация явно приводила его в полное отчаяние. Свое письмо он закончил следующими словами: «Вероятно, я в последний раз докучаю Вашему Величеству; меня слишком удручает перемена, замечаемая мной в Его благосклонности ко мне, чтобы осмелиться потревожить Его еще раз. Я буду держаться в скромной ничтожности, с диктуемым моей совестью убеждением в том, что с момента коронации Вашего Величества не сделал ничего, чтобы утратить высокое расположение, которым Они удостоили почтить меня в то время⁶⁰. Удалившись от дел, я буду жалеть лишь об одном — что не смогу сражаться с врагами Вашего Величества, оставляя Его посреди своих [врагов] ».

На протяжении всех своих воспоминаний Жомини упорно внушает читателю мысль о врагах, непрерывно препятствовавших его карьере. Во Франции это был Бертье, во время кампании 1813 г. против французов — австрийцы, а в России — Чернышев, Дибич, Толь, Бенкендорф и многие другие. По его убеждению, именно эти

58 Письмо Жомини Николаю I. Помечено лагерем в Карасу, 15 июня 1828 (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 78–80). Переведено на русский и опубликовано Шильдером в его переводе книги Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 222–226).

59 Ныне — Добрич, город в северо-восточной Болгарии.

60 Как уже отмечалось, Жомини, по его воспоминаниям, находился в очень хороших отношениях с Николаем в момент его коронации в Москве в 1826 г.

люди несли ответственность за его неудовлетворительное положение, сперва во Франции, а затем и в России. Трудно сказать, насколько правдивы его обвинения, или же они служат лишь оправданием для читателей его воспоминаний, а возможно, и для него самого. К этому вопросу мы вернемся позже.

Всего несколько дней спустя, по-прежнему находясь в лагере у Карасу, Жомини послал Николаю I еще одно письмо, в котором высказался по поводу проводившихся накануне маневров⁶¹. На следующий день, 20 июня (2 июля), он написал новое письмо и записку о боевых построениях при сражениях с турками⁶². В этом письме Жомини вернулся к вопросу об аудиенции, которой добивался еще в феврале и которой так и не был удостоен: «Не получив испрашиваемой аудиенции, я был вынужден ознакомить его превосходительство генерала Дибича лишь с отдельными сторонами моего личного положения; *остальное я сообщил ему вчера*. Государь, осмелюсь признаться в ужасной тяжести, лежащей у меня на душе... Вот уже целый год, как Ваше Величество ни разу меня не выслушали... " И такую ситуацию он снова приписывал проискам врагов в императорском окружении: „Должно быть, мой статус чужестранца, мое личное положение, мой немного вспыльчивый характер создают мне врагов, в том числе и в окружении Вашего Величества“. Далее он объясняет, что продолжает посылать Николаю «обрывки своих размышлений о войне» в надежде, что император вспомнит об аудиенции и даст ему шанс показать себя таким, каким он является на деле, а не каким его изображают враги.

Жомини явно стремился играть более активную роль в русской армии. Дело не только в аудиенции; Жомини хотел приносить пользу своими советами: «Я очень хорошо знаю, что не имею права быть приглашенным в близкий круг советников Вашего Величества, в какой я входил прежде, при Александре I»⁶³. Таким образом, истинной проблемой Жомини считает то, что не входит в число ближайших военных советников Николая. Вообще говоря, с ним консультировались по таким вопросам, как военное образование, а после войны он даже являлся председателем комитета по разработке проекта военной академии. Однако, находясь на русской службе, Жомини не играл серьезной роли в планировании военных операций

61 Письмо Жомини Николаю I. Помечено лагерем в Карасу, 19 июня 1828. К письму приложен набросок с изображением боевых построений (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 88–89, 90). Жомини упоминал эти маневры в своих мемуарах.

62 Письмо Жомини Николаю I. Помечено лагерем в Карасу, 20 июня 1828. Записка озаглавлена «Dernières observations sur l'ordre de bataille et les carrées» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 91–92, 93–94).

63 Однако отметим, что в целом при Николае I его положение улучшилось по сравнению с правлением Александра I, когда Жомини почти не появлялся в России.

и никогда не командовал войсками. Он был военным историком, теоретиком — знаменитым, но лишь благодаря своим произведениям, а не полководческим талантам. Жомини досадовал на такое состояние дел, и его чаяния ясно видны в письме, которое он написал жене примерно месяц спустя (см. ниже).

Тем временем главные силы русской армии перешли из Карасу к Базарджику. Николай I вместе с главными силами 3-го корпуса прибыл туда 28 июня (10 июля); на следующий день из-под Браилова пришел 7-й корпус. 4 (16) июля армия покинула Базарджик и 6 (18) июля заняла Ени-Базар⁶⁴. Два дня спустя основные силы, а с ними и император, направились к Шумле, которую занимало около 40 тыс. турок под командованием Сераскер Хуссейн-Паши. У русских в тот момент под Шумлой находилось около 30 тыс. человек, и они надеялись выманить турок на бой⁶⁵, но их надежды не оправдались. Штурм города силами 30 тысяч человек был невозможен, как и осада — из-за отсутствия у русских осадной артиллерии. Поэтому Шумла была только обложена⁶⁶. 21 июля (2 августа) Николай покинул армию⁶⁷. 24 июля (5 августа) он прибыл под Варну, откуда морем вернулся в Одессу⁶⁸.

В то время как некоторые генерал-адъютанты уехали вместе с императором, Жомини предпочел остаться под Шумлой. «[Я] надеялся принести пользу рядом с графом Витгенштейном, который командовал армией в отсутствие повелителя⁶⁹, и чей начальник штаба Киселев был одним из моих друзей»⁷⁰, — писал Жомини несколько десятилетий спустя в своих воспоминаниях. В письме жене⁷¹ Жомини выразился не столь оптимистично: «Здесь я принесу так же мало пользы в служении императору и ради собственной славы, как и за последние два месяца. Настрой не изменился... И у меня не осталось ни малейшей надежды изменить его... Я должен научиться русскому, чтобы получить командную должность: только так можно выбраться из пропасти [...]». Но, по его словам, на то, чтобы выучить русский, уйдет много времени, и когда он овладеет этим языком, уже настанет пора умирать⁷². Жомини снова высказывал

64 Нови-Пазар, город на северо-востоке Болгарии.

65 Фактически именно это Жомини предлагал в своей записке «Observations sur la Guerre de Turquie», поданной императору в апреле (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 96–100).

66 Епанчин. Указ. соч. Т. 1. 1905. С. 421–422.

67 Лукьянович Н. Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов. Т. 1. СПб., 1844. С. 232.

68 Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 197–198.

69 Николая I.

70 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

71 Письмо Жомини жене. Помечено 22 июля 1828 (Bibliothèque cantonale et universitaire, Lausanne (BCU / D), IS 5413).

72 В реальности Жомини так никогда и не выучил русский. Согласно его воспо-

подозрения, что против него интригуют, но он не знает, кто именно и каким образом, но считал, что все дело в его откровенности, и замечал, что тому, кто хочет подольститься к начальству и тем самым добиться успеха, следует уметь скрывать правду.

Вероятно, где-то в начале августа⁷³ Жомини выехал из-под Шумлы в Варну. Согласно его воспоминаниям, он надеялся оказаться полезным А. С. Меншикову, который руководил осадой Варны, но прибыл туда через два дня после того, как тот был ранен⁷⁴, и застал лишь его отъезд⁷⁵.

Осада Варны

В начале июля⁷⁶ отряд Сухтелена, насчитывавший 4–4,5 тыс. солдат, подошел к Варне, чтобы прикрыть главные силы, стоявшие под Шумлой. Несколько дней спустя к нему присоединился генерал Ушаков с полуроты тысячным отрядом. К тому моменту в Варне находился гарнизон примерно в 15 тыс. человек⁷⁷. Небольшие русские силы не могли даже блокировать город, поэтому они лишь наблюдали за обстановкой. 16 (28) июля прибыла бригада из взятой русскими Анапы, а за ней через несколько дней последовал вице-адмирал князь Меншиков, назначенный командовать осадой Варны. На якорь у города 22 июля (3 августа) встал российский Черноморский флот под командованием адмирала Грейга. Русские осадили Варну с северной стороны, но южная оставалась свободной, потому что им не хватало людей⁷⁸.

Таким образом, осаду Варны начал Меншиков, прибывший под Варну 20 июля (1 августа). В его распоряжении находилось около 10 тыс. солдат⁷⁹. Поскольку в поставках всего необходимого для осады Меншиков полностью зависел от флота, инженер-

ные работы были начаты на северо-восточной окраине Варны, между первым и вторым бастионами, где имелось сообщение с морем⁸⁰. Одновременно Варну атаковал и русский флот. 9 (21) августа, во время вылазки варненского гарнизона, Меншиков был ранен в обе ноги пушечным ядром. Лишившись возможности руководить осадой, он был временно заменен начальником штаба генерал-майором Перовским⁸¹. В конце концов Меншикова сменил генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии граф Воронцов, приехавший под Варну 17 (29) августа и принявший командование на следующий день⁸². К концу августа из Петербурга наконец прибыла гвардия⁸³, а 27 августа (8 сентября) в Варну из Одессы приехал Николай I, оставшись на борту корабля «Париж»⁸⁴.

Согласно воспоминаниям Жомини, император предложил ему, как и его коллегам, каюту на корабле. Однако, Жомини, находясь в дружеских отношениях с Воронцовым, который организовал ему палатку рядом со своей собственной, предпочел остаться в лагере. Кроме того, Жомини писал, что Шеншин⁸⁵, начальник штаба Воронцова, был одним из его друзей, и что он сам чувствовал себя там «оцененным и полезным». Наконец, Жомини оставался там еще и из любопытства, впервые став свидетелем инженерных работ при осаде⁸⁶.

Вскоре после прибытия Николая Жомини возобновил попытки привлечь внимание императора к своим идеям насчет текущей кампании. Первой такой попыткой стала записка, в которой он перечислил сделанное в ходе кампании и предложил дальнейшие шаги⁸⁷. Он снова сетовал на свое положение: «В лагере под Карасу я подал ряд мыслей относительно общих операций, но не имел никаких сведений ни о силах, реально имевшихся в нашем распоряжении, ни о силах врага, и не имел генерал-квартирмейстерских полномочий для получения этой информации». Далее Жомини писал,

минаниям, он пытался обучиться этому языку, «столь трудному для любого иностранца», во время своего первого пребывания в России в 1816–1817 гг. Однако, покинув Россию, он явно отказался от этих намерений (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ, ТАР 0195 / ТАР 0196).

73 По григорианскому календарю — в середине августа.

74 Меншиков был ранен 9 (21) августа.

75 Здесь у Жомини налицо явная неточность. Меншиков лишился возможности командовать войсками, но очевидно, остался под Варной. Согласно Лукьяновичу, император навесил его, вернувшись из Одессы 27 августа (8 сентября) (Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 334–335).

76 По григорианскому календарю — в середине июля.

77 5 (17) июля в Варну с юга вошел прибывший из Константинополя капудан-паша с 5 тыс. человек (Moltke. Op. cit. 1845. P. 139).

78 Епанчин. Указ. соч. Т. 1. 1905. С. 426–427.

79 Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 295. Согласно Мольтке, у Меншикова имелось около 9 тыс. человек (Moltke. Op. cit. 1845. P. 141).

80 Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 300–303.

81 Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 315–317.

82 Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 321. Согласно Мольтке, Воронцов прибыл 15 (27) августа (Moltke. Op. cit. 1845. P. 145).

83 Первый отряд прибыл 23 августа (4 сентября), остальная часть — 27 и 28 августа (8 и 9 сентября) (Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 329 и 332). По Мольтке, после этого русское осадное войско насчитывало около 18–20 тыс. человек (Moltke. Op. cit. 1845. P. 150).

84 Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 344.

85 Шеншин сменил Перовского в должности начальника штаба осаждающих войск после того, как последний был ранен 1 (13) сентября (Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 95–96).

86 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ, ТАР 0195 / ТАР 0196.

87 Quelques observations sur ce qui s'est fait dans la campagne et sur ce qui reste à faire. Помечено Варной, 29 августа 1828 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 73–76). Записка была переведена на русский и опубликована Шильдером в его переводе Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 226–233).

что просил разрешения находиться под Шумлой, потому что это место служило прикрытием для осады и Силистрии, и Варны и он надеялся принести там пользу. Но жаловался, что не был осведомлен о ходе операций: " [Я] провел в лагере десять дней, а о происходящем знаю не больше, чем последний солдат». Жомини указывал на ошибки, допущенные в ходе кампании. Одна из проблем состояла в том, что русским не хватало сил для предпринятых ими операций, но по мнению Жомини, главная ошибка заключалась в халатном отношении к осаде Варны⁸⁸. Но после взятия Варны оставалось лишь захватить Силистрию, чтобы обеспечить русской армии достойные зимние квартиры⁸⁹. Жомини предлагал ряд вариантов дальнейших операций, но как он писал, отказывался делать выбор: «Если бы я имел в своих руках безраздельное командование армией, то предпочел бы атаковать Шумлу, что более соответствовало бы моему жизненному опыту и характеру; но в скромной роли советника я склонен предпочесть последний вариант [т. е. ограничиться взятием Варны и Силистрии и отправить армию на зимние квартиры] как наиболее осторожный». Ясно осознавая свою роль, он в реальности занимал отчетливую позицию⁹⁰.

Все это время Жомини видимо не занимал никакой определенной должности. В своих воспоминаниях он пишет, что заскучал и в письме к императору просил более активно его задействовать

88 Мольтке в своем описании кампании разделял его мнение. Он писал, что судя по первоначальным маневрам русской армии, Варна признавалась русскими как главная цель кампании. Этот город имел большое стратегическое значение по двум причинам: во-первых, он располагался на кратчайшем пути из России в Константинополь; во-вторых, он мог выполнять роль порта для снабжения армии по морю всем необходимым. Однако оставление главными силами дороги, ведущей в Варну (4 / 16 июля), стало поворотным пунктом в кампании. Мольтке указывает на то, что Варна была временно оставлена без внимания из-за того, что русским не хватало сил, чтобы осадить ее и одновременно прикрыть осаду от внешних атак. Более того, из Анапы еще не была доставлена осадная артиллерия. В результате русские сосредоточили свои усилия на овладении Шумлой. Тем не менее, Мольтке усматривает в этом изменении первоначального плана крупную стратегическую ошибку, допущенную русскими. Даже при ограниченности ресурсов, необходимых для штурма Варны, заблаговременное и полное окружение города подготовило бы формальную осаду. И в то время как взятие Шумлы не давало больших преимуществ, взятие Варны имело решающее значение, так как послужило бы основой для дальнейших операций (Moltke. Op. cit. 1845. Pp. 111–114).

89 В реальности лишь Варна была взята в ходе кампании 1828 г. Обладание Варной позволило русским остаться в Болгарии.

90 8 (20) сентября Жомини отправил императору еще одно письмо, в котором подчеркивал, что после взятия Варны остается только захватить Силистрию и после двух этих операций армия не сможет предпринять что-либо серьезное за Балканским хребтом. Письмо Жомини императору. Помечено лагерем у Варны, 8 сентября 1828. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 81–82). Цитируется Шильдером по-французски в примечании к переводу Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 233–234).

с тем, чтобы он мог принести больше пользы. На следующий день, по словам Жомини, император ответил ему: «Генерал, я всегда считал должность при моей персоне наиболее завидной; но если вы ею не удовлетворены, можете уезжать». Жомини написал второе письмо, в котором объяснял, что руководствовался одним лишь стремлением оказаться более полезным. Николай на следующий день сказал, что неверно понял его побуждения⁹¹.

Осада тем временем продолжалась. 2 (14) сентября были взорваны мины, заложенные русскими под первый бастион, и в нем образовалась брешь⁹². 4 (16) сентября наконец прибыла осадная артиллерия⁹³. К 10 (22) сентября русские проделали уже две пригодные бреши, одну — в первом бастионе, и еще одну — в куртине между ним и вторым бастионом⁹⁴. 15 (27) сентября начался следующий этап осады. Полковник Шильдер в представленном им плане предлагал взять Варну без штурма. Николай одобрил этот план⁹⁵. Теперь все усилия были направлены на то, чтобы разрушить минами как можно больше укреплений и тем самым убедить турок капитулировать ввиду все более явной угрозы русского штурма⁹⁶.

21 сентября (3 октября) под первым бастионом была взорвана еще одна мина⁹⁷. На следующий день были взорваны две мины под вторым бастионом. По сообщениям турецких пленников, несколько сотен турок было убито и ранено. Тем не менее они открыли огонь сразу же после взрыва. Согласно Мольтке, мины взорвались удачно и можно было штурмовать Варну без дальнейших приготовлений⁹⁸. Но на первом бастионе русским повезло меньше, поэтому решили штурмовать этот бастион 25 сентября (7 октября)⁹⁹. План состоял в том, чтобы выбить турок с первого бастиона и соорудить там ложемент¹⁰⁰.

91 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196. В ходе поисков, проведенных мной в русских архивах, я не нашел никаких документов, которые бы подтверждали рассказ Жомини.

92 Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 96. Согласно Мольтке, эта брешь вполне годилась для штурма. Однако Варна была взята лишь 27 дней спустя (Moltke. Op. cit. 1845. P. 201). Варна капитулировала 29 сентября (11 октября).

93 Примечание Шильдера к переводу Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 260).

94 Moltke. Op. cit. 1845. P. 158.

95 Примечание Шильдера к переводу Мольтке (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 267).

96 Moltke. Op. cit. 1845. Pp. 159–160.

97 Moltke. Op. cit. 1845. P. 170.

98 Moltke. Op. cit. 1845. P. 173.

99 Moltke. Op. cit. 1845. P. 175.

100 Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 109. Ложемент — сооружение, возведенное осаждающими во взятой ими части укреплений с целью защиты от контратак.

Жомини в своих воспоминаниях привел достаточно подробное описание последнего этапа осады. По его словам, после взрыва мины под левым¹⁰¹ бастионом русским следовало штурмовать Варну, но подготовка к штурму велась столь непоследовательно, что они были вынуждены ждать прибытия из Шумлы пехотной дивизии, поскольку император не желал использовать при штурме гвардию, а численность осадного корпуса не превышала 6 тыс. человек¹⁰². Далее он пишет, что тем временем было решено воздвигнуть ложемент на рухнувшем бастионе. «Правда, я не был инженером, но не понимал, зачем строить укрепление, чтобы закрыть брешь, которую было так трудно проделать и которая выходила прямо на улицы города». Жомини считал это предприятие не только бессмысленным, но и опасным, и решил сообщить свои соображения императору в отправленной ему записке.

В РГВИА действительно хранится такая записка, вместе с письмом Николаю, отправленным Жомини из лагеря под Варной¹⁰³. В записке Жомини подчеркивал, что пробитую брешь следует использовать для штурма Варны: «Инженерная наука заключается в том, чтобы *разрушить укрепления*; и как только они будут разрушены, брать их должны не саперы, а солдаты. Сейчас же мы имеем пригодную брешь в подходящем месте для атаки». Создание ложементов — только потеря времени, которое враг может использовать для того, чтобы восстановить разрушенный участок городских укреплений. Ложемент имеет смысл лишь в том случае, если внутри имеются укрепления, отделяющие брешь от города, но не на бастионе, открытом в сторону города.

¹⁰¹ Т. е. первым.

¹⁰² Вероятно, Жомини имел в виду численность русских войск, стоявших под Варной до прибытия гвардии. Если в распоряжении у Меншикова изначально имелось около 10 тыс. человек, то, следовательно, в осаде могло принимать участие лишь около 7 тыс. пехотинцев, поскольку кавалерию можно было использовать только с южной стороны крепости (Лукьянович. Указ. соч. Т. 1. 1844. С. 300).

¹⁰³ Письмо Жомини Николаю I и записка «Sur les assauts en général et sur celui de Varna en particulier» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 84, 85–86). Записка помечена 14 сентября, а письмо — 15 сентября 1828 г. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой хронологии событий. Из того, как они описаны в воспоминаниях Жомини, следует, что он имел в виду взрыв под первым бастионом, который произошел 21 сентября (3 октября). Именно после этого взрыва было решено штурмовать бастион и возвести там ложемент, что подтверждается и у Мольтке, и у Лукьяновича. Однако, записка и письмо датированы 14 и 15 сентября соответственно. Если эта датировка верна, они были написаны до взрыва под первым бастионом. Согласно Мольтке, в нем и до этого имелись пригодные для штурма бреши, и Жомини мог говорить о них. Однако Жомини в одном месте своей записки упоминает именно возведение ложемента на бастионе, имеющем брешь на внутренней стороне. В любом случае, наверняка можно сказать только, что Жомини выступал за штурм, который противоречил плану Шильдера, одобренному императором.

Далее Жомини в своих воспоминаниях переходит к штурму первого бастиона, состоявшемуся 25 сентября (7 октября). Он утверждает, что сопровождал Шеншина в траншеи.

Вечером 24 сентября (6 октября) была разработана диспозиция для штурма первого бастиона. Штурм начался 25 сентября (7 октября) в 5 часов утра¹⁰⁴. Половина ложемента была уже построена, когда полковник Лисецкий, командовавший экспедицией, получил смертельное ранение. Командование над штурмовыми отрядами принял князь Лобанов-Ростовский, до того командовавший резервами¹⁰⁵. Часть штурмующих пробилась к самому центру крепости, не заботясь о том, следуют ли за ними подкрепления. Инженеры тем временем продолжали свою работу. Русские подвергались атакам со всех сторон и понесли большие потери. Через два часа они оставили бастион, потеряв 4 офицеров и 97 солдат убитыми, а также 16 офицеров и 247 солдат ранеными¹⁰⁶. В итоге бастион остался в руках турок¹⁰⁷.

Похоже, что Жомини был прав, когда призывал не строить ложемент. В тот же день, вероятно, не без удовлетворения, он отправил письмо Николаю I¹⁰⁸: «Я взял на себя смелость подать Вашему Императорскому Величеству записку о штурмах, в которой писал, „что не знаю ни одного трактата о военно-инженерном деле, в котором говорилось бы о возведении ложементов на бастионах, открытых внутрь укрепленного места, и что не понимаю смысла такого ложемента, потому что на бастионе, в котором осаждающие проделали хорошую брешь, остается работа только для бойцов“. Ваше Величество на следующий день удостоили меня ответом, что Вы це-

¹⁰⁴ Согласно воспоминаниям Жомини, штурм начался в час ночи (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

¹⁰⁵ В отношении участников этого штурма в воспоминаниях Жомини, вероятно, содержится ряд неточностей. По словам Жомини, Лобанов-Ростовский с самого начала командовал штурмом (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

¹⁰⁶ Согласно воспоминаниям Жомини, русские только ранеными потеряли от 500 до 600 человек, не считая убитых (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196). Мольтке пишет, что по русским источникам, раненых и убитых насчитывалось около 200 человек, а по другим источникам убито было 80 человек и ранено 300 (Moltke. Op. cit. 1845. P. 177).

¹⁰⁷ Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 109–116. Жомини в своих мемуарах рассказывал, что его адъютант вызвался на штурм добровольцем и во время боя был ранен пулей. Действительно, вернувшись в Санкт-Петербург, Жомини просил о том, чтобы прапорщик гвардейского Семеновского полка Касадаев, служивший у него адъютантом во время этой кампании, за свои заслуги получил чин подпоручика. Касадаев был повышен в чине, хотя за доблесть, проявленную при штурме бастиона 25 сентября 1828 г., уже был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (РГВИА. Ф. 395. Оп. 83. 1828 г. Д. 168).

¹⁰⁸ Письмо Жомини Николаю I. Помечено лагерем под Варной, 25 сентября 1828 (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4586. Л. 87).

ликом разделяете мое мнение. Сегодня оно подтвердилось, поскольку даже если бы наши солдаты не зашли слишком далеко в центр города, сомневаюсь, чтобы такой ложемент причинил врагу много беспокойства».

Вскоре после неудачного штурма первого бастиона Варна капитулировала. Причины капитуляции у различных авторов называются самые разные. Жомини в воспоминаниях рассказывает, что вернувшись в палатку, он предался размышлениям о том, как уменьшить эффект, который эта неудача должна была произвести на готовность врага к сопротивлению. Он утверждает, что в тот же самый день послал Воронцову¹⁰⁹ записку, в которой предлагал направить капудан-паше требование о капитуляции, дав ему понять, что он не сможет защитить город с совершенно разрушенными укреплениями, который едва не был взят небольшим отрядом, действовавшим вопреки полученным приказам. Через 24 часа город будет атакован 30 тысячами бойцов, и весь его гарнизон будет предан мечу. По словам Жомини, Николай I не согласился с ним, но поскольку Воронцов одобрил эту идею, император отправил Жомини к Дибичу, чтобы узнать его мнение. Опять же, согласно Жомини, получив одобрение Дибича, он лично составил письмо, которое было переведено на турецкий и доставлено капудан-паше полковником Лобановым-Ростовским. После двух дней размышлений гарнизон капитулировал, за исключением одного отряда, который вместе с капудан-пашой выбрался из Варны с южной стороны. Остальные 8 или 10 тысяч турок сложили оружие¹¹⁰.

Соответственно Жомини проводил причинно-следственную связь между якобы написанным им письмом и капитуляцией Варны. В своих воспоминаниях он утверждает, что без его совета русским пришлось бы снять с Варны осаду из-за нехватки продовольствия и приближения зимы. Император же за этот совет наградил его орденом Св. Александра Невского¹¹¹.

И Лукьянович¹¹², и Мольтке¹¹³ отчасти подтверждают версию Жомини, однако не упоминают его имени. По их сведениям,

109 Согласно Жомини, они придерживались одного мнения относительно операции (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

110 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

111 Согласно формулярному списку Жомини за 1854 г., он действительно получил в 1828 г. орден Св. Александра Невского, однако формуляре не говорится, за какие заслуги (РГВИА. Ф. 395. Оп. 160. 1854 г. Д. 395. Л. 14–15).

112 Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 118. Его описание войны носит очень фрагментарный характер и сосредоточено на описании героизма русской армии. Например, он писал, что хотя первый бастион и был оставлен после атаки, ее цель была достигнута — туркам дали понять, что им не удастся долго удерживать Варну (Там же. С. 116). И Жомини, и Мольтке придерживались на этот счет другого мнения.

113 Moltke. Op. cit. 1845. P. 178.

с согласия императора капудан-пашу уведомили о том, что часть солдат ворвалась в город лишь вследствие неумеренного рвения, их малая численность доказывает, что русские не имели намерения штурмовать Варну, однако вчерашняя атака явственно продемонстрировала возможность успешного штурма¹¹⁴. Тем не менее Лукьянович и Мольтке пришли к диаметрально противоположным выводам в своей оценке воздействия, которое это послание оказало на командующих варненского гарнизона. Лукьянович вслед за Жомини увидел здесь прямую связь. По его словам, капудан-паша и Юсуф-Паша были убеждены, что теперь русским уже ничто не помешает войти в крепость, и после некоторых колебаний, главным образом вызванных присутствием армии Омер-Вриони на высотах в окрестностях Варны, согласились на переговоры о сдаче, которые состоялись на следующий день между Юсуф-Пашой и адмиралом Грейгом. Через день, 28 сентября (10 октября), Юсуф-Паша, объявил, что русские выставили слишком суровые условия и что капудан-паша решил оборонять Варну до последнего человека, запереться в цитадели и взорвать ее вместе со всеми защитниками. Сам Юсуф-Паша не вернулся в крепость, сдавшись в плен русским. Опять же, согласно Лукьяновичу, войска под командованием Юсуф-Паши, услышав об этом, прислали депутацию, сообщившую, что они готовы сдаться русским и немедленно покинуть Варну. Позже в тот день оружие сложили около 4 тыс. турок. После этого артиллерийский огонь, остановленный на время переговоров, возобновился, и русским сдались многие жители города. Наконец, 29 сентября (11 октября), сдался и капудан-паша. Николай I отпустил его вместе со свитой и частью войска, всего около 800 человек. Кроме того, на свободу были отпущены и войска Юсуф-Паши, после того как они разоружились и дали клятву больше не сражаться против русских на этой войне. Остатки гарнизона — около 6000 человек — были отправлены в Россию как военнопленные. Юсуф-Паша, опасаясь, что в Турции его казнят, попросил взять его в Россию вместе с сыном и свитой, и его просьба была исполнена¹¹⁵.

Мольтке же, со своей стороны, обходит молчанием вопрос о том, смогли ли русские убедить капудан-пашу в возможности и успехе серьезного штурма. Однако, по его словам, нет сомнения в том, что к туркам, которые могли впасть в уныние после взрывов множества мин, вернулась отвага после недавней победы Омер-Вриони под Варной и полной неудачи атаки на первый бастион¹¹⁶. Таким образом, у Мольтке не просматривается никакой связи между этим

114 Лукьянович в данном случае ссылался на дневник осады, который вел генерал-майор Трузсон (Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 118). Весьма вероятно, что Мольтке пользовался тем же источником.

115 Лукьянович. Указ. соч. Т. II. 1844. С. 118–121.

116 Moltke. Op. cit. 1845. P. 178.

штурмом и капитуляцией Варны. Согласно Мольтке, ничего не известно о переговорах, которые привели к сдаче Юсуф-Паши с частью гарнизона. Опять же, согласно Мольтке, турки вполне могли удержать Варну, и именно по настоянию Юсуф-Паши русские возобновили артиллерийский обстрел вскоре после его прибытия. Более того, Иссет Мехмет (капудан-паша) отказался капитулировать, и Варна сдалась русским лишь после того, как он получил разрешение выйти из города с 300 солдат.

Вообще, Мольтке приписывает сдачу Варны предательству Юсуф-Паши, а причину его измены видит в дворцовых интригах. Очевидно, решение о смещении Юсуф-Паши и конфискации его земель в Румелии было принято, когда он еще защищал Варну¹¹⁷.

С покорением Варны кампания завершилась. Именно обладание этой крепостью позволило русским остаться в Болгарии на зиму. В противном случае им пришлось бы вернуться за Дунай¹¹⁸. Для русских падение Варны стало успехом в провальном, в общем-то, кампании, открытой слишком поздно и с неадекватными силами. Мольтке заключает, что, учитывая огромные русские потери, трудно сказать, кто победил — они или турки¹¹⁹.

Вскоре после падения Варны император отправился в Одессу, а оттуда — в Санкт-Петербург. Согласно воспоминаниям Жомини, он не успел попасть на императорский корабль, которым должен был плыть в Одессу. Поэтому адмирал Грейг предоставил ему другой корабль¹²⁰. По журналу русского Черноморского флота, Жомини отплыл в Одессу 3 (15) октября, через день после отбытия Николая¹²¹.

Ни Николай, ни Жомини на следующий год не участвовали в очередной кампании против турок¹²².

117 Moltke. Op. cit. 1845. Pp. 200–201. Шильдер в своем переводе книги Мольтке привел в примечании ряд подробностей. После завершения осады Юсуф-Паши со свитой привезли в Одессу. Ему назначили ежемесячное содержание в 10 тыс. рублей и обещали потребовать от турок выдачи его семьи, т. е. его гарема и детей, которые в конце концов тоже оказались в России (Мольтке. Указ. соч. 1876–1877. С. 310).

118 Moltke. Op. cit. 1845. P. 224.

119 Moltke. Op. cit. 1845. P. 236.

120 Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196.

121 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4618. Л. 212–213.

122 Однако, в январе 1829 г. Жомини подал записку с предложениями по поводу предстоящей кампании (Notes sur la prochaine campagne). В этой записке, помимо соображений, относящихся к операциям, Жомини вкратце касался организации императорского штаба и необходимости большего единоначалия в войсках, нежели в предыдущую кампанию. Но он не вдавался в подробности, указывая, что это слишком щекотливый вопрос, чтобы обсуждать его без формального приказа. По замечаниям Жомини и в этой записке, и в прилагавшемся к ней письме создается впечатление, что он излагал свои идеи по просьбе Николая. Более того, Дибич в письме подтверждал, что Николай читал записку и приказал ему сообщить Жомини,

Значение Жомини как советника при российских императорах

Как мы видели, во время кампании 1828 г. Жомини не играл существенной роли в качестве военного советника. Он послал Николаю I несколько писем и записок, но судя по тому, что сам Жомини писал в них, царь уделял им лишь самое скромное внимание. Фактически это подтверждается в воспоминаниях Жомини¹²³. Его не информировали о принятых решениях, силах обеих сторон и политическом контексте конфликта. Его записки часто основаны на предположениях или слухах, которые он мог слышать от коллег. Это тоже подтверждается в его воспоминаниях¹²⁴. Однако, Жомини утверждает, что сыграл важную роль в покорении Варны, которое стало основным событием и главным успехом русских во всей кампании. Леконт, несомненно опираясь на сведения, сообщенные ему Жомини, также говорит, что Жомини активно участвовал во взятии Варны¹²⁵.

Мы не можем полностью опровергнуть заявление Жомини о том, что именно с его подачи капудан-паше направили предложение о капитуляции, хотя возможно, что он несколько приукрашивает действительность, чтобы придать себе больше значения в глазах потомства. В любом случае это несущественно, так как письмо капудан-паше почти наверняка не было причиной капитуляции. Что же кампания 1828 года говорит нам о достоверности воспоминаний Жомини? Рапен в предисловии к изданию первой части его воспоминаний¹²⁶ отмечал, что последовательность событий, описанных Жомини, подтверждается. То же самое можно сказать и о второй части, посвященной службе Жомини в России. В том, что касается кампании 1828 г., представление Жомини о своих функциях и о роли военного советника, отраженное в его воспоминаниях, выглядит весьма точным и соответствует тому, что он писал в других документах. Однако, в воспоминаниях он придерживался не столь

что «полностью удовлетворен его идеями» и благодарит его за «интересный и полезный труд» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 4718).

123 В них Жомини указывал, что в начале кампании отправил Николаю извлечение из своей записки, касавшейся возможных войн, которые предстоит вести России, но, по словам Жомини, в ответ он получил весьма холодную благодарность. Кроме того, он писал, что скучал во время осады Варны и просил дать ему более конкретное поручение (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

124 Он отмечал, что не имел представления ни о цели данной кампании, ни об имевшихся силах (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

125 Lecomte. Op. cit. 1860. P. 239.

126 Souvenirs pour mes enfants. Vol. 1, Au service de la France. Edition critique établie et introduite par Ami-Jacques Rapin. Готовится к печати.

безнадежного тона, как в некоторых письмах к императору и особенно в письме жене. В своих воспоминаниях Жомини подчеркивал ошибки, допущенные русскими, особенно Дибичем, намекая, что в военных вопросах разбирался лучше него.

Взятие Варны является одним из тех регулярно появляющихся в воспоминаниях эпизодов, в которых Жомини, по-видимому, преувеличивал сыгранную им роль. Но опять же, в своем рассказе он ничего не выдумал, это видно из сопоставления с произведениями Мольтке и Лукьяновича. В отношении же Леконта можно сказать, что его работе, которая крайне поверхностно освещает русский период, вообще свойственно отсутствие критического подхода к жизни Жомини.

Чем же можно объяснить, что Жомини, один из ведущих военных мыслителей той эпохи, занимал в России столь скромное положение? Можно ли приписать этот факт деятельности многочисленных врагов, якобы имевшихся у него? Опять же, однозначный ответ дать затруднительно. Как уже отмечалось, Жомини с трудом приживался в русской армии, и вполне возможно, что он действительно нажил врагов из числа русских генералов, но трудно сказать, были ли тому причиной его таланты, как он утверждает¹²⁷. Более вероятно, что он не смог завести много друзей в России из-за своего сложного характера. По словам Кански, «откровенность и прямота его мнений, его вспыльчивость и известный цинизм нажили ему, как говорят, могущественных врагов при дворе»¹²⁸.

Во-вторых, Жомини был лишь одним из множества советников. Например, Ф. Ф. Берг, в 1828 г. генерал-квартирмейстер 2-й армии, сетовал на то, что при императорской квартире развелось чересчур много советников, хотя их все равно никто не слушает и они заняты только своими интригами¹²⁹. Вообще говоря, Жомини наверняка был самым известным из них, его трактаты прославили его на всю Европу. Однако существовало фундаментальное различие между Жомини как писателем и Жомини как советником — хотя

сам он не делал его в своих воспоминаниях, а русские не придавали этому различию значения до того, как Жомини поступил к ним на службу. Его пригласили в Россию именно благодаря его произведениям. К тому времени он был уже одним из самых знаменитых и значительных военных мыслителей в Европе, причем в России его, видимо, ценили еще больше¹³⁰. Уже в 1807 г. граф П. А. Толстой, в то время русский посол в Париже, писал Н. П. Румянцеву, российскому министру иностранных дел: «Прилагаемая работа была прислана мне ее автором, полковником Жомини, дабы положить ее к ногам Императора. Я решил, что не могу не передать ее Вашему Превосходительству, учитывая особую ценность, которой она отличается, и заслуженную известность, полученную ей в этой стране. Тема, подвергающаяся в ней обсуждению, имеет высокое значение, а то, как автор раскрывает великие принципы военного искусства, представляется мне достойным внимания Его Величества»¹³¹.

В 1810 г. Александр Чернышев, в то время русский военный агент в Париже, пытался завербовать Жомини на русскую службу. По его словам, он искал знакомства с Жомини именно благодаря его «Трактату» и той репутации, которую Жомини имел среди просвещенных офицеров. Далее Чернышев пишет: «Поскольку месье де Жомини признан во Франции как один из наиболее образованных офицеров, я решил, что такой человек, всесторонне обдумавший великие принципы войны, а затем развивший и изложивший их, может стать чрезвычайно ценным приобретением, оказавшись на службе у Его Величества»¹³². Александр I разделял мнение Чернышева о Жомини, судя по письму Румянцева к Чернышеву: «Та высокая оценка, которую Его Величество дает талантам месье де Жомини, предвещает последнему в нашей стране существование, достойное его, и компенсацию за то, что он оставляет во Франции»¹³³.

127 В рассказе Ланжерона о кампании 1813 г. есть интересный абзац, в котором автор предполагает, что по крайней мере в том году генералы союзных войск втайне опасались славы Жомини, в тени которой они могли оказаться: «В конце концов смерть Моро и презрение, которым был окружен Жомини вскоре после своего дезертирства, также сослужили большую пользу для самооценки союзных генералов. Если бы первый оставался в живых, а второго не стали бы вскоре оценивать так, как он в самом деле заслуживал, то наверняка все бы стали говорить о том, что всеми операциями руководят именно два этих господина» (*Journal des campagnes faites au service de Russie par le Comte de Langeron, général en chef. 16e Campagne en Allemagne 1813. Seconde partie [1826]* // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 728. Оп. 2. Д. 524. Л. 36).

128 Canski, Joseph. *Tableau statistique, politique et moral du système militaire de la Russie*. Paris, Heideloff et Campé, 1833. P. 281.

129 Глиноецкий. Указ. соч. Т. II. 1894. С. 33.

130 Бернади в своей биографии Толя указывал, что к тому моменту, как Жомини поступил на службу в русскую армию, его репутация как автора и теоретика нигде не была так высока, как среди русских офицеров, особенно молодых (*Bernhardi, Theodor von. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des kaiserl. russ. Generals von der Infanterie Karl Friedrich Grafen von Toll. Vol. 3. Leipzig, Verlag von Otto Wiegand, 1866. S. 156*).

131 Письмо Толстого Румянцеву. Париж, 8 (20) ноября 1807. Опубликовано: *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 89. СПб., 1893. С. 229.

132 Письмо Чернышева Румянцеву. Париж, 6 (18) июня 1810. Опубликовано: *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 121. СПб., 1906. С. 55–58.

133 Письмо Румянцева Чернышеву. 6 (18) сентября 1810. Опубликовано: *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*. Т. 121. СПб., 1906. С. 95–96.

Когда Жомини наконец в 1813 г. перешел на русскую службу, многие питали в его отношении большие ожидания. Жан-Виктор Моро, прославленный генерал французской республиканской армии, впоследствии живший в изгнании и в один день с Жомини прибывший в Прагу, чтобы стать советником при Александре I, писал в дневнике: «Император сделал превосходное приобретение в лице генерала Жомини, он очень талантлив»¹³⁴. Вскоре Моро получил смертельное ранение в Дрезденской битве и умер. Таким образом, он был знаком с Жомини всего несколько дней.

Другие генералы вскоре прониклись иным мнением относительно талантов Жомини. Согласно генералу Ланжерону — французу, покинувшему Францию во время революции и поступившему на русскую службу, а в 1813 г. командовавшему русским корпусом в составе Силезской армии, от Жомини на поле боя было мало пользы, несмотря на его писательские таланты. В своем описании кампании Ланжерон говорит, что его (Жомини) «дезертирство (...) подняло много шума, не делая особой чести месье де Жомини (хотя он не француз, а швейцарец) и не принеся серьезных выгод союзным армиям. Месье де Жомини на поле боя потерял ту репутацию, которую он, весьма небезосновательно, заслужил своими превосходными сочинениями. (...) Он не оказывал никакого влияния на планы кампании, а немногие советы, о которых его просили, были крайне робкими»¹³⁵.

Бернарди в своей биографии Толя приходит к аналогичным выводам. Русские офицеры многого ожидали от знаменитого автора, труды которого они читали. Однако, эти ожидания очень быстро развеялись: «Однако вскоре стало ясно, что у него на деле почти отсутствовал практический опыт военных операций, и что ему не хватало многого, что в принципе требуется от любого офицера генерального штаба. (...) Вероятно, эти обстоятельства в большой степени объясняют, что ему не удалось приобрести сколько-нибудь значительного и продолжительного влияния, и по крайней мере впоследствии он сам признавался, что его нельзя назвать „тактиком“; это мнение возобладало в русской армии, однако его репутация как «стратега» настолько устоялась, что даже это ее не поколебало»¹³⁶.

134 Дневник генерала Моро (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 389с. Л. 3). Запись сделана в Зетлице 22 [августа 1813].

135 Langeron. Op. cit. (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 2. Д. 524. Примечания на л. 170б-18). Ланжерон прибавляет: «Вообще все эти великие гении, начиная [...] от Мака и заканчивая Жомини, неизменно терпели неудачу, как только меняли перо на меч».

136 Bernhardi. Op. cit. Vol. 3. 1866. Ss. 156–157. Однако в работе Бернарди имеется ряд спорных моментов. Тартаковский прав, указывая на то, что Бернарди не издал мемуары, написанные Толем, а написал труд по военной истории (Тартаковский. Указ. соч. 1970. С. 372 и далее). Таким образом, нам неизвестно, действительно ли в заявлении Бернарди о Жомини отражена точка зрения Толя. А ее было бы интересно узнать, поскольку Жомини

Таким образом, таланты Жомини как писателя и его репутация как военного теоретика получили широкое признание; с другой стороны, его таланты как военачальника ставились под сомнение¹³⁷. Другой вопрос — действительно ли Жомини был так бесполозен на поле боя, как утверждают его коллеги. Однако, важным представляется то, что мнение о различии между талантами Жомини как писателя и его способностями военачальника существовало среди русских офицеров с самого начала службы Жомини в России. Верное или нет, но это мнение по крайней мере частично объясняет, почему Жомини так никогда и не сыграл, или не получил возможности сыграть в России важную роль в качестве военного советника. Вообще говоря, во время Крымской войны он вернулся в Санкт-Петербург, и Николай I читал его письма и записки об операциях¹³⁸. Кроме того, Жомини был инициатором основания Императорской военной академии, и в 1829–1830 гг. возглавлял комитет по разработке первого варианта проекта этой академии¹³⁹. Но в первую очередь он был военным писателем и историком, получившим в России широкое признание. Например, Д. А. Милютин, знаменитый реформатор российской армии при Александре II, согласно его мемуарам, после учебы в военной академии в 1835–

и Толь во время кампании 1813 г. явно провели много времени в обществе друг друга. Интересно, что Жомини в своих воспоминаниях сетует на вероломство Толя, имея в виду мемуары последнего. Соответственно, Жомини считал работу Бернарди мемуарами, написанными лично Толем. Согласно воспоминаниям Жомини, Толь называл себя его учеником до того, как тот приехал в Россию и стал препятствием на пути у Толя. В данном случае Жомини снова намекал на то, что нажил в России врагов из-за своих талантов (Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196).

137 Случайно или нет, но во французском лагере сложилось такое же мнение. Барон де Дедем де Гельдер, французский генерал голландского происхождения, который служил в 1813 г. под началом Нея, в своих мемуарах писал о Жомини, что тот не был «ни хорошим солдатом, ни способным командиром. Я видел, как в битве под Бауценом [1813] развитие событий привело его в ужас; он с большим трудом написал приказ, который маршал [Ней] продиктовал ему на поле боя, а на следующий день он говорил так, как будто именно от него исходили все планы и распоряжения. Я не хочу сказать, что он не был храбрым, однако, судя по этой сцене, его отвагу было легко поколебать» (Un général hollandais sous le premier empire. Mémoires du général baron de Dedem de Gelder. 1774–1825. Paris, Plon, 1900. P. 327).

138 Эти записки ныне хранятся в РГВИА (Ф. 1. Оп. 1. Д. 21979; Ф. 481. Оп. 1. Д. 664. Л. 32–45 (письма М. Д. Горчакову)). О том, что Николай читал записки и письма, говорят его пометки. С Жомини даже советовались по некоторым вопросам, связанным с операциями.

139 О создании Императорской военной академии см.: Глиноецкий Н. П. Исторический очерк Николаевской академии генерального штаба. СПб., 1882; и Глиноецкий. Указ. соч. Т. 2. 1894. См. также недавнюю работу: Carl Van Dyke. Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914. New York, Greenwood Press, 1989. Документы, связанные с ролью Жомини в создании академии, см.: РГВИА. Ф. 544. Оп. 1. Д. 1.

1836 гг. перевел первый том «Жизни Наполеона» Жомини, не только из-за своего интереса к Наполеону, но и в надежде заработать денег этим переводом, считая, что он будет хорошо продаваться¹⁴⁰.

Разумеется, не случайно, что вскоре после возвращения в Санкт-Петербург Жомини получил приказ написать краткую историю кампании 1828 г. Он пишет в своих воспоминаниях: «Одной из первых порученных мне задач было составление оправдательной записки о кампании в ответ на безудержные и злобные нападки немецких газет. Граф Нессельроде от имени Е. В. обратился ко мне с просьбой опровергнуть эту клевету. Поручение было щекотливым, так как кампания в самом деле совсем не оправдала всеобщих ожиданий, и не будь захвата Варны и успехов Паскевича в Армении, она бы стала полным фиаско»¹⁴¹.

«Observations sur la dernière campagne de Turquie» были анонимно изданы в Париже и в Санкт-Петербурге¹⁴². Жомини представлял собой идеальный выбор для этой задачи, будучи известным и уважаемым по всей Европе военным историком. Но нельзя не отметить, что по иронии судьбы Жомини, который мечтал о «настоящей» военной карьере, получил приказ написать историю кампании, на ход которой он не оказал практически никакого влияния.

Подводя итоги, подчеркнем еще раз, что Жомини приобрел и сохранил большое влияние в качестве военного писателя, теоретика и историка. Его значение как военного советника носило куда более ограниченный характер. Разумеется, мы никогда не сможем полностью исключить возможность того, что Жомини мог бы принести большую пользу, особенно в кампании в 1828 г., которая по об-

щему и вполне обоснованному признанию завершилась неудачей, и что некоторые завистливые генералы, опасаясь его влияния, старались не подпускать его к императору. Однако, признавая Жомини как писателя предполагает, что понимая войну в теории, он не обладал способностями полководца. Сам Жомини был крайне разочарован своим положением в русской армии. Описывая подвиги великих генералов, он сам хотел быть одним из них, или по крайней мере приносить пользу своими советами. Однако, в русском штабе во время кампании 1828 г. его скорее терпели, нежели ценили.

Ограниченная роль Жомини как военного советника несколько не умаляет общего значения этой очень интересной исторической личности. Он не только был одним из величайших военных мыслителей своего времени; сама его жизнь крайне любопытна для современного читателя, а его воспоминания, пусть даже порой приукрашенные, являются уникальным источником, позволяющим лучше понять и его жизнь, и его произведения. Более того, они интересны еще и в том отношении, что показывают с весьма неординарной точки зрения русскую армию и общество в первой половине XIX века.

Перевод Николая Эдельмана

~

¹⁴⁰ Милютин так и не издал этот перевод. По его словам, ему воспрепятствовал сам Жомини, посчитав это нарушением своих авторских прав. Кроме того, военный цензор Михайловский-Данилевский потребовал изменить часть книги, касающуюся политики (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1842. М., 1997. С. 165, 170). Как ни странно, первый том «Жизни Наполеона», переведенный на русский язык Ушинским, был издан в 1837 г., т. е. примерно в то же самое время (Политическая и военная жизнь Наполеона. Т. 1–6. СПб., 1837–1842).

¹⁴¹ Recueil de souvenirs pour mes enfants // ЕМВ. ТАР 0195 / ТАР 0196. По-видимому, сначала отчет Жомини о кампании не предназначался к изданию, или по крайней мере Жомини не знал об этом. 18 (30) декабря 1828 г. он писал Чернышеву: «И хотя я нуждаюсь в кое-каких объяснениях о том, какой характер должно иметь данное изложение кампании, которое Его Величество пожелал получить для личных надобностей, я уже сейчас могу сообщить вам, что мне потребуется в любом случае». Далее шел список материалов, необходимых Жомини. Потом он прибавлял: «Вам покажется, что я прошу многого, хотя вследствие того, что мне ничего не известно, я должен ознакомиться с вопросом, прежде чем излагать его» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 994. Л. 1–2).

¹⁴² Observations sur la dernière Campagne de Turquie. Par un Officier d'Etat-major russe, Paris, Impr. de Goetschy, 1829 / Saint-Petersbourg, Veuve Pluchart, décembre 1828.

К. М. ЯЧМЕНИХИН

ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПРИ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ I

В историографии военных поселений главный акцент делался преимущественно на первый период их истории, совпадающий с правлением императора Александра I. Большинство авторов полагало, что правительство Николая I, радикально реформировав их в конце 1820-х — начале 1830-х гг., практически свело правовой статус и фактическое положение военных поселенцев к состоянию таких категорий крестьянства, как государственные (поселения кавалерии) и удельные (поселения пехоты). Вот почему до последнего времени история военных поселений в период царствования императора Николая I почти не изучалась, в том числе и причины, по которым они функционировали еще на протяжении тридцати лет, хотя и в значительно реформированном виде. Только в последнее время авторы попытались ликвидировать данную лакуну¹.

То обстоятельство, что военные поселения были важным фактором внутренней и внешней политики, не вызывает сомнений. В пользу этого свидетельствует хотя бы то, что сразу же после восшествия на престол Николай I должен был сформулировать свое отношение как к этому специфическому государственному инсти-

1 Кандаурова Т. Н. Система землепользования в округах военных поселений кавалерии в XIX в. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 139–149; Ячменихин К. М. Военные поселения на Кавказе в 30–50-е годы // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 4. С. 18–28; Ячменіхін В., Ячменіхін К. Проект утворення військових поселень на Лівобережній Україні у 50-х рр. XIX ст. // Сіверянський літопис. 2002. № 3. С. 50–54; Ячменихин К. Армия и реформы. Военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006.

туту, так и к А. А. Аракчееву, с которым, прежде всего, он ассоциировался у современников. В рескрипте на имя Аракчеева от 19 декабря 1825 г. император писал: «Императору Александру Павловичу благоугодно было учредить военные поселения для пользы Государства нашего ... Предполагая и вменяя себе в обязанность поддерживать устройство начатого дела, я надеюсь, что вы будете мне вспомоществовать в оном»². Известно, что отношения между А. А. Аракчеевым и Николаем I как личные, так и служебные, не сложились еще задолго до начала его царствования³. Такую же негативную позицию он занимал и в отношении военных поселений. Однако на радикальные шаги, т. е. их ликвидацию, он почему-то не отважился. Почему?

Император был хорошо осведомлен об их финансово-хозяйственном положении (до 1826 г. общие государственные затраты на их устройство составляли 85 млн. руб. ассигнациями)⁴. Однако, император избрал путь реформирования системы, главной целью которой было повышение ее экономической эффективности. Можно предположить, что на этот шаг он решился после серии консультаций с руководителями военного ведомства и военных поселений: И. И. Дибичем, И. О. Виттом, П. А. Клейнмихелем, которые смогли убедить Николая I в целесообразности функционирования военных поселений, но в значительно измененном виде.

На том этапе идея военных поселений себя еще не исчерпала, и хотя и была гипертрофированным выражением государственного регулирования социально-экономических процессов, однако в условиях крепостничества давала достаточно много позитивных результатов. Реформирование системы военных поселений началось с отхода от «аракчеевской модели» их структуры и функционирования. В первую очередь было решено преобразовать поселения пехоты, где переход на самообеспечение продовольствием проходил медленно и болезненно, особенно в округах, расположенных в Могилевской губернии. Решить эту проблему можно было только за счет повышения производительности поселянского хозяйства, а этого, в свою очередь, можно было ожидать только освободив поселян-хозяев от строевой службы. Идея соединения в одном лице исполнения двух совершенно разнородных функций — податной и служилой — на практике оказалась абсолютно утопичной. Весьма оперативно были разработаны и утверждены «Положение о полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях» (утвержде-

2 Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 405. Оп. 1. Д. 328. Л. 652–652 об.

3 Ячменихин К. М. Граф А. А. Аракчеев и Николай I // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 1. С. 25–39.

4 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 17028. Л. 28–31об.

но 19 ноября 1826 г.) и «Положение о военном поселении регулярной кавалерии» (утверждено 5 мая 1827 г.).

Основные положения этой реформы в строевом отношении сводились к следующим моментам. Списочный состав поселений и действующих подразделений уравнивался за счет удвоения количества поселенцев-хозяев. Каждый поселенный пехотный полк состоял теперь из двух действующих, резервного и поселенного батальонов, а кавалерийский — из шести действующих, трех резервных и трех поселенных эскадронов. Военные поселенцы-хозяева (в кавалерии вместе со своими «помощниками») освобождались от строевой службы, и каждое поселенческое хозяйство должно было теперь содержать не двух, а одного «постояльца» из действующих подразделений.

Поземельный состав округов военных поселений можно было увеличить только за счет перевода в них значительного количества государственных, а где возникала необходимость — владельческих и удельных крестьян. Реализовать этот проект за короткий срок было невозможно, поэтому на территории округов 2-ой и 3-ей гренадерских дивизий (Старорусский уезд Новгородской губ.) было решено создать округа 2-й гренадерской и гренадерской артиллерийской дивизий⁵. Дело в том, что территория округа гренадерской артиллерийской дивизии была значительно меньше территории округа 3-ей гренадерской дивизии, поэтому за счет такого шага разрешался вопрос не только об удвоении численности поселенных батальонов 2-й гренадерской дивизии, но и о значительном увеличении ее территории.

Труднее этот вопрос решался в округе 1-й гренадерской дивизии (Новгородский уезд). Здесь удалось расширить только территории округов двух карабинерных полков за счет присоединения к военным поселениям Коростынской и Бурегской удельных волостей. Ради быстрой реализации задуманной реформы Николай I даже пожертвовал частью прибыли императорской фамилии. Остальные четыре округа этой дивизии так и не были увеличены, поскольку в этой местности отсутствовал резерв государственных земель. В кавалерии реформирование округов проходило значительно дольше и болезненнее, поскольку государственные и удельные земли располагались чересполосно с частновладельческими, что затрудняло формирование поземельного состава округов военных поселений на новых основаниях.

В ноябре 1828 г. император утвердил разработанное особым комитетом «Положение» о новом устройстве поселений 2-й уланской и 2-й кирасирской дивизий, расположенных в Слободско-Украинской губ. На базе четырех уланских полков — Белгородского, Чугуевского, Борисоглебского и Серпуховского — создавались округа первых трех с присоединением к ним селений Волчанского уезда,

5 РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 383. Л. 409.

а округ Серпуховского полка формировался заново. В состав этого округа вошли государственные селения Змиевского и Изюмского уездов, в том числе и с. Шебелинка, в котором произошло известное восстание против перевода в военные поселения. В целом в округа 2-й уланской дивизии было переведено 8354 ревизских души⁶.

Согласно указу от 17 ноября 1828 г., новое устройство получали и округа 2-й кирасирской дивизии. Строевой состав поселенных и резервных эскадронов увеличился на четверть. На базе округов четырех кирасирских полков — Екатеринославского, Глуховского (переименован в полк Великого князя Михаила Павловича), Астраханского и Псковского — были созданы новые округа первых трех полков с «добавлением к ним соседских казенных селений и хуторов Купянского и Старобельского уездов»⁷. Округ Псковского кирасирского полка был создан заново на базе «казенных селений и хуторов по обеим сторонам р. Айдара, выше г. Старобельска»⁸.

Аналогичные процессы происходили в округах кавалерии, расположенных в Херсонской и Екатеринославской губерниях. Здесь увеличение площади округов, как правило, составляло до 30 %, а численность населения, по нашим подсчетам, до 46 %. При реформировании поземельного состава командование округов пыталось свести переселение жителей с одного места на другое до минимума с тем, чтобы сберечь имеющийся экономический потенциал хозяйств, отходящих в военные поселения.

В декабре 1828 г. города Елизаветград и Ольвиополь получили статус военного города «на тех самых основаниях и „правилах“, кои даны в сем отношении г. Старой Руссе»⁹. Г. Ольвиополь был переведен в разряд заштатных городов, которые входили в состав округов военных поселений (Чугуев, Вознесенск, Новогеоргиевск, Новомиргород).

В 1827 г. на базе поселенных батальонов Елецкого и Полоцкого пехотных полков (Могилевская губ.) был создан округ поселения 2-й пионерной бригады. В следующем году было принято решение о формировании округа 1-й пионерной бригады в Динабургском старостве Витебской губернии. Осенью 1828 г. поселенные инженерные войска были сведены в отдельный отряд. Следует отметить, что подготовительные работы по поселению 1-й пионерной бригады происходили в условиях абсолютной секретности, поскольку власти небезосновательно остерегались проявлений недовольства местных жителей.

На территории Свинорецкой волости Новгородской губ. после присоединения к ней ряда селений, купленных у графини А. А. Ор-

6 РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 3643. Л. 75.

7 Там же. Л. 79.

8 Там же.

9 РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 537. Л. 186–186 об.

ловой-Чесменской в 1828–1829 гг., был создан округ поселения военных работников в составе двух рот. Их основная обязанность заключалась в добыче и транспортировке извести к местам строительных работ в округах 1-й гренадерской дивизии, а также поддержании порядка на территории учебного лагеря Гренадерского корпуса в с. Княжий Двор.

В январе 1828 г. было утверждено «Предложение о составе, расположении и управлении резервных войск». Эти войска составляли резерв 2-й Армии и формировались на период русско-турецкой войны. Резерв кавалерии формировался на базе 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса (в него входили 3-я уланская и 3-я кирасирская дивизии) и ряда отдельных эскадронов 1-й драгунской, 1-й конно-егерской, 3-ей гусарской, 4-й уланской и Бугской уланской дивизий. В целом резервная кавалерия включала около 120 эскадронов. Резерв пехоты формировался на базе 3-го, 4-го, 5-го и 7-го пехотных корпусов и сводился в четыре резервных дивизии. Резервная пехота составляла около 60 батальонов¹⁰.

Резервными войсками командовал генерал-лейтенант И. О. Витт, которому для оперативного управления придавался штаб (начальник штаба — генерал-майор Ф. Ф. Эккельн), расположенный в г. Елизаветграде. Резервные войска приняли участие в боевых действиях, а округа военных поселений составили достаточно надежную тыловую базу продовольственного и фуражного снабжения войск. Этот факт, на наш взгляд, в значительной степени повлиял на позицию императора относительно дальнейшей судьбы военных поселений. Поэтому они были не только сохранены (хотя и в реформированном виде), но и значительно расширены.

В конце 1820-х гг. разрабатывался ряд проектов создания округов военных поселений в различных регионах страны. Так, например, предполагалось сформировать пограничные поселения по р. Днестр в Бессарабии из отставных нижних чинов¹¹. В 1827 г. И. О. Витт получил приказ подобрать пригодные территории для поселения легкой кавалерийской дивизии на реках Ингул и Днестр, в Балтском уезде Каменец-Подольской, а также Тираспольском и Одесском уездах Херсонской губерний¹². Разработанные проекты отличались проработкой наиболее оптимальных решений хозяйственной составляющей округов за счет проведения тщательной ее подготовки на местах перед введением туда войск на поселение.

С начала 1827 г. стал разрабатываться проект поселения войск на Кавказе путем перевода сюда около 80 тыс. казаков из Малороссии¹³. В это же время рассматривались планы создания поселе-

ний конно-артиллерийских рот в Херсонской и Слободско-Украинской губерниях¹⁴. В 1828 г. 3-я гренадерская дивизия была выведена из состава 1-й Армии и подчинена командиру Гренадерского корпуса генералу от инфантерии князю И. Л. Шаховскому с последующим ее поселением в С.-Петербургской и Псковской губерниях¹⁵.

В 1829 г. Николай I собственноручно составил записку о переводе 25 тыс. душ государственных крестьян Смоленской губ. в военные поселения и формировании на этой основе 2-го поселенного пехотного корпуса¹⁶. В это же время министр финансов Е. Ф. Канкрин подал императору детальные сведения о численности и состоянии государственных крестьян Калужской, Екатеринославской, Полтавской, Слободско-Украинской и Черниговской губерний. Вероятно эти сведения собирались с целью разработки проектов поселения войск в указанных регионах. Был также поставлен вопрос о создании военных поселений на Шосткинском и Казанском пороховых заводах¹⁷. Однако ни один из этих проектов не был реализован, поскольку, во-первых, на это требовались большие финансовые затраты, во-вторых, Россия в то время находилась в состоянии войны с Ираном и Османской империей, подавляла польское восстание, по стране прокатилась волна «холерных бунтов», вспыхнуло восстание военных поселенцев в Новгородской губ.

На наш взгляд, именно последнее событие в значительной степени повлияло на дальнейшую судьбу военных поселений. Император не мог не увидеть аналогии с восстанием декабристов. В обоих случаях бунтовали не крестьяне и казаки, оружие против власти повернула армия. После подавления восстания правительство Николая I оказалось перед дилеммой: или окончательно уничтожить военные поселения, или продолжить их либерализацию. Особенное беспокойство вызывали округа пехоты, в которых переход на самообеспечение продовольствием даже после реформы 1826 г. происходил очень медленно. В то же время, здесь уже сложилось достаточно развитая хозяйственная инфраструктура, а также база для казарменного расквартирования войск.

Летом — осенью 1831 г. происходил поиск наиболее оптимальных форм проведения реформы. Императорским указом от 8 ноября 1831 г. округа поселения Гренадерского корпуса были преобразованы в 14 округов пахотных солдат, которые были сведены в два удела: Новгородский (1–6 округа) и Старорусский (7–14 округа)¹⁸. Основные права и обязанности пахотных солдат, струк-

¹⁰ РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 357. Л. 12–16.

¹¹ Там же. Д. 447. Л. 36–37, 45 об-46.

¹² Там же. Д. 557. Л. 4 об-5.

¹³ РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 1995. Л. 5 об-6.

¹⁴ Там же. Д. 786, 1153, 1504.

¹⁵ РГВИА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 5. Л. 4, 60–60 об.

¹⁶ РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 1453. Л. 1–10.

¹⁷ Там же. Д. 1444. Л. 3.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. (Далее: ПСЗ-2).

Т. У1. 1831. Отд. 2. № 4927. Именной указ, данный управляющему Главным

тура округов и их управление были сформулированы в «Предположении о преобразовании округов пахотных солдат Новгородского и Старорусского уделов», утвержденном в марте 1832 г.¹⁹ Поселенные роты ликвидировались, а округа теперь делились на волости. В домах бывших военных поселян расквартировывались войска, а сами они отселялись в другие места округов, где за государственный счет им отстраивались новые дома «по крестьянскому образцу». Вместо натурального содержания войск пахотные солдаты уплачивали оброк в размере 60 руб. ассигнациями с хозяина и 15 руб. с каждой души мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет. От уплаты оброка были освобождены пахотные солдаты 5-го округа (бывший округ 1-го карабинерного полка), которые не принимали участия в восстании.

Одновременно с преобразованием Новгородских поселений рассматривались вопросы о реформировании округов пионерных бригад в Белоруссии, однако решение об этом было принято только в октябре 1832 г., когда на их базе были созданы два округа пахотных солдат.

Очередное реформирование военных поселений, начавшись с округов пехоты, распространилось и на округа кавалерии. В 1832 г. здесь окончательно завершился отрыв поселенной части полков от действующей, который начался согласно реформе 1827 г. За жителями округов сохранилось название «военный поселенин», а начиная с 1834 г., они выполняли рекрутскую повинность на общих основаниях. Главной обязанностью военных поселян оставалось обеспечение действующих войск продовольствием и фуражом путем выполнения трехдневной повинности на общественной запашке. С этого времени округа поселений назывались не именами полков, а имели порядковую нумерацию, «оставаясь в главном управлении корпусных командиров»²⁰. В апреле 1838 г. эскадронные поселения были переименованы в волости. И только в феврале 1850 г. поселения кавалерии были выведены из подчинения корпусным штабам (власть корпусных командиров сохранялась) и передавались под командование специально назначенного генерала.

Согласно указу от 8 августа 1836 г. поселения кавалерии в Харьковской губернии стали называться Украинскими (8 округов), а в Херсонской и Екатеринославской губерниях — Новороссийскими (12 округов)²¹. В 1851 г. произошло увеличение территории окру-

штабом по военному поселению, «О некоторых изменениях в образовании округов военного поселения гренадерского корпуса».

19 ПСЗ-2. Т. УП. 1832. № 5251. Высочайше утвержденное «Предположение о преобразовании округов пахотных солдат Новгородского и Старорусского уделов».

20 РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 917. Л. 82–82 об.

21 Там же. Д. 54. Л. 15.

гов пахотных солдат за счет ликвидации уделов и двукратного сокращения количества округов. Это было связано, главным образом, с рядом государственных мероприятий по сокращению затрат на управленческий аппарат. Однако радикально сократить штат чиновников правительство не решилось, боясь «ослабления надзора за хозяйственной частью округа, а особенно за своевременным сбором оброка и тщательным исполнением земледельческих работ»²².

После подавления польского восстания 1830–1831 гг. на основании указа от 6 мая 1831 г. на поместья дворян, «достаточно изобличенных в деятельном распространении мятежа с поднятием самого оружия», был наложен секвестр. Под конфискацию попали имения крупных землевладельцев — графов Владимира, Александра, Германа и Иосифа Потоцких, князя Адама Чарторыйского, Вацлава Ржевусского, Александра Сабанского и др.²³ В апреле 1836 г. эти имения, расположенные в Киевской и Подольской губерниях, были переданы в ведение Военного министерства. Обоснование было сформулировано следующим образом: «Значительнейшие из них имения ... по положению своему постоянно заняты войсками и военными помещениями»²⁴.

Для оперативного управления, а также с «целью постоянного их улучшения», эти имения были разделены на два отдельных участка. Управлялись они Главной хозяйственной конторой, расположенной в г. Умани. Начальником округов был назначен начальник штаба 2-го резервного поселенного кавалерийского корпуса генерал-майор Фохт²⁵. В 1837 г. были утверждены правила конфискации имений собственников, наследники которых были лишены своих прав за участие в восстании 1830–1831 г.²⁶, в результате этого к Военному ведомству отошло около 86 тыс. душ мужского пола.

На основании специально разработанного «Положения» жители этих округов продолжали принадлежать к крестьянскому сословию, но при этом мужчины подпадали под военную юрисдикцию. Летом-осенью 1837 г. происходили активные консультации руководства Военного министерства с командирами подразделений поселенной кавалерии, вследствие чего 6 декабря был подписан указ на имя военного министра А. И. Чернышева о преобразовании поселений военного ведомства в «военные поселения Киевской и Подольской губерний». Пять округов поселений после определенно хозяйственного обустройства должны были принять на постой,

22 РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 6659. Л. 10–10 об.

23 Центральный Государственный Исторический архив Украины (ЦГИА Украины, Киев). Ф. 445. Оп. 1. Д. 1. Л. 61–74.

24 Там же. Д. 2. Л. 108–108 об.

25 Там же. Л. 16.

26 Там же. Д. 1. Л. 24–24 об.

обеспечить продовольствием и фуражом легкую кавалерийскую дивизию и конно-артиллерийскую бригаду.

Поселяне этих округов продолжали платить государственную подать в размере 1 руб. 23 коп. серебром с души в год, которая поступала в бюджет военных поселений и расходовалась, главным образом, на погашение долгов, числящихся за конфискованными имениями. Город Умань, в котором располагался штаб этих округов, был переведен в категорию «военных городов». Округа военных поселений в Киевской и Подольской губерниях были подчинены инспектору всей поселенной кавалерии, а оперативное управление осуществлял командир сводного Кавалерийского корпуса, которому был подчинен штаб этих округов²⁷.

И только 9 марта 1840 г. было утверждено «Положение об устройстве округов военного поселения в Киевской и Подольской губерниях». Столь длительный период разработки этого документа, по нашему мнению, объясняется необходимостью детальной проработки поземельного устройства округов, поскольку конфискованные имения располагались по всей территории этих губерний и часто для большей компактности округов возникала необходимость выкупа смежных владений, некоторые земли обменивать и т. д. Кроме того, по примеру других кавалерийских округов, необходимо было выделить площади под общественную запашку. Окончательное поземельное обустройство округов затянулось до середины 1840-х гг. и было связано с малоземельем и дефицитом финансирования.

Военные поселения на Кавказе, введение которых началось в 1837–1838 гг., отличались от других поселений как целями их создания, так и системой функционирования, в частности административно-хозяйственной структурой²⁸. Созданием военных поселений в Киевской и Подольской губерниях, а также на Кавказе закончилось их территориальное формирование и в таком виде поселенная система войск просуществовала до окончательной ее ликвидации в конце 1850-х гг.

Как и на предыдущих этапах, в 1830–1850-х гг. разрабатывалась серия планов создания новых военных поселений, которые в связи с различными обстоятельствами остались нереализованными. Так, например, в середине 1830-х гг. рассматривался вопрос о поселении солдат русской национальности в Литве с целью дальнейшей русификации края²⁹. В фонде Департамента военных поселений РГВИА (ф. 405) сохранилась секретная переписка Канцелярии Военного министерства со штабом командующего резервной кавале-

рией о создании военных поселений кавалерии в Херсонской, Екатеринославской, Полтавской и Черниговской губерниях³⁰.

Многочисленные нереализованные планы создания военных поселений свидетельствуют о том, что такая форма содержания войск импонировала императору Николаю I. И только перспектива значительных финансовых расходов на их создание, а также факторы внешнеполитического характера помешали их реализации. Необходимо было такое мощное потрясение, как Крымская война, чтобы убедительно доказать историческую неспособность исключительно феодальных способов комплектования и содержания вооруженных сил в условиях складывающихся буржуазных отношений.

30 Ячменіхін В., Ячменіхін К. Проект утворення військових поселень на Лівобережній Україні у 50-ті рр. XIX с. // Сіверянський літопис. 2002. № 3. С. 50–54.

27 РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 1748. Л. 339.

28 Ячменихин К. М. Военные поселения на Кавказе в 30–50-е годы XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1991. № 4. С. 18–30.

29 РГВИА. Ф. 405. Оп. 4. Д. 1740. Л. 1–5, 18–30.

БРЮС В. МЕННИНГ

А. И. ЧЕРНЫШЕВ: РУССКИЙ ЛИКУРГ¹

*Автор посвящает эту статью
памяти Роберта Мак-Нила*

Александр Ивану Чернышеву (1785–1857) российское казачество XIX и XX вв. как явление обязано своими формами и размахом более, чем кому-либо другому. В своих последовательных ипостасях кавалерийского офицера, адъютанта при двух царях, армейского реформатора и военного министра Чернышев водил казаков в бой, в постнаполеоновскую эпоху всячески отстаивал казачество, как отнюдь не изжившее своё значение, руководил реформой казачьего войска Донского и, наконец, взял на себя выполнение задачи по насаждению донского образца в других казачьих войсках Российской империи. В значительной степени благодаря Чернышеву те казаки, которые уже давно не находились на переднем крае колонизационного процесса, пережили ликвидацию фронта, превратившись в особое военное сословие. Вклад Чернышева в развитие казачества представляет собой кульминацию той многолетней политики, истоки которой обычно связываются с именем другого князя и военного реформатора — Г. А. Потемкина².

Несмотря на важную роль Чернышева как в судьбе казаков, так

и в области военной администрации в целом, он часто выпадает из поля зрения историков, изучающих дореформенную Россию. До сих пор не написано удовлетворительной биографии этого человека, который был доверенным лицом двух императоров, весьма отличавшихся друг от друга по темпераменту, который одно время возглавлял сразу и Государственный совет, и Комитет министров и который, сверх того, в течение четверти века (1827–1852) являлся влиятельнейшим деятелем Военного министерства Российской империи³. Возможно, причиной такого невнимания служит известное безразличие современной российской историографии к личностям, далеким от революционных кругов, и к традиционным институциональным исследованиям. А, может быть, все дело в некоторой одиозности самого Чернышева и в неоднозначности его наследия. Некоторые современники не простили Чернышеву его участия в допросах декабристов, а один из этих знатных бунтовщиков, С. Г. Волконский, мстительно заклеил Чернышева как «шарлатана» в военной сфере⁴. Катастрофа 1854–1855 гг., как кажется, подтверждает эти слова Волконского, однако многие существенные аспекты проделанной Чернышевым работы, включая относящуюся к казачеству, надолго пережили поражение в Крымской войне. Так или иначе, ни личные недостатки Чернышева, ни ошибки в его военной политике не должны заслонять собой карьеру, изучение которой позволяет по-новому взглянуть как на политику, обеспечившую сохранение казачества, так и на эволюцию российской военной машины в дореформенную эпоху.

А. И. Чернышев родился в 1785 г. в семье генерал-поручика Ивана Львовича Чернышева. Мать его, Евдокия Дмитриевна, была родной сестрой А. Д. Ланского — одного из многочисленных придворных фаворитов Екатерины II. Иван Львович умер, когда маленький Саша находился ещё во младенчестве, однако мать его позаботилась о первых шагах сына в военной карьере, очень рано записав его вахмистром в Кавалергардский полк. Впоследствии мать и сын переехали в Москву, где мальчик получил формальное образование под руководством небезызвестного аббата Перрена. Хотя Чернышев явно намеревался пойти по стопам отца, перспектива

1 Перевод статьи «A. I. Chernyshev: A Russian Lycurgus», опубликованной в журнале *Canadian Slavonic Papers*. XXX. No. 2 (June 1988). Pp. 190–219. Публикуется с разрешения редакции журнала.

2 Данный подход продолжает линию, представленную в работах: Bruce W. Menning, G. A. Potemkin and A. I. Chernyshev: Two Dimensions of Reform and the Military Frontier in Imperial Russia // Donald D. Howard (Ed.). *The Consortium on Revolutionary Europe 1750–1850: Proceedings 1980*, 2 vols. Athens, Georgia, 1980. I. Pp. 237–250; Bruce W. Menning. G. A. Potemkin: Soldier-Statesman of the Age of the Enlightenment // *International Commission of Military History. ACTA No. 7*. Washington, DC, 25–30 July 1982. Manhattan, Kansas, 1984. Pp. 322–338.

3 Историк Н. К. Шильдер отдельными выпусками публиковал незаконченную биографию Чернышева в «Военном сборнике»: Светлейший Князь Александр Иванович Чернышев // *Военный сборник*. № 1. 1902. С. 1–17; № 2. 1902. С. 30–46; № 3. 1902. С. 24–42; № 4. 1902. С. 21–40; другую неполную биографию составил военный историк А. И. Михайловский-Данилевский: *Жизнеописание Князя Александра Ивановича Чернышева* // *Сборник Императорского Русского Исторического Общества*, 148 тт. СПб., 1867–1916 (далее — СИРО). Т. СХХII. С. 1–288.

4 Записки Сергея Григорьевича Волконского / Под ред. М. С. Волконского. СПб., 1902. С. 4; о различных мнениях о Чернышеве см.: Зайончковский П. А. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М., 1978. С. 122–123; John S. Curtiss. *The Russian Army under Nicholas I 1825–1855*. Durham, N. C., 1965. P. 97.

юнкерской службы, при Александре I обязательной для всех будущих офицеров дворянского происхождения, его отнюдь не прельщала. Однако случайная встреча с императором в 1801 г. на балу в московской резиденции князя А. Б. Куракина изменила будущее Чернышева (а также и России). Под большим впечатлением от энергичности и светских талантов Чернышева, а возможно, также от его безукоризненного французского языка, император пожаловал молодого человека в камер-пажи при дворе — первый шаг на пути к чину корнета Кавалергардского полка (1802)⁵.

Конная гвардия была той военной структурой, в рамках которой проходили первые годы службы Чернышева. Прослужив два года под Санкт-Петербургом и приобщившись там к жизни кавалеристов, Чернышев получил чин поручика и назначение в адъютанты к генерал-лейтенанту Ф. П. Уварову, командовавшему кавалерийским полком. В этом качестве Чернышев получил боевое крещение, участвуя в трех отдельных конных сражениях при Аустерлице. Во второй половине этого дня (5/17 ноября 1805), завершившегося катастрофой для российской армии, и ранним вечером Чернышев был несколько раз послан Уваровым к царю с донесениями. Спокойствие и находчивость Чернышева под огнем принесли ему орден Владимира 4-ой степени с бантом и последующее представление членам царской семьи. Спустя два года Чернышев получил саблю с надписью «За храбрость» за то, что при Фридланде нашел брод через реку Алле, позволивший значительной части русской армии вырваться из устроенной французами мясорубки. В январе 1808 г., вскоре после Тильзитского договора, навязавшего Европе непрочный мир, царь отправил Чернышева, теперь уже ротмистра, с личным письмом к Наполеону⁶.

Следующие три года службы в качестве личного царского посланника при Наполеоне стали важным поворотным пунктом в карьере Чернышева и углубили его военное образование, позволив ему лично познакомиться с Наполеоном и изучить его методы. В то же время молодой офицер постоянно находился в поле зрения царя. Благодаря своему остроумию, живости, личному обаянию и превосходному знанию французского языка Чернышев сумел получить доступ к ближайшему окружению французского императора. Наполеон выделял Чернышева как одного из немногих офицеров, с которыми можно беседовать на всевозможные темы с «солдатской откровенностью, без дипломатической фразеологии». В кругу придворных дам Чернышев считался «героем салонов с татарскими глазами». Ходили слухи, что с некоторыми влиятельными

дамами он поддерживал отношения, далеко выходящие за рамки обычных дипломатических обязанностей⁷. Вызывая удивление, а нередко и гнев аккредитованных в Париже российских посланников, Наполеон нередко уделял Чернышеву львиную долю своего внимания. Каждое новое послание одного императора к другому становилось катализатором для очередного раунда бесед между Чернышевым и Наполеоном, в ходе которых французский император вслушивался в слова царского эмиссара, стараясь не упустить ни единого дипломатического нюанса. В то же время особые отношения между Наполеоном и Чернышевым предоставляли гвардейскому офицеру беспрецедентную возможность ознакомиться изнутри со структурой вооруженных сил наполеоновской Франции. Чернышев не только объездил почти всю Францию, уделяя особое внимание военным делам, но и провел большую часть Ваграмской кампании в свите французского императора⁸.

Близость к высокопоставленным лицам неизбежно втягивала Чернышева в мир шпионажа. С сентября 1810 по февраль 1812 г. военный министр генерал М. Б. Барклай де Толли поручал Чернышеву, к тому времени уже полковнику, собирать всевозможные сведения о французских военных приготовлениях вообще и, в частности, «любой ценой» получить доступ к секретным планам, специальным проектам и графикам передвижения войск. Далеко не сразу после того, как эта деятельность привлекла внимание французского министра полиции, Наполеон лично взял Чернышева под свое покровительство, тем самым на какое-то время сохранив прямую линию связи с Санкт-Петербургом. Тем временем, при содействии высокопоставленного чиновника французского военного министерства, известного нам лишь по имени — Мишель, — Чернышев получил и передал Барклаю де Толли копии докладов о положении в армии, которые подготавливались для французского императора каждые две недели. Эта игра завершилась лишь в феврале 1812 г., когда Наполеон, уже активно разрабатывавший планы вторжения в Россию, выслал Чернышева из страны после исключительно язвительной аудиенции⁹.

За годы, проведенные в разъездах между Санкт-Петербургом и штабом Наполеона, Чернышев привык к составлению донесений и постепенно осмелел до того, что начал давать царю советы по военным вопросам. К 1811 г. он уже был убежден, что конфликт неизбежен и советовал царю перехватить инициативу, оккупировав Польшу и вынудив Наполеона к оборонительным действиям

5 Шильдер. Указ. соч. № 1. С. 2–3. По-видимому, эта ветвь семьи Чернышевых не состояла в близкородственных отношениях с Захаром Григорьевичем Чернышевым, который в 1760 г. участвовал в захвате Берлина, а с 1773 по 1784 гг. возглавлял Военную коллегию.

6 Там же. С. 3–7.

7 Пашенный Н. Чернышев и Наполеон // Военно-исторический вестник. № 20 (ноябрь 1962). Париж, 1962. С. 15–17; см. также: Карасев А. А. Чернышев на Дону // Исторический вестник. Т. ХСIII (июль 1903). С. 234.

8 Пашенный. Указ. соч. С. 17–19.

9 Michael and Diana Josselson. The Commander: A Life of Barclay de Tolly. New York, 1980. Pp. 79–80.

в восточной Европе¹⁰. В том же году Чернышев предложил создать специальный «немецкий легион», набрав для службы в царском офицерском корпусе разочарованных и недовольных сыновей прусского, австрийского и рейнландского мелкопоместного дворянства. Чернышев считал, что эти эмигранты смогут составить значительную часть офицерского корпуса в трех пехотных и двух кавалерийских полках, рядовыми в которых будут служить уроженцы прибалтийских губерний России. Командным и служебным языком в этих частях Чернышев предлагал сделать немецкий, а на ключевые должности поставить выходцев из рядов прибалтийского дворянства. Оставляя в стороне вопрос о рациональности этого предложения, новизна его заключалась в основной задаче легиона: в самом начале военных действий он должен был высадиться на северо-германском побережье, а оттуда направиться вглубь страны, собирая вокруг себя силы антифранцузского сопротивления, провоцируя народные восстания и угрожая коммуникациям Наполеона. К этой идее Чернышев возвращался и впоследствии, выдвигая уже другой набор рекомендаций¹¹.

Действительно начавшаяся в 1812 году война предоставила Чернышеву возможность выступить с новыми советами и подняться на несколько ступеней по карьерной лестнице. В обстановке неразберихи, царившей в конце июня и начале июля, он выполнял роль связного между свитой императора и штабами командующих первой и второй западных армий. К середине июля, когда царь еще пребывал под впечатлением от предложенного прусским генералом Эрнстом фон Фулем плана, согласно которому армии следовало отойти к укрепленному лагерю под Дриссой, в донесениях Чернышева уже выражалась озабоченность проблемами глубокой обороны и мобилизации резервов. Именно эти вопросы стали причиной конфронтации между Чернышевым и теми офицерами, которые настаивали на немедленном решающем сражении¹². Впрочем, Чернышев, отправленный с поручением в Дунайскую армию адмирала П. В. Чичагова, оказался вдали от тех бурных стратегических дискуссий, которые сопровождали отступление Барклая к Смоленску. В конце сентября, возвращаясь с юга в сопровождении сильного казачьего эскорта, Чернышев по дороге в Вильну наткнулся на небольшой французский отряд, конвоировавший в Польшу

двух высокопоставленных русских пленных — Ф. Ф. Винценгероде и Л. А. Нарышкина. После недолгой схватки казаки освободили пленников. Чернышев получил награду в форме повышения в чине от полковника до генерал-майора и назначения на возделенную должность генерал-адъютанта при императоре¹³.

Новая должность и чин обеспечили Чернышеву командирский статус и одновременно гарантировали ему сохранение прямого доступа к царю. В конце 1812 г. Чернышев недолгое время служил начальником штаба в «летучем корпусе» атамана донских казаков М. И. Платова. В начале 1813 г. Чернышев получил командование крупным кавалерийским соединением, в основном состоявшим из казаков. Главными задачами этого соединения стали набеги на неприятеля, дальняя разведка, а также упрочение репутации Чернышева. В 1813 и 1814 гг. он участвовал в нескольких кавалерийских набегах с целью захвата стратегических пунктов в глубоком тылу у врага. Взятие Суассона принесло ему чин генерал-лейтенанта. Эти подвиги, возможно приукрашенные Чернышевым, который к тому времени достиг совершенства в составлении донесений, позволяли ему оставаться в поле зрения императора и обеспечивали постоянный приток наград и почестей, включая различные австрийские и прусские военные ордена¹⁴. К этому времени Чернышев уже вел переписку со многими вельможами при императорском дворе, включая влиятельного графа А. А. Аракчеева. Отрывки из этой переписки свидетельствуют о том, что Чернышев неустанно комментировал ход военных действий, подчеркивая пользу ударных сил и освещая дипломатические проблемы, связанные с ведением коалиционной войны¹⁵. После завершения военных действий редкое сочетание военного и дипломатического опыта обеспечило Чернышеву возможность сопровождать императора в Париж, Лондон, Вену и Верону.

Десять с лишним лет борьбы с наполеоновской державой оставили глубокий след на Чернышеве, как и на множестве его современников, как европейцев, так и русских. Уже в 1814 г. он пишет царю о том, что «летописи народов не представляют похода, который по изобилию средств, по употребленным в нем усилиям и по важности последствий мог бы казаться столько же достопамятным, как поход союзных держав противу Наполеона». Далее он отмечает, что «в военном искусстве он представляет изобретение новых спосо-

¹⁰ Шильдер. Указ. соч. № 3. С. 28. № 4. С. 22–23.

¹¹ Там же. № 4. С. 38–40; о немецком легионе см.: Peter Paret. Clausewitz and the State. New York, 1976. Pp. 226–228; идея глубоких рейдов по территории Германии находила приверженцев даже на закате Российской империи; см., например: Christopher Bellamy, «Seventy Years On: Similarities Between the Modern Soviet Army and Its Tsarist Predecessor», Royal United Service Institution Journal (September 1979). P. 32.

¹² Записка Флигель-адъютанта Чернышева // Военный сборник. № 1. 1902. С. 183–192.

¹³ Записки Сергея Григорьевича Волконского. С. 202–203; Великий Князь Николай Михайлович. Генерал-адъютанты Императора Александра I. СПб., 1913. С. 1–2, 95–96.

¹⁴ Алексеевский В. Чернышев, Александр Иванович // Русский биографический словарь. Т. XXII. С. 298–299; см. также: Поход русской армии против Наполеона в 1813 и освобождение Германии / Под ред. А. Г. Тартаковского. М., 1964. С. XXII, XXIV, XXVII, 39, 48, 88.

¹⁵ Отечественная война в письмах современников / Под ред. Н. Дубровина // Записки императорской академии наук. Т. XLIII. 1874. С. 505–508, 513–514.

бов, извлеченных из обстоятельств сей необыкновенной войны».¹⁶ В данном случае Чернышев имеет в виду не изменение тактики, которое, как казалось, требовало использования атакующих колонн и застрельщиков в разомкнутом строю. Технические и идеологические новшества он также затрагивает лишь походя. Вместо этого Чернышев делает акцент главным образом на возрастающем значении «малой войны», то есть операций партизанского типа, ведущихся на периферии крупных войсковых подразделений противника с целью беспокоить их, нарушать подвоз фуража и продовольствия и изматывать до полного истощения. Идея Чернышева заключалась в том, чтобы повысить статус малой войны, превратив ее из полезного дополнения к основным операциям в элемент первостепенной важности, правильное применение которого позволит командующему полностью контролировать стратегическое окружение. С этой целью адъютант императора подчеркивает значение военных действий в партизанском стиле и пользу сравнительно крупных мобильных рейдовых сил, которые «разделялись во все стороны по следам неприятеля, несли с собой ужас и опустошением изобильнейших стран лишали его нередко лучших способов продовольствия... Положение и силы неприятеля были им всегда известны, между тем как они умели скрывать от него настоящее число, в котором они находились и которое по быстроте их движения казалось всегда удвоенным»¹⁷.

В последних замечаниях Чернышева отразились и его личный опыт, приобретенный в 1812–1815 гг., и растущая убежденность в значении легкой кавалерии для военных операций того времени. Представления о французской угрозе и о методах противодействия ей отличались многообразием. Чернышев, как и некоторые другие, искал ответа на наполеоновский вызов в операциях за пределами поля боя, которые обозреватели XX века называют боевыми операциями на театре военных действий. В отличие от генерала А. И. Хатова, считавшего, что французский военный гений проявляется в основном на тактическом уровне, Чернышев полагал, что секрет успехов Наполеона скорее в массовости и мобильности, в использовании стремительных передвижений для сосредоточения подавляющих сил у тех объектов, захват которых ставит противника в явно невыгодное оперативное положение. Полвека спустя американский кавалерийский командир Натан Бедфорд Форрест сфор-

мулирует этот подход в лаконичной фразе: задача командира в том, чтобы «оказаться на месте поскорее и с наибольшим числом солдат». В кругу влиятельных российских офицеров Чернышев выделялся как сторонник именно такого метода противостояния Наполеону, и его взгляды, получив широкое распространение, оказали громадное влияние на будущее как казачества, так и вооруженных сил императорской России в целом¹⁸.

На основе своих наблюдений и опыта Чернышев указывает, что эпоха революционных изменений в военном деле требует организации и введения в действие крупных и мелких формирований легкой кавалерии. Крупные формирования (от нескольких до дюжины полков), обеспеченные конной артиллерией, предназначены для проведения как самостоятельных, так и вспомогательных операций, и обязаны поддерживать постоянную связь со штабом, чтобы соединиться с основными силами в случае надвигающегося решающего сражения. На поле боя легкую кавалерию следует использовать в соответствии с общепринятыми современными тактическими принципами. Наибольшую пользу принесет массовое применение легкой кавалерии за пределами поля боя. Она должна действовать в авангарде главных сил, захватывая объекты в глубоком тылу врага, и служить в качестве мобильных ударных сил, участвующих в крупномасштабных рейдовых операциях. Эти операции, подобные «неудержимому потоку», призваны обрушиваться на противника, расстраивая его планы. Цель их — уничтожение вражеских форпостов, отдельных формирований, линий коммуникаций и источников снабжения. При достаточной отваге и умелом руководстве такие отряды приобретут большое оперативное значение в любом грядущем европейском конфликте. И, разумеется, как бы по случайному совпадению, действия самого Чернышева в недавних наполеоновских кампаниях являются примером именно такого руководства и свидетельствуют об именно такой роли легкой кавалерии¹⁹.

Чернышев также утверждает, что боевое значение небольших отрядов легкой кавалерии не пропорционально их размерам. Опыт малой войны говорит о том, что мелкие мобильные подразделения играют решающую роль в пресечении подвоза продовольствия и фуража к более крупным и менее подвижным силам противника. Вследствие почти постоянной потребности в снабжении, основанном на реквизициях, армии наполеоновской эпохи особенно уязвимы перед лицом противника, способного упорно и умело вести малую войну²⁰.

16 Документы, относящиеся к военной деятельности А. И. Чернышева в 1812, 1813 и 1814 годах // СИРИО. Т. СХХI. С. 236.

17 Там же. С. 236–237; здесь наблюдается поразительное сходство с замечаниями генерала Антуана Анри Жомини в «Искусстве войны»; см.: Antoine Henri Jomini. *The Art of War*, transls. G. H. Mendell and W. P. Craighill / Rpt. ed. Westport, Conn., n. d.. Pp. 286–287. Чернышев был явно знаком и с Жомини, и с его взглядами. Михайловский-Данилевский утверждает, что Чернышев уже в 1811 г. пытался переманить Жомини на русскую службу (Михайловский-Данилевский. Указ. соч. С. 48–49).

18 Докладные записки, представленные А. И. Чернышевым Имп. Александру I во время Ахенского конгресса в 1818 г. // СИРИО. Т. СХХI. С. 377–379.

19 Докладные записки и донесение А. И. Чернышева Имп. Александру I 1814–1815 гг. // СИРИО. Т. СХХI. С. 292.

20 СИРИО. Т. СХХI. С. 236–237; 293; Bruce W. Menning. *Military Institutions and the Steppe Frontier in Imperial Russia, 1700–1861* // International Commission

Доводы Чернышева казались не только убедительными, но даже, можно сказать, неоспоримыми, и не только по причине его близости к царю, но и по некоторым другим обстоятельствам. Во-первых, свою роль сыграло то, что партизанские действия в 1812 г. ознакомили русских офицеров с полным потенциалом малой войны как существенного элемента вооруженного конфликта в эпоху массовых армий, действующих в чрезвычайно расширившемся оперативном пространстве. А если кто и упустил это обстоятельство из виду, то после 1815 года с печатных станков непрерывным потоком шли все новые и новые книги и статьи о подвигах таких легендарных партизанских вождей, как Денис Давыдов, Ф. Ф. Винценгероде, А. Н. Сеславин, А. С. Фигнер и Н. С. Дорохов²¹. Эти и другие офицеры, подобно Чернышеву, поняли, что смогут сделать карьеру, постоянно напоминая о своих подвигах читающей публике, включая представителей двора. Как впоследствии утверждал декабрист С. Г. Волконский, эти подвиги зачастую бывали сильно преувеличены, но поскольку они обычно совершались без свидетелей, не было никого, кто мог бы подтвердить или опровергнуть притязания этих офицеров²².

Неожиданная популярность малой войны была тесно связана ещё и с тем, что из наполеоновских войн вышло несколько других старших кавалерийских офицеров со взглядами, близкими идеям Чернышева. Среди них были и такие видные фигуры, как Константин Христофорович Бенкендорф, младший брат будущего главы Третьего отделения, и Иван Осипович Витт. Последние два являются авторами адресованных царю объемистых меморий, содержание которых, отличаясь в деталях, по своему тону и направленности обнаруживает поразительное сходство со многими военными донесениями и сообщениями Чернышева²³. Оставляя в стороне вопрос о несовпадении подробностей в изложении некоторых событий, а также разницу в характерах и личном опыте Чернышева, Витта и Бенкендорфа, все трое сходятся в одном, а именно, в необходимости сохранять и усиливать казачьи войска императорской

of Military History. ACTA No. 5. Bucarest 10–17 VIII 1980. Bucharest, 1981. Pp. 189–190.

21 См., например: Действия отряда Генерал-Адъютанта Чернышева в 1814 году; а также: Седьмая выписка из дневника партизана Дениса Давыдова, 1812 г. // Отечественные записки. 1822. Ч. 9–10. С. 41–49, 145–165, 333–351; о развитии военно-мемуарной литературы во время и после наполеоновских кампаний см.: John L. H. Keep. From the Pistol to the Pen: The Military Memoir as a Source on the Social History of pre-Reform Russia // Cahiers du Monde russe et soviétique. XXI. No. 3–4 (July–December 1980). Pp. 298–299.

22 Записки Сергея Григорьевича Волконского. С. 207.

23 См.: С. De Benkendorff. The Cossacks: A Memoir, presented to H. M. the Emperor of Russia in 1816 / Transl. George Gall. London, 1849; Витт И. О. Не-что о войске Донском. Рукопись // Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 330 (Казачий отдел Главного штаба). Оп. 2. Д. 43. Л. 5–11.

России как возобновляемые источники военных людских резервов. Наличие казаков, которые к началу XIX в. могли выставить более чем 100-тысячную конницу, позволяло России превзойти прочие европейские державы в способности мобилизовать большие массы легкой кавалерии. Кроме того, казаки были отлично приспособлены именно к тем операциям силами крупных и мелких формирований, о которых говорил Чернышев. Подвижность, легкость и скорость — качества, требовавшиеся во фронтальных войнах прежних эпох, превозносились как оперативные достоинства в новых планах по использованию легкой кавалерии, выдвигавшихся после 1815 г. Все три офицера подчеркивали преимущества казачьей конницы и настойчиво призывали царя принять необходимые меры для сохранения казаков как важного военного актива России²⁴.

Наряду с признанием боевой ценности казачества, проявлялась также и озабоченность его недостатками. Хотя многие наблюдатели очень быстро признали вклад казаков в разгром Наполеона, особенно в кампании 1812 года, они не стеснялись указывать и на отрицательные стороны, характерные для иррегулярных войск всегда и везде: неорганизованность, нехватку дисциплины, экипировку неоднородного качества и не всегда адекватное руководство²⁵. Дополнительные трудности создавало то, что в некоторых местностях казаки уже давно жили не на фронтире. Высказывались опасения, что при отсутствии повседневной военной угрозы казаки постепенно лишатся стимула к поддержанию постоянной боеготовности²⁶. С целью преодолеть вышеуказанные недостатки казачьих частей и сохранить существование казаков как военной силы, вне зависимости от наличия фронта, такие наблюдатели, как Витт, Чернышев и К. Х. Бенкендорф, выступали за внедрение в различных казачьих войсках формальной структуры с целью институционализации и упорядочения казачества как системы, сформировавшейся в эпоху существования на фронтире.

Проблема состояла в том, что решение этой задачи требовало редкого сочетания благоприятных обстоятельств, политической ловкости, точного выбора момента и удачи. Не все казаки походили друг на друга, но те, кто считал себя потомками прежних вольных воинов степи, особенно донские казаки, обычно сопротивлялись внедрению каких-либо дополнительных структур и средств контроля, относясь к подобным мерам как к «регулярству». Этим словом они описывали участь тех своих служилых собратьев по казачеству, которые принуждались к ношению уставной формы и непосредственному под-

24 См. особ.: Benkendorff. The Cossacks. Pp. 46–48; СИРИО. Т. СХХI. С. 293.

25 Benkendorff. The Cossacks. Pp. 15–20; см. также: Броневский В. Б. История Донского войска, описание Донской земли. В 4 т. СПб., 1834. Т. II. С. 255–260; Витт. Указ. соч. Л. 8.

26 Ср.: Jomini. The Art of War. P. 287.

чинению строевым офицерам и направлялись на службу в регулярные полки. Малейший намек на грядущее «регулярство» мог послужить причиной серьезных беспорядков среди казачества. Очевидно, именно это послужило причиной для волнений на Дону и на Урале в 1770-е гг., а затем снова на Дону в 1792–1794 гг. Казаки не отказывались от службы, но предпочитали служить на собственных условиях, которые обычно определялись местными обычаями и традициями²⁷.

И все же, с точки зрения Санкт-Петербурга, ситуация была отнюдь не безнадежной. XVIII век стал эпохой существенных перемен в бывших вольных казачьих войсках, поскольку традиционные бастионы казачьей автономии и сепаратизма рушились один за другим под натиском имперской экспансии. Начиная с правления Петра I, царское правительство постепенно подчиняло себе казачье войско, применяя военную силу, превращая казачьи структуры управления в составную часть административной системы российской империи и поощряя ассимиляцию местной элиты в ряды российского дворянства. Целью этих мер было по возможности сохранить военную систему казачества и одновременно подчинить зачастую неуправляемые казачьи войска императорской воле. Этот процесс получил дополнительный импульс в последней четверти XVIII в., когда Г. А. Потемкин взял в свои руки политику по отношению к казачеству, придал ей целенаправленность, а затем при всяком удобном случае расширял ее пределы. Занимая всевозможные административные и командные посты, фаворит Екатерины II провел ряд масштабных реформ, призванных обеспечить более полную субординацию казачьих войск, создать новые войска по типу старых и реорганизовать, упразднить либо переселить те общины — как вольные, так и служилые, — которые не проявили достаточной лояльности или военной пригодности. Однако, в отличие от ситуации, сложившейся позднее, в эпоху Александра I и Николая I, именно военный фронт, а не боевые действия на равнинах северной Европы, определяли и направляли деятельность Потемкина²⁸.

XVIII столетие преподавало несколько полезных уроков тем потенциальным военным реформаторам, которые пытались привнести изменения в казачьи общины. Один из них состоял в том, что резкие действия обычно приводили к резкому противодействию. Сущест-

венные нововведения оказывались успешными лишь в тех случаях, когда они следовали за серьезными беспорядками, но даже и тогда реформы оправдывались тем, что они якобы проводятся в интересах самих казаков. Так было, например, на Дону после восстания Булавина в 1707–1708 гг., когда Петр I упразднил выборность войсковых атаманов (1709), а затем подчинил казачье войско имперской Военной коллегии (1721). То же произошло и в 1775 г., когда Потемкин после пугачевского восстания учредил на Дону новую местную власть в лице гражданской администрации Войска. Важную роль в успехе такой ломки устоявшихся традиций играло принуждение или угроза принуждения, так как возникновение чужеродных административных структур и присутствие императорских чиновников порой служили достаточным поводом к бунту. Впоследствии Санкт-Петербург чаще всего выигрывал в тех случаях, когда осуществлял управление через подставных лиц — членов новоиспеченного казачьего дворянства, которые среди прочего обязаны были нести службу в местных гражданских и военных учреждениях и просвещать рядовых казаков в отношении императорской воли²⁹.

Второй важный урок XVIII столетия заключался в необходимости поддерживать определенные иллюзии относительно статуса казаков и их институтов. Хотя казаки уже являлись подданными Российской империи, они всё ещё сохраняли юридический статус вольных людей, обладающих рядом привилегий, которые предоставлялись им в обмен на обязательную военную службу. Взаимосвязь между статусом и службой формулировалась в терминах взаимных уступок, хотя у казаков не осталось ни прав, ни возможности отказать служить империи. Каждый новый самодержец, восходя на престол, выражал благодарность казакам за их службу и подтверждал «старинные казачьи права и привилегии», среди прочего освобождение от обложения налогами, право на коллективное пользование всеми земельными и водными ресурсами на территориях казачьих войск, а также право беспрошльного производства и продажи алкогольных напитков³⁰. Пусть Санкт-Петербург и навязывал казакам новые функции и новые структуры, но подобные меры оказывались наиболее успешными в тех случаях, когда выполнялись с оглядкой на обычаи и представления о реальных и мнимых правах и обязанностях. Такие реформаторы, как Потемкин, учитывавший эти тонкости, понимали необходимость сохранения фасада, чтобы под его прикрытием проводить фундаментальную перетряску всей

27 О «регулярстве» см.: Marc Raeff. *Pugachev's Rebellion* // Robert Forster and Jack P. Greene (Eds.). *Preconditions of Revolution in Early Modern Europe*. Baltimore, 1970. Pp. 188–189; Philip Longworth. *Transformations in Cossackdom* // Béla K. Király and Gunther E. Rothenberg (Eds.). *War and Society in East Central Europe*. Vol. I. New York, 1979. Pp. 398–399.

28 О реформах Потемкина см.: Marc Raeff. *The Style of Russia's Imperial Policy and Prince G. A. Potemkin* // Gerald N. Grob (Ed.). *Statesmen and Statecraft of the Modern West: Essays in Honor of Dwight E. Lee and H. Donaldson Jordan*. Barre, Mass., 1967. Pp. 7–10; Menning, G. A. *Potemkin and A. I. Chernyshev*. Pp. 239–243; Theresia Adamczyk. *Fürst G. A. Potemkin: Untersuchungen zu seiner Lebensgeschichte*. Osnabrück, 1966. Pp. 72–78.

29 Bruce W. Menning. *The Emergence of a Military-Administrative Elite in the Don Cossack Land, 1708–1836* // Walter M. Pintner and Don K. Rowney (Eds.). *Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century*. Chapel Hill, N. C., 1980. Pp. 130–161.

30 Права и привилегии Войска Донского, российскими государями дарованные // Донские войсковые ведомости. № 43. 29 октября 1863. С. 245–247.

системы. Непонимание же могло повести к недовольству и даже мятежам. В сущности в последней четверти XVIII в. царское правительство имело в своем распоряжении достаточные военные силы, чтобы подавить любое казачье восстание. Однако целью его было не уничтожение, а поддержание и сохранение казачества.

Такая политика прагматичного лицемерия, сочетавшаяся с ограниченными институциональными изменениями и подставным руководством, способствовала также насаждению процарских настроений в среде казачества. В число других важных факторов входили религия и эволюция традиций службы. Еще в XVI в., в ранний период независимого существования казачества, представители различных казачьих войск считали себя православными христианами, а на протяжении всего XVIII в. попытки царского правительства упрочить авторитет церкви занимали важное место в общих усилиях по насаждению на казачьих территориях стандартных административных порядков и структур. Кроме того, казаки привыкли воспринимать себя как составную часть православного царского воинства, ведущего вековую борьбу с татарами и турками. Наконец, неопределимую роль в насаждении среди казаков лояльности к царизму играла сила привычки, поскольку те несли верную царскую службу во время многочисленных военных кампаний конца XVIII — начала XIX вв. В то время как эти кампании способствовали все более тесным контактам казаков со структурами и офицерским корпусом регулярной армии, непрерывная служба также, вероятно, помогала ослабить сопротивление наихудшим аспектам «регулярства»³¹.

Однако в первые десятилетия XIX в. даже выдающиеся военные заслуги не могли затенить неопределенности статуса казачьих войск в том виде, какой они приобрели при Потемкине. Они не относились ни к гражданской, ни к военной сферам империи. Те казаки, чья родина перестала быть приграничной территорией, оказались как бы на пол-пути в болезненном процессе превращения из вольной пограничной стражи в особое военное сословие. Исключение составляли служилые казаки, уже завершившие этот переход. Что же касается остального казачества, то многие аспекты казачьего самоуправления и военной службы уже представлялись курьёзными аномалиями. Военная организация казаков, жестко подчиненная центральной военной администрации и получившая некоторую элементарную структуру, все же имела достаточно недостатков, чтобы вызывать негативные отзывы даже со стороны ревностных поклонников³². Казачья

31 Longworth. Transformations in Cossackdom. Pp. 398–404.

32 Атаманство Денисова и комитет 1819 года // Донская газета. № 25. 24 июня 1873. С. 98–100; Никольский А. И. Главное управление казачьих войск // Столетие Военного Министерства / под ред. Д. А. Скалона. 48 ч. в 13 т. СПб., 1902–1914. Т. XI. Ч. 1 (далее СВМ, Т. XI, Ч. 1 или 2). С. 153–155, 158; Трехсотлетие войска Донского, 1570–1870 г.: Очерки из истории донских казаков / Сост. А. Савельев. СПб., 1870. С. 116.

гражданская администрация, хотя и претерпевшая ряд существенных преобразований в 1775 г., а затем в 1797, 1801 и 1804 гг., не соответствовала ни гражданским, ни военным образцам той эпохи, несмотря на то, что в намерения реформаторов явно входило отделение военной администрации от гражданской, причём последняя выстраивалась по образцу губернской. Несмотря на постепенное насаждение имперского законодательства и административных процедур, налицо были бесчисленные нарушения: делопроизводство велось небрежно, субсидии разбазаривались, дела накапливались тысячами и долгие годы оставались без решения³³. Что еще хуже, возникновение и эволюция класса потомственных дворян-офицеров, казачьих «чиновников», вело к массовому отчуждению земель в личное пользование и к появлению крепостничества на казачьих землях. Эти последние явления грозили серьезными последствиями для будущего казачьей военной службы, поскольку земля оставалась главным источником средств, позволявших казакам поддерживать постоянную боеготовность³⁴. Александр I только было начал выказывать некоторую озабоченность этими проблемами, когда бурные европейские события отвлекли его внимание к иным военным проблемам.

После Венского конгресса у царя вновь наблюдается пробуждение интереса к казачеству. Тому было несколько причин. Одной из них явилась растущая озабоченность вопросом содержания крупнейшей в Европе постоянной армии в условиях финансовых затруднений. Исключая курс на создание массовой призывной армии с краткосрочной службой и долговременным пребыванием в запасе, единственным идеальным решением финансовой проблемы представлялся перевод армии на более или менее полное самообеспечение. Соответственно, Александр выражал растущий интерес к расширению проводившихся еще до 1812 года экспериментов по созданию военных поселений. Отчасти благодаря сочинениям Чернышева и других офицеров, царь проявлял интерес и к судьбе казаков, которых он в данных обстоятельствах мог рассматривать как военных поселенцев³⁵.

33 СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 275–276; Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (далее РГИА). Ф. 1149. (Департамент законов Государственного совета). Оп. 1. 1816. Д. 15. Л. 407.

34 Чернощевков Н. А. Землеустройство казачьих войск // Столетие Военного Министерства / Под ред. Скалона. Т. XI. Ч. 4 (далее СВМ. Т. XI. Ч. 4). С. 39–47.

35 Alan D. Ferguson. The Russian Military Settlements, 1810–1866. PhD dissertation. Yale University, 1968. Pp. 51–68; Richard E. Pipes. The Russian Military Colonies. Journal of Modern History, no. 3 (1950). Pp. 205–219; Сироткин В. Г. Финансово-экономические последствия Наполеоновских войн и Россия в 1814–1824 году // История СССР. 1974. № 4. С. 46–62; John L. H. Keep. The Russian Army's Response to the French Revolution // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. XXVIII (1980), Н. 4. Pp. 501–504, 521; см. доклад Чернышева Александру из Вены об австрийских военных поселениях в Хорватии: Дипломатическая миссия А. И. Чернышева в Вене в 1816 г. // СИРИО. Т. СХХI. 1906. С. 342–346.

Более непосредственное значение для привлечения царского внимания к казакам имело поступившее в сентябре 1818 года от А. К. Денисова, атамана донских казаков, предложение создать особую комиссию по кодификации законов донского казачества. Указывая на растущие затруднения в сфере землевладения и отправления воинской службы, Денисов возлагал вину за эти и иные проблемы, проявлявшиеся в течение многих лет, на незакодифицированность старинных порядков и традиций, регулировавших различные стороны казачьей жизни. Весной следующего года царь отозвался на просьбу Денисова, создав не комиссию, а «Комитет об устройстве Донского казачьего войска», цель которого состояла в том, чтобы пересмотреть различные обычаи и «собрать воедино все узаконения относительно Войска Донского, в различные времена по различным случаям изданные и в разных частных постановлениях заключающиеся» и представить царю «новое Положение»³⁶. Помимо тех казаков, которых предлагалось включить в состав этого комитета (получившего известность как Комитет 1819 года), царь ввел в него двух должностных лиц, не принадлежавших к казачьему сословию: А. И. Чернышева и В. И. Болгарского. Включение Чернышева в комитет царь объяснял его военным опытом и близким знакомством с казачьей службой. Болгарский же должен был представлять на заседаниях комитета министерство юстиции. Это начинание, со временем переросшее в спонсируемое правительством реформаторское движение, имело важные последствия не только для донских казаков, но и практически для всех казачьих войск императорской России.

В ретроспективе представляется, что функция Денисова, да, собственно, и функция всего казачьего Войска Донского заключалась в том, чтобы предоставить Чернышеву набор обстоятельств, оправдывающих широкомасштабное и решительное вмешательство в местные казачьи дела. Как проводник царской воли, Чернышев в течение своей карьеры, приобретавшей все большую общественную значимость и протекавшей на фоне последних лет царствования Александра и почти всего царствования Николая I, сумел постепенно превратить многие из своих идей в отношении казаков в законодательную реальность. Однако было бы неверно объяснять успехи Чернышева в деле придания казачеству новых форм исключительно его влиянием при дворе и его положением в военной иерархии. Конечно, эти моменты важны, но сами по себе они не всегда имели решающее значение. Не столь осязаемым, но не менее существенным фактором были личные качества Чернышева, включая его способность от-

стаивать свои замыслы, его твёрдую волю и политическую ловкость. Эти качества, в сочетании с преувеличенным мнением о собственной значимости, нередко проявлявшимся высокомерием и известной мстительностью, были способны изрядно осложнить жизнь тем, кто осмеливался выразить несогласие с генерал-адъютантом императора. Те же самые качества позволяли Чернышеву выдержать затяжную борьбу, необходимую для достижения его целей³⁷.

Казачья реформа разворачивалась на нескольких последовательных этапах, причем каждый был отмечен либо активным участием Чернышева, либо его своевременным вмешательством. На первом этапе, в 1819–1821 гг., Чернышев выдвинулся как одно из главных действующих лиц на донской сцене в амбициозном стремлении взять на себя как руководство Комитетом 1819 года, так и определение его задач и процедур. На втором этапе, который пришелся на 1821–1825 гг., место действия переместилось из Новочеркасска — столицы Войска Донского, — в Санкт-Петербург, где созданный в новом составе Донской комитет разработал проект Положения для рассмотрения в Государственном совете и последующего предоставления императору. На финальном этапе, в 1825–1845 гг., Чернышев, который к этому времени возглавлял военное министерство, добился одобрения и издания долгожданного донского Положения, а затем распространил его действие и на другие казачьи войска императорской России.

С самого момента прибытия в Новочеркасск весной 1819 г. Чернышев демонстрировал решимость подчинить своей воле законодательный процесс, связанный с политикой и административной деятельностью по отношению к казакам. Хотя источники не более как намекают на возможность заранее обеспеченного одобрения императора, явно, что Чернышев приехал в донскую столицу, опираясь на твердую готовность престола поддержать начинание, которое по своему размаху далеко превосходило скромное предложение атамана Денисова о кодификации³⁸. Проблема заключалась в том, каким образом инициировать и навязать программу реформ, масштаб и цели которых по различным причинам неминуемо вызвали бы массовое противодействие со стороны различных элементов донского населения. Личные отношения с царем и угроза императорского гнева являлись полезным оружием в арсенале Чернышева, но сами по себе не могли обеспечить поддержки на местах, необходимой, чтобы преодолеть сопротивление переменам. Тот факт, что Чернышев успешно преодолел это препятствие, служит свидетельством политической виртуозности, достойной любого ветерана придворной политики и дипломатических интриг.

36 Материалы для истории войска Донского // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, в 15 т. СПб., 1876–1915 (далее СИМ, Т. VIII или IX). Т. VIII. С. 269; Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. В 46 т. СПб., 1830–1839 (далее ПСЗ 1). Т. XXXVI. № 27819.

37 Попов Г. А. Мое прошедшее или воспоминания одного простого смертного // Рукописный отдел Российской Государственной Библиотеки. М 10808. Л. 31–32.

38 СИМ. Т. VIII. С. 270–273, 459–461.

Силы потенциальной оппозиции представляли собой полный спектр лиц, фракций, группировок и даже целых сегментов донского населения. Атаман Денисов, поддерживавший саму идею реформ, был традиционалистом и полагал, что местные проблемы следует решать в соответствии с местными обычаями и порядками. Для него Чернышев был «непосвящённым», строевым офицером, не настолько сведущим в казачьих делах, чтобы внести серьезный вклад в кодификационный процесс, призванный сохранить традиционный образ жизни казаков. Местные функционеры, чиновники гражданской администрации, имели некоторые основания для беспокойства, хотя бы потому, что Чернышев воплощал в себе всемогущего и пытливого царского эмиссара — эквивалент ревизора, двадцатью годами позже столь блистательно спародированного Н. В. Гоголем. Нижние чины беспокоило также сознание того, что им ничего не стоит попасть под потенциально компрометирующий и разрушающий карьеру перекрестный огонь в войне между местными лидерами и представителями Санкт-Петербурга. Более того, тревога охватила и представителей донского дворянства, особенно тех, кто выкроил себе личные поместья из казачьих земель. На Денисова они пеняли за привлечение нежелательного внимания к Дону, но перед генерал-адъютантом из столицы империи, называвшим их то «военными чиновниками», то «местными помещиками» и в частных разговорах намекавшим на сомнительность их прав на землю и дворянские чины, они попросту трепетали. Наконец, имелись непредсказуемые и зачастую озлобленные рядовые казаки, жители более сотни станиц, разбросанных по всему бассейну Дона. Даже в прежней переписке с царем Чернышев откровенно признавал подозрительность рядовых казаков и их ограниченную способность смириться с отступлением от освященных временем обычаев³⁹.

Не упуская из вида этих и других потенциально неустойчивых элементов и в то же время проводя свою линию при составлении проекта Положения о реформах, Чернышев предпринял местное наступление в два этапа. Первый этап включал в себя поочередное задабривание и запугивание членов Комитета 1819 года из числа казаков с тем, чтобы они приняли предложенную Чернышевым повестку дня, которая явно выходила за пределы кодификации, подразуемая слабо замаскированные реформы. С самого начала работы комитета между Чернышевым и Денисовым стали возникать конфликты, связанные с существенной разницей в темпераментах, а также фундаментальными разногласиями в целях и методах преобразований. Хотя Денисов был местным военным героем и пользо-

вался серьезным авторитетом, ему было далеко до царского генерал-адъютанта, легко преодолевавшего оппозицию среди членов Комитета за счёт сочетания своего статуса, административного опыта и нередких намеков на поддержку императора. Несмотря на сопротивление атамана, Чернышев навязал Комитету свою волю, вынудив последний согласиться с его рекомендациями по вопросам содержания и порядка работы. Входящие в Комитет представители казаков, опасаясь навлечь на себя гнев императора, либо молчали, либо поддерживали Чернышева. Последний сразу же оттеснил в сторону престарелого атамана, который, несмотря на должность председателя, был вскоре вынужден вести арьергардные бои за сохранение хотя бы минимального влияния на работу Комитета⁴⁰.

Весной и летом 1819 г. напористость Чернышева вдохновляла Комитет на редкую решимость не сходить с пути реформ. Кроме того, присутствие Чернышева позволяло ему держать руку на пульсе местного общества, оценивая степень сопротивления переменам, а также их поддержки. Под пристальным взглядом Чернышева Комитет установил рабочее расписание, предусматривавшее три заседания в неделю для рассмотрения докладов отдельных подкомитетов, призванных исследовать три основные сферы: экономическую, административную и сферу военной службы. Значительные усилия прилагались к сбору всевозможных данных (включая исторические), которые служили основой для рекомендаций Комитета. Чернышев настаивал на том, чтобы подключить недавних выпускников находящегося неподалеку Харьковского университета из числа казаков, включая будущего историка В. Д. Сухорукова, к обработке статистических и исторических данных практически по всем основным сторонам казачьей жизни. Вопрос землевладения оставался особенно сложным, поскольку он требовал всеобъемлющего и первого в истории обследования всех казачьих земель с целью определения их характера, размеров и эксплуатации. Вскоре Чернышев начал агитировать за привлечение дополнительных землемерных команд от министерства внутренних дел и от соседних губерний. В лихорадочной деятельности, сопутствовавшей первым неделям работы Комитета, Болгарский стал неизменным спутником Чернышева. В ходе совместной работы он накопил достаточно опыта, чтобы в течение следующих двадцати лет исполнять роль альтер-эго Чернышева в вопросах, связанных с казачьей реформой⁴¹.

Свои особые запросы Чернышев излагал в переписке, которую непрерывно вел с царем и различными высокопоставленными чиновни-

39 Краснов Н. И. Исторические очерки Дона // Русская речь. Кн. 7. (Июль 1881). С. 111–113; см. также: СИРИО. Т. СХХI. С. 384; очень удачное изложение вопроса о дворянстве см.: РГИА. Ф. 1409 (Фонд Собственной Е. И. В. Канцелярии). Оп. 1. Д. 2477. Л. 17–18.

40 Атаманство Денисова и комитет 1819 года. С. 99; Записки Донского Атамана Денисова // Русская старина. Т. XII (март 1875). С. 473; СИМ. Т. VIII. С. 280–284.

41 СИМ. Т. VIII. С. 276–280, 360; послужной список Болгарского см.: РГВИА. Ф. 330. Оп. 2. Д. 116. Л. 43–46.

ками. В число последних входили Аракчеев, А. А. Закревский (также генерал-адъютант, впоследствии генерал-губернатор Финляндии), Д. И. Лобанов-Ростовский (министр юстиции), и князь П. М. Волконский (начальник Генерального штаба Его Величества). Донесения и личные письма неоднократно предоставляли Чернышеву возможность подорвать доверие к местному руководству, тем самым повышая собственные шансы на приобретение полного контроля в проведении реформ. Умение обрисовать ситуацию на местах в черных красках также позволяло Чернышеву отрезать потенциальных противников реформы среди донского дворянства от источников поддержки и защиты в столице империи. Соответственно, переписка Чернышева полна обличений и брани в адрес атамана Денисова (за обструкционизм), местных властей (за неэффективность и коррумпированность), и донского дворянства (за самочинный захват земель)⁴².

Кампанией против дворянства ознаменовался второй этап наступления Чернышева, в ходе которого он старался обеспечить поддержку рядовых казаков, изолировав их от дворянства. Чтобы обеспечить себе расположение простых казаков, Чернышев требовал от Комитета рекомендовать принятие специального закона о денежных субсидиях для казаков на действительной службе вместо выдачи фуража на вторую лошадь, взятую в кампанию. Благодаря личному ходатайству генерал-адъютанта перед императором и военным министерством рекомендация была немедленно принята к исполнению. Каждому казаку, участвовавшему в кампании, выплачивали девяносто рублей как компенсацию за невыдачу фуража для запасной лошади⁴³. Помимо того, с самого начала своей работы в Комитете 1819 года Чернышев особое внимание уделял вопросу о земельной реформе, который неизбежно обеспечивал ему поддержку со стороны простых казаков, бессильно наблюдавших, как излишки земли растворяются под двойным напором прироста населения и присвоением земель казачьим дворянством. Чернышев даже призывал рядовых казаков подавать жалобы на офицеров, присваивавших станичные земли, предназначавшиеся для общего пользования⁴⁴.

Действия Чернышева представляют собой любопытный вариант стародавней тактики «разделяй и властвуй», столь усердно применявшейся Санкт-Петербургом в отношении казаков в прежние годы. Ранее центральные власти опирались на казачьих офицеров, чтобы подчинять своей воле рядовых. Теперь же Чернышев вполне со-

знательно вел противоположную политику, стараясь завоевать расположение рядовых казаков с тем, чтобы нейтрализовать влияние дворянства и мобилизовать народные настроения в пользу перемен. Члены местного дворянства, по различным причинам противившиеся программе Чернышева, вскоре оказались в изоляции и от Санкт-Петербурга, и от низов. Генерал от кавалерии И. В. Васильчиков, член Государственного совета, впоследствии выступивший в роли защитника казачьего дворянства, верно оценивал ситуацию, когда в 1820-е гг. писал о том, что «несогласие, ныне между ними существующее, по моему мнению, полезно для правительства, напротив как единому сердцу в войске столь многочисленном, необразованном и отдаленном от должного наблюдения может иметь невыгодные последствия»⁴⁵.

В течение второй половины 1819 г. и всего 1820 г. умелое манипулирование местными проблемами позволяло Чернышеву вести наступление на реальных и потенциальных противников. В конце лета и осенью 1819 г. он воспользовался недавно выданной привилегией на местную алкогольную монополию («питейный откуп») как средством дискредитировать атамана Денисова и двух членов Комитета 1819 года — генералов Карпова и Черевкова. Чернышев критиковал эту монополию как прямое нарушение старинных прав и привилегий казачьего войска, согласно которым все казаки имели право на беспрошленное производство алкогольных напитков. Административную ответственность за введение монополии нес Денисов, а Карпов и Черевков приобрели эту монополию, собираясь воспользоваться ею для того, чтобы пополнить местный бюджет. Когда члены Комитета не смогли решить вопроса о законности монополии, Чернышев направил по этому поводу запрос в Санкт-Петербургский Правительствующий Сенат. Тем временем император заменил Карпова и Черевкова двумя другими генералами из казаков, А. В. Иловайским и Д. Е. Кутейниковым, которые считались сторонниками Чернышева по широкому кругу вопросов, связанных с казаками. Кроме того, Чернышев получил от императора разрешение пригласить еще шестерых казачьих офицеров для участия в заседаниях Комитета 1819 года⁴⁶.

Несмотря на признаки растущего недовольства со стороны императора, Денисов сумел удержаться на своём посту до начала 1821 года. Хотя питейный откуп едва ли говорил в его пользу, решающим соображением для вывода атамана из состава Комитета

42 О тактике и целях Чернышева особ. см.: Игнатович И. И. Крестьянское движение на Дону в 1820 г. М., 1937. С. 65–70; примеры переписки Чернышева см.: СИМ. Т. VIII. С. 273–289, 352–366, 459–482; Т. IX. С. 72–73, 191–202; а также: СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 162.

43 СИМ. Т. IX. С. 57–61, 77–80, 113.

44 Превосходный пример — список жалоб, оглашенных депутатами от станицы Урюпинской: РГВИА. Ф. 331 (Казачий комитет войска Донского). Оп. 1. Д. 15. Л. 88–90.

45 Бумаги А. И. Чернышева по делам комитета 1821–1824 // СИРИО. Т. СХХI. С. 391.

46 О питейном откупе см.: Записки Донского Атамана Денисова. Т. XII. С. 472–473; Краснов. Исторические очерки Дона. Кн. 7. С. 117–126; СИМ. Т. IX. С. 125–128; Высочайшие повеления А. И. Чернышеву за 1819–1825 гг. / Под ред. Н. Ф. Дубровина // Сборник исторических материалов. Т. VI (далее СИМ. Т. VI). С. 46–47; РГИА. Ф. 651 (Васильчиковы, Князья). Оп. 1. Д. 204. Л. 5; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 3316. Л. 1–23; Д. 2477. Л. 28–29.

стала его явная неспособность справиться с кризисом, принявшим форму крестьянских волнений. Последние были на Дону обычным явлением, но весной 1820 г. совокупность обстоятельств, включая наличие давних обид, этнические различия, а также слухи о грядущем освобождении, которое якобы готовит Комитет, привело к тому, что около 12 тысяч донских крепостных в четырнадцати крупных станицах восстали против своих хозяев. Будучи самым высокопоставленным офицером на Дону, Чернышев воспользовался этим восстанием для того, чтобы упрочить свое положение в глазах царя, одновременно еще больше ослабив позиции Денисова. С благословения Санкт-Петербурга, Чернышев немедленно взял в свои руки управление военными действиями против несчастных бунтовщиков; в донесениях, напоминающих доклады 1812 и 1813 гг., он подробно описывает собственные подвиги, в то же время обвиняя Денисова в нерешительности, неумелости и некомпетентности⁴⁷. В конце концов кампания Чернышева против атамана принесла долгожданный результат: в январе 1821 г., после того, как Правительствующий Сенат высказался против питейного откупа, Комитет Министров рекомендовал отставку Денисова. В 1821 г., по возвращении на Дон из Тропау и Лайбаха, где он снова служил в качестве дипломатического советника царя, Чернышев вступил в должность председателя Комитета 1819 года и начал работать вместе со сменившим Денисова А. В. Иловайским⁴⁸.

Теперь, когда Комитет состоял преимущественно из собственноручно отобранных самим Чернышевым членов, а оппозиция со стороны казачьего дворянства была хотя бы на время нейтрализована, Чернышев спешил поскорее завершить разработку проекта Положения о реформах. Поначалу Комитет продолжал работу в Новочеркасске, но осенью 1821 г. Чернышев перевел его в Санкт-Петербург. Еще через полтора года не слишком регулярных заседаний Чернышев смог представить готовый проект Положения в Государственный Совет, который рассматривал все законопроекты, прежде чем передавать их на окончательное утверждение императору⁴⁹.

Дискуссии в особом Донском комитете при Государственном Совете ознаменовали собой начало, вероятно, самого деликатного и уязвимого этапа реформаторской деятельности Чернышева. Одно дело было преодолеть местную оппозицию на Дону, и совсем другое — справиться с сопротивлением высокопоставленных столичных сановников. По не вполне ясным причинам князь Васильчиков, один из наиболее влиятельных и видных членов Донского

комитета, выступил как защитник донского дворянства, особенно крупных помещиков, которые чувствовали себя наиболее неуютно перед лицом надвигающихся перемен. Хотя Васильчиков, вероятно, не мог рассчитывать на то, что новое Положение будет отвергнуто, он был в состоянии отсрочить его подачу на утверждение императору и, возможно, даже внести поправки в основные моменты законопроекта. Соответственно, его тактика заключалась в том, чтобы выступать с обширными комментариями по соответствующим статьям проекта с целью затянуть дискуссию, а также поставить под сомнение разумность отдельных аспектов предлагаемого законопроекта. Лишь личное вмешательство Чернышева в критические моменты развернувшихся дискуссий позволило сохранить в неизменном виде основные статьи Положения, особенно те, которые относились к фундаментальной земельной реформе. Однако, в значительной мере благодаря оппозиции Васильчикова, дискуссии в специальном Донском комитете Государственного Совета затянулись до позднего лета 1825 г. Лишь в сентябре того же года Государственный Совет принял к рассмотрению окончательный вариант проекта и объемистую сопроводительную записку к нему⁵⁰.

Несмотря на неотложность вопроса о реформах, прошло более десятилетия, прежде чем Положение об управлении Войском Донским официально вступило в силу. Отчасти задержка была вызвана смертью Александра I, восстанием декабристов, административными затруднениями, окружавшими вступление Николая I на престол, и последующими войнами с Персией и с Турцией, а также польским восстанием. Еще одной сложностью стала необходимость найти практическое решение земельного вопроса на Дону. Прежде чем царь мог провозгласить реформу, заместители Чернышева на Дону должны были завершить сбор сведений по текущей и предполагаемой структуре землевладения: десятки землемеров продолжали трудиться над выполнением этой работы и в 1830-е годы. Кроме того, воцарение нового монарха внушило тем донским офицерам, которые противились реформам, проблеск надежды, пусть ненадолго, но оживившей их усилия. В августе 1827 г., во время формального смотра, сопровождавшего коронацию Николая в Кремле, атаман Иловайский — прежде считавшийся одним из самых верных сторонников Чернышева на Дону — вручил императору обширное коммюнике, в котором предлагалось пересмотреть всю программу реформ. Николай лишь мельком проглядел это предложение и сразу же передал его Чернышеву, который случайно оказался поблизости. Все это через несколько месяцев Иловайский вслед за своим предшест-

47 О крестьянском восстании на Дону см.: Игнатович. Указ. соч. С. 71–75, 100–120; СИМ. Т. IX. С. 108–116; Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Вена, 1924. С. 282–283.

48 Карасев. Указ. соч. С. 227–228; СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 164–170.

49 Михайловский-Данилевский. Указ. соч. С. 159–160.

50 РГИА. Ф. 1150 (Департамент военных дел Государственного совета). Оп. 2. Д. 16. Л. 1–2, 26–31; Д. 1е. Л. 20–22; Ф. 651. Оп. 1. Д. 201. Л. 73–87; СИРИО. Т. СХХI. С. 389–392, 400–403; СВМ. Т. XI. Ч. I. Л. 173–174; сопроводительная записка перепечатана в: СВМ. Т. XI. Ч. 2. С. 263–300.

венником попал в опалу и получил отставку. В 1827 г. наказным атаманом казачьего войска Донского стал Д. Е. Кутейников⁵¹.

Задержка с формальным утверждением нового Положения имела и позитивный аспект, так как она способствовала тому, чтобы проводимые на Дону реформы более полно соответствовало преобразованиям, затронувшим высшие уровни военной иерархии. Как, к своему несчастью, обнаружил бывший атаман Иловыйский, воцарение нового монарха лишь укрепило положение Чернышева среди военачальников империи. В августе 1827 г. Чернышев сменил А. И. Татищева на посту военного министра; в следующем году он стал начальником Главного штаба Его Величества; таким образом, ответственность и за командование действующей армией, и за управление службами, обеспечивающими ее функционирование, оказалась в руках одного человека. Начиная с 1832 г. Чернышев представлял планы по масштабной реорганизации всей царской военной администрации, благодаря чему в 1836 г. все военные дела были переданы под юрисдикцию одного лишь военного министерства⁵². Ещё не успели просохнуть чернила на новых законах, а Чернышев уже выступал за то, чтобы полнее интегрировать российские казачьи войска со структурой регулярной армии. В первые несколько десятилетий XIX века обозначилась тенденция передавать те вопросы гражданской и военной жизни казаков, которые затрагивали верховные казачьи власти, в ведение различных министерств. Однако после 1837 года все казачьи дела, кроме тех, что особо выделялись как гражданские, относились к юрисдикции военного министерства. Наконец, указ от 1840 г. окончательно объявлял, что казаки по всем вопросам — как военным, так и гражданским — подчиняются департаменту военных поселений при военном министерстве⁵³.

Тем временем, пока ситуация на Дону не ухудшилась, Чернышев принимал меры к тому, чтобы отдельные статьи его Донского положения вступили в силу с тем, чтобы исправить наиболее вопиющие недостатки в местной делопроизводственной и землевладельческой практике. Д. Е. Кутейников на своем атаманском посту был обязан строго соблюдать основные моменты проекта Положения. Предвосхищая оппозицию переменам, Николай продолжил политику своих предшественников, улещивая казаков заверениями в их незаме-

нимости и сохраняя их особый статус в рамках Российской империи. В октябре 1827 г. он даже объявил цесаревича атаманом всех казачьих войск и шефом лейб-гвардейского Атаманского полка⁵⁴. В той же струе 1 января 1836 года прошла и торжественная церемония официального вступления Положения в силу. Два сенатора империи, Болгарский и Б. И. Княжнин, были посланы в Новочеркасск председательствовать на местных торжествах, сопровождавших объявление Положения казакам. Шестью месяцами ранее Чернышев начал тщательно готовиться к этому дню, добившись того, чтобы царь вызвал из Варшавы генерала М. Г. Власова, престарелого военного героя донских казаков, на замену Кутейникову как наказному атаману войска Донского. Главная задача Власова заключалась в том, чтобы его собратья-казаки мирно приняли новое Положение. Однако ни Николай, ни Чернышев не оставляли дело на волю случая: накануне торжества они разместили на границах Войска Донского надежные регулярные войска на случай серьезных волнений. Эти предосторожности оказались излишними, поскольку казаки приветствовали новое Положение с большим энтузиазмом — в значительной степени благодаря тем усилиям, которые приложил Чернышев в предыдущие пятнадцать лет. Даже представители непокорного дворянства, вопреки опасениям, выступили в поддержку Положения. В 1837 г. царь вместе с царевичем посетили Новочеркасск, где в присутствии донских сановников прошла почетная церемония вручения Александру Николаевичу регалий почетного атамана войска Донского⁵⁵.

Значение Положения 1835 года заключается в том, что это был первый общероссийский закон, охватывавший все стороны казачьей жизни. В новом законе нашли свое выражение потребность в кодификации и несколько более зловещее стремление к всеобщей регламентации. Иными словами, перефразируя некоторых комментаторов, Положение воплощало в себе соответствующие традиции М. М. Сперанского и А. А. Аракчеева. Их современник Чернышев однажды заявил, что «оно доставит всем действиям министерства твердость, точность, правильность и быстроту и облегчит способы к достижению главной цели военного управления — устройства военно-сухопутных сил Империи по всем видам и отношениям»⁵⁶. Таким образом, задача Донского положения сводилась к тому, чтобы организовать и упорядочить на всеобъемлющей основе наиболее

51 «Наказной» означает «назначенный», чем подчеркивается, что он отправляет свою службу по воле двора. О задержке с утверждением положения см.: СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 277; об инциденте с Иловыйским см.: Атаман Д. Е. Кутейников // Русская старина. XIII (1875). С. 41–42; Попов. Указ. соч. Л. 35–36; Савелов Л. М. Донские Дворянские роды. В 2 тт. СПб., 1902. Т. 1. С. 75–77.

52 Curtiss. The Russian Army under Nicholas I. P. 97; Данилов Н. А. Развитие военного управления в России // Столетие Военного Министерства / Под ред. Скалона. Т. 1 (далее СВМ. Т. 1). С. 365–369; СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 265–267.

53 СВМ. Т. IX. Ч. 1. С. 267–271; Полное собрание законов Российской империи. 2-е изд. В 55 т. СПб., 1830–1834 (далее ПСЗ II). Т. XII. № 10720; Т. XV. № 13683.

54 СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 261, 277–280; ПСЗ II. Т. III. № 1815.

55 Н. Максим Григорьевич Власов, атаман войска Донского 1836–1838 // Русская старина. XIII (1875). С. 217–219; донесение Болгарского см.: РГВИА. Ф. 330. Оп. 2. Д. 35. Ч. II. Л. 182–198; см. также: Краснов Н. По вопросу об образовании офицеров донских полков // Военный сборник. XLVIII (1866). С. 311–316; Краснов Н. Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского // Военный сборник. XLVIII (1865). С. 341–343.

56 Чернышев цитируется в: СВМ. Т. I. С. 372.

важные аспекты управления, экономики и военной службы в Войске Донском. В глазах Чернышева решение проблем Дона заключалось в создании соответствующей структуры и порядка, а это, по мнению одного наблюдателя, означало превращение территории Войска Донского в «военное поселение»⁵⁷.

Значительная часть Положения была посвящена определению структуры региональной администрации, а также прав и обязанностей ее должностных лиц. Во главе двух отдельных вертикалей власти — военной и гражданской — стоял наказной атаман войска. В сфере гражданской администрации атаман занимал должность, аналогичную генерал-губернаторской, возглавляя Войсковое правление с четырьмя отдельными службами (исполнительной, экономической, земельной и налоговой), а также несколькими мелкими ведомствами, которые занимались отчетностью и юридическими вопросами. Кроме того, в Положении предусматривалось создание отдельного войскового суда и учреждений, занимающихся вопросами строительства и благосостояния. На промежуточном административном уровне, в рамках семи донских округов, согласно Положению, учреждались судебные инстанции и административные службы, повторявшие в меньших масштабах аналогичные учреждения уездного уровня в губерниях, управляющихся обычной гражданской администрацией. На низшем административном уровне казачьих станиц Положение сохраняло в неизменном виде систему выборной администрации, возглавляемой станичным атаманом, которому помогали два казачьих старшины. Собственно, общий успех Положения может отчасти объясняться готовностью военных реформаторов, включая Чернышева, оставить станичные дела в руках простых казаков⁵⁸.

В области региональной экономики Положение затрагивало ряд вопросов, начиная от торговли и кончая акцизными обязательствами, но самой важной проблемой оставалось землевладение. Несмотря на предшествовавшие обличения Чернышева, казачье дворянство не имело особых поводов для тревоги, за исключением, может быть, неудобств, связанных с планами по выводу крепостных, принадлежавших офицерам-казакам, со станичных земель. Основное положение земельной реформы сводилось к тому, что донских крепостных следовало по возможности переселить на пустующие войсковые земли, расположенные преимущественно в Черкасском и Миусском округах, из расчета по пятнадцати десятинам на каждого крепостного мужского пола. Офицерам-казакам, не имевшим

крепостных, разрешалось сохранять земельные участки, отдельные от земель рядовых казаков, в пределах станиц, причем размер наделов зависел от чина и от наличия незанятой земли. Что более существенно, предполагалось увеличить размеры всех наделов в рамках отдельных станиц и перераспределить между станицами таким образом, чтобы в распоряжении каждого казака оказалось не менее тридцати десятин обрабатываемой земли. Положение также предусматривало создание резервного земельного фонда в расчете на дальнейший рост населения. Очевидная и нескрываемая цель этих мероприятий заключалась в том, чтобы обеспечить донским казакам возможность для дальнейшего несения военной службы на основе коллективного землепользования⁵⁹.

Военная организация Войска Донского, как и его гражданское управление, по Положению 1835 года, получали более четкую структуру. Командующий войска, наказной атаман, наделялся полномочиями, аналогичными полномочиям командующего армейским корпусом, и ставился во главе Военного дежурства, призванного заменить устаревшие военные учреждения при прежнем войсковом правительстве. Начальник Военного дежурства являлся заместителем атамана, отвечая за выполнение его распоряжений в сфере военных дел. В военном отношении Дон делился на четыре крупных округа, каждый из которых подчинялся атаману через генерала, стоящего во главе округа, и окружной штаб. В обязанности четырех начальствующих генералов входили набор, инспектирование и отправка казачьих полков на службу во время военных кампаний. Помимо того, Положение предусматривало, чтобы в каждом военном округе имелся собственный плацпарад для смотров и муштровки полков. Продолжительность службы устанавливалась в двадцать пять лет для офицеров и тридцать для рядовых⁶⁰.

Серьезно отступая от традиции, составители военных статей Положения впервые в истории опубликовали в их составе полковую инструкцию, содержание которой затрагивало самые разные темы, начиная от размеров воинских частей, и заканчивая порядком выплаты жалованья во время кампаний. Размер казачьего полка устанавливался в 850 офицеров и рядовых — в этом ясно выражалось стремление Чернышева ограничить численность казачьего дворянства, сократив офицерские кадры каждого полка и одновременно увеличив численность рядового состава. В полковой инструкции давались также предписания по части формы, на кото-

57 Краснов Н. Исторические очерки Дона // Русская речь. Кн. 8. (Август 1871). С. 63.

58 Хотя Положение официально вступило в силу 1 января 1836 года, оно получило известность как Положение от 1835 года, поскольку именно в том году было формально утверждено; соответствующие части Положения см.: ПСЗ II. Т. X. № 8163. Ч. 3. Ст. 1–166; о станичном управлении говорится в Ст. 167–178; см. также: СВМ. Т. XI. Ч. 1, 278–279; Сватиков. Указ. соч. С. 314–321.

59 О землеустройстве см.: ПСЗ II. Т. X. Приложения к наказу гражданскому управлению Донского войска. Ч. 2; см. также: Карасев А. А. Донские крестьяне // Труды областного войска Донского статистического комитета. В 2 т. Новочеркасск, 1867, 1874. Т. 1. С. 84–87.

60 ПСЗ II. Т. X. № 8163. Ч. 2; СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 278–279; РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2477. Л. 21; о том, как Чернышев уменьшил число офицеров, приписанных к казачьим полкам, см.: СИМ. Т. VIII. С. 270–273.

рой должен был обозначаться номер полка. Однако, в соответствии с казачьей традицией, полку также разрешалось носить имя своего командира. Дополнительные статьи полковой инструкции касались правил по устройству засад, проведению рейдов и кавалерийских атак. Хотя эти указания служили лишь самым минимальным тактическим руководством, они отражали возросшую заинтересованность в упорядочении тех аспектов службы, которые, по мнению строевых офицеров прежних эпох, должны были и так быть хорошо известны жителям фронта. Наконец, большое место отводилось в Положении требованию о подчинении казаков военному уставу и военному судопроизводству в казачьих полках⁶¹.

Совокупный эффект этих нововведений в военной сфере был призван облегчить донским казакам переход в «регулярство», которое прежде вызывало такой ужас. В значительной степени благодаря Положению Чернышева, на смену обычая как главной силе, обеспечивающей продолжение существования казачьего войска Донского, пришел закон. Во время наполеоновских кампаний донские казаки привыкли к службе под началом строевых офицеров, а теперь, в результате изменений в донском офицерском корпусе, казаки служили под началом не строевых русских офицеров, а обрусевших казачьих офицеров. Казаки были приписаны к полкам, размер которых был строго задан, однако этим полкам недоставало оседлого характера, свойственного служилым казакам и военным поселенцам. Наконец, казакам выдали форму и обязали их подчиняться требованиям полевого устава, составленного так, чтобы учитывать особенности казачества, в то же время предписывая им соблюдение общепринятых военных правил. За казаками сохранялось название «нерегулярных войск», но в действительности они лишились своей нерегулярности практически во всех отношениях, за исключением названия. В том и состояла гениальность Чернышева, что он добился того, чтобы и казаки, и правительство страны согласились пойти на все эти новшества⁶².

И, наконец, следует упомянуть ещё один вклад Чернышева в строительство казачьих войск, какими они сохранялись вплоть до революции. Он заключался в распространении донской модели на другие казачьи войска императорской России. Еще со времен Потемкина Войско Донское служило образцом для организации почти всех прочих казачьих войск, и это правило оставалось в силе и при Александре I, и при Николае I. Закончив реорганизацию военного министерства, Чернышев приступил к насаждению донского образца практически во всех остальных казачьих войсках России. В 1840 г. основные статьи Донского положения были распростра-

нены на Оренбургское казачье войско, в 1842 г. на Черноморское (впоследствии Кубанское) войско, в 1844 г. на Дунайское войско, в 1845 г. на казаков Кавказской линии, и в 1846 г. на Астраханское войско. По оценке одного официального историка, при Чернышеве военное министерство выпустило около 1300 мелких постановлений, связанных с различными аспектами казачьей службы и внутреннего управления⁶³. Сам Чернышев так писал о Положении в докладе от 1850 г., в котором подводил итоги почти четверти века своей работы во главе военного министерства: «Законоположения сии, коснувшиеся всех предметов управления военно-гражданственного быта казачьих войск, учредили по всем частям твердый порядок, возвели их на удовлетворительную степень теперешнего их благосостояния, сохранив между тем неприкосновенным древний воинственный дух, знаменовавший казачьи войска славными подвигами в боях, преданностию их к Царю и Отечеству, строгости семейных нравов и трудолюбием, и указали верные пути к дальнейшему укоренению в них этих доблестных свойств»⁶⁴.

Под опекой Чернышева казачьи войска переживали нечто вроде возрождения. В 1826–1852 гг. казачье население империи почти удвоилось. Если прежде оно чуть превышало один миллион, теперь оно достигло двух миллионов человек. При восшествии Николая I на престол в империи насчитывалось девять отдельных казачьих войск плюс несколько отдельных полков и многочисленные мелкие подразделения. После русско-турецкой войны 1829–1830 гг. Чернышев сформировал несколько дополнительных казачьих группировок, Дунайское и Азовское войска. В 1842 г. старое Ставрополь-Калмыцкое войско было переселено в пределы Оренбургского войска. В 1850 г. Чернышев в своем докладе императору мог с полным основанием утверждать, что за предыдущую четверть века число состоящих на службе казачьих подразделений почти удвоилось. В том же году Чернышев как военный министр мог выставить более чем 110 тысяч конных казаков в 105 полках плюс еще 100 тысяч человек в резерве⁶⁵.

Деятельность А. И. Чернышева представляет собой важную страницу в истории казачьих сил императорской России. В эпоху революционных изменений в военном деле, которые влекли за собой потенциально революционные последствия для общества в целом, Чернышев предпочел добиваться институциональной преемственности вместо более дорогостоящих военных и социальных преобразований. Иными словами, он пытался найти ответ на сложные военные вызовы постнаполеоновской Европы, не следуя новым направлениям, а добиваясь совершенствования уже существующих.

61 ПСЗ II. Т. X. № 8163 (Полковая инструкция для Донского войска).

62 См.: Хорошкин А. П. Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 40, 48.

63 СВМ. Т. I. С. 362–364.

64 Чернышев А. И. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // СИРИО. Т. ХСVIII. С. 426.

65 Там же. С. 424–425; СВМ. Т. XI. Ч. 1. С. 223–224.

В этом отношении он мало чем отличался — за исключением разве что своей настойчивости и тщательности — от своих российских современников, тех министров, которые, по словам У. Брюса Линкольна, «в массе своей считали структуру российской государственности в принципе разумной и полагали, что ее недостатки можно исправить более или менее частными мерами»⁶⁶. Чернышев, среди прочих, придерживался того мнения, что казаки не утратили своего военного значения, и именно он приобрел достаточно влияния и власти, чтобы добиться реализации своих идей в отношении более совершенных форм казачьего существования. Вклад Чернышева также заключался в умении ввести боевую пригодность казаков в контекст регулярной армии, а затем предпринять необходимые шаги для повышения этой пригодности, для перевода ее на более предсказуемую основу и для ее воспроизведения всюду, где это было необходимо. Особую роль в этом процессе сыграло политическое чутье Чернышева, позволившее ему придать реформам такой характер и размах, которые в прежние времена считались бы неприемлемыми. В более широком смысле реформаторская деятельность Чернышева соответствовала тому, что один историк казачества назвал «проявлением столь характерной для эпохи Николая I милитаризации всего управления вообще»⁶⁷. Время и соответственно менявшиеся обстоятельства гражданской и военной жизни вносили в труды Чернышева свои поправки, но созданное им основополагающее Донское Положение неизменно оставалось основой и отправной точкой для дальнейшей эволюции. Чернышеву, более, чем кому-либо другому, включая, возможно, даже Потемкина, Россия обязана узаконением существования военного общества, и потому его можно по праву считать российским аналогом спартапца Ликурга.

Перевод с английского Николая Эдельмана

66 W. Bruce Lincoln. The Ministers of Nicholas I: A Brief Inquiry into Their Backgrounds and Service Careers // The Russian Review, XXXIV, No. 3 (July 1975). P. 323.

67 Сватиков. Указ. соч. С. 310.

Р. В. КОНДРАТЕНКО

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ КОРАБЕЛЬНОГО СОСТАВА БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

С о времён Петра Великого Россия не раз пыталась войти в число ведущих морских держав, и ей всегда удавалось достаточно далеко продвинуться по этому пути. Однако каждый раз взлёты сменялись падениями, причём поражения оказывались тем более сокрушительными, чем значительнее выглядели предыдущие достижения. Показательной в этом плане является Крымская война, послужившая тем оселком, на котором была проверена, в частности, российская морская политика предшествующего периода. Формально третий в мире по совокупной боевой мощи, военно-морской флот России не сумел оказать противнику должного отпора, был блокирован в портах, обороняя которые потерял около половины корабельного состава. Среди множества процессов, обусловивших такое развитие событий, видное место занимают строительство и ремонт кораблей, оказывавшие значительное влияние на боеспособность флота.

Представляется целесообразным рассмотреть это направление деятельности Морского министерства в годы царствования императора Николая I применительно к боевым кораблям Балтийского флота. На наш взгляд, данный вопрос не получил ещё должного освещения в литературе. Так, А. П. Шершов посвятил ему всего одну страницу своего труда¹. В. Д. Доценко, перу которого принадлежит компилятивная глава в коллективной работе по истории отечественного судостроения, затронул лишь некоторые аспекты, при-

¹ Шершов А. П. История военного кораблестроения. С древнейших времен и до наших дней. СПб., 1994. С. 224. Первое издание: М., Л., 1940.

чём не без досадных ошибок². Две страницы отведено данной теме в книге В. А. Золотарева и И. А. Козлова³. Г. А. Гребенщикова уделяет ей заметно большее внимание, однако, в рамках работы по истории судоремонта⁴. Ряд важных наблюдений содержится в книге и статьях В. Г. Андриенко⁵. Существенный вклад в изучение балтийского судостроения означенного периода внёс Ю. И. Головнин, хотя и он не вышел за рамки истории создания отдельных судов⁶.

Между тем, знакомство с особенностями регулирования корабельного состава Балтийского флота не только позволяет нарисовать более полную картину морской политики России второй четверти XIX века, но и дает материал для оценки эффективности решения военно-политических задач, которые верховная власть ставила перед государственным аппаратом, в условиях дефицита различных ресурсов.

Как гласит «Краткий отчет по Морскому министерству за 1853 и 1854 г.», к февралю 1853 г. Балтийский флот состоял из 26 линейных кораблей (из них 2 тимберовались)⁷, 12 фрегатов (1 тимберовался), 9 пароходфрегатов, около 100 судов низших рангов, включая 13 малых парходов. Сверх того, в дальнем плавании находились: 1 фрегат и 1 винтовая шхуна, купленная в Англии. Строились: 1 винтовой линейный корабль, 2 винтовых фрегата, 2 транспорта и 2 пархода. Боеготовые силы флота состояли исключительно из парусных кораблей.

2 Доценко В. Д. Парусное деревянное судостроение во второй четверти XIX века // История отечественного судостроения. Т. 1. Парусное деревянное судостроение IX-XIX вв. СПб., 1994. С. 356–363.

3 Золотарёв В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота. XIX — начало XX века. М.; СПб, 2007. С. 250–251.

4 Гребенщикова Г. А. Судоремонт в 1840–1850-е гг. // История отечественного военного судоремонта. Кн. 1. От доковых адмиралтейств к морским заводам. СПб., 2004. С. 89–94.

5 Андриенко В. Г. До и после Наварина. М.; СПб., 2002; Корвет «Львица» — трофей русских моряков // Судостроение. 2001. № 3. С. 69–71; Он же. «Филлотет» — последний парусный бриг российского флота // Судостроение. 2002. № 1. С. 73–77; Он же. Корвет «Наварин» // Судостроение. 2006. № 5. С. 77–81.

6 Головнин Ю. И. Первый русский пароходфрегат «Богатырь» // Судостроение. 1994. № 7. С. 60–63; Он же. Первый русский винтовой фрегат «Архимед» // Судостроение. 1994. № 10. С. 58–62; Он же. Первый русский винтовой фрегат специальной постройки «Палкан» // Судостроение. 1995. № 1. С. 51–53; Он же. Первый русский парусно-винтовой линейный корабль «Выборг» // Судостроение. 1995. № 4. С. 46–49; Он же. 84-пушечные парусно-винтовые линейные корабли // Судостроение. 1995. № 7. С. 67–71; Он же. Последний парусно-винтовой линейный корабль «Император Николай I» // Судостроение. 1995. № 11–12. С. 53–57; Он же. Пароходфрегаты Балтийского флота // Гангут. № 36. СПб., 2005. С. 44–59.

7 Тимберовка (от англ. timber — обшивать деревом) — капитальный ремонт корпуса деревянного судна, с заменой прогнивших частей обшивки и набора.

По словам авторов отчёта, «суда сии были большею частью сосновые, из сырого леса, слабой постройки и весьма посредственного вооружения, и при каждом учебном плавании по портам Финского залива весьма многие из них подвергались разнообразным повреждениям. Не было возможности составить из них эскадру для продолжительного плавания в дальние моря, и с большим трудом можно было отыскать несколько отдельных судов, которые почитались способными совершить переход из Кронштадта к берегам Восточной Сибири. Главной причиной такого состояния наших судов было правило: иметь в Балтийском флоте не менее 27 линейных кораблей. Корабли наши служат обыкновенно, средним числом, около 9 лет, по сему ежегодно 3 корабля приходит в негодность, и Морское министерство должно было бы изготовлять ежегодно 3 новых корабля; но при наших кораблестроительных способах это совершенно невозможно, так как мы в состоянии строить только один корабль через год в Архангельске и один корабль через два года в Петербурге, и при том строить поспешно, что крайне вредно для дела. Посему, чтоб иметь 27 кораблей, является необходимость тимберовать наскоро, сырым сосновым лесом, старые корабли, которые становились от того еще менее надежны для службы. Из этого следует, что уменьшение числа кораблей Балтийского флота было бы весьма полезно, ибо, при меньшем числе их, мы могли бы иметь корабли лучшего качества»⁸.

Как же сложилось описанное выше положение? Согласно высочайше утверждённому 14 ноября 1803 г. штату, Балтийский флот должен был состоять из 27 основных и 5 «прибавочных» (т. е. запасных) линейных кораблей, 26 основных и 2 «прибавочных» фрегатов, 2 основных и 2 «прибавочных» бомбардирских кораблей, 3 корветов, 6 бригов, не считая лёгких парусных и гребных судов⁹. По сравнению с 1790 г., когда Россия имела на Балтике более 40 линейных кораблей, новый штат представлял собой компромисс между требованиями внешней политики и обороны страны и возможностями государственных финансов и промышленности.

Последние годы царствования императора Александра I оказались для военно-морских сил России весьма непростым временем. И прежде обделенные вниманием верховной власти, они в этот период подверглись суровым испытаниям. За сравнительно короткое время корабельный состав заметно сократился: 5 линейных кораблей и 3 фрегата были проданы Испании в 1817 г. и 3 фрегата в 1818 г., во время наводнения 7 ноября 1824 г. в Кронштадте из 18 линейных кораблей, 19 фрегатов, 6 бригов и 40 мелких су-

8 Краткий отчет по Морскому министерству за 1853 и 1854 г. СПб., 1855. С. 3–4.

9 Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XLIV. Книга штатов. Отделение второе. Штаты военно-морские. СПб., 1830. Царствование императора Александра I. С. 9.

дов уцелели только 7 линейных кораблей, 4 фрегата, бриг и гемам¹⁰. По состоянию на 1825 г. в составе Балтийского флота числилось 15 линейных кораблей, 12 фрегатов, 31 мелкое судно, 50 канонерских лодок, 3 парохода. Из них 2 корабля и фрегат пришли в ветхость, а 8 кораблей и фрегат требовали основательного ремонта. Более или менее боеготовыми были лишь 5 кораблей и 10 фрегатов¹¹.

При таком жалком, не соответствовавшем статусу великой державы, состоянии флота требовались энергичные меры по его возрождению. Согласно указу императора Николая I от 31 декабря 1825 г., был учреждён Комитет образования флота, под председательством начальника Морского штаба вице-адмирала А. В. фон Моллера, приступивший к разработке документов, определявших характер предстоявшего наращивания боевых сил¹². По воле монарха, они должны были превосходить морские силы остальных балтийских государств. Представленные Комитетом на высочайшее рассмотрение меры по доведению корабельного состава Балтийского флота до штатной численности предусматривали строительство 26 кораблей, 9 фрегатов, 5 учебных фрегатов, 9 пароходофрегатов, 12 малых пароходов, 2 корветов, 12 бригов и шхун, 65 судов других классов и 77 гребных судов, всего 217 кораблей и судов¹³.

Столь масштабные работы требовали мобилизации значительных финансовых и материальных ресурсов. Учитывая, что постройка одного линейного корабля в Архангельске (без вооружения) по тем временам обходилась более чем в 50 000 руб. серебром (около 193 000 руб. ассигнациями), а в Петербурге заметно превышала эту сумму, общие расходы на создание одних только линейных сил должны были превзойти 6 млн. руб. ассигнациями. Все предстоящие затраты, даже по умеренным оценкам, достигали 17–18 млн. руб. Между тем, годовой бюджет морского ведомства в 1825 г. составлял 20,682 млн. руб.¹⁴ Однако государство в тот период имело возможность мобилизовать необходимые средства и людей. Сметы Морского министерства, в значительной мере за счет расходов на судостроение, выросли с 21,8 млн. руб. в 1826 г. до 31,6 млн. руб. в 1830 г. Благодаря принятым мерам по обеспечению верфей рабочей силой и материалами с 1827 по 1832 год было построено 17 ли-

нейных кораблей, 16 фрегатов, 18 бригов и 39 мелких судов, всего 90 единиц¹⁵.

Незадолго до окончания этого строительного рывка, в 1830 г. Балтийский флот имел 28 боеспособных линейных кораблей и 17 фрегатов. Их было достаточно для укомплектования тех трёх дивизий, из трёх бригад каждая, которые формировались согласно высочайшей воле, объявленной приказом начальника Морского штаба светлейшего князя А. С. Меншикова от 18 сентября 1827 г.¹⁶ Заметим, что по новой организации, предполагавшей наличие 3 кораблей в бригаде, а всего 27 боеготовых, численность корабельного состава точно соответствовала числу флотских экипажей после их реорганизации в 1816 г. С целью поддержания линейных сил Балтийского флота в полном комплекте было решено с 1833 г. строить ежегодно по бригаде — 2 линейных корабля, 1 фрегат и 3 мелких военных судна в Петербурге, 1 линейный корабль, 1 фрегат и 1 транспорт в Архангельске¹⁷.

Однако к тому времени обветшали корабли, построенные в первые десятилетия XIX в. Потребовалась их тимберовка, на которую расходовались запасы материалов и отвлекалась рабочая сила. Вместе с истощением и, соответственно, удорожанием корабельных лесов, это вызвало снижение темпов нового строительства. В результате к исходу 1838 г. в составе Балтийского флота числилось 24 годных к плаванию линейных корабля: 110-пушечный «Святой Георгий Победоносец», 84-пушечные «Гангут», «Императрица Александра», «Эмгейтен», «Полтава», «Нетронь Меня», «Владимир», «Лефорте», «Вола», 74-пушечные «Кульм», «Арсис», «Бриен», «Нарва», «Лесное», «Бородино», «Красной», «Березино», «Смоленск», «Память Азова», «Орёл», «Фершампенуаз», «Остроленка», «Лейбциг», «Константин». Кроме того, строились: в Петербурге — 120-пушечный «Россия», в Архангельске — 74-пушечный «Ретвизан»¹⁸.

Не все перечисленные корабли находились в должном состоянии. Так, «Бриен» фактически уже находился в ремонте, «Арсис» и «Кульм» готовились к нему. Вдобавок, к тимберовке предназначался и не вошедший в список 74-пушечный «Кацбах». Таким образом, численность линейных кораблей вновь оказалась ниже значения, установленного штатом. Трудно сказать, как действовало бы в сложившейся обстановке отвечавшее за поддержание корабельного состава на должном уровне Управление флота генерал-интен-

10 Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за столет его существования (1802–1902 гг.) / Сост. С. Ф. Огородников. СПб., 1902. С. 82–83.

11 Там же. С. 83.

12 Лебедев А. И. Флот в царствование императора Николая I // История русской армии и флота. Т. 10. М., 1913. С. 119–120.

13 История отечественного судостроения. Т. 1. СПб., 1994. С. 356; Золотарёв В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота ... С. 250.

14 Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за столет его существования (1802–1902) / Сост. С. Ф. Огородников. СПб., 1902. С. 130.

15 Записки Ученого комитета Главного морского штаба Его Императорского Величества. Часть VIII. СПб., 1832. С. VII.

16 Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. III. СПб., 1830. С. 253. В 1831 г. предпринята реорганизация морского ведомства с преобразованием Морского штаба ЕИВ в Главный морской штаб ЕИВ.

17 Исторический обзор развития ... С. 101.

18 РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1140. Л. 10–11. Приводятся аутентичные названия, однако существовали и иные формы, в частности, «Красный», «Березина».

данта, если бы посетивший Кронштадт в конце 1838 г. император Николай I не приказал «в присутствии Флота Генерал-Инспектора, чтобы в случае надобности можно было вооружить все три дивизии Балтийского флота», приняв соответствующие меры, включая тимберовку находящихся в доке кораблей¹⁹. Генерал-интендант вице-адмирал М. Н. Васильев поторопился снять с себя ответственность, высказав свои соображения по поводу высочайшего повеления в служебной записке от 3 января 1839 г.

Рассмотрев записку генерал-интенданта, начальник теперь уже Главного морского штаба, адмирал светлейший князь А. С. Меншиков 13 января наложил на неё резолюцию, гласившую: «1) составить росписание исключённых из списка и ныне существующих судов, с показанием года постройки; 2) по соображению лет службы тимбирующихся²⁰ и исключённых кораблей вывести: а) среднее число лет службы наших кораблей в Балтике, б) примерные сроки, к которым каждый из кораблей должен тимбириваться или исключаться из списков; 3) из этих данных вывести, сколько новых кораблей в каждый год должны поступать во флот, чтобы сохранять 27 единиц в составе; 4) составить примерный расчёт, когда будут готовы тимбиримые; 5) когда известны будут: а) средний срок службы кораблей, б) число кораблей, подлежащих тимбиривке или списанию, в) число потребных новых кораблей, г) число ежегодно выходящих из починки, тогда составить расчёт: а) сколько нужно ныне заложить кораблей здесь и в Архангельске, б) когда они будут спущены, в) сколько после того нужно будет заложить и к какому сроку их выстроят; 6) сколько нужно иметь для этого лесов»²¹.

Чтобы воплотить замысел А. С. Меншикова в жизнь и обеспечить планомерное строительство и ремонт линейных кораблей Балтийского флота, требовалась как упорядоченная и настойчивая работа центральных учреждений морского ведомства, так и соответствующая поставленной задаче материальная база. Казалось бы, всего несколько лет назад ведомство продемонстрировало свою способность поддерживать требуемый темп судостроения, однако закрепить полученные результаты оно оказалось не в состоянии.

Видимо, достижения 1827–1832 гг. следует рассматривать как результат совокупного действия ряда факторов, прежде всего войн с Персией 1826–1828 гг. и особенно с Турцией 1828–1829 гг., требовавших повышения боеготовности вооружённых сил в целом, и не в последнюю очередь военного флота, что способствовало усилению финансирования морского ведомства. Вскоре по окончании этих конфликтов, в 1831 г. бюджет последнего снизился до 30,9 млн. руб. и превысил этот уровень лишь в 1835 г., когда скачком уве-

личился до 37,5 млн. руб., после чего вновь упал до 35,9 млн. руб. и вернулся к прежнему значению (37,7 млн. руб.) только в 1839 г. Заметим, что сколько-нибудь основательного исследования бюджета морского ведомства в царствование императора Николая I, к сожалению, нет, поэтому нам приходится ориентироваться на цифры официального юбилейного очерка С. Ф. Огородникова, лаконичного и не во всех отношениях вполне точного, но позволяющего оценить расходы с известным приближением к истинным величинам.

Надо полагать, что при всём своём скептицизме А. С. Меншиков, распорядившись составить программу строительства и ремонта кораблей Балтийского флота, не сомневался в исполнимости намеченных им мер. И действительно, на стадии подготовительной канцелярской работы дело двигалось без каких-либо заминок. Резолюция начальника Главного морского штаба поступила в Кораблестроительный департамент, который 17 января 1839 г. препроводил её копию в Кораблестроительный и учётный комитет. Последний уже 19 января запросил у Департамента: «1) росписание кораблям Балтийского флота, исключённым из списка с 1826 по 1839 г. с показанием года постройки, 2) опись ныне существующих кораблей, с показанием года постройки». Необходимые документы были присланы Кораблестроительным департаментом 24 января²².

На разработку требуемых планов ушло менее двух недель. 10 февраля 1839 г. А. С. Меншиков констатировал, что «составлена программа на 1839, 1840, 1841, 1842 и 1843 годы, показывающая, какие корабли могут быть в составе дивизий каждый год, какие должны тимбириваться, закладываться вновь. Государь программу в целом одобрил»²³. Согласно этим предположениям, в кампанию 1839 г. предстояло содержать 1-ю флотскую дивизию в составе 9 линейных кораблей, а 2 и 3-ю в составе 8. Тимберовке с 1839 на 1840 г. подлежали «Арис», «Кульм» и «Кацбах». В запасных числились «Лесное» и достраивавшаяся 120-пушечная «Россия». На стапелях предполагалось заложить: в Архангельске один 74-пушечный корабль, в Петербурге по одному 74 и 80-пушечному. Аналогичные расчёты были проделаны и на последующие годы, вплоть до лета 1843 г.

Вместе с тем, упомянутые планы не в полной мере обеспечивали решение поставленной задачи. Как гласит записка члена Кораблестроительного и учётного комитета И. А. Амосова от 18 декабря 1839 г., из 32 наличных линейных кораблей 2 подлежали списанию по ветхости и 8 нуждались в тимберовке. Правда, «благонадёжными к плаванью» он числил не 22, а 23 корабля, так что для исполнения высочайшей воли, по его мнению, оставалось построить или отремонтировать всего 4. На тимберовку И. А. Амосов отводил год, а общий срок службы корабля определял в 15 лет. При этом он от-

19 Там же. Л. 25.

20 В начале XIX в. употребление термина в форме «тимбировка» преобладало.

21 РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1140. Л. 2–3.

22 Там же. Л. 1, 5, 7.

23 Там же. Л. 25 об.

мечал, что потребность в лесоматериалах на судостроение и ремонт, прежде исчислявшаяся в объёме одной бригады (т. е. 3 кораблей), на 1840 г. планировалась в объёме 6 кораблей, из которых 2 должны были тимбероваться. Однако, как следовало из его собственных слов, «недостаток денежных средств не позволяет спустить на воду в будущем году 4 корабля, а потому и в 1840 году должно будет прибегнуть к той же мере, как и в настоящем году, т. е. по возможности поддержать починкою некоторые корабли»²⁴.

Таким образом, при сохранении подобного финансирования спустя несколько лет ситуация потребовала бы экстраординарных ассигнований на судостроение, иначе невозможно было поддерживать требуемую численность боеспособных линейных кораблей. Это хорошо понимал И. А. Амосов, указывавший, что до тимберовки крупные суда на Балтике служили 8–9 лет, а после нее всего 3–7 (в среднем 5), но никаких предупредительных мер он не предложил, ограничившись указанием на то, что в течение двух лет флот будет доведен до требуемого состава.

Во исполнение высочайшего повеления на протяжении 1839 г. в Петербурге и Архангельске было заложено по 1 кораблю, со сроками сдачи в 1840 и 1841 гг., что не соответствовало февральской программе. Необоснованность поспешно составленных и принятых без какого-либо обсуждения планов вскоре стала очевидной. На запрос Кораблестроительного департамента, 29 января 1841 г. потребовавшего от Кораблестроительного и учётного комитета вновь представить соображения «по предмету содержания в составе Балтийского флота 27 кораблей», последний обратился к «старшему в Кронштадте» корабельному инженеру П. И. Мордвинову и на основе его рапорта от 4 февраля подготовил ответ. В отношении Комитета от 21 марта утверждалось, что представленные 18 декабря 1839 г. соображения основаны на средних сроках службы кораблей и не требуют изменений, но «за сделанною рассрочкою построения и тимбировки кораблей» уже «не могут иметь места».

Демонстрируя уязвимость прежних аргументов, Комитет указывал, что из состоящих в списке 32 кораблей 2 подлежат списанию («Иезекииль», «Лесное») и 3 тимберуются («Арсис», «Кульм», «Кацбах»), однако не все 27 оставшихся могут быть приведены в боевую готовность, так как «Смоленск» требует ввода в док для осмотра, «Нарва» и «Эмгейтен» сильно текут, а «Память Азова», нуждается в значительных исправлениях²⁵. Более того, из остальных 23 кораб-

24 Там же. Л. 32 об.

25 Заметим, что на утверждение императору Николаю I в феврале 1839 г. была подана программа, предполагавшая тимберовку 3 кораблей, тогда как кораблестроители знали, что в ремонте такого рода нуждается не менее 8, о чем свидетельствует записка И. А. Амосова от 18 декабря 1839 г. Налицо стремление бюрократических структур угодить власти, замалчивая неудобную истину, однако долго скрывать положение вещей оказалось невозмож-

лей 8, хотя и «благонадёжны к плаванию на нынешнюю кампанию», но по её окончании потребуют тимберовки. Между тем, сознавался комитет, «для тимбирования 12 кораблей нет нужного числа доков и недостаёт людей в рабочих экипажах», впрочем, если бы таковые и были, то в последние годы не представлялось возможности содержать в боевом составе 27 кораблей. Отсюда следовал вывод: «Остаётся одно средство: в первые годы по возможности поддерживать починкою некоторые корабли»²⁶.

Иначе говоря, Кораблестроительный и учётный комитет был вынужден признать, что составленные им планы строительства и ремонта кораблей не соответствовали действительному положению вещей и не могут быть реализованы. Кораблестроительный департамент довёл этот документ до сведения флота генерал-интенданта, а М. Н. Васильев доложил его А. С. Меншикову со своими комментариями. Генерал-интендант полагал, что боеспособными следует считать лишь корабли, «полностью благонадёжные по корпусу», каковых в составе Балтийского флота не более 15. По его мнению, обоснованными являлись следующие сроки службы кораблей: 10 лет до тимберовки и 6 после неё, превысивших же эти показатели насчитывалось 12. М. Н. Васильев предлагал произвести обследование всех судов комиссией из флагманов, командиров и старших корабельных инженеров, завершить текущий ремонт и строительство заложённых кораблей и впредь каждые 2 года строить по три новых — 1 в Петербурге и 2 в Архангельске, так как там постройка обходится дешевле. Примечательно, что генерал-интендант обошёл вопрос о малой продолжительности службы судов архангельской постройки, хотя это грозило повышением в ближайшем будущем процента ветхих кораблей. В итоге начальник Главного морского штаба 3 апреля 1841 г. обвинил Кораблестроительный департамент в том, что он за два года не смог решить поставленной ему задачи, и вновь потребовал составить необходимый план. На этот раз А. С. Меншиков дал подчинённым образцы ведомостей, с указанием сроков службы кораблей до тимберовки и после неё²⁷.

И вновь завертелась бюрократическая машина. 19 апреля 1841 г. Кораблестроительный департамент направил поступившие от начальника Главного морского штаба бумаги в Кораблестроительный и учётный комитет, который приступил к составлению нового плана. Однако работа подвигалась не столь быстро, как хотелось Департаменту. Спустя полтора месяца, в ответ на очередной запрос о сроках окончания порученного дела, Комитет 4 июня 1841 г. заявил, что «на-

ным. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что три корабля, тимберовка которых была рассчитана на 1839–1840 гг. числились тимберующими и в 1841 г., что демонстрирует неосновательность планирования.

26 РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1140. Л. 47–48.

27 Там же. Л. 49, 51–52, 56–57, 65–68.

шёл многие неверности показаний в судовой книге годов тимбирования и разборки линейных кораблей», в связи с чем от Кронштадтской конторы над портом были затребованы уточняющие сведения²⁸.

Заметим, что в те годы, как и впоследствии, наблюдалось довольно строгое разделение труда — крупные боевые единицы строились в Петербурге, причём не только в Новом и Главном адмиралтействах, но и на Охтенской верфи, успевшей до конца царствования Николая I спустить на воду 9 линейных кораблей и 28 фрегатов, а ремонтировались исключительно в Кронштадте, где находился единственный тогда на Балтике отечественный сухой док, носивший имя императора Петра Великого²⁹. Поэтому задача Кораблестроительного и учётного комитета, на первый взгляд, предельно упрощалась тем обстоятельством, что вся необходимая для расчётов, касавшихся ремонта судов, документация сосредотачивалась в одном месте. Но получить её оказалось не так-то просто. 10 июня Кронштадтская контора над портом уведомила Комитет, что в портовом архиве, «по случаю бывшего в 1818 г. пожара и последовавшего перемещения дел из одного здания в другое», наблюдается беспорядок. Впрочем, уже 19 июня П. И. Мордвинов представил требуемые сведения³⁰.

Согласно поступившим данным, большинство линейных кораблей Балтийского флота на тот момент проплавали без тимберовки более 8 лет, хотя на них и производились более или менее обширные починки. П. И. Мордвинов указывал численность рабочих и матросов, принимавших участие в ремонте, а также продолжительность работ. Надо сказать, что приводимые в рапорте корабельного инженера цифры нуждаются в некоторых пояснениях. Несмотря на преобладание среди ремонтников вольнонаёмных плотников, которых зачастую было в полтора раза больше, чем служащих морских рабочих экипажей, общая продолжительность работы тех и других находилась в обратной зависимости. К тому же, по свидетельству флота генерал-интенданта М. Н. Васильева, вольнонаёмные мастера без казённых, «указывавших им работы», «не могли приносить пользы». Иначе говоря, основная нагрузка падала на плечи опытных постоянных работников, руководивших малоквалифицированными, как правило, из числа крестьян-отходников. Обычным являлось и привлечение строевых матросов, составлявших до четверти трудившихся на корабле³¹.

²⁸ Там же. Л. 63, 84.

²⁹ Второй, Новый Петровский, впоследствии переименованный в Николаевский, строился с начала 1830-х и вошёл в строй к 1845 г., однако спустя несколько лет потребовал переделок, в конце 1850-х гг. был закрыт и возобновил работу в 1866 г.

³⁰ Мансуров Б. Охтенские адмиралтейские селения. Исторический очерк. СПб., 1856. С. 167–68; РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1140. Л. 86, 89–114.

³¹ Использование труда матросов срочной службы при разного рода починках

Например, 110-пушечный «Император Пётр I», постройки 1829 г., исправлялся в 1841 г. силами 79 казённых плотников, потративших на работу 210 дней, 121 вольнонаёмного плотника (190 дней) и 33 матросов (115 дней), а 84-пушечный «Владимир», постройки 1833 г., ремонтировали 35 казённых плотников, работавших 186 дней, 50 вольнонаёмных (182 день) и 18 матросов (106 дней).

Но в рапорте П. И. Мордвинова не указывалось, насколько обоснованным было решение о постановке того или иного корабля в ремонт. Между тем, методов объективного контроля состояния судовых конструкций не существовало. Ежегодно, по завершении кампании, все суда подвергались так называемому дефектованию — обследованию комиссией корабельных инженеров с целью определения степени износа конструктивных элементов, характера и сроков необходимого ремонта. Выводы комиссии зависели от опытности и рвения инженеров, однако последнее определялось не только личными качествами специалистов, но и влиянием начальства, которое отнюдь не всегда соглашалось на длительное отсутствие корабля в боевом составе.

Комиссия по дефектам составляла акты, в которых давала следующие заключения по состоянию кораблей: «с малым исправлением благонадёжны», «с большим исправлением благонадёжны», «в тимберовку», с определением, сколько примерно после нее судно может прослужить, или «в разборку». На основании таких актов Кораблестроительный департамент выносил определения: «к плаванию в дальних морях благонадёжен», «к плаванию в ближайших морях благонадёжен», «к плаванию в ближайших морях на летнюю кампанию благонадёжен», «тимберовать», «под блокшиф»³². Исходя из перечисленных документов к 1 января каждого года составлялся, а затем подавался императору список всех судов Балтийского флота, с обозначением их состояния³³. Учитывая недостаточную объективность заключений дефектовочных комиссий, а, следовательно, и определений Кораблестроительного департамента, следует признать, что верховная власть не имела ясного представления о численности и боеспособности флота.

Впрочем, если принять во внимание стадию развития отечественной бюрократии, включая военную, и дурные традиции, воспринятые ею у «приказных», иного и быть не могло. Прошёл без малого год с момента передачи в Кораблестроительный и учётный комитет рапорта П. И. Мордвинова от 19 июня 1841 г., но заметного

характерно для отечественного судоремонта и продолжалось многие десятилетия, фактически до конца XX в.

³² Блокшиф — устаревшая форма слова блокшив (от англ. block-ship), корпус старого корабля, приспособленный под жильё или склад и установленный у причала в порту или на рейде.

³³ РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1140. Л. 115–116, 118.

влияния на разработку ожидавшихся морским начальством планов это не оказало. Наконец, 23 мая 1842 г. Кораблестроительный департамент проявил интерес к положению дела. 1 июня член Комитета, генерал-майор А. А. Попов лаконично ответил, что оно «требует ещё работы», а 12 июня последовало разъяснение — сведения, доставленные Кронштадтской конторой над портом, не сходятся с представленными Кораблестроительным департаментом, к тому же многих ведомостей о дефектах нет³⁴.

Затем последовала двухмесячная пауза, после которой Кораблестроительный и учётный комитет отношением от 14 августа 1842 г. представил ведомости по форме, разработанной А. С. Меньшиковым, сопроводив их неутешительными выводами. По мнению Комитета, отечественные корабли могли быть «благонадёжны к плаванию в дальних морях» не более 5 лет по окончании постройки и в течение 3 лет после тимберовки, далее их следовало использовать только на Балтике. Однако Кораблестроительный департамент поступившими документами остался недоволен, так как они не отвечали на главный вопрос: сколько именно кораблей в будущем нужно постоянно закладывать и ставить в ремонт. Правда, официально претензии Комитету были предъявлены лишь месяц спустя, отношением от 19 сентября 1842 г.

Благодаря этим напоминаниям Департамент в итоге получил «Примерный расчёт ежегодной постройки судов» для Балтийского флота с 1845 по 1856 г., из которого следовало, что регулярное пополнение корабельного состава Комитетом не предусматривается. Так, в первый и второй год планировалось строить по 3 линейных кораблей, на третий приходилась пауза, на четвёртый вновь намечалась постройка 3, а на пятый даже 4 кораблей, потом вновь 3, на седьмой год 2 и т. д. Подобный график едва ли мог быть выдержан на практике. Тем не менее, формально судостроительный план был составлен. Выполнил Комитет и расчёты необходимых ассигнований³⁵.

Казалось бы, вопрос, волновавший всех, причастных к военному судостроению начальников, закрыт. В действительности же новый план оказался, по сути дела, такой же отпиской, как и предыдущий. Эфемерность расчётов Кораблестроительного и учётного комитета показал П. И. Мордвинов. Его рапорт от 3 ноября 1843 г. гласил: «Определить же положительно каждому кораблю термин службы до тимбировки и после оной нельзя, по причине той, что некоторые из военных кораблей по краткому и небурному летнему их плаванию не подвергались слабости в подводных частях и оказываются более способными. Что же касается до содержания Флота всегда в боевой готовности, то, по мнению моему, полагаю срок службы определить вновь построенным в С.-Петербурге кораблям до тим-

34 Там же. Л. 135, 136, 139.

35 Там же. Л. 147, 148, 150, 161.

бировки около 12 лет, и после оной до 10 лет. В оба сии срока служения кораблей, последние 4 года не должно считать благонадёжными в дальних морях ... Архангельские же корабли, как строяемые не по сеппингсовой методе³⁶ и из лесов более лиственничных с сосною, то по истечении сказанного срока не заслуживают быть выгодными тимбировать, а поддерживая их по возможности, оставлять на служение несколько и далее, потом обращать к порту, под магазины³⁷ или в разбор». По словам П. И. Мордвинова, тимберовка не могла продолжаться менее двух лет, да и то лишь в том случае, «если порт будет удовлетворён нужными средствами»³⁸.

Очевидно, именно этот рапорт, отражавший позицию Управления корабельного инженера в Кронштадте, и послужил толчком для дальнейшего обсуждения вопроса. На заседаниях 26 ноября 1843 г. и 9 февраля 1844 г. Кораблестроительный и учётный комитет положил срок службы до тимберовки (продолжительностью 2 года) определить для кораблей как петербургской, так и архангельской постройки в 10 лет и после нее 6 лет; иметь в тимберовке и строить по три корабля каждые два года, прослужившие же 14–15 и более лет, но не получившие высочайшего разрешения на тимберовку, поддерживать исправлениями до 18-летнего «возраста». Иначе говоря, были подтверждены многие из ранее установленных норм. 23 мая 1844 г. Комитет передал в Кораблестроительный департамент очередной разработанный им план, согласно которому предполагалось впредь содержать 30 кораблей, для чего каждые два года строить и тимберовать по 3 корабля. Через 24 года в составе Балтийского флота должно было насчитываться 18 не тимберованных, 9 тимберованных и 3 запасных корабля. Такое соотношение намечалось сохранять и в дальнейшем³⁹.

Надо сказать, что и этот, весьма стройный план казался высшему начальству не оптимальным. Сам Николай I, надо полагать, по соображениям экономии, изъявлял желание, чтобы срок службы кораблей до тимберовки был доведен до 15 лет, в том числе и соответствующим поощрением их командиров. Более того, император считал необходимым установить 25-летний общий срок службы, включая двухлетнюю тимберовку. Высочайше утвержденными положениями Адмиралтейств-совета от 26 января и 19 апреля 1844 г. вводилась выплата прибавочного жалования как командирам, «за сбережение и продолжительную, определенную сроком, без зна-

36 Сарвайер (инспектор) британского флота Роберт Сеппингс разработал диагональный набор с металлическими креплениями, значительно повышавший прочность корпуса кораблей.

37 Магазин — разновидность склада, постоянно осуществляющего прием и выдачу тех или иных предметов.

38 РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1140. Л. 192–192 об.

39 Там же. Л. 197–197 об., 200–200 об., 210.

чительных исправлений службу вверенных им судов», так и корабельным инженерам, эти суда построившим⁴⁰.

Однако монаршая воля в данном случае не учитывала как законов физики и химии, затруднявших длительное сохранение деревянных корпусов в пресной воде Невского устья, особенно при значительном понижении температуры в зимнее время, так и интересов служащих морского ведомства. Легко представить себе последствия введения положений Адмиралтейств-совета: предусматривавшееся ими освидетельствование судов, выслуживших установленные сроки, особыми комиссиями, на которые возлагалось ходатайство перед Советом о награждении командиров и инженеров, во многих случаях проводилось необъективно, акты комиссий не отражали подлинного состояния кораблей.

Правда, основания для сомнений в добросовестности освидетельствований появились лишь в канун Крымской войны. Недостатки в этой области стали очевидными благодаря случаю с корветом «Наварин», который 21 августа 1853 г. вместе с фрегатом «Аврора» отправился в Тихий океан, но уже спустя несколько дней в немецком море попал в шторм и был вынужден исправлять повреждения. Продолжив свой путь, корвет сумел дойти до берегов Англии, однако 12 ноября в его корпусе открылась сильная течь. Осмотр в доке Портсмута показал, что «Наварин» нуждается в серьезном ремонте. Починка заняла две недели, но устранить течь не удалось. Командиру корвета, капитан-лейтенанту П. И. Истомину, пришлось перейти в голландский порт Флиссинген, откуда он отправил рапорт о состоянии «Наварина». Получив его, в Кронштадте создали комиссию под председательством контр-адмирала П. П. Митькова, которая установила, что корвет, доставшийся русскому флоту как приз во время войны с Турцией в 1828 г., с тех пор ни разу не тимберовался и лишь дважды ремонтировался. Тем не менее, освидетельствовавшая «Наварин» в 1851 г. комиссия, в составе генерал-майоров М. Н. Гринвальда, И. А. Амосова, полковников С. А. Бурачека⁴¹ и И. И. Лемуаня, признала судно годным к дальнейшему плаванию.

Разгневанный император Николай I объявил членам комиссии строгий выговор «за явное упущение, сделанное ими при упомянутом свидетельстве». Досталось и П. И. Истомину, «за неосновательное удостоверение в благонадёжности корвета к плаванию в дальних морях». Между тем, командированный во Флиссинген флигель-адъютант, капитан 2 ранга Н. А. Аркас, являвшийся членом Морского учёного и Пароходного комитетов, осмотрел «Наварин» и, обнаружив повсюду гниль, составил акт о непригодности судна

ни к плаванию, ни к ремонту. Разразившаяся к тому времени война заставила продать корвет за весьма незначительную сумму⁴².

Считая высочайший выговор несправедливым, С. А. Бурачек опубликовал в № 4 «Морского сборника» за 1854 г. статью «О крепости, расслаблении и исправлении старых кораблей», в которой попытался оправдаться, ссылаясь на понятия о местной и общей прочности корпуса деревянного судна. «Не мало случаев того, что старые корабли, по видимому уже не благонадёжные, в крайней нужде, с подкреплением или без оного, посылались в море. И оказывались ещё весьма благонадёжными», — писал он, прибавляя: «Многолетний опыт показал, что в каком бы месте ни был раскрыт корабль не новый, всегда в наборе его найдутся футоксы⁴³ здоровые и футоксы с гнилью местною. Даже в тех кораблях, которые присуждаются к разломке и разбираются, всегда есть члены⁴⁴ совершенно здоровые, есть члены здоровые с местною гнилью — и таких наибольшая часть, и весьма немного членов повсеместно сгнивших»⁴⁵.

Из статьи С. А. Бурачека следовало, что корвет «Наварин», прямо им не упоминавшийся, мог быть не столь уж ветхим, как это представлено в акте Н. А. Аркаса, не являвшегося корабельным инженером по образованию. В. Г. Андриенко, затронувший данную тему, указывает, что причиной аварии стали некачественные починки 1845–1846 и 1852 гг., во время которых часть дубовой обшивки подводной части корпуса ремонтники заменили сырыми сосновыми и лиственничными досками, что снизило её прочность. Между тем, признание правомерности выдвинутых С. А. Бурачком положений отнюдь не умаляет вины комиссии с его участием, допустившей к дальнейшему плаванию судно, явно к такому испытанию непригодное, что подтвердил опыт непродолжительного похода «Наварина» осенью 1853 г., так как смена годом ранее 36 досок едва ли могла существенно сказаться на прочности корвета.

Более того, критикуя субъективность оценок состояния судовых корпусов на основании принятых выборочных методов освидетельствования, сам С. А. Бурачек не сумел предложить иной методики, ограничившись, по сути дела, единственной рекомендацией — не бояться появления гнили и нарушения местной прочности, используя корабли как можно дольше без тимберовки. Обращая внимание читателей на дороговизну последней, он утверждал: «Но, кроме того, что тимбированный корабль может быть дороже нового, формой подводной части он хуже нового, ибо в течение службы форма её значительно изменилась, а тимбировка все эти изме-

⁴⁰ Морской сборник. 1854. № 2. Часть официальная. С. 73.

⁴¹ В литературе Степан Анисимович Бурачек часто фигурирует как С. О. Бурачек.

⁴² Андриенко В. Г. Корвет «Наварин» // Судостроение. 2006. № 5. С. 77–81.

⁴³ Футоксы (от англ. futtock) части составного деревянного шпангоута.

⁴⁴ Члены — элементы набора корпуса.

⁴⁵ Бурачек С. А. О крепости, расслаблении и исправлении старых кораблей // Морской сборник. 1854. № 4. Часть II. С. 358, 365.

нения сохраняет, крепостью — слабее нового, ибо при тимбирровке нет такой возможности дать набору надлежащую плотность вязки и силу крепления. Прочностью — менее долговечен и скорее исключается из списков, ибо поспешная перестройка заново, тимбированием в доке, неизбежно из сырого леса, без всякой просушки, без прочной крыши, неизбежно вредит и прочности кораблей и здоровью экипажа»⁴⁶.

Стремясь оправдать позицию комиссии 1851 г., посчитавшей излишним тимберовать корвет, прослуживший без капитального ремонта более 23 лет, С. А. Бурачек, с одной стороны, невольно подтвердил субъективность заключений дефектовочных комиссий, с другой же совершенно справедливо указал на малую эффективность и финансовую нецелесообразность тимберовки. Следует заметить, что в данном случае уязвленное самолюбие опытного корабельного инженера подтолкнуло С. А. Бурачека к публичной, хотя и завуалированной критике деятельности высшего морского начальства, стремившегося в угоду верховной власти имитировать такую морскую политику, которая не соответствовала экономическим возможностям государства.

Именно к такому выводу приводят читателя опубликованные С. А. Бурачком данные о стоимости постройки и тимберовки различных судов. Так, строительство 110-пушечного линейного корабля обходилось казне в 445 199 руб., а тимберовка в 365 637 руб., для 84-пушечного корабля соответственно 392 720 и 283 467 руб., для 44-пушечного фрегата 180 514 и 135 790 руб. и т. д.⁴⁷ Получалось, что ценой затрат, достигавших 80 % строительной стоимости корабля, срок его службы продляли, в лучшем случае, на 60 %, при одновременном ухудшении некоторых характеристик, в частности, скорости хода.

Если же обратиться к ведомости, составленной Кораблестроительным и учётным комитетом в 1842 г., то положение рисуется в ещё более мрачных тонах. Характерны судьбы кораблей, действовавших в 1827–1831 гг. на Средиземном море, в эскадре вице-адмирала Л. П. Гейдена и отряде контр-адмирала П. И. Рикорда. Они показывают действительные возможности отечественного деревянного судостроения второй четверти XIX века. Так, линейный корабль «Иезекииль» оказался в доке через 4 года после спуска, в 1830 г., вновь вошёл в строй через 2 года и покинул его окончательно в 1840 г. «Князя Владимира» исключили из списков через

7 лет после спуска, «Святой Андрей Первозванный» продержался 8 лет, «Емануил» и «Царь Константин» покинули строй на шестой год службы, «Азов» — на пятый⁴⁸. Разумеется, все они побывали в боях и штормах, однако боевые корабли обязаны выдерживать такие испытания, как делали это английские или французские, изрядная часть которых сохраняла достаточно высокие показатели на протяжении 30–40 и более лет. Во всяком случае, цифры упомянутой ведомости заметно ниже любой из норм, выработанных Кораблестроительным и учётным комитетом, что лишний раз подтверждает условность и недостаточную обоснованность его расчётов.

Наконец, к середине 1840-х гг. расхождение между устраивавшей верховную власть и высшее морское начальство теорией и неприглядной практикой стало настолько заметным, что в конце 1844 г. Кораблестроительный и учётный комитет вынужден был констатировать: из 30 имеющихся кораблей на кампанию 1845 г. остаются боеспособными не более 15, причём три из них всего на один этот год, остальные же требуют немедленной тимберовки или больших починок, для которых в Кронштадтском порте нет ни места, ни средств.

Комитет указывал, что такое «состояние флота произошло весьма естественно: если с 1827 года строили несколько лет в два года по 8-ми кораблей, то через 10 лет (к 1837 году) следовало бы и тимбировать и вновь строить также в два года по 8-ми кораблей, первые из них не могли тимбироваться потому, что для сего предмета в Кронштадтском порте только три дока, а последние требовали необыкновенно великих, усиленных средств, употреблённых только после истребления значительной части флота бывшим в 1824 году наводнением»⁴⁹.

Всё это означало, что высочайшая воля о поддержании боевого состава линейных сил Балтийского флота на уровне 27 единиц неисполнима, по крайней мере, в обозримом будущем. Тем не менее, чтобы не навлечь на себя императорский гнев, Комитет пустился в рассуждения о том, что рубка и доставка леса в Петербург продолжается год, просушка его под крышами — три года, постройка корабля 2–3 года и морская служба 18 лет, всего 25 лет, как и желал государь император. Другими словами, поставленные Николаем I задачи отчасти уже решены, осталось только наладить систематическое судостроение, и через 20 лет флот будет располагать 30 линейными кораблями, а начиная с 24-го года в его состав будут постоянно входить 18 нетимберованных, 9 тимберованных, т. е. всего 27 боеспособных кораблей, и 3 запасных.

Для достижения искомого результата предлагалось увеличить ассигнуемую Департаменту Корабельных лесов на исполнение адмиралтейских нарядов сумму со 199 000 руб. серебром до 350 000 руб.

⁴⁶ Там же. С. 367. В последнем предложении указывается на то, что тимберующийся в доке, с привлечением части команды, корабль может быть защищен от дождя и снега лишь временными навесами, тогда как крытый эллинг надёжнее изолирует место постройки от атмосферных осадков. Снижается и обитаемость корабля, тимберованного сырым лесом.

⁴⁷ Бурачек С. А. Указ. соч. С. 394.

⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1140. Л. 152.

⁴⁹ Там же. Л. 278 об. –279. Имеются в виду три части единого Петровского дока.

серебром в 1845–1850 гг., а с 1850 г. и далее выделять по 246 000 руб. серебром. Кроме того, Комитет указывал, что ввиду недостатка казённых работников ежегодно нанимается для Кронштадтского порта сроком на 9 месяцев 1000–1200 плотников, 75–90 столяров, 130–170 кузнецов, а для Петербургского, на 8 месяцев, 400–800 плотников, но большинство из них не имеет должной квалификации и приносит мало пользы, поэтому следует усилить штаты 1–5 рабочих экипажей, прибавив до 200 плотников в каждый⁵⁰.

Судить о том, насколько реалистичными были подобные предположения, можно, обратившись к бюджету морского ведомства в 1845–1850 гг. Как гласит очерк С. Ф. Огородникова, в 1840 г. на свои нужды моряки получили 11 573 519 руб. серебром, в 1844 г., когда чины Кораблестроительного и учётного комитета составляли свою записку, 10 727 331 руб., в 1845 г. — 14 456 033 руб., но уже на следующий год — 10 709 573 руб., в 1847 г. — 11 321 982 руб., в 1848 г. — 11 390 592 руб. и только в 1849 г. ассигнования увеличились до 15 407 169 руб., хотя в 1850 г. вновь понизились и составили 12 386 942 руб. Правда, следует учитывать сложность финансовой отчётности, из-за которой не все расходы должным образом учитывались С. Ф. Огородниковым. Степень репрезентативности цифр его очерка может показать лишь тщательное исследование. Во всяком случае, известно, что сверх упомянутых выше ежегодных 199 000 руб., Департаменту Корабельных лесов в 1838 г. было дополнительно перечислено 1 105 234 руб. ассигнациями, в 1839 — 1 883 774 руб. ассигнациями, в 1844 — 450 000 руб. серебром. Что касается 1848–1850 гг., то они отличались повышенными расходами на плавание кораблей, осуществлявших крейсерство у берегов Дании.

В результате если с 1839 г., положившего начало обсуждению вопроса о поддержании численности линейных кораблей на уровне 27 единиц, по 1844 г. на верфях Петербурга и Архангельска было спущено на воду 6 кораблей и приступили к тимберовке в Кронштадте 4, то с 1845 по 1852 г. в строй вошли 7, подверглись тимберовке 8, из них окончили её 7 кораблей⁵¹. Легко заметить, что прогресс наблюдался только в ремонте судов, однако и он не дотягивал до той планки, которую установил 23 мая 1844 г. сам Кораблестроительный и учётный комитет — иметь в тимберовке и строить по 3 корабля каждые 2 года. С задержкой и не в полной мере увеличилась численность квалифицированных мастеровых. Если штаты, высочайше утверждённые 15 декабря 1826 г., предусматривали для каждого из трёх петербургских рабочих экипажей 912 офицеров и нижних

50 Там же. Л. 302–303. Штаты рабочих экипажей Санкт-Петербургского и Кронштадтского портов предусматривали содержание около 1000 человек, в том числе более 800 мастеровых нижних чинов, из которых около 400 плотников.

51 Деятельность адмиралтейств в царствование императора Николая I // Морской сборник. 1859. № 11. Официальные статьи и известия. С. 1–26.

чинов, включая 888 мастеровых, а для двух кронштадтских по 1032 человека, то штаты 4 марта 1846 г. для всех пяти экипажей по 1104 человека, в том числе 1052 мастеровых⁵².

Опубликованная в ноябрьском номере «Морского сборника» за 1859 г. статья «Деятельность адмиралтейств в царствование императора Николая I» позволяет оценить перспективы регулирования корабельного состава Балтийского флота при сохранении прежних темпов финансирования и организации кораблестроительных и ремонтных работ. Так, начиная с 1825 до 1837 г. ежегодно спускалось на воду от 1 до 5, всего 21, а в среднем 1,9 корабля в год, затем кораблестроение прервалось, а с 1839 до нового перерыва в 1845 г. спускалось по 1 кораблю в год, всего 6, наконец, с 1846 по 1852 г. было спущено 8 кораблей, в среднем 1,1 корабля в год. Тимберовкам с 1832 по 1852 г. подверглось 20 кораблей, построенных начиная с 1825 г., из них 3 дважды. До 1839 г. успели приступить к тимберовке 8 кораблей, с 1839 по 1852 г. — 12 кораблей. Наконец, как указано выше, на протяжении второй половины последнего периода наблюдается незначительное ускорение процесса строительства и ремонта.

Между тем, судя по приводимым в статье данным, в отличие от предшественников, построенных в царствование императора Александра I, которые плавали до тимберовки около 8 лет, николаевские корабли — от 7 до 20 («Император Пётр I») лет, а в среднем 13,66 года, что, отчасти, можно поставить в заслугу департаментам Кораблестроительному и Корабельных лесов⁵³. Однако продолжительность тимберовок, достигавшая 5 лет, а в среднем для 11 кораблей, приступивших к ремонту в 1832–1841 гг., составлявшая 3 года, наводит на мысль, что данные работы тогда не финансировались должным образом.

Положения Адмиралтейств-совета от 26 января и 19 апреля 1844 г. явно меняют ситуацию. Если рассмотреть отдельно данные по кораблям, тимберовавшимся до введения этих положений, то можно заметить, что к началу капитального ремонта они успевали прослужить от 7 до 13 лет, а в среднем 9,8 года («Великий Князь Михаил» до первой тимберовки — 7 лет, «Гангут» — 8, «Арсис» и «Кацбах» по 9, «Император Александр I» и «Императрица Александра» по 10, «Кульм» и «Смоленск» по 11 и «Эмгейтен» — 13 лет). Большинство из упомянутых затем служило долгие годы, в частности, «Гангут», по окончании Крымской войны перестроен-

52 Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I. СПб., 1830. С. 1313; Т. XXI. Отделение третье. Штаты. СПб., 1846. С. 58.

53 Заметим, что статистика по царствованию императора Александра I небезупречна, влияние на неё оказывает большое число кораблей, проданных англичанам и испанцам, а также очевидная неполнота документации, использовавшейся автором, в частности, складывается впечатление, что тимберовки проходили тогда несравненно реже. См.: Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 48–58.

ный в винтовые, был исключён из списков только в 1871 г. «Императрица Александра», «Великий Князь Михаил» и «Смоленск» дотянули до 1860 г., а «Эмгейтен» до 1857 г.

Начиная с 1844 г. продолжительность службы до тимберовки существенно возрастает и составляет от 14 до 20 лет, а в среднем 15,1 года («Березина» — 14, «Великий Князь Михаил» до второй тимберовки и «Фершампенуаз» по 15, «Лефорт» — 16, «Владимир», «Нетронь меня», «Бриен» и «Полтава» по 17, «Святой Георгий Победоносец» — 18 и «Император Пётр I» — 20 лет), длительность же пребывания в кронштадтских доках снижается с 1–5 до 1–3 лет. Что касается последующей службы, то у многих кораблей она оборвалась в 1860 г., во время преобразования флота в паровой, «Лефорт» же погиб в 1857 г. Это препятствует корректному сопоставлению. Но, во всяком случае, объяснять увеличение сроков эксплуатации до ремонта качественным скачком в кораблестроении нет оснований, что отчасти подтверждается сопоставимостью общей продолжительности пребывания в строю тех боевых единиц, которые сооружались в начале царствования Николая I, без сомнения, спешно и из сырой древесины, и более поздних, сошедших на воду после 1832 г.

Не исключено, что с начала 1840-х гг. морское начальство, стараясь по карьерным соображениям угодить верховной власти, стало поддерживать требуемую численность линейных сил флота за счёт формального ремонта кораблей, не заботясь о перспективах поддержания их в боеспособном состоянии. Позднее же вполне могло сказаться стремление командиров и корабельных инженеров отложить серьёзные исправления ради материального вознаграждения «за продолжительную службу судов». При сохранении указанных факторов, в ближайшей перспективе флот ожидало дальнейшее обветшание корабельного состава.

Пользуясь данными статьи «Деятельность адмиралтейств в царствование императора Николая I», справочниками Ф. Ф. Веселого и С. П. Моисеева⁵⁴, нетрудно подсчитать, что на протяжении 1845–1852 гг., по которым есть сравнительно полные данные, Балтийский флот располагал 31–33 линейными кораблями, из которых 1–3 постоянно находились в тимберовке. Опираясь на критерии Кораблестроительного и учётного комитета, можно отметить, что в 1845 г. из 31 корабля лишь 9 (29 %) имели «возраст» менее 10 лет, а из остальных 22 насчитывалось 10 (45 %) тимберованных или находившихся в капитальном ремонте. В 1852 г. из 33 кораблей моложе 10 лет были 7 (21 %), из 26 остальных 19 (73 %) прошли тимберовку, причём два корабля («Императрица Александра» и «Вели-

кий Князь Михаил») дважды. Однако, по мнению того же Комитета, срок службы после тимберовки следовало ограничить 6 годами, между тем из 10 кораблей, тимберованных до 1845 г., лишь 2 (20 %) уже достигли этого рубежа или превысили его, а из 19 тимберованных к 1852 г. — 8 (42 %).

Таким образом, формально по состоянию на 1845 г. нельзя было признать достаточно боеспособными 14 из 31 (45,16 %), а к 1852 г. 15 из 33 (45,45 %) кораблей. Если же помнить о снижении некоторых характеристик после капитального ремонта и рассматривать только те корабли, которые находились на воде менее 10 лет, то разница оказывается заметно большей. И в том, и в другом случае приходится признать, что с поставленной перед ним задачей Управление генерал-интенданта не справилось. Выработанные Кораблестроительным и учётным комитетом нормы — спускать на воду и тимберовать каждые два года по 3 корабля, а также иметь в корабельном составе 18 нетимберованных (т. е. моложе 10 лет), 9 тимберованных и 3 запасных — остались недостижимыми.

Разумеется, такой вывод можно оспаривать — многое зависит от методики подсчёта, однако вне зависимости от тех или иных манипуляций с цифрами невозможно пройти мимо того факта, что невыполнения указанных норм в рамках двухлетних периодов, начиная с 1845 г., удалось достигнуть лишь в отношении количества тимберовавшихся кораблей и главным образом за счёт более длительных (до 3–5 лет) сроков производства работ на кораблях, ставившихся на ремонт до 1847 г., что позволяло одновременно держать в доке 2–5 единиц. Темпы же судостроения явно отставали, причём не только на Балтике. Аналогичное явление в 1840-х гг. имело место и на Чёрном море. Исследователи фиксируют удлинение сроков службы черноморских линейных кораблей и фрегатов, увеличение продолжительности их постройки, с пребыванием на стапеле более 5,5 лет⁵⁵.

На наш взгляд, сложившееся положение вполне закономерно. Преимущественно аграрная страна, с далеко не передовым сельским хозяйством, доходы которой ощутимо зависели от капризов погоды, ещё не оправилась от разорения в годы Отечественной войны, но была вынуждена расходовать средства на вооружённые конфликты с Персией в 1826–1828 гг. и Турцией в 1828–1829 гг., ликвидацию Польского восстания 1830–1831 гг., многолетнюю борьбу с антиросийскими выступлениями кавказских горцев. Конечно, самодержавная власть широко пользовалась мобилизацией подданных на решение тех или иных задач, однако её возможности ограничивались наличием квалифицированных специалистов, необходимого оборудования, доступного сырья, наконец, требованиями технологии. Коль скоро высочайшие повеления выходили за рамки

54 Моисеев С. П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948. С. 38. Приведены сведения о парусных и парусно-паровых судах, находившихся в списках после 1861 г.

55 История отечественного судостроения. Т. 1. СПб., 1994. С. 394–395.

объективных возможностей государства, подданные начинали заниматься имитацией ожидавшегося императором результата. Применительно к регулированию численности Балтийского флота это подразумевало искажение истинного состояния кораблей, сохранение в боевом составе таких, которые уже не могли плавать в штормовых условиях, поддерживать высокую скорость, вести энергичную стрельбу из орудий, т. е. выдержать нагрузки одной, а тем более нескольких военных кампаний.

Заметим, аналогичные следствия неизбежно имели место там, где различные требования вступали в противоречие. Так, стремление министра финансов Е. Ф. Канкриня всемерно ограничивать ведомственные расходы нередко приводило к снижению качества работ, долгострою, неоднократным переделкам. В рамках годового бюджета декларировалось достижение цели минимальными средствами, но зачастую уже на следующий год в сметы вносились расходы на продолжение строительства или ликвидацию обнаружившихся недостатков. В итоге и средства, и время тратились нерационально, существенно превосходя первоначально планировавшиеся. Например, устройство спускового фундамента одного из новых ступеней Охтинской верфи продолжалось на 5 лет дольше планировавшегося и вместо 1838 г. было завершено в 1843 г.⁵⁶

Очевидно, при отсутствии должной обратной связи, подобная ситуация, нередко вполне устраивавшая исполнителей, могла сохраняться длительное время. Однако кончина в январе 1848 г. датского короля Христиана VIII и последовавшие затем волнения в герцогстве Шлезвиг, отделённом новым королём Фридрихом VII от Гольштейна и лишившимся былой автономии, вызвали политический кризис. Мартовское восстание в Шлезвиге и выдвижение туда, по поручению Союзного совета, прусских войск, произошедшие на фоне февральской революции во Франции и последовавших за нею беспорядков в Германии, не оставили равнодушным российского императора. 26 апреля 1848 г. Николай I, не желавший усиления Пруссии, потребовал от неё немедленно приостановить военные действия, а 29 апреля повелел выслать в крейсерство к берегам Дании три дивизии линейных кораблей — практически все ударные силы Балтийского флота. К союзу с Данией присоединилась и Швеция, обещавшая поддержать соседку действиями флота и высадкой десанта⁵⁷.

56 РГА ВМФ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 642. Л. 439–440, 661.

57 Участие российского флота в урегулировании Шлезвиг-Гольштейнского кризиса описано лейтенантом Н. Д. Каллистовым в исторической справке, на основе которой был подготовлен очерк для обобщающего труда по истории российского флота. См.: РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5749. Л. 11–13; История российского флота. Иллюстрированное издание. Современная версия. М., 2007. С. 361–363.

Исполняя высочайшее повеление, 3-я дивизия контр-адмирала И. П. Епанчина, в составе 6 линейных кораблей, фрегата, парохода и брига, 13 мая вышла в море. В тот же день Фридрих VII объявил о блокаде портов Пруссии, Мекленбурга, Ганновера, Ольденбурга, а также немецких «вольных городов». Согласно инструкции, получившей одобрение императора Николая I, И. П. Епанчину предписывалось наблюдать за блокадой прусских портов, не вмешиваясь в происходящее, но поддерживая дружественные отношения с датскими и шведскими судами, а также ожидать особых приказаний насчёт помощи датчанам. 3-я дивизия должна была показать флаг у Данцига и берегов Померании, после чего идти к острову Мен для крейсерства вдоль побережья Дании и Пруссии. Данциг русские корабли миновали 18 мая, а спустя неделю, 25 мая, подошли к острову Мен, откуда вскоре отправились в крейсерство до островов Рюген и Борнхольм.

Поддержка Дании Россией и Швецией и значительное снижение торговых оборотов в результате морской блокады вынудили Пруссию подписать 7 июля в шведском городе Мальмё соглашение о перемирии на 7 месяцев. Тем не менее, 23 июля 1848 г., на смелую 3-ю дивизию отправилась 1-я, под командованием вице-адмирала А. П. Лазарева, в составе 9 линейных кораблей, 2 фрегатов и брига. К месту назначения она прибыла 7 августа, корабли же И. П. Епанчина, дождавшись попутного ветра, 22 августа ушли на позицию у о. Готланд. Спустя два дня, 24-го, 1-я дивизия получила датированное 18 августа предписание возвратиться к местам постоянной дислокации, и 1 сентября А. П. Лазарев покинул датские берега, а 6-го привёл свои корабли в Ревель и Свеаборг, где приступил к их разоружению. Тем временем И. П. Епанчин, выполняя аналогичный приказ, возвратился в Кронштадт и также стал готовиться к зимовке.

Казалось, совместное давление держав способствовало умиротворению сторон, однако в феврале 1849 г. военные действия возобновились. На этот раз с протестом выступили Франция и Россия. В июне 1-я дивизия вновь была отправлена в датские воды. Из-за встречных ветров она прибыла к о. Альсен, на Зондербургский рейд, лишь 27-го числа, однако её появление создавало угрозу для прусских войск, наступавших на альзенские оборонительные позиции датчан. В итоге последовало заключение нового перемирия, а 2 июля и договора между Данией и Германским Союзом, ратификация предварительных условий которого состоялась 7 июля.

Повелением от 11 июля император Николай I отозвал дивизию А. П. Лазарева. Но не успела она возвратиться в свои порты, как шлезвиг-гольштейнское ополчение во главе с прусским генералом Виллизеном предприняло нападение на датскую армию. Поэтом в Петербурге приняли решение отправить в немецкие воды 2-ю

дивизию контр-адмирала З. З. Балка, которая 28 июля в полном составе вышла к о. Готланд, где крейсировала до конца августа.

На следующий год положение оставалась столь же сложным. Весной шлезвиг-гольштейнские формирования, пополнявшиеся прусскими добровольцами, вновь стали проявлять активность. Чтобы не потерять контроля над ситуацией, 2-й дивизии было приказано отправиться в датские воды для крейсерства между островами Мен и Рюген. Высочайше одобренная инструкция от 21 июня 1850 г. предписывала З. З. Балку не допускать высадки прусских и других германских войск на берегах Дании, препятствуя ей силой, способствовать перевозке датских войск и прикрывать их высадку, а также оказывать датчанам помощь в военных действиях на берегу. Примечательно, что самим датчанам сообщили лишь второй пункт инструкции.

Корабли З. З. Балка 15 июня подошли к о. Мен, но 1 июля, по приказанию посланника в Копенгагене, перешли в Малый Бельт и стали на Зондербургском рейде. Вскоре 2-я бригада отправилась на блокаду Киля, а 1-я к о. Лиэ. У о. Альзен осталась одна 3-я бригада. Состоявшие при дивизии пароходы приняли участие в перевозке шведских войск из Фленсбурга. 24 июля в Петербурге получили известие о заключении мира между Данией и Пруссией, однако по ряду соображений крейсерство продолжалось. Из-за недостатка припасов на судах 2-й дивизии, ей на смену послали 3-ю. Получив приказание 28 июня, И. П. Епанчин на следующий же день вывел своё соединение из Кронштадта, и 11 июля оно вошло на Зондербургский рейд.

В конце июля датчане завладели инициативой и перешли в наступление. Учитывая это, 30 августа из Петербурга последовало предписание 15 сентября отправить основную часть судов в Кронштадт, оставив до 10 октября 4 парохода под командованием капитана 1 ранга Б. А. фон Глазенапа для транспортной службы. С небольшим опозданием, 16 сентября 1850 г., 3-я дивизия под предлогом учений ушла в Россию. Начиная с 5 октября, за нею частями последовал и отряд Б. А. фон Глазенапа. На этом участие Балтийского флота в разрешении датско-германских противоречий завершилось.

Даже краткое описание довольно активной службы российских кораблей на протяжении 1848–1850 гг. приводит к выводу, что степень их износа должна была повышаться быстрее, чем в условиях обычного летнего плавания предыдущих лет. Между тем, темпы ремонта старых и постройки новых судов отставали от признанных необходимыми. Линейный флот постепенно ветшал. Заметим, что в таком положении находился не только он. Как отмечал в 1841 г. флота генерал-интендант, контр-адмирал М. Н. Васильев, по высочайше утверждённому 14 ноября 1803 г. штату Балтийский гребной флот должен был состоять из 10 основных и 5 «прибавоч-

ных» галеасов, 10 основных и 5 «прибавочных» плавучих батарей, 20 основных и 30 «прибавочных» канонерских лодок, 80 основных и 20 «прибавочных» иолов, а также 2 основных и 2 «прибавочных» бомбардирских судов.

В действительности к 1841 г. «благонадёжными к плаванию» признавались: 1 плавучая батарея, 2 «голландских канонерских бота», 51 канонерская лодка (9 трёхпушечных и 42 двухпушечных), 10 иолов, 1 бомбардирская лодка, 1 гребная шхуна и 1 дозорная лодка. М. Н. Васильев указывал, что постепенно уменьшаясь год от года, Балтийский гребной флот не достигает штатного комплекта, а тот его остаток, который хранится на складах Петербургского гребного порта, быстро ветшает из-за прохудившихся крыш⁵⁸. Беспокойство генерал-интенданта объяснялось значением гребных судов для обороны финских шхер, где не могли действовать крупные парусные корабли. Отсутствие достаточного числа вооружённых пароходов, способных защищать шхеры, не позволяло пренебрегать гребными судами, однако к началу Крымской войны последних в составе Балтийского флота насчитывалось всего 77 единиц.

Что касается линейных сил, то цитировавшийся в начале статьи официальный отчёт за 1853–1854 гг. говорит о 26 кораблях, из которых 2 тимберовались, и 12 фрегатах (включая 1 в тимберовке), по состоянию на февраль 1853 г. Любопытно, что с этими цифрами не сходятся сведения, приводимые разными авторами. Так, Н. Д. Каллистов, не указывая источников, пишет о 25 кораблях и 7 фрегатах, которыми Балтийский флот располагал к началу Крымской войны, А. П. Шершов — о 26 боеготовых, 8 строящихся и ремонтирующихся кораблях (включая 1 перестраиваемый в винтовой), 14 боеготовых, 6 строящихся и ремонтирующихся фрегатах (включая 3 винтовых)⁵⁹. Заметим, что данные А. П. Шершова о численности линейных кораблей к началу военных действий, т. е. весне 1854 г., представляются завышенными, тогда как у Н. Д. Каллистова они явно занижены.

Оставляя в стороне вопрос о причинах такого расхождения, отметим, что неприятель противопоставил Балтийскому флоту превосходящие силы. Правда, в отечественной литературе, как и по отношению к собственным кораблям, нет единства в оценке численности и состава соединений противника. Многие авторы, опираясь на третий том «Морского атласа», пишут о том, что английская эскадра адмирала Ч. Нэпира включала 10 винтовых и 7 парусных линейных кораблей, 15 винтовых фрегатов и корветов, 17 пароходофрегатов и вооружённых пароходов, французская вице-адмирала Парсеваль-Дешена — 1 винтовой и 8 парусных линейных кораблей,

⁵⁸ РГА ВМФ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1140. Л. 71–72.

⁵⁹ История российского флота ... С. 381; Шершов А. П. Указ. соч. С. 225.

7 пароходофрегатом и 8 других судов⁶⁰. По данным же Н. Д. Каллистова, у англичан было 13 винтовых и 6 парусных кораблей. Источников он, к сожалению, не указывает, но судя по всему, лейтенант использовал справочные материалы, опубликованные в первые недели войны, согласно которым для действий на Балтике англичане располагали 9 винтовыми линейными кораблями и 5 винтовыми фрегатами в составе 1-й дивизии, а также 4 винтовыми и 7 парусными кораблями и 3 винтовыми фрегатами в составе 2-й⁶¹. Если же обратиться к фундаментальному труду по истории британского флота, то можно найти указания на то, что английское соединение на Балтике к апрелю 1854 г. насчитывало 8 винтовых линейных кораблей, а к июню 13 винтовых и 6 парусных, французское — 1 винтовой и 14 парусных кораблей⁶². Легко заметить, что цифры Н. Д. Каллистова лучше согласуются с английскими. Однако, на наш взгляд, существующие ныне разногласия требуют дополнительного исследования данного вопроса и уточнения данных.

Описывая обстановку накануне Крымской войны, Н. Д. Каллистов замечает, что ещё в 1808 г. адмирал П. В. Чичагов разработал план обороны Балтийских проливов против Англии в союзе с Данией и Францией, согласно которому Россия обязывалась со вскрытием льдов выслать в проливы около 50 судов для усиления датского флота. По его наблюдениям, распоряжения по флоту и Морскому министерству в конце 1852 г., показывают, что именно на этой идее был построен первоначальный план военных действий⁶³. Но летом 1853 г., предпринимая попытки уладить конфликт мирным путем, Николай I разрешил вооружить к плаванию лишь две очередные дивизии Балтийского флота (2-ю и 3-ю).

По мнению Н. Д. Каллистова, участь кампании на Балтийском море была решена, когда главный помощник императора в разработке военных планов, И. Ф. Паскевич, при поддержке военного министра князя В. А. Долгорукова, отдал предпочтение строго оборонительным действиям. В результате 1 октября 1853 г. император отказался от активных действий на Балтийском море и назначил 3-ю дивизию на зимовку в Свеаборг, вместо сравнительно рано освобождавшегося ото льда Ревеля, что обрекало флот на бездействие.

60 См. напр.: Дважды краснзнаменный Балтийский флот. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1990. С. 69; Три века российского флота. В 3 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 197–198; Золотарёв В. А., Козлов И. А. Три столетия российского флота ... С. 401; Ковалёв В. А. Союзный флот на Балтике (1854–1855) // Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг. СПб., 2004. С. 85–86.

61 Сведения об Англо-Балтийском и Черноморском флотах и экспедиционных войсках // Морской сборник. 1854. № 4. Смесь. С. 488–491.

62 Clowes W. L. The Royal Navy. A history from the earliest time to the present. Vol. VI. L., 1901. p. 415, 419.

63 История российского флота ... С. 375.

Едва ли, однако, император Николай I принимал упомянутое решение без учёта подлинного состояния флота. Выше нами было показано, что к 1852 г. численность формально вполне боеспособных кораблей снизилась и не превышала 18 единиц. К 1854 г. положение не могло сколько-нибудь заметно измениться, более того, участие в крейсерстве у берегов Дании в 1848–1850 гг., несомненно, отрицательно сказалось на состоянии корпуса и такелажа линейных кораблей всех трёх дивизий. Нельзя забывать и о винтовых судах англичан и французов. В Петербурге отчётливо представляли себе размеры и возможности их паровых флотов. На страницах «Морского сборника» регулярно появлялись публикации по этому вопросу⁶⁴. Надо полагать, российский монарх отдавал себе отчёт в том, что его морские силы не в состоянии достичь успеха в борьбе с могущественным противником.

Кстати, нельзя не сказать нескольких слов по поводу нередко звучащей прямой или косвенной критики в адрес руководства морским ведомством и лично Николая I, якобы не оценивших должным образом значения винтовых кораблей. Разумеется, доля истины в таких упреках есть. Однако не следует упускать из вида того обстоятельства, что отставание России в постройке такого рода судов от ведущих морских держав обуславливалось ограниченностью её экономических возможностей, особенно технической отсталостью отечественных предприятий. Изготовление паровых машин большой мощности представляло тогда весьма сложную задачу, с которой и на Западе могли справиться немногие заводы. Закупка таких механизмов обходилась дорого, их монтаж и последующая эксплуатация требовали квалифицированных кадров. Крайний недостаток в стране знающих специалистов заставлял приглашать и высоко оплачивать иностранцев — контингент откровенно ненадёжный в случае вооружённых конфликтов с европейскими государствами.

Наконец, степень отставания российского флота от зарубежных в деле освоения паровых силовых установок часто преувеличивается. В отечественной литературе указывается, что к постройке первого парохода Балтийского флота, «Скорого», Адмиралтейские Ижорские заводы приступили уже в 1816 г. Что касается создания крупных винтовых военных судов, то пионером в этом деле стала Франция, где в 1842 г. инспектор кораблестроения Буше (Boucher) предложил приспособить винтовой движитель к одному из строящихся фрегатом⁶⁵. Первенец — «Помона» — сошёл на воду в 1845 г.

64 Печатались статьи со сведениями о численности, составе, смотре и маневрах английского и французского флота. В частности, отмечалось, что к началу 1854 г. в Англии могут располагать 17 винтовыми линейными кораблями, 7 фрегатами, 14 корветами. См.: Морской сборник. 1851. № 1. Часть учёно-литературная. С. 19–53; 1853. № 4. С. 399–400.

65 О пароходо-парусных судах с винтовым двигателем // Морской сборник. 1851. № 1. Часть учёно-литературная. С. 19–22.

За французами последовали англичане, в 1845 г. решившие перестроить под винтовую установку 74-пушечный линейный корабль «Бленхейм». И лишь позднее началось строительство винтовых кораблей по специальному проекту. Французы в 1847 г. заложили 90-пушечный «Наполеон», англичане ответили закладкой в июле 1849 г. 91-пушечного «Агамемнона». «Наполеон» спустили на воду в июле 1852 г., «Агамемнон» в октябре того же года.

Между тем, в России первое винтовое военное судно, фрегат «Архимед», покинуло стапель Охтинского адмиралтейства в Санкт-Петербурге 20 июля 1848 г. Прошло менее четырёх лет, и в марте 1852 г., ещё до спуска «Наполеона», не дожидаясь результатов его испытаний, Николай I одобрил строительство двух винтовых кораблей для Черноморского флота. Первый из них, 120-пушечный «Босфор», заложили 29 сентября. Спустя четыре месяца, в феврале 1853 г., с подрядчиком А. Ш. Рафаловичем заключили контракт на постройку 2 винтовых кораблей, и закладка первого из них, 135-пушечного «Цесаревича», состоялась в августе этого года. Все же на Чёрном море по программе 1853 г. предполагалось иметь 6 винтовых 120-пушечных кораблей. Немногим позже принимались решения по обновлению Балтийского флота. Уже в июле 1852 г. император повелел перестроить заложенный в 1851 г. на стапеле Нового адмиралтейства 84-пушечный корабль «Орёл» в винтовой. Кроме того, намечалось переоборудование ещё двух кораблей и строительство трёх винтовых фрегатов, первый из которых, «Палкан», был заложен в Архангельске 9 сентября 1851 г. и 21 мая 1853 г. сошёл со стапеля⁶⁶.

Едва ли столь незначительное, по меркам тех лет, отставание в новом, сложном деле, при известной неповоротливости всех административных структур, следует ставить в вину как руководству морского ведомства, так и самому императору, особенно если учесть, что он в тот момент не рассчитывал воевать ни с европейскими державами, ни с Турцией⁶⁷. Однако та же инертность ведомственной администрации стала и самым заметным препятствием на пути преобразования корабельного состава. Так, получив приказание превратить «Орёл» в винтовой корабль, Новое адмиралтейство с 9 июля по 10 сентября 1852 г. прекратило на нём всякие работы и лишь затем приступило к разборке кормовой оконечности, чтобы перестроить её по чертежам, уже доставленным вице-адмиралом Е. В. Пу-

тятиним из Англии. Завершилась модернизация «Орла» в 1854 г., тогда же окончил тимберовку с установкой винтового движителя «Константин», и лишь после него, в июле 1854 г., к ней приступили на «Выборге». Спустя два месяца, в сентябре, на стапеле Нового адмиралтейства заложили 84-пушечный винтовой корабль «Ретвизан». Таким образом, война разразилась примерно за два года до того момента, когда Балтийский флот оказался бы в состоянии сражаться с ведущими европейскими флотами, пусть и не в открытом море, а вблизи от береговых крепостей. Примечательно, что и впоследствии, несмотря на все изменения в политической и экономической областях, едва ли не каждая война заставляла российский флот в начальной стадии перевооружения, с ощущением меньшим, чем у противника, числом современных боевых единиц. Налицо серьёзное запаздывание модернизации, причины которого, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшем изучении.

Казалось бы, ввиду технического и тактического превосходства парового флота англичан и французов над Балтийским флотом, вопрос о наличии в его составе 27 пригодных к длительным боевым действиям парусных линейных кораблей теряет актуальность. Однако то обстоятельство, что высочайшее повеление о поддержании линейных сил в таком размере, по сути дела, не было исполнено, имеет самостоятельное значение. Обратившись к деятельности структурных подразделений Морского министерства, отвечавших за регулирование корабельного состава флота, можно прийти к выводу, что изъяны сложившейся в годы правления Николая I системы управления не позволяли императору результативно использовать потенциал собственной страны.

66 Морской сборник. 1854. № 2. Часть официальная. С. 83; Головин Ю. И. Первый русский винтовой фрегат «Архимед» // Судостроение 1994. № 10. С. 58–61; Он же. Первый русский парусно-винтовой корабль «Выборг» // Судостроение. 1995. № 4. С. 46–49; История отечественного судостроения. Т. 1. СПб., 1994. С. 398–402. См. также: The Oxford illustrated history of the Royal Navy. Oxford University Press, 2002. p. 207.

67 История внешней политики России. Первая половина XIX века. М., 1995. С. 362–372.

Д. Н. ИВАНОВ

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ И ТУРЕЦКО-ЕГИПЕТСКИЙ КОНФЛИКТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1830-Х ГОДОВ

Начало 1830-х годов ознаменовалось на Ближнем Востоке первым турецко-египетским кризисом. Египетский паша Мухаммед-Али, стремясь воспользоваться ослаблением Османской Порты после поражения в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., поднял мятеж против своего сюзерена турецкого султана Махмуда II. Посылая своего приемного сына Ибрагима-пашу на завоевание Сирии, Мухаммед-Али надеялся добиться не только передачи этой провинции под его управление, но и сделать свою власть наследственной. Однако успехи египетской армии, разгромившей посланные против мятежника силы, оказались столь впечатляющими, что со всей серьезностью можно было говорить о возможной смене династии в Константинополе. Мухаммед-Али поддерживал тесные связи с Францией, а Англия, в силу ряда внутри- и внешнеполитических обстоятельств, так же не была склонна оказать султану действенную поддержку. На просьбы Махмуда II о помощи первой откликнулась только Россия. После того, как дипломатическая миссия Н. Н. Муравьева в Египет не принесла ожидаемых результатов, Николай I принял решение проинформировать турецкого султана о возможной военной помощи, если последний о ней попросит. Перед угрозой стремительно продвигавшейся на Север египетской армии, Махмуд II вынужден был воспользоваться предложением недавнего врага. Направленные в Босфор для защиты Константинополя и султана военные суда Черноморского флота и, чуть позже, десантные войска (в итоге в Буюк-Дере стояли почти все боеспособные линейные корабли и фрегаты, которыми Россия располагала на Черном море) поставили перед европейскими дворами, и в первую очередь перед

Великобританией и Францией, вопрос о пересмотре позиции относительно турецко-египетского конфликта. 4 мая 1833 года в Кутахье был заключен мирный договор, который не устраивал ни одну из подписавших его сторон: Махмуд II был вынужден выполнить почти все требования египетского паши, выдвинутые еще в начале конфликта, а Мухаммед-Али полагал, что если бы не вмешательство России и спровоцированные ею действия других Великих держав, он мог бы рассчитывать на большее.

В этом контексте подписание между Россией и Турцией 26 июня 1833 года Ункяр-Искелесского договора представляется вполне обоснованным шагом для обеих сторон: Махмуд II, убедившись в неспособности защитить себя даже от одного из собственных вассалов, был вынужден искать поддержку вовне, а Николай I, последовательно занимавший в ходе турецко-египетского кризиса сторону султана, представлялся вполне разумным выбором; для России, в свою очередь, было важно сохранить спокойствие на своих южных границах и Османская Порта, не только ослабленная в ходе последней русско-турецкой войны, но и нуждающаяся во внешней поддержке против египетского паши, вполне отвечала этим интересам. Договор же давал России право, в случае угрозы официальной власти в Константинополе, вмешаться и восстановить утраченный ее status quo в проливах.

Поскольку угроза Константинополю исходила преимущественно с юга, обеспечить быструю вооруженную поддержку турецкого трона можно было только силами Черноморского флота: корабли могли прибыть в проливы за неделю, тогда как Дунайской армии потребовалось бы минимум вдвое больше времени.

Таким образом, перед Черноморским флотом в дополнение к традиционным задачам (какими считались защита берегов России от возможной агрессии со стороны Турции, борьба с контрабандной торговлей и поддержка операций сухопутных войск на восточном побережье Черного моря) прибавилась еще одна: защита Османской империи от нападения извне (в первую очередь подразумевался египетский паша).

Трудность настоящего положения заключалась в том, что турецко-египетский конфликт уже во время разрешения первого кризиса вышел за рамки не только внутривоенных дел, но и за пределы двусторонних русско-турецких отношений, в границах которых Россия старалась удерживать все отношения со Стамбулом. Более того, энергичные меры, предпринятые Николаем I в защиту наследственной власти Османской империи вызвали едва ли не большее негодование Лондона и Парижа (а так же, пусть в не столь явной форме, и других европейских дворов), нежели успехи Петербурга в минувшей русско-турецкой войне.

Впервые после 1833 года мы встречаем упоминание о подготовке Черноморского флота к плаванию в Босфор под 1835 годом. Спу-

стя два года после кризиса ни одна из сторон (ни турецкий султан, ни египетский паша) еще не считала себя достаточно сильной, чтобы нарушить установившееся положение вещей. Между тем, никто не мог с уверенностью сказать, сколько продлится это хрупкое равновесие. Поэтому, когда император в сопровождении А. С. Меншикова отправился за границу, начальник главного морского штаба оставил возглавлявшему Черноморский флот М. П. Лазареву соответствующие инструкции: «ежели бы по каким-либо чрезвычайным политическим обстоятельствам (в ожидании коих, впрочем, мало вероятий) понадобилось 1-ю бригаду, расположенную в Крыму пехотной дивизии переправить в Босфор в отсутствие Государя Императора, то Ваше превосходительство получите о сем высочайшее повеление к исполнению, через г. генерала — адъютанта графа Чернышева»¹. Можно предположить, что Николай I оставил А. И. Чернышеву и подробные инструкции, и широкие полномочия для принятия решений, в том числе по международным вопросам. В противном случае пока сообщение от М. П. Лазарева шло бы до А. И. Чернышева, а от последнего до царя, ответ в Николаеве был бы получен недели через 4. В самом лучшем случае. Так что ни о каком оперативном реагировании на изменение положения в регионе уже не могло быть и речи, а смысла получать инструкции через военного министра не было никакого. Судя по тому, что этот документ не сопровождался обширной перепиской, исполненной отчетов о проделанной работе и предложений по приведению Черноморского флота в боевую готовность в кратчайшие сроки, распоряжение было просто принято к сведению.

Теперь обратимся к действиям Черноморского флота в связи со вторым турецко-египетским кризисом. Рассматривая эту проблему, нам предстоит ответить на следующие вопросы: собиралась ли Россия принимать участие в усмирении Мухаммеда-Али силой оружия? Была ли она к этому готова? От кого должен был защищать Константинополь русский флот?

Положение Турции в начале второго турецко-египетского конфликта 1838–1841 гг. было весьма сложным: предприняв попытку с помощью военной силы покорить мятежного вассала, Махмуд II направил против Мухаммеда-Али армию, которая была разбита Ибрагим-пашой в битве под Низибом, сам султан скончался спустя несколько дней, оставив после себя 16-летнего Абдул-Меджида, а турецкий флот почти в полном составе перешел на сторону египтян. Но в отличие от начала десятилетия, когда Англия и Франция придерживались в отношении египетского паши благожелательного нейтралитета, а помощь России казалась едва ли не более опасной, чем взбунтовавшийся вассал, теперь европейские дворы немедленно выступили в защиту Порты, а англо-французские суда

¹ РГА ВМФ. Ф. Р1529. Оп. 2 Д. 322 л. 5.

расположились недалеко от Дарданелл. Министр иностранных дел Великобритании Г. Д. Пальмерстон инструктировал посла в Стамбуле Д. Понсонби, чтобы он проинформировал молодого султана о готовности Великобритании оказать ему военную помощь². Таким образом, вмешательство ведущих европейских держав на начальном этапе развития кризиса давало надежду, что реальная угроза столице Османской Империи и существующей там династии так и не возникнет.

Однако действия Черноморского флота, связанные с подготовкой к новой Константинопольской экспедиции поражают своим размахом, последовательностью и основательностью. Они переживают несколько этапов, когда работы по приведению судов и войск для десантной операции в боевую готовность усиливались на один-два месяца, а потом «затухали» на длительный период. Всего таких «всплесков» было три: август 1838; июнь-сентябрь 1839 и август-октябрь 1840 г.

Первый из них не имел прямого отношения к турецко-египетскому притовостоянию и был, по всей видимости, вызван подготовкой англо-турецкого торгового соглашения. Непосредственной угрозы России этот договор не представлял, но вызывал обоснованное беспокойство, несмотря на предупредительность турок в отношении их русского союзника.

В этих условиях Николай I отдает приказ о подготовке Черноморского флота к перевозке десанта в Босфор³. Согласно мнению А. С. Меншикова, Черноморский флот⁴ мог принять на борт одну дивизию без лошадей и обоза. Он отмечал, что минувшая и текущая кампании истощили запасы морской провизии и ввиду предстоящей экспедиции необходимо заготовить новую в расчете на 6 месяцев, что потребует дополнительно до 1,5 миллионов рублей. Скрыть приготовления провизии он предлагал под видом снабжения провизией укреплений на Абхазском и Менгрельском берегах. Однако примечательно здесь вовсе не это, а то, какие проблемы рассматривал А. С. Меншиков в ответном письме от 13 июля 1838 г.: он предполагал, что по пути к Босфору наши корабли с десантом на борту могут встретиться в Черном море с англо-французским флотом. В этом случае российским судам предполагалось отступить к Севастополю, избегая сражения. По мнению начальника Главного морского штаба можно было ожидать нападения неприятеля

² Daly John C. K. Russian seapower and the Eastern Question 1827–1841. Annapolis, 1991, p. 141, 146

³ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 172 л. 49

⁴ На 1838 г. в составе Черноморского флота находилось: 13 линейных кораблей (всего 1154 орудия), 10 фрегатов (552 орудия), 17 транспортных судов (общей грузоподъемностью 4807 тонн), 7 парусов, 5 корветов, 1 шлюп, 13 бригов, 4 шхуны, 4 люгера, 9 тендеров, 2 яхты, 1 бомбардирское судно, 2 призовых судна, 3 лодки (РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3759. Лл. 3–5).

на российские укрепления на Абхазском берегу, причем, как полагал А. С. Меншиков, все небольшие укрепления будут потеряны. С другой стороны, по его мнению, англо-французского десанта можно было не опасаться: «Десанта значительного морские державы в короткое время собрать не могут», из того, что у них есть в Алжире, на Мальте и Корфу они не смогут выделить достаточных сил для захвата Дарданелл, а для обеспечения тыла потребуются значительные приготовления, скрыть которые будет невозможно. В конце своего письма А. С. Меншиков заверил императора, что Черноморский флот будет готов к любому повороту событий⁵. Таким образом, возможность вооруженного выступления против России англо-французского флота рассматривалась на самом высоком уровне. Еще более замечателен ответ Николая I: необходимо как можно скорее занять Босфор, а возможно и Дарданеллы, «Ежели б опоздали мы, то, разумеется, не до десанта дело, а до защиты наших берегов. Разумеется с флотом дома сидеть не будем, и ежели неприятель к нам пожалует, то при равных силах будем меряться, при превосходных сидеть и ждать у моря погоды (подчеркнуто в документе — Д. И.). Погода же будет та, что я направлю сухопутные силы прямо на Царьград. Впрочем, вероятно всех этих необходимостей неправдоподобно, и, кажется, Али — паша не сладит еще дома, не только, что дерзнет повелевать морем, но нам все-таки должно быть готовым на все»⁶

В связи с вышеприведенными документами М. П. Лазареву было направлено предписание за подписью А. С. Меншикова от 7 августа 1838 г. В документе сообщалось, что Николай I распорядился «на случай могущей встретиться, но впрочем еще не определенной, надобности в присутствии нашей военной силы в Босфоре» приготовить Черноморский флот к тому, чтобы в случае необходимости быстро перевезти 13-ю и 15-ю пехотные дивизии в два рейса в Босфор и принять участие в боевых действиях. В предписании указывалось, что министерство финансов выделило на заготовление шестимесячного запаса морской провизии для флота и десантного отряда (примерная численность последнего оценивалась в 20–24 тысячи человек) 1 000 000 рублей, из которых 500 000 должны были быть выданы Лазареву «немедленно», а остальные — по мере надобности. А. С. Меншиков предписывал Лазареву как можно скорее прислать расчет средств на: а) вооружение флота; б) морскую провизию для флота и двух пехотных дивизий; в) сумму денежного заграничного содержания⁷. Скрыть заготовление полугодичного запаса провизии на 30 тысяч человек было невозможно, а пригото-

лениям надлежало придать как можно более естественный характер. В силу географической изолированности Черноморский флот кроме Турции мог иметь только одного противника — горцев. Связать военные приготовления с Кавказом было единственной альтернативой, позволявшей скрыть правду и избежать ненужных домыслов, если не давать официального объяснения. О том, что такое «гласное» предписание последует, Меншиков проинформировал Лазарева в том же документе от 7 августа⁸. В «гласном» предписании Николай I велел Черноморскому флоту взять на себя «снабжение продовольственным запасом действующих отрядов Кавказского корпуса и всех пунктов и укреплений, занятых нами на берегах Абхазских; равно как и отрядов флота, у сих берегов крейсирующих». Продовольствие должно было заготавливаться на годичную компанию⁹. Меры для выполнения распоряжения были приняты в кратчайшие сроки. Министр финансов Е. Ф. Канкрин сообщил М. П. Лазареву, что уже отдано распоряжение об ассигновании по 250 000 рублей из Таврической и Херсонской казенных экспедиций¹⁰. М. П. Лазарев сразу же по получении предписаний начинает активную деятельность. В приказе обер — интенданту Черноморского флота и портов от 16 августа 1838 г. он распорядился о заготовлении годового запаса провизии. Поскольку суда абхазской экспедиции имеют определенные запасы, заготовление провизии можно вести из расчета на 5 тысяч нижних чинов. К заготовлению годовой провизии приказывалось приступить немедленно и для экономии времени закупать припасы за наличный расчет¹¹. Последнее распоряжение должно было насторожить внимательного наблюдателя, так что насколько эффективной была избранная конспирация, сказать сложно. Однако поскольку иной версии выдвинуть не представлялось возможным, оставалось придать ей максимальную достоверность. Столкнувшись с необходимостью оценить степень готовности Черноморского флота к компании, М. П. Лазарев обращается в интендантство. Обосновывая свой запрос, он пишет, что в ближайшие осень и зиму Черноморскому флоту возможно придется действовать в полном составе у Черкесских или Абхазских берегов¹². Из всего вышеперечисленного, можно было сделать вывод, что Россия вознамерилась предпринять решительные действия на Кавказе и либо окончательно покончить с сопротивлением горцев, либо положить конец контрабандной торговле черкесов. К 20-м числам августа интендантство смогло представить первый отчет. Согласно рапорту от 24 августа 1838 г. были отданы распо-

5 РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 172. Лл. 49–50.

6 РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 172. Л. 49. См. так же РГА ВМФ. Ф. Р1529. Оп. 2. Д. 322. Л. 6.

7 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 1–2.

8 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 1–2 об.

9 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 3–3 об.

10 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 10–10 об.

11 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 4–5.

12 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 6–6 об.

ряжения на заготовку различных припасов и материалов. Все это предполагалось доставить в Севастополь в текущем году. Ориентировочно все запасы должны были обойтись в 651 085 рублей 18 копеек¹³. Одновременно начали поступать сведения о прочих нуждах флота: требовались мушкетный порох, армяк и другие запасы на сумму в 122 681 рубль¹⁴. Сумма затрат на исправление вооружения¹⁵, ремонт судов и тому подобные нужды составила 503 314 рублей 19¾ копейки¹⁶. Получив необходимые сведения, М. П. Лазарев обратился в Херсонскую и Таврическую казенные палаты с просьбой выслать по 250 000 рублей в Николаев в распоряжение интендантства Черноморского флота¹⁷. Тогда же он смог отчитаться перед Меншиковым о проделанной работе. Принятые меры обеспечивали заготовление 5 тысяч порций в расчете на год, что составляло двухмесячный запас продовольствия для 10 тысяч флотских и 20 тысяч сухопутных чинов. Кроме этого, на складах Черноморского флота хранилось провизии еще на 4 месяца. Эти ресурсы должны были обеспечить снабжение сухопутных войск во время их перевозки в Босфор. Как отмечал Лазарев, на суше снабжение сухопутных войск согласно предписанию Меншикова от 7 августа ложилось на плечи сухопутного ведомства¹⁸. В конце Лазарев давал смету расходов, необходимых по Черноморскому флоту для приведения его в готовность к экспедиции, согласно которой общие затраты оценивались в 2 495 870 рублей¹⁹. При этом следует помнить, что выделенный 1 000 000 рублей предполагался изначально только на заготовление морской провизии (на что Черноморский флот рассчитывал истратить чуть более 650 000 рублей), а не на весь комплекс мероприятий, связанных с подготовкой экспедиции.

Если в отношении заготовления провизии и приведения флота в готовность некоторые меры были приняты, то в отношении десантного отряда приготовлений не наблюдается. Кроме сообщения в предписании от 7 августа о дивизиях, назначенных в экспедицию, о них нигде не упоминается. Все это говорит о том, что подготовка десантной операции носила прелиминарный характер и не более того. Меры по заготовлению продовольствия были предприняты, поскольку это была проблема, которую нельзя решить в течение нескольких месяцев. Подготовка десантного отряда занимала куда меньше времени и была куда заметнее, завуалировать ее было сложнее, а потому она и не производилась, коль скоро необходи-

мость в осуществлении десантной операции была под сомнением. С подписанием 16 августа 1838 г. англо-турецкого договора обострения международных отношений не произошло и видимой опасности ни для Турции, ни для России не возникло. Царь утвердил возвращение 13-й и 15-й пехотных дивизий после окончания летних занятий в Севастополь на зимние квартиры и переводе 13-й пехотной дивизии в Одессу²⁰. Правда, на этих квартирах войска постоянно находились «под рукой» и могли быть посажены на суда за несколько дней. Николай I велел приостановить перевозку флотских чинов из Николаева в Севастополь до особого повеления²¹. Таким образом, в Петербурге старались избежать видимости подготовки к военным действиям. Особенно это касается запрета на передислокацию флотских чинов, поскольку недоукомплектованность судовых команд была явлением обычным²², а маневрирование имевшимися силами — крайне редким.

Однако наличные силы предпочитали держать в состоянии повышенной готовности. Одна из дивизий оставалась на зимних квартирах в Севастополе. Для сравнения, в 1833 г. только в Одессе были сколько-нибудь значительные воинские соединения²³. Показателен и рапорт М. П. Лазарева А. С. Меншикову от 2 ноября 1838 г.: на Черноморском флоте до особого приказа было приостановлено действие циркуляра, согласно которому разрешалось уволить в домовые отпуска нижних чинов хорошего поведения. Эта мера объяснялась тем, что флот надо было держать в боевой готовности²⁴. Интересно и письмо А. С. Меншикова М. П. Лазареву от 7 декабря 1838 г., в котором говорилось, что согласно повелению Николая I разрешалось временно разоружить Черноморский флот при условии, что его вооружение займет не более двух недель. Кроме того, предписывалось произвести осмотр и очистку трюмов²⁵. Это было

13 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 13–15 об.

14 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 30–31.

15 Имеется в виду исправления такелажа и парусного вооружения.

16 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 19–19 об.

17 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 12.

18 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 34–34 об.

19 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 38–38 об.

20 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 44–44 об.

21 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 46–46 об.

22 В 1833 г. нехватка личного состава в большинстве флотских экипажей составляла до 1\10 от всего личного состава экипажа, причем в основном это были старослужащие, находившиеся в отпусках, чье отсутствие было особенно заметно в условиях подготовки к военным действиям (РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 21). Причем когда суда первой эскадры вышли на рейд, то на линейных кораблях состояло по 575 матросов, хотя штатное число команд варьировалось от 734 (на 84-пушечном «Императрица Мария») до 776 (120-ти пушечный флагман «Память Евстафия»), всего же на судах находилось 4597 флотских чинов (РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 298с. Л. 14). Причем к моменту отплытия эскадры ситуация не претерпела серьезных изменений: по состоянию на 2 февраля 1833 г. на борту судов первой эскадры находилось 4684 человека (РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 298с. Л. 36).

23 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 298с. Лл. 59–59 об.

24 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 48–48 об.

25 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 49.

сделано, чтобы избежать износа парусов и такелажа во время стоянки судов.

Таким образом, флот простоял в боевой готовности все время, пока шли англо — турецкие переговоры. Угрозы для Турции эти переговоры не несли, однако на Черноморском флоте были приняты беспрецедентные за последние пять лет военные приготовления. Это характеризует международную ситуацию тех лет как взрывоопасную. Складывается впечатление, будто в России опасались, что англичане в ходе переговоров могут попытаться оказать вооруженное давление на своего партнера (агрессивная политика Англии на Востоке в преддверии подписания соглашения от 16 августа 1838 г. давала к тому повод). Великобритания полагала их успешное завершение чрезвычайно важным и в случае угрозы срыва или появления серьезных разночтений между сторонами Пальмерстон мог не ограничиться поднятием на щит жалоб английских купцов на турецкие власти. Предпринятые действия и методы, избранные Петербургом для «замораживания» подготовки Черноморского флота к десантной операции, со всей очевидностью продемонстрировали, что Николай I серьезно рассматривал возможность использования Черноморского флота в Босфоре в случае обострений на Востоке.

В этом духе было написано распоряжение А. С. Меншикова от 19 мая 1839 г. о том, что Николай I повелел, чтобы 60 тысяч месячных порций всегда были в запасе Черноморского флота. Этот запас предполагалось в надлежащие сроки освежать обменом на провизию, заготовленную в обыкновенный запас²⁶. Это распоряжение было отдано через месяц после того, как турецкий султан начал поход на египетского пашу. Прекрасно помня, чем кончились столкновения Махмуда II с Мухаммедом-Али, в Петербурге имели все основания опасаться за судьбу Константинополя. А поскольку необходимость поддержать султана могла возникнуть в любой момент, наличие продовольственного запаса для снабжения десантных войск было не лишним.

Между тем из Турции поступили известия о смерти султана Махмуда II и о восшествии на престол Абдул-Меджида. Лазареву они были сообщены «С чувством живейшего сожаления» в письме А. П. Бутенева от 20 июня 1839²⁷. Вместе с этим письмом начался второй «всплеск» активности Черноморского флота в связи со вторым турецко-египетским кризисом — самый продолжительный (до сентября 1839 г.), но и самый «вялый» из трех.

Сведения, сообщенные Бутеневым, были посланы до того, как стало известно, что турецкая армия была разбита на равнине Незиб 12 (24) июня. Несмотря на успокоительные сведения из Стам-

була, Лазарев посчитал необходимым принять меры предосторожности. В распоряжении командиру Севастопольского порта вице — адмиралу Авинову от 25 июня 1839 г. значилось, что «для предупреждения каких — либо перемен в сношениях с Оттоманской Портою, я предписываю... чтобы ... все корабли и фрегаты, находящиеся в Севастопольской гавани, немедленно были по всем частям исправлены»²⁸. Подобная предосторожность не была излишней. В годы первого кризиса Махмуд II опасался восстания в Константинополе в пользу египетского паши, а смена султана на фоне нового кризиса и вполне вероятного поражения турецких войск от Ибрагима — паши (которое вскоре и произошло) создавали благоприятные основания для смуты в центре слабеющей империи. Русские войска могли потребоваться в Стамбуле в любой момент, тем более, что, исходя из опыта 1833 г., ситуация на Востоке могла коренным образом измениться в течение нескольких дней. В связи с этим вполне ожидаемым выглядит письмо Лазарева Бутеневу от 27 июня 1839 г., в котором он просит «не оставить ... уведомлений Вашими о тех обстоятельствах, из положения дел в Турции, о которых Вы изволите признавать нужным при какой — либо перемене же настоящих отношений сего государства к России, извещать меня для благовременных и соответственных тому же распоряжений по Высочайше вверенному мне флоту»²⁹

Что касается военных приготовлений, то они приобретают иной характер, нежели за год до того. Согласно рапорту С. П. Хрущева от 27 июня 1839 прибывшие в Севастополь 6 кораблей и фрегат по снабжению провизией на четыре месяца были введены в Севастополь и командирам было предписано позаботиться, чтобы они по первому требованию могли выйти в море³⁰. Обратим внимание, что суда были введены в гавань, а не оставлены на рейде. Чтобы вывести суда в открытое море требовалось, как правило, несколько дней. В 1833 г. суда специально держали на рейде, что позволило им отплыть немедленно по получении письма от Бутенева. Видимо, М. П. Лазарев полагал, что немедленная опасность Константинополю не грозит и в случае чего у Черноморского флота будет несколько дней, чтобы выйти из порта и отплыть по назначению. Такое решение было наиболее разумным: продвижение Ибрагима — паши в сторону Константинополя заняло бы некоторое время и тревожные сведения успели бы достигнуть Севастополя. Держать же суда на рейде было нецелесообразно: загружаться продовольствием, боеприпасами и заниматься исправлением мелких повреждений корпуса и такелажа было сподручнее в гавани, в то время как на рейде даже в ходе стоянки могли появиться новые

26 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 64–64 об.

27 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4092. Л. 1.

28 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Л. 7.

29 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4092. Л. 3

30 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Лл. 10–10 об.

неполадки. То, что суда сразу же принимали на борт продовольствие, говорит, что на большой запас времени в случае осложнений на Востоке М. П. Лазарев тем не менее не рассчитывал.

События, происходившие в Турции, привлекли внимание не только командования Черноморского флота. Со своей стороны проявил интерес к ним и российский чрезвычайный посланник при короле Греции Катакази, который 4 июля 1839 г. отдал приказ командиру шхуны «Ласточка» лейтенанту Истомину под видом «запасения морской провизией» отплыть в Смирну, чтобы уточнить складывавшуюся обстановку. Дело в том, что турецкий флот вышел из Дарданелл в Архипелаг, в то время как около Силистрии находился египетский флот, а недалеко от него плавала английская эскадра. Французская же эскадра контр-адмирала Лаланда находилась в Смирнинском заливе. Предполагая, что подробные сведения об этих силах могут быть полезны России, Катакази велел Истомину выяснить дальнейшее движение всех четырех флотов, но при этом не дать повод «к неблагоприятным толкам со стороны иностранцев»³¹

Первые известия о действиях иностранных флотов стали известны М. П. Лазареву из письма А. П. Бутенева от 1 августа 1839 г. Посланник сообщал, что английская эскадра (один трехдечный и восемь двухдечных кораблей, два фрегата, корвет, бриг, два парохода) под командованием адмирала Роберта Стопфорда присоединилась к французской эскадре под командованием контр-адмирала Лаланда (пять кораблей, фрегат, бриг и пароход). Бутенев нашел нужным сообщить, что в Смирну прибыла шхуна «Ласточка», отправленная Катакази для крейсирования в Архипелаге, которая по дороге встретила английскую эскадру у острова Порос. Не было известно, те ли это суда, что находятся у острова Тенедос, но российскому консулу в Дарданеллах было приказано получить полный перечень судов обеих эскадр. При этом сообщалась интересная подробность: принц Жоанвильский, начальник штаба при адмирале Лаланде, прибыл инкогнито в Константинополь и намеревался остаться в городе на длительное время, необходимое для осмотра всего, что могло показаться интересным³²

Наибольшее внимание привлекают следующие факты. Во-первых, ни в этом, ни в других документах не упоминается битва на равнине Незиб 12 (24) июня 1839 г. Второе, что обращает на себя самое пристальное внимание — это соединение англо — французских сил в Эгейском море, состоявшееся накануне подписания коллективной ноты посланников пяти держав при Порте Оттоманской (27 июля 1839), о которой Бутенев также не упоминает.

Однако вернемся к сведениям, которые поступали из Эгейского моря и Константинополя. Скоро М. П. Лазарев смог лично озна-

комиться с тем, что удалось узнать Истомину во время его плавания. В рапорте на имя М. П. Лазарева от 7 августа 1839 г. из порта Пирей была приложена копия рапорта командира шхуны «Ласточка» действительному статскому советнику Катакази. 10 июля шхуна снялась с якоря в порте Пирей и 11 августа прибыла на о. Сира. Господин Касер, российский консул на этом острове, сообщил Истомину об измене капитана — паши, который вместе со всем флотом перешел на сторону египтян, а также что оба флота находились в Александрии. Английский флот в то же время находился около Родоса, а на о. Порос адмирал Стопфорд предполагал, по имеющимся данным, зайти за водой. Сведения о французском флоте были противоречивые: он находился то ли в Смирне, то ли в Метелине, то ли около острова Тенедос. 15-ого числа «Ласточка» покинула о. Сира и прибыла на о. Порос³³. Здесь Истомину удалось узнать, что английский флот заправляется водой. Англичане прибыли 14-ого числа, отплытие было намечено на 17-е. Куда англичане предполагали направиться дальше, было неясно. Существовало мнение, что английский флот отплывет к о. Тенедос. Из беседы с английским капитаном Морсби Истомину удалось узнать состав английской эскадры: один трехдечный и шесть двухдечных кораблей, фрегат, бриг и военный пароход. Кроме того, ожидалось прибытие дополнительных сил. Что касается измены турецкого флота, то в Смирне все склонны были приписывать действия капитана — паши проискам Англии: один из лучших английских капитанов Уолкер просился волонтером к капитану — паше и с ним вернулся в Александрию, где будто — бы успешно закончил поручение своего правительства и вернулся к своему флоту. Примечательно, что и Истомин был склонен видеть в этом руку Лондона. Французский флот, как удалось выяснить Истомину, состоял из шести кораблей, фрегата и брига и находился у острова Тенедос, также ожидая пополнения. Оба флота допрашивали выходящие из Дарданелл суда, не появился ли в Босфоре русский флот и не ушла ли русская шхуна из Константинополя³⁴. Последнее замечание косвенно подтверждает, что истинной причиной пребывания английской и французской эскадр в Эгейском море было именно противодействие России, а не забота о благополучии Османской империи. Тем более что в последнем вопросе Англия и Франция занимали противоположные позиции и действовать совместно просто не могли. Это понимали и в Константинополе, где без энтузиазма следили за находившимися в близи Дарданелл флотами двух великих держав, один из которых был дружественен Мухаммеду-Али. Тем большее беспокойство вызывал тот факт, что эти флоты постоянно усиливались. В новом письме М. П. Лазареву от 30 авгу-

31 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Лл. 13–13 об.

32 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4094. Лл. 1–2.

33 Так написано название острова в документе — *Д. И.*

34 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Лл. 28–30 об.

ста 1839 г. А. П. Бутенев сообщал, что вице-консулу в Дарданеллах удалось получить сведения об английской и французской эскадрах: в них насчитывалось 32 военных судна, в том числе 19 кораблей и 5 пароходов. «Носились слухи», что обе эскадры вскоре отправятся в Александрию для понуждения египетского паши к возвращению турецкого флота и к «миролюбивому примирению с Портой». Но слухи эти ничем не подтверждались: обе эскадры оставались у о. Тенедос несмотря на представления Порты о напрасном и предосудительном присутствии иностранных флотов около столицы Османской империи³⁵. Судя по пушечному вооружению судов англо-французской эскадры, приводившемуся в донесении, многие французские и английские корабли были старой постройки, некоторые из них имели даже 66-пушечный ранг, однако их общее количество было весьма внушительно и подкреплялось наличием сильнейших для своих лет кораблей. Учитывая, что объединенная эскадра, очевидно, была собрана для противодействия России, было бы нелишне узнать, что мог противопоставить Петербург англо — французским силам на. Это тем более важно, что кроме как на самих себя нам было не на кого положиться. Порты, лишившаяся почти всего флота, если бы и решилась выступить против двух сильнейших европейских держав, ничего существенного выставить не могла. Среди документов, касающихся Черноморского флота, оказался список судов³⁶, находившихся в Севастополе. Сам список не датирован, но исходя из документов, подшитых в деле до и после, его можно отнести к августу 1838 г., т. е. он идеально подходит для сравнения с англо-французской эскадрой, состав которой нам известен на тот же самый месяц. Располагая этими данными, мы можем составить сравнительную таблицу:

	линейных кораблей	фрегатов	всего судов	всего орудий
англо-французская эскадра	19	3	32	1834
черноморский флот	12	5	45	1540

Из сравнения видно, что совокупная огневая мощь (исходя из количества орудий, поскольку качественные характеристики артиллерии не известны) англо — французских сил превосходила огневую мощь Черноморского флота на 16 %. Черноморский флот был «маложе» своих противников, но это не меняло соотношения сил, которое для России было крайне неблагоприятным. Опыт этого заочного противостояния впоследствии сыграл определенную роль при отка-

35 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4094. Лл. 3–4.

36 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Лл. 33–33 об.

зе Петербурга от вооруженного участия в разрешении турецко-египетского кризиса.

Следует отметить, что к английской эскадре ожидалось прибытие еще трех кораблей и корвета, а к французской — корабля и фрегата, после чего соединенная эскадра должна была достигнуть превосходства над всем Черноморским флотом по количеству орудий не менее чем на 30 %.

Примечательно, что на этом фоне Черноморский флот активных действий не предпринимал. Единственные распоряжения, имевшие отношение к Восточному вопросу, касались выделения в распоряжение А. П. Бутенева парохода «Северная Звезда»³⁷. Вне всякого сомнения, проблема связи с Константинополем была чрезвычайно важна. Однако отсутствие на фоне военной демонстрации западных монархий попыток симметричного ответа или подготовки к нему наводит на размышления. Во-первых, следует отметить, что Россия мало что могла противопоставить своим противникам: если пополнить Черноморский флот не представлялось возможным, то Англия и Франция такую возможность имели. Во-вторых, сам факт их объединения в Восточном вопросе ставил Россию перед угрозой дипломатической изоляции, в то время как Париж и Лондон располагали достаточными силами, чтобы привести в исполнение практически любое свое решение.

Англо-французская эскадра вблизи Дарданелл была серьезным основанием, чтобы не «бряцать железом» во избежание угрозы европейской войны. Именно последним соображением можно объяснить, что при всех объективных посылках для активных действий Черноморского флота (за весь период кризиса это был единственный момент, когда Порте действительно могла понадобиться помощь России) именно в это время на Черноморском флоте активность была самой низкой из трех «всплесков», выделенных нами в начале. Отчасти она соответствовала характеру событий на Востоке, где положение дел практически не менялось. Согласно письму А. П. Бутенева М. П. Лазареву от 12 сентября 1839 единственной переменной стали прибытие к французам из Тулона корабля и фрегата, а английская эскадра пополнилась военным пароходом «огромного размера»³⁸. В новом послании от 22 сентября 1839 г. А. П. Бутенев писал, что обе эскадры ожидают новые подкрепления. Кроме того, в письме содержалась еще одна интересная новость: командование фрегатом «La belle Poule» принял на себя принц Жоанвильский, который должен был в скором времени уже официально прибыть в Константинополь в связи с желанием посетить турецкую столицу и представиться султану. «Турецкое правительство однакож не иначе решилось удовлетворить требова-

37 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4091. Л. 19.

38 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4094. Лл. 11–11 об.

нию французского посла и выдать ему надлежащий фирман на свободный пропуск этого военного судна через Дарданеллы в Босфор, как по предварительном сношении с нашей миссией и получении на то моего согласия»³⁹

Вероятно, именно наглядная демонстрация соотношения сил послужила поводом, если не стала причиной, для пересмотра позиции России относительно принципов разрешения Восточного вопроса. Еще в докладе Николаю I от 31 мая 1839 г. К. В. Нессельроде отвергал возможность вмешательства в турецко-египетское противостояние только со стороны России: «мы не сможем прийти на помощь султану, заранее не приготовившись к столкновению с Англией». Одновременно Нессельроде считал возможным, отступив от договора 1833 г., достичь понимания со стороны Англии. Когда новое соглашение с ней будет заключено, полагал он, «мы будем иметь достаточную возможность громко заявить Англии: „Мы должны обеспечить свою собственную безопасность и безопасность Турции, поэтому нам необходимо, чтобы Черное море не было открыто для иностранных военных кораблей“»⁴⁰. В мемуаре, поданном Николаю I 29 августа 1839 г. (когда соотношение сил Черноморского флота и англо-французских сил можно было наблюдать во всей очевидности), К. В. Нессельроде вновь выступил против Ункяр — Искелесского договора: «Соглашение 26 июня 1833 г.... потеряло для нас практический смысл. ... Оно связывает нас по рукам и ногам». К. В. Нессельроде предложил добровольно отказаться от Ункяр — Искелесского договора и с помощью Англии создать новый режим проливов, гарантированный всеми европейскими державами. Главным условием нового соглашения он считал закрытие проливов для иностранных военных судов: «Мы должны обеспечить собственную безопасность и безопасность Турции, — отмечалось в докладе. — Поэтому нам необходимо, чтобы Черное море не было открыто для иностранных военных кораблей, и это положение даст нам отказаться от того договора, который общественное мнение всей Европы рассматривает как возможность для России установления исключительного протектората над Турцией»⁴¹. Военно-политические обстоятельства, в которых К. В. Нессельроде предложил изменить принципы внешней политики России в Восточном вопросе, дают дополнительные основания чтобы согласиться с рядом авторов и признать шаги Петербурга вынужденным актом⁴²

39 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4094. Лл. 12–12 об.

40 Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 125–126.

41 Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII — начало XX в. \ Ред. М. И. Штемпель. М., 1978. С. 108.

42 Восточный вопрос во внешней политике России конец XVIII — начало XX в. \ Ред. М. И. Штемпель. М., 1978. С. 108; История внешней политики России: Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1999. С. 330.

Противостояние продолжалось до середины осени. В письме от 4 октября 1839 г. А. П. Бутенев сообщил М. П. Лазареву: «По получении Портою официального уведомления английский адмирал Стопфорд собирается в непродолжительном времени оставить окрестности Дарданельского пролива и отправиться с вверенным ему флотом в Вурлу, т. е. Смирнский залив. О дальнейшем назначении французского флота доселе еще не известно»⁴³. Пребывание флотов европейских государств в непосредственной близости от входа в Дарданеллы, беспокоившее турецкие власти, подходило к концу. Эти действия английской эскадры следует связать с миссией барона Ф. И. Бруннова в Лондоне. На фоне начавшихся русско — английских переговоров Пальмерстон увидел возможность добиться большего, нежели путем противостояния с Россией в проливах. Кроме того, отведя свои силы от Дарданелл, англичане демонстрировали готовность к сотрудничеству, что было важно на фоне перерыва в переговорах, вызванного отплытием Ф. И. Бруннова для консультаций в Петербург. Не исключено, что именно уход англичан из окрестностей пролива окончательно побудил Петербург к союзу с Британией даже путем серьезнейших уступок, поскольку последняя также демонстрировала готовность к компромиссу.

3 (15) июля 1840 г. была заключена первая Лондонская конвенция. По ее итогам на горизонте замаячила перспектива военных действий австро-английских сил против непокорного вассала турецкого султана. Как мы помним, многие историки склонялись мнению, что Россия надеялась сыграть в процессе умирения египетского паши активную роль, а не ограничиться дипломатической поддержкой. В Петербурге действительно рассчитывали на одну из первых ролей и готовились к этому вполне серьезно. Масштаб военных приготовлений Черноморского флота во время третьего «всплеска» активности (август — октябрь 1840 г.) буквально поражает воображение.

Первый документ, ориентировавший Черноморский флот на подготовку новой экспедиции в Босфор, относится к концу июля 1840 г. В письме А. С. Меншикова М. П. Лазареву от 28 июля 1840 г. сообщалось, что вследствие конвенции, заключенной между Россией, Англией, Австрией с одной стороны и Портой с другой, первая обязалась содействовать в охранении Константинополя от покушений Мухаммеда-Али, в связи с чем Черноморский флот и войска могут внезапно понадобиться. Были «начертаны» следующие меры:

1. По первому требованию отправить в Босфор две пехотные дивизии (13-ю и 15-ю) с артиллерией и некоторое число конных казаков — всего до 25 тысяч человек;

2. Порядок действий: а) отделить от флота суда, необходимые для подъема трех полков 13-й пехотной дивизии, стоящей в Сева-

43 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4094. Л. 17

стополе, и держать в Севастополе суда в полной готовности; б) остальным судам в 2–3 рейса (с участием пароходов и транспортов) перевезти с Абхазского берега в Крым 15-ю пехотную дивизию и Виленский полк. Перевозку следует начать с Виленского полка (для соединения с 13-й пехотной дивизией); с) по первому требованию переправить войска в Босфор «сколь можно более вдруг».

Как отмечалось в документе, хотя в перечисленных мерах возможны изменения, однако необходимо было приступить к их исполнению, чтобы не терять времени. Кроме того, Меншиков просил уведомить его: 1. Сколько судов и какие именно будут оставлены в Севастополе; 2. В каком порядке из Абхазии будут вывозиться войска; 3. Какие суда и сколько войск можно выделить для переброски в Босфор; 4. Какие денежные средства необходимы Черноморскому флоту на покрытие расходов экспедиции⁴⁴

В данном случае подготовка к десантной операции велась вполне открыто. Это объясняется тем, что Петербург намеревался действовать в составе коалиции и с согласия остальных участников, а посему таиться смысла не имело. И, пока союзники не начали военные действия против египетского паши, в качестве потенциального противника рассматривался Ибрагим-паша, который мог попытаться повторить поход на Константинополь 1832–1833 гг. Впрочем, в Петербурге были сомнения относительно того, произойдет ли новая десантная операция: в письме от 5 августа 1840 г. А. С. Меншиков извещал М. П. Лазарева, что если экспедиция не состоится, то 1 миллион рублей будет зачтен на смету Черноморского флота за 1841 г.⁴⁵ Наиболее интересна для нас ведомость,⁴⁶ приложенная Меншиковым к данному письму. В соответствии с ней в десантный отряд намечались следующие силы: штаб 5-ого пехотного корпуса, 13-я и 15-я пехотные дивизии; 5-я артиллерийская дивизия; военно-рабочая рота усиленного состава; две гарнизонные артиллерийские роты; Донской казачий № 11 полк; военно-рабочая команда при запасах минного и шанцевого инструмента; три кадра военно-временных госпиталей. Всего на противоположный берег Босфора предполагалось перевезти 26107 человек, 1166 лошадей, 48 орудий. Весьма внушительная цифра, если учесть, что в 1833 г. с большим трудом в два приема удалось перевезти около 10 000 человек.

Сама идея десантировать в Турции две полнокровные дивизии вызывает некоторую настороженность. Ибрагим-паша располагал значительными силами, но на этот раз против него выступала не одна Россия. Кроме того, он не наступал на Константинополь, а из текста документа нельзя предположить, что русские войска собирались использовать вне проливов. Тогда зачем такая армада?

44 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 75–76 об.

45 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 84.

46 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 114–116 об.

Чтобы явить султану свою дружбу и продемонстрировать военную мощь, достаточно было присутствия в Босфоре кораблей Черноморского флота. В крайнем случае, можно было высадить одну дивизию. Высадка двух дивизий была слишком сложной и дорогостоящей операцией и могла повлечь за собой обвинения со стороны союзников в попытке захвата Босфора.

Между тем в письме от 6 августа 1840 г. А. С. Меншиков сообщал М. П. Лазареву, что десантный отряд предполагается увеличить: только лошадей должно быть до 1200, в связи с чем надо было дополнительно зафрахтовать для экспедиции частные суда. Эта задача возлагалась на исправляющего должность Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-майора П. И. Федорова. Для этих же целей в Крым командировался контр-адмирал Н. П. Римский-Корсаков. Верховное командование операцией возлагалось на генерал-адъютанта А. Ф. Орлова с теми же полномочиями, как и в 1833 году. По первому требованию посланника при Османской Порте флот, «не ожидая никаких других разрешений», должен был принять на борт десантные войска и немедленно отплыть в Босфор. Предписывалось принять и другие меры, какие будут сочтены необходимыми для наиболее успешного выполнения миссии, исходя из опыта экспедиции 1833 г. По прибытии в Босфор все дальнейшие действия флота и десантных войск должны были зависеть от решений генерал — адъютанта А. Ф. Орлова. В том случае, если бы флот прибыл в Босфор до прибытия А. Ф. Орлова, командованию надлежало войти в сношения с В. П. Титовым, исправляющим обязанности полномочного посланника Российской империи при Османской Порте. А. С. Меншиков уточнял, что если перевезти обе дивизии за один рейс будет невозможно, флоту надлежало, высадив десант в Босфоре, немедленно следовать за второй частью войск, оставив необходимое количество судов⁴⁷

В тот же день военный министр А. И. Чернышев писал контр-адмиралу Римскому-Корсакову: «Государь Император, признав нужным снарядить безотлагательно особую десантную экспедицию для отправления оной к берегам Босфора по первому востребованию Порты Османской, Высочайше повелеть соизволил приступить с тем вместе ко всем предварительным распоряжениям по найму частных судов, необходимых для поднятия отряда в дополнение к судам Черноморского флота». Пересказывая далее распоряжения императора, Чернышев сообщал, что распоряжения по амбаркации были возложены на М. П. Лазарева, а найм частных судов — на П. И. Федорова. В помощь последнему назначался сам Римский — Корсаков, которому надлежало узнать у него, сколько частных судов и какой грузоподъемности можно зафрахтовать в Одессе, после чего надлежало следовать в Севастополь

47 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 112–114.

и выяснить, в один или два рейса можно доставить десантный отряд на другой берег Черного моря. Получив от Лидерса сведения о числе и грузах войск, а от Лазарева — о численности военных судов, Римский-Корсаков должен был составить расчет частным судам, которые необходимо было нанять для осуществления десантной операции⁴⁸

Судя по тому, что все три предписания датируются одним числом, в этот день состоялось совещание во главе с Николаем I, на котором и были приняты решения, о которых сообщалось в указанных выше документах.

Тем временем в Крыму развернулась работа по подготовке десантной экспедиции. В противоположность схожим мероприятиям во время двух предыдущих «всплесков», когда в качестве вероятного противника предполагались Англия, а затем Ибрагим-паша и соединенная англо-французская эскадра, на сей раз велась детальная и глубокая проработка состава десанта вплоть до одного человека, с распределением как личного состава так и тяжестей по конкретным судам, местам амбаркирования и т. д. Лазарев в письме от 12 августа 1840 г. сообщил примерный перечень судов, намеченных к экспедиции: два 120-ти пушечных и шесть 84-х пушечных корабля, три фрегата, два корвета, три брига, две шхуны, один тендер, три транспорта и три парохода⁴⁹. Общая штатная численность команд судов, назначенных в кампанию, составила 9697 человек. Если вспомнить события 1833 г., то каждое судно могло принять на борт примерно столько же десантных войск, сколько человек было в команде по штату. Таким образом, выделенных судов не хватило бы и на половину десантного отряда, назначенного в этот раз. Необходимость в найме частных судов для перевозки десантного отряда в Босфор была очевидна.

В соответствии с распоряжениями А. С. Меншикова М. П. Лазарев в отношении к генерал-майору П. И. Федорову от 15 августа 1840 г. сообщал, что в связи с отсутствием Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, фрахтование частных судов для экспедиции в Босфор возлагается на него⁵⁰. Примечательно, что в письме от шкипера Апаргири Лебеша из Керчи от 15 августа 1840 г. автор просил нанять его судно для экспедиции «с флотом в Архипелаг» (выделено нами — Д. И.)⁵¹. И это был не единственный случай. Таким образом, о секретности предприятия не приходилось и говорить.

Тем временем подготовка шла полным ходом. В соответствии с распоряжением М. П. Лазарева от 12 августа 1840 г. фрегат «Фло-

ра», бриги «Фемистокл» и «Палимед», шхуна «Ласточка», транспорты «Березан» и «Соча», пароход «Силач» необходимо было снабдить картами Средиземного и Мраморного морей, Константинопольского пролива и Архипелага, а также штурманскими приборами. Предписывалось обеспечить этими предметами и сам Севастопольский порт⁵². Весьма знаменательно, что предполагалось выдать карты Мраморного и Средиземного морей. Следует учесть, что в документе речь идет о небольших судах. Видимо, их собирались использовать для разведки, они должны были отплыть раньше экспедиции и уточнить обстановку как в проливах, так и за их пределами. Однако указание на необходимость снабдить таким же комплектом карт Севастопольский порт может расцениваться как косвенный признак того, что командование допускало возможность действий за пределами проливов всего флота.

К 17 августа были подведены первые итоги подготовки к операции. Согласно рапорту М. П. Лазарева на имя А. С. Меншикова от 17 августа 1840 г. по «особой экспедиции из Черноморского флота с отрядом сухопутных войск для охранения Константинополя от неприятных покушений Мехмета-Али» были сделаны следующие распоряжения: выделены суда для перевозки войск с Восточного берега Черного моря в Севастополь; часть военных судов находилась в 24-х часовой готовности; М. П. Лазарев снесся с Лидерсом чтобы получить дополнительные сведения о тяжестях отряда; исправляющему должность Новороссийского и Бессарабского генерал — губернатора П. И. Федорову было поручено зафрахтовать необходимое количество частных судов. Кроме того, Лазарев отмечал, что нахождение в кампании в течение всего года и постоянные перевозки войск в Абхазию и обратно сократили запасы провианта и ухудшили состояние такелажа и оснастки судов, на момент написания рапорта на складах наличествовало обеспечение только на 4 месяца⁵³. Что касается готовности сухопутных войск, то к 1 сентября 1840 г. три полка 13-й пехотной дивизии должны были быть готовы к посадке на суда, а с прибытием в Севастополь Виленского полка он также мог следовать с дивизией. Отправление полков 15-й пехотной дивизии, как отмечал автор, будет зависеть от времени их прибытия в Севастополь. 13-я полевая артиллерийская бригада должна была прибыть в Одессу к 1 сентября. Две батареи 15-й артиллерийской бригады ожидалось в Одессе к 13 сентября, третья батарея к 17 августа находилась в Севастополе. Донской № 11 казачий полк предполагалось собрать в Севастополе к 1 сентября; парковая рота 15-й артиллерийской бригады должна была прибыть в Одессу к 10 сентября, военно-рабочая рота — к 1 сентября (также в Одессу); две гарнизонные артиллерийские роты долж-

48 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 1–2.

49 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 81–81 об.

50 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 122.

51 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 29.

52 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 14.

53 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 125–127.

ны были быть взяты непосредственно из Севастополя; три подвижные инвалидные роты должны были прибыть в Одессу к 1 сентября⁵⁴

Согласно ведомости⁵⁵, приложенной к сообщению штаба 5-ого пехотного корпуса от 17 августа 1840 г. предполагался следующий порядок погрузки на суда:

Из Севастополя

1. Штаб 5-го пехотного корпуса
2. 13-я и 15-я пехотные дивизии
3. Одна легкая № 6 батарея 15-й артиллерийской бригады
4. Донской казачий № 11 полк
5. Две гарнизонные артиллерийские роты

Из Одессы

1. Штаб 5-й артиллерийской дивизии
2. 13-я артиллерийская бригада трехбатарейного состава и бригадный штаб
3. Две батареи 15-й артиллерийской бригады и бригадный штаб
4. Парковая рота 15-й артиллерийской бригады и бригадный штаб
5. Военно-рабочая рота
6. Три подвижные инвалидные роты
7. Военно-рабочая команда при запасах минного и шанцевого инструмента
8. Три кадра военно-временных госпиталей или два класса

В письме от штаба 5-го пехотного корпуса М. П. Лазареву от 22 августа 1840 г. давалась рекомендация, что если перевозка войск к Босфору будет осуществляться в два рейса, то четыре сотни Донского № 11 полка и 425 лошадей должны были быть перевезены первым рейсом с фуражом на 2 недели, остальные должны были быть перевезены во второй рейс⁵⁶. Таким образом, в первый рейс перевозился полностью боеспособный отряд, который мог действовать, не дожидаясь прибытия остальной части полка. Надо сказать, предположение, что перевозка войск будет осуществляться в два рейса, была вполне обоснованной. Так, согласно письму М. П. Лазарева от 24 августа 1840 г. на судах Черноморского флота в один рейс можно было разместить 11 тысяч человек⁵⁷

Одновременно продолжалась концентрация войск в Крыму. 22 августа 1840 г. было отдано распоряжение об отплытии отряда судов для перевозки войск 5-го пехотного корпуса из Абхазии в Крым⁵⁸

54 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 45 об.

55 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Лл. 47–55.

56 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Лл. 59–59 об.

57 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 58.

58 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 36.

Здесь хотелось бы на время оставить подготовку Константинопольской экспедиции на Черном море и обратиться к событиям, разворачивавшимся на Балтике, которые имели непосредственное отношение к Восточному вопросу. В РГА ВМФ в фонде 5 (фонд адмирала Л. Л. Гейне) имеется небольшое дело, красноречиво именуемое «Назначение судов в особую экспедицию в 1840 году». Как нетрудно догадаться, эта экспедиция имела своей целью участие в приведении к покорности Мухаммеда — Али. К сожалению, материалов крайне мало, а в других делах обнаружить следы этой экспедиции не удалось. Однако и то, что есть, наводит на весьма интересные мысли. В письме А. С. Меншикова генерал — интенданту Балтийского флота от 22 августа 1840 сообщается, что в Ревель и Свеаборг назначается сводная дивизия, которая «предназначается...к отправлению в Средиземное море» и сосредотачивается в указанных портах «дабы в случае востребования могла отправиться и в позднюю осень»⁵⁹. В другом документе, адресованном Л. Л. Гейдену (от 25 августа 1840), А. С. Меншиков писал о назначенных в экспедицию судах: «По случаю назначения одной сводной дивизии к отправлению в Средиземное море, при первом востребовании...»⁶⁰. Таким образом, и эти суда должны были находиться в полной боевой готовности, не имея точной даты отплытия по назначению. Согласно ведомости от 22 августа 1840, сводная дивизия под начальством вице-адмирала Платера насчитывала 10 кораблей, 6 фрегатов, 4 брига, шхуну и лоцию.⁶¹

Исходя из этого документа можно предположить, что Россия планировала масштабное участие в событиях на Востоке. В Петербурге планировали своего рода «двойной удар»: первый — десант в Константинополь в размере двух полнокровных дивизий, второй — отряд судов Балтийского флота, предназначенный для участия в боевых действиях против египетского паши совместно с английским и австрийским флотом. Вероятно, это было обусловлено опасением, что Англичане будут против прохода русских военных судов через Босфор и Дарданеллы, но согласятся на участие Балтийского флота, который проследует в Средиземное море через Гибралтар. Столь широкомасштабное участие в судьбе Османской империи в случае реализации этих планов сулило формирование в сознании турецкого правительства образа России как могущественного друга и соседа. Участия Великобритании при таком раскладе Турция могла вообще не заметить. Поэтому неудивительно, что Лондон приложил все силы к тому, чтобы не допустить участия России в новом спасении Турции ни под каким видом.

Однако вернемся к событиям на Черном море.

59 РГА ВМФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

60 РГА ВМФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31. Л. 2.

61 РГА ВМФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.

На 23 августа 1840 г., в Херсоне находилось свыше 70 частных судов. Из них 27 морских судов большого размера (средней грузоподъемностью 150–160 ласт), годных к найму. Охотнее соглашались на фрахт на месяц, чем на рейс. При массовом фрахте возможно было снизить цены на 20 %. В Керчи судов было довольно много, но большинство в плохом состоянии: из наличествовавших 30 судов, на практике зафрахтовать можно было 15 (средняя грузоподъемность около 200 ласт). Цены на фрахт были как в Херсоне. В Феодосии на момент написания рапорта подходящих судов не было, но ожидалось прибытие девяти судов. В Евпатории находились два судна по 130 ластов, стоимость найма на месяц по 10 000 рублей за каждое⁶²

Параллельно приводились в готовность и суда Черноморского флота. Согласно рапорту командира Севастопольского порта контр-адмирала Авинова М. П. Лазареву от 27 августа 1840 г. суда, состоящие в практической эскадре контр-адмирала Чистякова (7 кораблей, фрегат, корвет), вошли в Севастопольскую гавань для ремонта и приведения в готовность⁶³

Что касается более детальной разработки операции, то к концу августа было примерно известно, где и какие войска будут грузиться на какие суда, сколько судов для этого потребуется, какие тяжести будут при войсках и так далее. Общее распределение по военным и частным судам войск, орудий, лошадей и разного рода тяжестей для предполагаемого десанта в *один рейс* было приложено к письму Римскому-Корсакову от командующего 5-м пехотным корпусом генерал-лейтенанта Лидерса от 30 августа 1840 г.⁶⁴

Распределение по судам предполагалось следующее:⁶⁵

	людей	орудий	лошадей
На военных судах	12 059	48	5
На частных судах	12 815	—	1170
Итого	24 874	48	1175

Исходя из того, что каждое частное судно может поднять по 20 лошадей и 70 человек или около 200 человек, был сделан расчет частным судам, которые необходимо было зафрахтовать:⁶⁶

⁶² РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 73–75.

⁶³ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 18.

⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 38 об. — 43.

⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 43.

⁶⁶ РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 43 об.

	судов	Итого людей	Итого лошадей
В Севастополе		10904	730
730 лошадей	37		
При них людей 2590			
Для остальных войск 8314	42		
Для тяжестей	2		
Итого:	81		
В Одессе		1911	440
440 лошадей	22		
При них людей 1540			
Для команд (371 человек)	2		
Тяжестей	4		
Итого	28		
Затем всего частных судов	109		

Однако грузоподъемность частных судов варьировалась в широких пределах. Кроме того, в черноморских портах насчитывалось 111 учтенных частных судов, из которых зафрахтовать можно было в лучшем случае 96. Таким образом, вероятность того, что войска удастся перевезти в один рейс, была чрезвычайно мала. Посему одновременно разрабатывались варианты перевоза десантного отряда на берег Босфора в два рейса.

По расчетам Данненберга, приложенным к письму на имя М. П. Лазарева от 30 августа 1840 г.⁶⁷ предполагалось следующее разделение войск:

В первый рейс: *из Севастополя* штаб 5-ого пехотного корпуса, 13-й пехотной дивизии дивизионный штаб, штаб 1-й бригады, Брестский и Белостокский пехотные полки, штаб 2-й бригады, Литовский и Виленский егерские полки, 13-й артиллерийской бригады бригадный штаб, батарейная № 1 батарея, легкие № 1 и 2 батареи, 15-й артиллерийской бригады легкая № 6 батарея, рота гарнизонной артиллерии, военно-рабочая рота, три сотни Донского казачьего № 11 полка, тяжести при войсках и месячный продовольственный запас — всего 13244 человека, 65 лошадей, 86333 пуда грузов; *из Одессы* военно — рабочая команда, подвижная инвалидная рота,

⁶⁷ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Лл. 93–100.

один кадр военных госпиталей, тяжести при них, часть тяжестей 13-й артиллерийской бригады — всего 716 человек, 241 лошадь, 9976 пудов. Итого в первый рейс предполагалось перевезти 13960 человек, 894 лошади, 96309 пудов груза.

По судам это должно было распределиться следующим образом:

На военных судах:	11872 человека	32 орудия	5 лошадей
На частных судах:	2088 человек	—	889 лошадей
Всего	13960 человек	32 орудия	894 лошади

В Севастополе предполагалось зафрахтовать 34 частных судна, в Одессе — 14.

Во второй рейс: *из Севастополя*: 15-й пехотной дивизии дивизионный штаб, штаб 1-й бригады, Модлинский и Прагский пехотные полки, штаб 2-й бригады, Люблинский и Замостский егерские полки, от 15-й артиллерийской бригады бригадный штаб и тяжести, рота гарнизонной артиллерии, три сотни казаков Донского № 11 полка, тяжести при войсках. Всего: 9719 человек, 81 лошадь, 16 орудий, 69615 пудов; *из Одессы*: штаб 5-й артиллерийской бригады, 15-й артиллерийской бригады бригадный штаб, парковая рота 15-й артиллерийской бригады, две подвижные инвалидные роты, тяжести при войсках. Всего: 1195 человек, 200 лошадей, 13725 пудов. Итого во второй рейс — 10 914 человек, 281 лошадь, 16 орудий, 83340 пудов. В перевозке предполагалось задействовать 22 частных судна.

Всего за два рейса предполагалось перевезти 24 874 человека, 1175 лошадей и 179 649 пудов грузов.

Было очевидно, что переброска войск в Босфор могла происходить только в два приема, поскольку для осуществления данной операции в один рейс требовалось задействовать не только все ресурсы Черноморского флота, но и «выгрести» подчистую практически все частные суда, пригодные к плаванию в открытом море⁶⁸

Между тем войска могли быть полностью готовы к амбаркированию не ранее второй половины сентября. И нет оснований полагать, что сроки могли сместиться в сторону их сокращения. Скорее наоборот: в письме на имя Лидерса из Севастополя от 19 сентября 1840 г. значится: «Для скорейшей перевозки... войск 15-й пехотной дивизии с Восточного берега Черного моря в Севастополь все средства, какие только возможно употребить, употреблены...». ⁶⁹. Этот документ написан тогда, когда, согласно ранее разработанным планам, все войска уже должны были быть собраны и готовы к амбаркированию.

68 В ведомости купеческим судам значатся фамилии шкиперов 117 судов, общая грузоподъемность перечисленных судов составляет 1.907.337 пудов (РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 31 об.).

69 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4227. Л. 120.

По мере того, как приближался срок, когда все силы, назначенные в экспедицию, должны были занять исходные позиции для посадки на суда, планы десантной операции обретали все большую четкость. На смену примерным расчетам, сколько войск необходимо для участия в десанте и сколько судов необходимо, чтобы их перевезти через Черное море, приходят первые планы распределения конкретных подразделений по конкретным судам.

К перевозке войск на берег Босфора предполагалось привлечь 8 кораблей, 3 фрегата, 2 корвета, 3 брига, 2 шхуны, тендер и 3 транспорта⁷⁰. Была приложена роспись десантного отряда по судам Черноморского флота, из расчета на переброску войск в один рейс⁷¹. Согласно этой ведомости, на купеческих судах стремились перевозить в основном лошадей и тяжести — то, для чего военные корабли были менее всего приспособлены. Между тем значительная часть войск и вся артиллерия перевозились на судах Черноморского флота.

Эти ведомости подтверждает рапорт Римского-Корсакова А. И. Чернышеву от 11 сентября 1840 года⁷². Как отмечал автор, по расчетам Лидерса и Лазарева весь десант можно было перевезти в один рейс на судах Черноморского флота и зафрахтованных судах. Для десантной операции Черноморский флот предполагал предоставить 8 линейных кораблей, 3 фрегата, 2 корвета, 2 брига, 3 больших транспорта — вместе они могли принять на борт 11519 человек и 48 артиллерийских орудий. Для остальной части десантных войск (13354 человека, 1170 лошадей и тяжести) необходимо было зафрахтовать 115 судов (87 из них должны были выйти вместе с флотом из Севастополя, 28 — вслед за военным конвоем из Одессы). С наймом проблем, по мнению Римского — Корсакова, не ожидалось: Федоров все устроил так, что как только будет получен приказ о найме судов, они будут зафрахтованы и подготовлены к перевозке людей и грузов. Но, как здесь же писал автор, самих частных судов в портах с каждым днем становилось все меньше: 1 сентября в Одессе их было 113, а 11 сентября — только 58, то есть чем дальше будет откладываться экспедиция, тем сложнее будет набрать необходимое количество судов и десант в таком случае удастся перевезти только в 3–4 рейса, в связи с чем автор считал желательным нанять 50 судов «уже сейчас», так как если в один рейс десант перевезти не удастся, то флот сможет в первый же рейс высадить до 15 тысяч человек с артиллерией и кавалерией, полностью готовых к военным действиям, а остальную часть войск можно будет перевезти во второй рейс уже без использования военных судов.

В свою очередь изменения и дополнения в ранее разработанные планы вносил и Петербург. Согласно отношению Николая I

70 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 77.

71 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 79–80 об.

72 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 5–8.

к А. С. Меншикову от 11 сентября 1840 г.⁷³ 15-ю пехотную дивизию, поскольку она была ослаблена в связи с болезнями солдат, надлежало оставить в пределах России. В связи с этим 13-я пехотная дивизия должна быть отправлена в 4-х батальонном составе, доукомплектованная за счет подразделений 15-й пехотной дивизии. Вместо 15-й пехотной дивизии в экспедицию назначалась 10-я пехотная дивизия трехбатальонного состава. 13-ю и 15-ю артиллерийские бригады предполагалось оставить без изменений, в отряд назначалась еще 10-я артиллерийская бригада трехбатарейного состава. Она должна была стать резервом артиллерии десантного отряда и отправиться вслед за 10-й пехотной дивизией. Если же на момент поступления требования об отправке войск 13-я пехотная дивизия оказалась бы недоукомплектованной, то предписывалось отправить ее в трехбатальонном составе, а следом за ней вторым рейсом отправить 15-ю пехотную дивизию, доукомплектованную до штатного числа всех чинов, а в третий рейс переправить 10-ю пехотную дивизию и 5-й саперный батальон, также укомплектованный до полного штатного числа всех чинов.

Таким образом, общая численность десанта превышала 35 000 человек.

В письме В. Титова П. И. Федорову от 10 сентября 1840 г. сообщалось, что «вследствие отказа египетского паши принять предложения, сделанные Портою на основании конвенции, заключенной ею в Лондоне... Оттоманское правительство, дабы принудить Мегмет-Али к повиновению, решилось подвергнуть строгой блокаде все гавани Сирии и Египта». Об этом было объявлено специальным циркуляром всем посольствам. Как отмечал автор, блокада должна была быть приведена в действие при деятельной помощи англо — австрийских сил, адмиралы которых получили на сей счет соответствующие предписания. Блокада должна была вступить в силу с начала действий судов, не позднее чем через месяц после ее объявления. П. И. Федорову же все эти сведения сообщались, чтобы он мог своевременно предупредить обо всем вышеперечисленном российских купцов⁷⁴

Россия в это время продолжала подготовку к десантной операции. Происходили изменения в расписании войск, предназначенных для переброски в Босфор, вызванные последними распоряжениями из Санкт-Петербурга. В письме Римскому-Корсакову от Лидерса от 22 сентября 1840 г.⁷⁵ пересказывается распоряжение царя и уточняется, что 10-я пехотная дивизия трехбатальонного состава должна будет насчитывать по 1000 человек в батальоне и находиться до амбаркирования в Одессе. Сверх того в отряд назна-

73 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 210–212.

74 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 85–85 об.

75 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 90–91.

чались 10-я строительная бригада, 5-й саперный батальон, в состав госпиталей добавлялись запасы на 1000 раненых и один госпитальный кадр. Согласно расчетам Лидерса, на военные суда можно было поместить 14 тысяч человек и 48 орудий, но так как частных судов в портах становилось все меньше, а из Босфора из-за частых встречных ветров судам было бы сложно возвращаться, автор считал необходимым немедленно зафрахтовать 93 частных судна. Для того, чтобы поднять весь десант, предполагалось зафрахтовать уже 172 частных судна (63 в Севастополе и 109 в Одессе).

Изменилось и расписание десантного отряда по судам, что было неизбежным при увеличении его примерно на 50 % от прежней численности. При этом на переброску этих войск отводилось все те же два рейса⁷⁶

Надо сказать, что намерение перевезти все вышеперечисленные силы через Черное море в два рейса представляется довольно оптимистичным, учитывая, что по приводившимся нами ранее сведениям, на Черном море можно было рассчитывать на 117 частных судна, а с тех пор количество последних сократилось и эта тенденция продолжала сохраняться. Если добавить к этому тот факт, что ветра, дующие в Босфоре, затрудняют выход из проливов, то план десантной операции представляется совсем уж авантюристичным, даже если оставить за скобками международную обстановку. Однако все говорит в пользу того, что в Николаеве и Севастополе вероятность новой Константинопольской экспедиции считали достаточно высокой. Еще в письме от 23 сентября 1840 г. М. П. Лазарев писал командиру Севастопольского порта, что в Константинополе дежурит пароход «Северная Звезда», который, как предполагалось, и доставит просьбу об отправлении войск. В случае прибытия этого судна или любого другого с депешами Поверенного в делах при Оттоманской Порте, Авинову надлежало вскрыть все официальные бумаги и если бы в них содержалось требование выслать войска, он должен был немедленно оповестить Лидерса и вывести назначенные в экспедицию суда на рейд, чтобы они приняли на борт всю необходимую провизию и грузы⁷⁷

Впрочем, даже в Петербурге постепенно приходили к мнению о том, что русским войскам не суждено вновь вступить на берег Босфора. Согласно письму Римскому — Корсакову от военного министра от 23 сентября 1840 г., царь распорядился, чтобы до получения новых сведений из Константинополя не приступали к предварительному найму судов, поскольку это требует существенных расходов⁷⁸. Еще одним из признаков того, что десантная опера-

76 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 98–99.

77 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 208–208 об.

78 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 93–93 об.

ция откладывается на неопределенный срок стало распределение на зимние квартиры войск, стоявших под Севастополем⁷⁹

Однако какое-то время Черноморский флот продолжал готовиться к десантной операции, о чем неопровержимо свидетельствует наличие в письме М. П. Лазарева Римскому-Корсакову от 15 октября 1840 г. расписания десантных войск, назначенных для отправления из Одессы, куда были включены подразделения 10-й пехотной дивизии. Всего к операции предполагалось привлечь 37 896 человек, 72 орудия и 1465 лошадей⁸⁰. При этом всю эту армию предполагалось перевезти в два рейса. Реалистичность подобного проекта кажется весьма сомнительной, поскольку зависит от множества «но». В частности, от того, сколько частных судов удастся нанять для экспедиции. При этом Петербург был против того, чтобы заранее зафрахтовать некий минимум частных судов. Очередной отказ пришел из военного министерства от 19 октября 1840 г. М. П. Лазареву предполагалось в случае необходимости стараться амбаркировать максимальное число войск на суда Черноморского флота и на частные суда, которые удастся зафрахтовать⁸¹. При таком раскладе для перевозки всего отряда, назначенного в десант, на берег Босфора могло потребоваться все четыре рейса Черноморского флота в полном составе.

Кроме того, именно в октябре стало окончательно ясно, что на текущий момент оснований опасаться за целостность Османской империи в общем — то нет. Примечателен тот факт, что 21 сентября в Саламинскую бухту прибыла французская эскадра, состоявшая из 9 кораблей (на момент написания рапорта⁸². их число возросло до 11)⁸³, что, вероятно, должно было вызвать некоторое беспокойство со стороны России (все же Саламин не столь далек от Архипелага). Однако в письме Титова М. П. Лазареву от 8 октября 1840 г. сообщалось, что французский флот предполагает зимовать в Наварине и при быстрых успехах турецких и союзных войск в Сирии в борьбе с Египтом *не следует ожидать от Франции вооруженного вмешательства против Порты*⁸⁴. Ключевым во всем письме, как представляется, была именно последняя фраза, которая подтверждает наши предположения относительно того, чем были вызваны столь внушительные приготовления России к десантной опе-

79 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 101.

80 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Лл. 96–96 об.

81 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Лл. 229–229 об.

82 Видимо, этот документ является либо копией рапорта Истомина, либо рапорта лейтенанта Соковнина (возможно, Соновнина), командира тендера «Струя» от 8 октября 1840 г. (на самом документе данных нет, подобное предположение можно сделать исходя из содержания документов, подписанных непосредственно перед и после данного рапорта).

83 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 4099. Л. 8.

84 РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 3939. Л. 224.

рации в Босфор⁸⁵. Замечательно и то, что, несмотря на сохранение французского военного присутствия вблизи Архипелага, Титов полагал, что вооруженного вмешательства Парижа все — таки не произойдет. Вскоре эта мысль была принята и в Петербурге.

В письме Меншикова Римскому-Корсакову от 14 ноября 1840 последнему предписывалось возвращаться в Санкт-Петербург, предварительно осмотрев в Севастополе и Николаеве морские войска, заведения, суда, строительные работы морского ведомства и довести до сведения Его Императорского Величества их состояние⁸⁶. Аналогичное сообщение поступило Римскому-Корсакову в отношении Лазарева от 28 ноября 1840 г.⁸⁷

Эти два документа можно считать официальной точкой в планах Константинопольской экспедиции 1838–1840 гг. Петербург отозвал из Крыма Римского — Корсакова, направленного в свое время для помощи Лазареву и Федорову и тем самым фактически признал, что, несмотря на всю подготовительную работу, десантная операция реализована не будет. Грандиозные планы вновь оставались только на бумаге. В 1841 г. вопрос о высадке десантных войск в Босфор, приведении судов в боевую готовность в связи с Восточным вопросом более не поднимался.

Итак, подведем общий итог и второму турецко-египетскому кризису как таковому, и действиям Черноморского флота в связи с событиями на Востоке.

В первую очередь необходимо выделить особенности нового столкновения турецкого пашы и египетского вассала, обусловившие его отличия от кризиса 1831–1833 гг.

Первый турецко-египетский кризис был вызван выступлением Мухаммеда-Али против своего сюзерена, причем выступлением настолько успешным, что создавалась реальная угроза смены династии в Константинополе. В этих условиях Турция обратилась к Европе за помощью, но смогла получить ее только со стороны России, которая своим вооруженным присутствием под стенами Стамбула вынудила египетского пашу приостановить наступление, а европейские державы вмешаться в ход событий и способствовать заключению мира между султаном и его мятежным вассалом. Итогом этого кризиса стала временная стагнация конфликта, настоящее решение которого не устраивало ни Турцию, ни Египет. Вторым последствием стало подписание русско-турецкого оборонительно-

85 О том что десантная экспедиция может быть направлена против французских сил, если они войдут в Дарданеллы, пишет и Г. А. Гребенщикова (Гребенщикова Г. А. Проблема босфорских экспедиций второй половины XVIII — первой половины XIX в. // Новый часовой. № 17–18. 2006. С. 50)

86 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 110.

87 РГА ВМФ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 19. Л. 109.

го союза, против которого активно выступили европейские державы, пытавшиеся путем военной демонстрации вынудить султана отказаться от ратификации Ункяр-Искелесского договора. Однако их действия не увенчались успехом. Это обусловило напряженность, возникшую в отношениях России с Англией и Францией в 1830-е гг. В результате главной целью европейской (в первую очередь, английской) дипломатии стало разрушение русско-турецкого союза и ликвидация договора 1833 г.

В этих условиях второй турецко-египетский кризис, спровоцированный самим султаном, начавшим наступление на египетского пашу, стал поводом для сведения счетов, оставшихся между европейскими державами с 1833 г. В 1839 г. реальной угрозы существующей в Стамбуле династии со стороны египетского паши не возникло даже в результате восшествия на престол вместо внезапно умершего Махмуда II юного Абдул-Меджида, однако события на Востоке привели в движение силы практически всех великих держав. Истинную сущность второго турецко-египетского кризиса несложно проследить на динамике военных приготовлений Черноморского флота, которые трижды проводились в течение 1838–1840 гг. Условно эти периоды по приведению Черноморского флота в боевую готовность мы можем определить как «всплески».

Первый такой «всплеск» активности пришелся на начало завершающего этапа англо-турецких переговоров по заключению торгового договора в августе 1838 г. В ходе переговоров Лондон оказывал на своего партнера дипломатическое давление и создавалась угроза, что в случае, если в подготовке договора возникнут сложности, Пальмерстон не остановится и перед вооруженным давлением (как это было в 1833 г.).

Второй «всплеск» активности Черноморского флота был более продолжителен и менее интенсивен, но при этом имел определенную внутреннюю динамику. Так, на начальном этапе военные приготовления в Севастополе проводились в связи с началом военных действий между султаном и египетским пашой. Однако вскоре стало очевидно, что несмотря на поражения, понесенные Турцией в этой борьбе, Ибрагим — паша, командовавший египетскими войсками, оказавшийся перед лицом возможного противодействия великих держав, не будет повторять похода на Константинополь, как это было в 1832–1833 гг. Между тем, вблизи Дарданелл появилась весьма внушительная группировка англо — французских военно — морских сил. Их присутствие с одной стороны удержало Ибрагим — пашу от возможного развития успеха при Незибе, но обеспокоило как Стамбул, так и Петербург, поскольку совместные действия Лондона и Парижа против египетского паши, занимавших в отношении последнего прямо противоположные позиции, представлялись мало вероятными. В результате сложилась ситуация молчаливого противостояния англо — французского и русского флотов, раз-

деленных не только проливами, но и Черным морем. В ходе этого противостояния все стороны старались избегать резких действий, способных нарушить хрупкое равновесие. Основной задачей англо-французских сил было не допустить появления русских судов в Босфоре, Россия же опасалась спровоцировать Лондон и Париж на вступление в проливы. Только с началом англо-русских, а затем и общих переговоров в Лондоне по второму турецко-египетскому кризису, когда стало очевидно, что ни одна из сторон не примет в ближайшее время действий, способных нарушить сложившийся status quo, англо — французские силы покинули окрестности Дарданелл и противостояние временно приобрело исключительно дипломатические рамки.

Третий, наиболее напряженный период военной подготовки Черноморского флота, совпал с периодом, когда Петербург, в союзе с Англией и Австрией, приступил к выполнению условий Первой Лондонской конвенции. Однако Петербург планировал выставить против Египта в союзную эскадру военные суда Балтийского флота, чему не суждено было осуществиться в силу консолидированного противостояния как Лондона, так и Вены участию России в военных действиях против Мухаммеда-Али. Между тем и Черноморский флот готовился к десантной операции, масштаб которой (до 40 000 человек), а также сведения, поступавшие в Николаев от Титова, позволяют говорить о том, что эти приготовления были нацелены на противодействие Франции, которая могла выступить на защиту египетского паши и напасть непосредственно на Турцию. Подобный поворот событий в общем контексте предвоенной лихорадки в Европе, когда перед угрозой Парижа оккупировать Рейнскую область Австрия и Пруссия начали военные приготовления, а французские газеты требовали от своего правительства решительных мер по защите Египта от англичан, выглядит вполне реалистичным.

Таким образом, если содержанием первого турецко-египетского кризиса был собственно конфликт между султаном и его вассалом, то во втором кризисе этот конфликт был всего лишь поводом для сведения счетов между европейскими державами в Восточном вопросе. И если первый турецко-египетский кризис можно считать «восточным» (хотя он и нашел свое отражение в европейской политике), то второй был «европейским», и судьба и Мухаммеда-Али, и Абдул-Меджида, по большому счету, решалась в Лондоне, где интересы и Египта, и Турции (хотя последняя и была представлена на переговорах) отступали в сторону перед борьбой интересов Великих держав.

Что же касается действий России (и Черноморского флота в частности), то мы с полной уверенностью можем говорить о том, что Петербург действительно собирался принять участие в умирении Мухаммеда — Али, а, в случае необходимости, и защитить Кон-

стантинополь от нападения как со стороны Египта, так и со стороны европейских держав. Между тем общее положение, сложившееся в мире в те годы, делало невозможными самостоятельные действия России в Восточном вопросе без угрозы войны с одной или несколькими европейскими державами (их готовность к этому была продемонстрирована в 1833 и в 1839 гг.). Однако как внутренние противоречия между ними, так и непредсказуемость последствий войны, а также благоразумие правящих кругов позволили удержать ситуацию в русле мирного решения проблемы и не дать ей сползти к вооруженному столкновению. Между тем солидарное выступление всех европейских держав против активного участия России в разрешении второго турецко-египетского кризиса 1839–1841 гг. обусловило пассивную роль Петербурга в этом процессе, а также окончательную редакцию Второй Лондонской конвенции, которая была крайне невыгодна для России. Однако следует учесть, что вполне реальной альтернативой Лондонской конвенции могла стать война европейских держав против России, что, вне всякого сомнения, следует признать еще менее желательным итогом турецко-египетского кризиса.

Р. Н. РАХИМОВ

ОТДЕЛЬНЫЙ ОРЕНБУРГСКИЙ КОРПУС:
ПРОЕКТЫ И РЕАЛИИ ВОЮЮЩЕЙ ОКРАИНЫ
В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ

Интересной военной структурой русской армии середины XIX в. были отдельные корпуса, расположенные на национальных окраинах империи и являвшиеся приграничными. Из них наиболее известен Кавказский (до 1820 г. именовался Отдельный Грузинский), поскольку там шли боевые действия — Кавказская война. Кроме него, в николаевскую эпоху существовали отдельные корпуса: Сибирский, Финляндский (до 1831 г., когда был переименован в Войска, расположенные в Финляндии) и Литовский (с 1817 по 1831 г.). Практически полное отсутствие историографии этих военных объединений в отечественной литературе (за исключением Кавказского корпуса) подвигло нас на обращение к истории еще одной воюющей окраины — Отдельного Оренбургского корпуса, попытке анализа его боевого состояния и возможностей.

Во второй половине XVI в. после падения Казанского ханства в состав России добровольно вошла Башкирия, представлявшая огромную территорию на юго-востоке страны. Нахождение Башкирии в составе России долгое время имело номинальный характер. В первой половине XVIII в., российское государство, в котором проходили процессы модернизации, начало активную интеграцию края. Особенно активно этот процесс пошел после принятия в 1731 г. русского подданства казаками Младшего жуза во главе с ханом Абулхайром. По предложению И. К. Кирилова начала свою деятельность Оренбургская экспедиция (1734–1744 гг.), ставившая целью проникновение (мирное) России на Восток. На границе с Казахстаном по реке Яик (Урал) была построена Оренбургская пограничная линия. Для несения на ней службы правительство привлекло уральских казаков и приступило к созданию Оренбургское казачьего вой-

ска. В 1744 г. к нему было приписано Исетское войско¹. В мае 1748 г. все казачьи части вновь созданной Оренбургской губернии были сведены в Оренбургское нерегулярное войско. В 1755 г. был утвержден штат «Нерегулярным людям Оренбургской губернии» и образован Оренбургский казачий корпус из 2000 человек. Кроме казаков, службу несли регулярные и гарнизонные драгунские, пехотные полки, ландмилиция. Но и этих сил не хватало, поэтому с 1748 г. на линию стали направляться башкиры, служилые татары и мишари. Поскольку служба на границе для башкир стала одной из главных, с них в 1754 г. сняли обязанность платить ясак. На пограничную линию башкиры и мишари ежегодно направляли от 5500 до 10500 человек. Необходимо отметить, что военная служба являлась основным вектором интеграции башкир в состав Российского государства.

В 1798 г. по инициативе Оренбургского военного губернатора барона О. А. Игельстрома для лучшей организации военной службы в крае была введена кантонная система управления, которая распространилась на башкир, мишарей, калмык, оренбургских и уральских казаков². Было создано 11 башкирских, 5 мишарских, 5 оренбургских, 2 уральских и калмыцкий кантоны.

Кроме иррегулярных войск, на границе были размещены и несли службу оренбургские линейные батальоны. Войска, находившиеся на линии, уже в XVIII в. получили неофициальное название «Оренбургский корпус».

18 декабря 1816 г. был учрежден Оренбургский отдельный корпус. Оренбургские военные губернаторы П. К. Эссен (1817–1830), граф П. П. Сухтелен (1830–1833), граф В. А. Перовский (1833–1842, 1851–1857), В. А. Обручев (1842–1851), Оренбургские и Самарские генерал-губернаторы А. А. Катенин (1857–1860) и А. П. Безак (1860–1864) являлись одновременно его командирами на правах корпусного начальника. Корпус просуществовал до 10 августа 1864 г., когда был упразднен и переименован в войска Оренбургского края.

Состав

Оренбург был тогда настоящим военным городом; в нем располагались все власти, и так как большая часть жителей этого края состояла из казаков или башкир, несущих военную службу, то здесь было полным-полно офицеров всех чинов — настоящий парад мундиров.

И. Ф. Бларамберг. «Воспоминания»

Отдельный Оренбургский корпус состоял из: корпусного штаба, 29-й (нумерация менялась, с 1820 г. — 26-й, с 1833 г. — 23-й, затем 22-й)

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. ПСЗ-1. Т. XII. № 9006.

² ПСЗ-1. Т. XXV. № 18477.

пехотной дивизии, гарнизонной артиллерии Оренбургского округа, представленной 14-й гарнизонной артиллерийской бригадой (3,5 пешие роты), инженерными командами Оренбургского округа (в г. Оренбурге и Орске). Из артиллерии в корпусе был Окружной арсенал и 57-я легкая артиллерийская рота, но в 1819 г. в связи с обострением обстановки она была переведена на Кавказ. Вместо нее были сформированы две казачьи конно-артиллерийские роты № 10 и 11. В корпусе числились Неплюевское военное училище (открыто в 1825 г., впоследствии преобразовано в корпус), Военно-рабочая рота № 35, Оренбургская инвалидная команда, 12 инвалидных команд в городах и 2 этапные команды. Большая часть войск была расквартирована в Оренбурге, Уральске, Орске, Троицке, Верхнеуральске, Уфе, в которых также имелись свои инвалидные команды. Часть батальонов размещалась в крепостях Оренбургской линии: Кизильской, Таналыцкой, Магнитной, Звериноголовской, Степной.

Кавалерию корпуса представляли иррегулярные: Оренбургское казачье войско с двумя конно-артиллерийскими ротами, Уральское казачье войско, Башкиро-Мещеряжское (с 1855 г. — Башкирское) войско, Ставропольское калмыцкое войско и два тептярских полка, находившихся на положении регулярных казачьих.

26-я пехотная дивизия состояла из 3-х бригад. В 1-ю бригаду входил Оренбургский гарнизонный 3-х батальонный полк, Орский гарнизонный батальон, Подвижная инвалидная полурота № 52. В 1829 г. Оренбургский полк был разделен на Оренбургский гарнизонный 2-х батальонный полк и Уральский гарнизонный батальон. Во 2-ю бригаду входили: Кизильский, 1-й, 2-й, 3-й линейные Оренбургские гарнизонные батальоны. 3-я бригада состояла из Верхнеуральского, Троицкого, Звериноголовского и 4-го линейного Оренбургского гарнизонных батальонов. Бригадные управления размещались в Оренбурге, Кизильской и Верхнеуральской крепостях.

Военизированные подразделения других ведомств в силу приграничного расположения также имели двойное подчинение. Так, например, 4-я рота 9-го военно-рабочего батальона Межевого ведомства была разделена на две команды — 1-я находилась в Оренбурге, а 2-я в Вятке. Их расположение затрудняло наблюдение за ними командира батальона. Поэтому команда в Вятке была подчинена бригадному командиру внутренней стражи, а команда в Оренбурге подчинялась начальнику 26-й пехотной дивизии³.

19 апреля 1829 г. все гарнизонные батальоны стали Оренбургскими линейными номерными батальонами. Они остались в составе пехотной дивизии, их количество увеличилось до 16. Затем, в результате различных реорганизаций, к 1850-м годам количество их сократилось до 10. Особенностью корпуса было то, что он являлся местом ссылки. Поэтому его пехота пополнялась различными про-

³ ПСЗ-2. Т. II. № 1312.

винившимися офицерами и нижними чинами, а в 1830-е гг. пленеными поляками.

В корпус не входила 1-я бригада 8-го округа Отдельного корпуса внутренней стражи, состоявшая из Вятского, Пермского и Уфимского гарнизонных батальонов. Но 27 сентября 1829 г. по новому расписанию Отдельного корпуса внутренней стражи Уфимский внутренний гарнизонный батальон с подведомственными ему жандармской, инвалидной и этапной командой был исключен из Корпуса внутренней стражи и причислен к Оренбургскому корпусу как Оренбургский линейный батальон № 16⁴. В 1830-е гг. из 10 оренбургских батальонов 7 находились на линии, а 3 несли службу на уральских горных заводах.

21 января 1818 г. корпус получил свой корпусный II класса госпиталь, для которого была сформирована половина подвижной инвалидной роты № 79 (затем № 52). Вплоть до открытия в 1857 г. горной больницы госпиталь являлся единственным лечебным учреждением в Оренбурге и губернии. В 1846 г. при нем была создана фельдшерская школа.

В определенном отношении командиру Отдельного Оренбургского корпуса подчинялся флот. Это была вновь созданная в 1852–1853 гг. по инициативе А. И. Бутакова Аральская военная флотилия. Для ее организации в 1852 г. в разобранном виде были доставлены в Аральск, собраны и весной 1853 г. спущены на воду пароход «Перовский» и железный паровой баркас «Обручев». Позднее, в 1855 году на Аральское море были доставлены еще 7 железных гребных судов. Суда флотилии несли охрану судоходства, перевозили войска и грузы.

Самой значительной частью корпуса была его иррегулярная кавалерия, состоявшая из двух казачьих и двух национальных войск. Уральское казачье войско по «Положению» 26 декабря 1803 г. состояло из лейб-Уральской сотни и 10 пятисотенных конных казачьих полков. С 1819 г., после причисления казаков Илецкой и Сакмарской станиц, полков стало 12. Войско несло службу по Уралу южнее Оренбурга до Гурьева.

Оренбургское казачье войско по «Положению» 8 июня 1803 г. состояло из 5 кантонов и Оренбургского казачьего тысячного полка. Оно должно было выставлять казаков на службу на линии, а также пятисотенные полки для участия в походах российской армии. В 1819 г. в войске сформированы две конно-артиллерийские роты, переформированные в батареи. В 1837 г. в него были включены солдаты 4 оренбургских линейных батальонов, переселенные на Новую линию. По «Положению» 12 декабря 1840 г. войско состояло из 10 пятисотенных полков и конно-артиллерийской бригады из трех батарей. В 1854 г. в войске были сформированы 6 оренбургских казачьих батальонов.

4 ПСЗ-2. Т. IV. № 3199.

Ставропольское калмыцкое войско образовалось при Петре I из выведенных внутрь страны владельцем астраханских калмык Тайшой, принявшим крещение. В 1737 г. после его смерти его жена Анна Тайшина была пожалована в княгини, для нее в 1739 г. была построена крепость Ставрополь, поэтому калмыки стали называться ставропольскими. В 1745 г. по донесению Оренбургского губернатора И. Неплюева Сенат разделил войско на 8 рот, в 1760 г. были добавлены еще 3 роты. С 1745 г. калмыки наряжали 300 человек на службу на линии. В 80–90-е гг. XVIII в. на линию отправлялось 500–600 калмык ежегодно, с 1803 г. по 400 человек, при одном войсковом старшине и 12 ротных чиновниках. В этом же году было утверждено положение об образовании Ставропольского калмыцкого войска и в его составе Ставропольского полка 10-ротного состава. В него входили полковник, 10 есаулов, 10 сотников, 10 хорунжих, квартирмейстер, 2 писаря, 40 урядников, 1000 рядовых, всего 1074 человека. В 1831 г. в войске числилось: чиновников 28, нижних чинов 873, отставных 206, малолетков 696 — итого 1793 человека⁵. В 1842 г. Ставропольское калмыцкое войско было присоединено к Оренбургскому казачьему войску.

Башкиры в 1831 г. насчитывали в Башкиро-мещеряцком войске 73000 чел. служащих чиновников и нижних чинов, а также 68000 малолетков. Кроме нарядов на зимнюю и летнюю службу по этапам и Оренбургской линии, в чрезвычайных случаях они должны были командировать на военную службу пятисотенные полки. Мишари (мещеряки) в 1831 г. насчитывали 12000 человек служащих нижних чинов и чиновников и 13500 малолетков⁶.

Особое положение составляли тептярские полки. Созданные в конце XVIII в. на положении, близком к казачьим, эти части комплектовались и содержались за счет сословия тептярей (татары, безземельные башкиры, чуваша, марийцы, мордва, удмурты, жившие на правах припущенников у башкир)⁷. 24 июля 1819 г. полки по высочайшему повелению были преобразованы в регулярные. Как указывает В. С. Кобзов, чиновниками была допущена ошибка, и полки были названы императором казачьими. Не решившись указать Александру I на это, Эссен 14 января 1820 г. вынужден был издать специальный приказ, в котором отмечалось: «В штате о Тептярских полках, Высочайше утвержденном, они названы регулярными конными казачьими и потому должны, сохраняя свое название казачьих, именоваться по номерам — 1-м и 2-м Тептярскими регулярными»⁸.

5 Расписание всех казачьих войск, 25 декабря 1831 г. СПб., 1831. С. 35.

6 Там же. С. 31–32, 35.

7 О сословии тептярей см. Рахимов Р. Н. «За чей счет банкет?», или продовольственное обеспечение процессов интеграции Оренбуржья в XVIII веке // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сборник статей. Оренбург, 2006. С. 93–103.

8 Кобзов В. С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII — первой половине XIX века. Челябинск, 1996. С. 71.

В 1833 г. была проведена реорганизация русской кавалерии. По новому штату ее полки состояли из 8 эскадронов (уланские и гусарские), а драгунские — из 10. Во всех них создавались резервный эскадрон и нестроевая рота. По «Положению о первом Оренбургском казачьем полку» от 21 марта 1835 г. оба полка, 1-й и 2-й Тептярские, формировали один — 1-й Оренбургский казачий полк, причисленный к Оренбургскому казачьему войску⁹.

Новый полк состоял из 8 действующих, одного резервного эскадрона и нестроевой роты. Штаты, жалованье были такие же, как в непоселенных уланских полках. Офицеры выбирались из прежних тептярских полков, также как и нижние чины, и переводились из регулярной кавалерии. Обоз, лошади, оружие и амуниция перешли из тептярских полков в новый полк, сформированный к 21 августа 1835 года¹⁰. Назначение православного священника (в прежних тептярских полках полагался мулла), заведение полковой церкви и приобретение церковной утвари произошло в следующем году¹¹.

Вновь созданный полк, называясь Оренбургским казачьим и будучи причислен к Оренбургскому войску, никогда не имел в своих рядах ни одного настоящего казака. Состоя из тептярей и рекрут, он на самом деле представлял собой полк легкой регулярной кавалерии, близкий по своему положению к уланам. Сразу же после формирования часть заняла особое место в Отдельном Оренбургском корпусе. 1-й Оренбургский казачий полк являл собой, по нашему мнению, личную гвардию военного губернатора В. А. Перовского, поскольку он комплектовался из специально подобранных рослых и красивых нижних чинов, офицеров гвардейской и армейской кавалерии, лично Перовскому известных. Сама идея преобразования тептярских частей и создания особого, «домашнего» для военного губернатора «лейб-полка», была если не предложена В. А. Перовским, то, несомненно, ему близка. Примером был Кавказ. Кавказский корпус имел ярко выраженное деление на «русские» и «кавказские» полки. Первые — это были части армии, прибывшие на Кавказ сравнительно недавно и не имевшие навыков горной войны, сохранившие армейское обмундирование и вооружение. Как правило, эти части направлялись на Кавказ временно, для усиления корпуса. Вторые — это полки, находившиеся на Кавказе много лет, либо созданные там, имевшие опыт боевых дей-

9 ПСЗ-2. Т. 10. № 7985; Положение о первом Оренбургском казачьем полку. СПб., 1835. По ошибочному мнению Н. Казанцева, это событие произошло в 1830 году. См. Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1866. С. 64.

10 Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург. Далее: РГИА). Ф. 1284. Оп. 232. Д. 115. Л. 60.

11 Российский государственный военно-исторический архив (Москва. Далее: РГВИА). Ф. 405. Оп. 6. Д. 878.

ствий с горцами, и отличавшиеся своим внешним видом, оружием, характером взаимоотношений между нижними чинами и офицерами¹². Вероятно, копируя особое положение Нижегородского драгунского полка на Кавказе, В. П. Перовский предполагал превратить 1-й Оренбургский казачий в такую же часть¹³.

В 1841 г. 1-й Оренбургский казачий был переименован в Уфимский казачий полк по месту своего постоянного квартирования¹⁴. По мнению В. С. Кобзова, название было дано в память о вошедших в войско уфимских городских казаках¹⁵. Из переписки военного губернатора с военным министром в ноябре 1841 г. видно, что переименование полка состоялось в связи с принятием «Положения об Оренбургском казачьем войске» в декабре 1840 г.¹⁶ По «Положению», войско формировало десять полков и конноартиллерийскую бригаду из трех батарей. Чтобы исключить наличие в корпусе сразу двух 1-х Оренбургских казачьих полков, причем одного на положении легкой кавалерии, а другого — иррегулярной, и было принято решение о переименовании. Уфимский казачий полк по-прежнему числился как регулярный и содержался за счет сословия тептярей, но комплектовался исключительно русскими рекрутами. В будущем предполагалось превратить его в поселенный драгунский полк¹⁷. Но эта идея не получила развития. Препятствием для ее осуществления было, как нам представляется, присутствие в полку двух совершенно разных по своему положению групп нижних чинов — русских рекрут и дослуживавших свой пятнадцатилетний срок тептярей.

Уфимский казачий полк в 1845 г. после высочайшего смотра в Чугуеве был расформирован и упразднен¹⁸. При этом из него было выделено 64 унтер-офицеров, 640 рядовых, 12 трубачей и 4 барабанщика, направленных на усиление Нижегородского драгунского полка, воевавшего на Кавказе. Можно считать, что Уфимский казачий полк частично вошел в состав Нижегородского драгунского полка четырьмя эскадронами и продолжил свою службу в его составе уже на Кавказе.

Что представлял собой Отдельный Оренбургский корпус по количественному составу? В 1839 г. в корпусе пехота составляла 9553

12 Лукирский А. Н. «Русские» полки в восприятии кавказских войск // Историк. Историк. История: Сборник научных работ. Вып. 2. СПб., 2002. С. 386.

13 Рахимов Р. Н. Относился ли к войску 1-й Оренбургский казачий полк в 1835–1841 г.? // Всероссийская научно-практическая конференция. Казачество в прошлом и настоящем. 260-летию Оренбургского казачьего войска посвящается. Оренбург, 2007. С. 43–47.

14 ПСЗ-2. Т. 16. № 15071.

15 Кобзов В. С. Обмундирование оренбургских казаков в XVIII — начале XX вв. // Охотник. Альманах военной истории. Челябинск, 1997. № 2. С. 10.

16 РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3861. Л. 1–3.

17 Там же. Л. 1.

18 ПСЗ-2. Т. 20. № 19356.

чел., артиллерия — 974 чел., конница — 106192 чел. Из них штаб и обер-офицеров, зауряд-чиновников — 2202 чел., нижних чинов — 113369 чел., нестроевых — 1148 чел.¹⁹ Конница состояла из регулярных 1-го Оренбургского казачьего полка (1392 чел.), Оренбургского неперменного казачьего пока (816 чел.) и иррегулярных Ставропольских калмыков (707 чел.), Уральского казачьего войска (3707 чел.), Оренбургского казачьего войска (12195 чел.), башкир (74656 чел.), мишарей (12830 чел.).

В сравнении с Кавказским и Сибирским отдельными корпусами, Оренбургский выделялся наличием большого иррегулярного компонента — четыре войска! Из них два казачьих, два национальных. Практически полное отсутствие артиллерии, небольшой процент пехоты, — все это было ориентировано на активный характер пограничной службы, который сложился на Оренбургской линии с момента ее основания.

Военный опыт и дипломатия

Славно, братцы, пришло время:
мы идем все на Хиву

Песня оренбургских казаков

Практически все советские и российские историки признавали, что среднеазиатское направление не было ведущим во внешней политике России XIX в.²⁰ Никаких планов завоевания Средней Азии вплоть до 1860-х годов не существовало. Однако региональная историография с 50-х годов прошлого века с упорством трудно объяснимым указывает, что «в первой половине XIX в. царское правительство стремилось разрешить в Оренбургском крае ряд серьезных военных, политических и хозяйственных задач: обеспечить безопасность восточных границ империи, создать плацдарм для завоевания Средней Азии»²¹. Тем не менее, основным предназначением Оренбургского корпуса было несение пограничной службы на юго-восточной границе и обеспечение безопасности караванной торговли. Противником были шайки или «сборища» так называемых «хищных степняков», или «хищных киргиз-кайсаков» и прочей степной вольницы, поддерживаемых хивинским ханом. Они совер-

шали набеги на российскую территорию, угоняли скот (в основном у башкир и казаков), грабили караваны, похищали людей с целью продажи их на невольничьих рынках Хивы. Все это приводило к тому, что Оренбургский корпус находился в состоянии войны.

В течение всей первой половины XIX в. среди военных существовали два мнения, или два подхода относительно борьбы с кочевниками и подчинения степи. Сторонники одного считали необходимым строить укрепления в степи и постепенно с их помощью, перемещая границу, подчинять кочевников (В. А. Перовский в начале 1830-х гг., В. А. Обручев). Другой полагал более эффективным осуществление постоянных походов в степь, с целью демонстрации силы и наказания совершивших набег кочевников. Этот подход начал осуществлять с 1820 г. П. К. Эссен, но особенным его сторонником на рубеже 30–40-х гг. XIX в. был В. А. Перовский. Этот подход в свое время заметил Ф. Энгельс: «Перовский организовал прежде всего подвижные колонны против киргизов и вскоре затем стал размещать на их территории казачьи военные посты. Таким путем в течение нескольких лет он подчинил киргизов действительному контролю и власти России»²².

Спорным оставался и вопрос о значении степной конницы: с одной стороны, отмечалось преимущество казаков, с другой стороны, указывалось на то, что степняки больше всего боялись встречи с регулярными частями. Чтобы придать отрядам или экспедициям, высылаемым с линии, те свойства, которых нет у казаков, они считали, что нужна пехота, имеющая на своей стороне преимущества в стойкости, меткости ружейного огня и силе удара в штыки при атаке²³. Поэтому направляемые в степь экспедиции имели как правило смешанный состав, наряду с иррегулярными (казаки, башкиры) в них была артиллерия и пехота.

В течение первой половины XIX в. в степь каждый год направлялись вместе с торговыми караванами дипломатические миссии, а также экспедиции научные. Наиболее крупной была экспедиция Ф. Ф. Берга (1825–1826). Она была предпринята под предлогом нивелировки уровня Каспийского и Аральского морей, но основной целью её было желание наказать хивинцев за подстрекательство туркмен и казахов к похищению русских людей. Отряд состоял из 1200 уральских, 400 оренбургских казаков, 475 пехоты из линейных батальонов и 6 легких казачьих орудий, всего 2310 человек²⁴. Продовольствие, фураж, амуницию разместили на 872 пароконных повозках; лошадей для этого обоза дали 600 уральские, 600 оренбургские казаки и 544 башкиры.

19 Иванин М. Г. Описание зимнего похода в Хиву 1839–1840. Выступление из Оренбурга отряда в ноябре 1839 года. СПб., 1874. С. 57.

20 Киняпина Н. С. Дипломаты и военные. Генерал Д. А. Милютин и присоединение Средней Азии // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 224.

21 Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 63; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX в. Уфа, 2004. С. 312.

22 Энгельс Ф. Продвижение России в Средней Азии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 12. С. 614.

23 Остен-Сакен Д. Библиография // Военный сборник. 1863. № 5. С. 185.

24 Иванин М. Г. Указ. соч. С. 17–18.

В 1832–1834 гг. в степь по восточному берегу Каспийского моря была направлена научная экспедиция Карелина. Почти ежегодно в степь отправлялись партии, преследовавшие сделавших набег казахов, с целью возврата угнанного скота и наказания виновных. Как правило, преследование не имело успеха. На это указывают в своих рапортах коменданты крепостей, имеются и воспоминания очевидцев. Так И. Ф. Бларамберг приводит такой случай: «В погоню за разбойниками была тотчас же отправлена сотня казаков во главе с опытным офицером. Однако догнать их было невозможно, потому что, по киргизскому обычаю, каждый из них уводил с собой под уздцы только одну лошадь для подмены и, естественно, быстро исчезал в степи»²⁵.

Вот редкий пример успешного похода. В 1840 г. казахи Среднего жуза отказались платить кибиточный сбор, среди них начались волнения. Для их пресечения был сформирован конный отряд из двух сотен оренбургских казаков и пяти сотен башкир под начальством войскового старшины Лобова. Отряд выступил в поход 1 мая и по прибытию в ставку султана-правителя Среднего жуза полковника Ю. Муралиева из него выбрана сотня добродетельных и послана в погоню за бежавшими к р. Тоболу казаками. Сотня их настигла, остановила и дождалась прибытия всего отряда. Казахи, принеся повинную, вернулись в степь под конвоем отряда. После наказания виновных султаном-правителем отряд остался в его распоряжении²⁶. Но затем отряд, опасаясь возможного нападения казахов, принял меры предосторожности: днем были расставлены маяки, а ночью часовые из башкир и казаков в две цепи, конными, при полном вооружении. После окончательного водворения спокойствия в степи султан-правитель дал в честь этого пир, где присутствовали аульные старшины, бии, офицеры отряда.

Самыми крупными событиями военной жизни Отдельного Оренбургского корпуса были неудачный поход на Хиву 1839 г. и поход на Ак-Мечеть 1853 г. Военная экспедиция в Хиву под командованием В. А. Перовского в составе 5217 солдат и офицеров при 22 пушках и 4 ракетных станках выступила из Оренбурга в ноябре 1839 г.²⁷ Однако необычайно суровая и снежная зима помешала заранее спланированному походу. Потеряв треть своих солдат, умерших от холода и голода, В. А. Перовский принял решение вернуться в Оренбург. В степи произошел единственный бой с хивинцами, которые напали на отряд поручика Ерофеева, состоявший из 140 человек пехоты, 70 казаков на 230 верблюдах. Он был вы-

слан В. А. Перовским к Акбулакскому укреплению для эвакуации находящихся в нем больных. Не доходя до укрепления, отряд стал на бивак. В это время на него напало около 2–3 тысяч хивинцев, которые попытались захватить укрепление, но были от него отбиты. В результате боя с отрядом нападавшие, несмотря на свое численное преимущество, были с успехом отбиты; в отряде убито 5, ранено 13 человек.

Большинство исследователей рассматривают поход 1839 г. как одну из попыток подготовки завоевания Туркестана, реализацию планов экспансии России на Восток, а также проявление англо-русского соперничества на Востоке. Другие, считают, что основной задачей похода были цели более конкретные: освобождение российских пленных в Хиве, смена хана на более лояльного к России. Признавая приведенные аргументы, нельзя, по нашему мнению, не учитывать и психологический фактор — личность самого В. А. Перовского. В. А. Перовский, участник Отечественной войны 1812 г., раненый в Бородинском сражении, силой обстоятельств, не по своей вине попал в плен во время выхода из Москвы русской армии. Освобождение пришло лишь в 1814 г. За это время его сверстники, пройдя с боями всю Европу, заслужили чины, ордена, обогнав В. А. Перовского. Тяга к военным компаниям, стремление отличиться на военном поприще отличали В. А. Перовского всю его жизнь. Причиной смены тактики медленного продвижения в степь путем строительства крепостей и переноса линии, которой придерживался В. А. Перовский в начале 1830-х г., была на наш взгляд, безуспешная борьба с Кенесары Касимовым, мятежным казахским султаном. Результатом стал зимний поход 1839 г.

Интересно, что на Кавказе в это время также произошла смена тактики ведения боевых действий. Там долгое время использовалась тактика, предложенная А. П. Ермоловым: постепенное освоение территории, сопровождающееся рубкой просек в лесах, строительством укреплений, переселением на контролируемую территорию покорных горских обществ. Ее сменила другая — карательные экспедиции в глубь Чечни и Дагестана с целью решительного разгрома врага. В начале 1840-х гг. русская армия провела ряд экспедиций против Шамиля, но они закончились неудачей, потерей большого числа людей. Особенно тяжелыми были поражения 1842 и осени 1843 г. Вместо анализа этих неудач был разработан план крупной карательной экспедиции на резиденцию Шамиля аул Дарго, осуществить который должен был новый главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом граф М. С. Воронцов. Экспедиция, прозванная солдатами «Сухарной», закончилась взятием Дарго, оставленного Шамилем, и гибелью только за два дня 2 генералов, 44 офицеров, 1275 солдат, потерей 3 пушек, большого количества лошадей и продовольствия. Всего потери оценивались в 4 тысячи убитых и раненых. Поход осложнялся тяжелыми погодными усло-

²⁵ Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М., 1978. С. 225.

²⁶ Государственный архив Оренбургской области (Оренбург. Далее: ГАОО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.

²⁷ Косырев Е. М. Поход в Хиву в 1839 году. (Из записок участника) // Исторический вестник. 1898. № 8. С. 540.

виями (резкое похолодание). «Сухарная экспедиция» по затраченным силам и огромным потерям, имевшая в то же время ничтожный успех, стала настоящим шоком для ее участников. После нее правительство вновь вернулось к тактике медленного продвижения вглубь территории путем вырубки просек и строительства укреплений.

В целом Хивинский поход 1839 г. и «Сухарную экспедицию» 1845 г. можно считать закономерными в процессе вялотекущей приграничной войны, которую вели Оренбургский и Кавказский корпуса. Высшее руководство, мало сообразуясь с местными особенностями, а также климатическими и иными условиями, пыталось одним ударом разрубить «гордиев узел» воюющей границы. И в том, и в другом случае, слабо вооруженный и менее организованный противник либо природный фактор одерживали верх над попытками радикального решения проблемы. Ужасным было то, что неудача Хивинского похода 1839 г. не остановила военное руководство от повторения одной и той же ошибки. В очередной раз наступив на грабли неверной тактики, оно рассчиталось на Кавказе жизнями людей²⁸.

Несмотря на неудачу Хивинской экспедиции, в Оренбургском корпусе продолжалась подготовка к будущему походу. С октября 1841 г. по просьбе В. А. Перовского офицеры были включены в число командиремых для приобретения боевого опыта в Отдельный Кавказский корпус²⁹.

Второй поход Перовского на Ак-Мечеть был успешным. В конце мая 1853 г. он выступил с Оренбургской линии с 5000 человек и 36 орудиями и 20 июня осадил сильно укрепленную крепость. 27 июня Перовский штурмовал Ак-Мечеть и овладел ею к вечеру 1 июля, на пятый день боя. Ак-Мечеть была переименована в форт Перовский, ставший краеугольным камнем новоучрежденной Сыр-Дарьинской линии. Линия эта явилась как бы авангардом Оренбургской линии и связалась с этой последней кордоном укреплений от Аральского моря до нижнего течения Урала (защищавшим степь от туркмен).

Части корпуса приняли участие в походах русской армии николаевского времени. В Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. участвовали 4-й Уральский, 8-й и 9-й оренбургский казачьи полки. 8-й был сводным, т. е. состоял наполовину из башкир и оренбургских казаков. В Русско-польской войне 1830–1831 гг. участвовали 4-й Уральский, 8-й, 11-й (сводный) оренбургские казачьи, 2-й Теп-

ярский регулярный конный, 3-й — 7-й Башкирские конные полки. В Венгерский поход 1849 г. направлены два полка уральских казаков, не участвовавшие в боевых действиях. В Крымской войне 1853–1856 гг. участвовали два уральских казачьих полка, воевавшие в Крыму, и 1-й и 3-й Башкирский конные полки в составе Балтийского корпуса, оборонявшие Эстляндию и Лифляндию.

Оценки

Существуют разные оценки уровня военной подготовки Оренбургского корпуса. Они неоднозначны. Но в целом, большинство современников дают достаточно положительные оценки.

На наш взгляд, объективную оценку разным родам войск корпуса непосредственно перед Хивинским походом 1839 г. приводит М. И. Иванин. Так,

«регулярный 1-й Оренбургский полк, по новости сформирования своего и по недостатку офицеров, был не вполне удовлетворителен и для предстоящего похода мало полезен, по неспособности вообще регулярной конницы к степным и особенно зимним походам»³⁰. Высокую оценку у него получают уральские казаки, они «хотя не составляют регулярной конницы, но по знанию степи и степных походов, привычке к трудам и непогодам и постоянному отражению хищнических набегов при охранении своих пределов, могут считаться хорошими воинами для степных походов и необходимым конным войском для экспедиции в Хиву»³¹.

Пехоту он характеризует как не готовую к дальним походам:

«не только давно не участвовала в делах против неприятеля, но даже не делала никаких походов. Солдаты, с поступления на службу мало занимаясь ученьями, редко ходя в караулы, не собираясь в лагери, и только изредка препровождая арестантов, отстали по фронту от прочих войск; притом, постоянно находясь в одних и тех же полинейных станицах, многие из нижних чинов построили свои дома, занялись земледелием и торговлею. К тому же, кроме недостатка боевых, опытных и сведущих офицеров, и самый состав батальонов мало благоприятствовал успехам воинского образования и внушению военного духа. В апреле 1839 г. в 7 Оренбургских линейных батальонах считалось: рекрут русских 582, польских 549, поляков прежнего поступления 1578, сосланных и наказанных 1694. Следовательно почти 2/3 линейной пехоты была не надежна, и требовала самого строгого выбора людей для предприняемого похода»³².

28 Рахимов Р. Н. Хивинский поход 1839 г. и «Сухарная экспедиция» 1845 г. на Кавказе: две неудачные попытки решения одной проблемы // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: История народов, государств и международных связей на евразийском пространстве сквозь тысячелетия. Уфа, 2002. С. 142–145.

29 РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3837. Л. 1–2 об.

30 Иванин М. Г. Указ. соч. С. 58.

31 Там же.

32 Там же. С. 59.

«Артиллерийские: конно-казацья и 14 гарнизонная бригады имели общий недостаток оренбургских войск: недостаток опытности и хороших офицеров. Что же касается до Башкирского, Мещеряцкого и Калмыцкого войск, то они, по недостатку в обучении и невоинственности, мало годились для похода»³³.

Со временем боевое мастерство пехоты росло. Так, в бою 18 декабря 1853 г. гарнизон Перовска героически отразил в двенадцать раз превосходившие силы кокандцев, пытавшихся вернуть Ак-Мечеть. Гарнизон под начальством подполковника Огарева состоял из 1055 человек при 19 орудиях против 12000 нападавших. Совершив вылазку, Огарев и капитан Шкуп опрокинули противника, уничтожив до 2000 человек, взяв 11 знамен и все 17 орудий противника и потеряв при этом 62 человека.

Уровень возросшей боевой подготовленности войск корпуса проявился впоследствии, в 1860-е годы, когда оренбургские власти силами одних только оренбургских линейных батальонов и казаков смогли осуществить завоевание Средней Азии, не привлекая для этого войск из европейской части России.

Важную роль в жизни войск корпуса играли смотры, и в первую очередь императорские. Их было два — в 1824 и в 1837 г. В 1824 г. Оренбургскую губернию посетил путешествовавший по России император Александр I. Выехав из Самары 9 сентября, император прибыл через день в Оренбург. 14 сентября он произвел смотр войскам на поле между Оренбургом и Бердской слободой. Войска для смотра были расположены в три линии: пехота, кавалерия, артиллерия. Участник путешествия лейб-хирург Д. К. Тарасов оставил свои воспоминания об этом событии.

«Император делал смотр войскам Оренбургского корпуса. Пехотой остался вполне доволен, и значительное число рядовых назначил в гвардию, по их росту и благовидности. Но смотр иррегулярных войск был чрезвычайно любопытен. Этими войсками командовал полковник Тимашев. Все это войско было собрано в степи близ Оренбурга и расположено отрядами на обширном пространстве в некотором порядке. Государь с Эссеном и полковником Тимашевым объехал сначала все эти разнообразные отряды степных войск, потом, остановясь на возвышенном месте, приказал Тимашеву скомандовать, чтоб они прошли церемониальным маршем мимо его величества.

Едва полковник Тимашев успел произнести командование, как все группы этих разнородных войск, на степных конях своих, пустились во весь карьер, без всякого порядка, в разные стороны, с дикими пронзительными криками, так что сначала казалось это его величеству забавным, а потом эти крики усилились до того,

что Тимашев никак не мог их остановить, и государь, подозвав Тимашева, приказал остановить эти неистовые эволюции, и заметил притом, что если они не слушают команды, то такие быстрые и беспорядочные движения легко могут произвести опасные последствия. Полковник Тимашев уверил его величество, что их остановить никак нельзя и что они сами скоро успокоятся. Такие неистовые их движения, по уверению Тимашева, означают свойственный им восторг при виде особы его императорского величества»³⁴.

В 1837 г. наследник цесаревич Александр Николаевич (будущий император Александр II), выполняя желание своего отца, императора Николая I, предпринял поездку по Европейской России и Сибири.

Маршрут путешествия предполагал посещение Оренбурга и Уральска с целью ознакомления с бытом и жизнью оренбургских и уральских казаков, так как наследник являлся Наказным Атаманом всех казачьих войск России. В Оренбург цесаревич прибыл 12 июня. Его встречала большая масса народа и почетный караул от 2-го линейного Оренбургского батальона³⁵. Наследник посетил богадельню, арсенал, казармы, острог, Неплюевское училище, госпиталь, дачу Перовского с садом и рощу за рекою Урал. На следующий день, после обеда, за городом был проведен смотр войск. На плацу между Оренбургом и Бердской слободой были расположены в три линии войска. Пехота, которую составляли 2-й и 3-й линейные оренбургские батальоны. Кавалерия, состоявшая из 1-го Оренбургского казачьего, Сводного Оренбургского казачьего полков, четырех сотен Башкиро-Мещеряцкого войска, одной сотни башкир в национальных костюмах и в панцирях. Артиллерия была представлена 8-й и 9-й конно-артиллерийскими батареями Оренбургского казачьего войска.

Пехота проходила три раза повзводно, подивизионно и в сомкнутой колонне. Потом наступила очередь кавалерии, которая также проходила повзводно шагом, полускадронно рысью, в колонне рысью и поэскадронно марш-марш, «и точно весьма хорошо, принимая в соображение, что степные лошади. Все вообще чисто и единообразно одеты и точно можно сказать, весело было смотреть»³⁶.

После парада было проведено учение сотням Башкиро-мещеряцкого войска и конно-артиллерийским батареям. 14 июня цесаревич был на разводе и учении 2-го линейного Оренбургского батальона, посетил Илецк, где наблюдал добычу соли и провел смотр расквартированной в нем роте линейного оренбургского батальона.

34 Тарасов Д. К. Воспоминания моей жизни, записки почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова, 1792–1866 // Русская старина. 1872. Т. 5. С. 358–359.

35 Юдин П. Цесаревич Александр Николаевич в Оренбургском крае в 1837 году // Исторический вестник. 1891. № 10. С. 175.

36 Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 68.

33 Там же. С. 61.

Военные смотры демонстрировали жителям самой линии и приглашенным казахским султанам мощь Оренбургского корпуса. Они имели свой устоявшийся набор элементов, включая присутствие всех родов войск, вплоть до артиллерии, различные эволюции. Культурологический аспект этих мероприятий копировал традиции военно-парадного дискурса российской столицы. Вахт-парады времен Павла I, смотры и парады на Марсовом поле и Дворцовой площади эпохи Александра I, и Николая I были успешно реализованы в степи в окрестностях Оренбурга и Бердской слободы. Ценность большой массы войск, правильно марширующей и одновременно стреляющей, была намного выше, нежели высота крепостных стен и массивность фортификационных укреплений. А внешняя роль парадов в «эффектном» воздействии признавалась, по представлениям администрации, более важной для степняков, нежели наличие мощных крепостных укреплений.

Линия

«Где же крепость?» — спросил я с удивлением. «Да вот она», — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали.

А. С. Пушкин
«Капитанская дочка»

Оренбургская линия все время своего существования была местом международной торговли России со странами Востока, местом, где осуществлялись дипломатические сношения, реализовывалась российская политика в степи. Линия служила фактической границей России на юго-востоке, обеспечивала безопасность от набегов кочевников на российские владения. На линии происходили выборы ханов Малой орды, к ней они приезжали для встреч с оренбургскими военными губернаторами, на которых обсуждались проблемы взаимоотношений России и казахов. Самым, наверное, парадоксальным феноменом следует признать вслед за Т. И. Султановым то, что линия в тоже время разделяла две территории: Башкирии и Младшего Казахского жуза, являвшихся одновременно территориями Российской империи, и два народа: башкирский и казахский, которые также являлись подданными России³⁷. Такое разделение является парадоксальным лишь на первый взгляд. На самом деле пограничная линия разделяла Башкирию, уже интегрированную

37 Султанов Т. И. Россия и Казахстан: история и проблемы взаимодействия (XVI — начало XX века) // Россия, Запад и мусульманский Восток в колониальную эпоху. СПб., 1996. С. 23.

в институты российского государства, и Казахскую степь, процесс интеграции которой лишь начинался с 20-х гг. XIX в.

Интеграция казахов в состав Российской империи проходила двумя путями. С одной стороны, правительство настойчиво внедряло и закрепляло в жизнь казахского общества институты российской государственности: суд, налоговое обложение, нормы местного самоуправления. Строительство степных укреплений имело своей целью и защиту мирных жителей степи от набегов казахов, политически ориентированных на Кокандское ханство или Хиву, а также поддержание безопасности караванной торговли, приносящей пользу для всех. С другой стороны, внешняя, формальная часть военного дискурса пограничной линии оказывала немалое влияние на формирование у казахов образа России как сильного в военном отношении государства.

Линия протяженностью 1750 верст делилась на пять дистанций: первая, в которую входили крепости и редуты от Звериноголовской крепости до Верхнеуральска, вторая — от Верхнеуральска до Орской крепости, третья — от Орской крепости до Оренбурга, четвертая — от Оренбурга до Уральска и пятая — от Уральска до Гурьева. Между крепостями находились редуты, впереди линии стояли форпосты. Большинство крепостей на линии представляло незначительные деревушки, с двумя-тремя десятками небольших домиков, с окнами почти всегда во двор, и только одно окно и крыльцо выходило на улицу, чтобы видеть, что делается на улице во время нападения. В самом центре крепости была небольшая площадь, на которой находились церковь, квартиры коменданта и офицеров, канцелярия, провиантский склад, гауптвахта. Вся эта группа построек была огорожена земляным валом и рвом или частоколом. Некоторые крепости огораживались двойным плетнем, засыпанным землей. С течением времени валы и плетни разрушались, и укрепления заменялись «рогатками» в виде простой изгороди.

Вокруг крепости, на расстоянии одного или двух аршин, вкапывались в землю вертикально толстые столбы, называемые «надолбами». Эти надолбы и служили основой для крепостного укрепления. В них вкладывались наклонные балки в виде косої крестьянской изгороди. Около каждых крепостных ворот стояла медная или чугунная пушка, будки для караула³⁸.

Форпост представлял собой земляную или деревянную казарму, окруженную земляным валом и рвом. Рядом с казармой выкапывалось углубление небольшого размера, служившее пороховым погребом и складом провианта. Здесь же устраивались навесы для лошадей и маяк: на высоких четырех сходящихся кверху столбах устанавливалась крытая площадка, на которой все время находился

38 Кривошеков А. На Оренбургской пограничной линии. Очерки прошлого // Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 1. С. 3–5.

сторожевой. Рядом с вышкой находился столб с прикрепленным на подвижной жерди снопом соломы, которую жгли в случае тревоги. Тревоги происходили довольно часто. Сохранились воспоминания казака-жителя одной из крепостей:

«Не каждая ночь проходила и спокойно. Иногда только разоспиться, как около полночи ударят в пушку, зарокочут барабаны тревогу, а там с церковной колокольни несет набат. Тут уж, как уго-релье, все выскакивают из домов, хоть и полуодетые, но в полном вооружении; ведь не знаешь, что случилось: может, шайка киргиз прошла в стороне, а может, они устроили набег на крепость. Кто их знает! Поэтому оружие и ночью всегда лежало рядом. Как ударят тревогу, схватываешь его и бежишь или к рогаткам и валу, или на площадь к главной обвахе. Делалось все страшно быстро: через полчаса после выстрела весь гарнизон был уже под ружьем на своих местах. А жутко было, как ударят тревогу в темную осеннюю ночь, когда и в 3-х шагах ничего не видно; а тут шум, гвалт, рокочут барабаны, гудит набат, а иногда и стрельба идет; дальше по всей линии то там, то тут горят сигнальные огни на маяках, точно зловещие красно-багровые зарева. А осенью-то набеги, как нарочно, были почти каждую ночь; солдатам было все же лучше, вот казакам приходилось тяжеленько: чуть тревога, они уж гонят на тот пикет, где впервые загорел сигнальный огонь. Бывало, целый месяц, а то и два продолжалась такая беспокойная жизнь, и лошади ни на минуту не расседлывались, так заседланными и кормились, а иногда и кормить-то, пожалуй, не приводилось: едва вернуться из погони, а тут — новый набег, опять тревога, и казаки снова бегут в погоню»³⁹.

Анализ состояния Оренбургской пограничной линии в первой половине XIX в. показывает, что она в это время не представляла серьезного военного значения. Реальную картину положения дел на ней показывает «Записка», составленная в 1831 г. из рапортов комендантов крепостей для оренбургского военного губернатора П. П. Сухте-лена. В ней указаны недостатки, обнаруженные в крепостях, и даны предложения по приведению их в оборонительное состояние. Так, у крепости Красногорской имелись осыпавшиеся в некоторых местах укрепления; для Верхнеозерной, Ильинской, Таналыцкой, предлагалось «на первый случай сделать надолбы»; у Орской отсутствовал вал, ее предлагалось также обнести надолбами; Карагайскую обнести земляной насыпью; Каракульскую и Крутоярскую обнести плетневою стеною в два ряда с насыпкой земли и обкладкой дерном; у Усть-Уйской возобновить прежний ров и обнести надолбами и т. д.⁴⁰

39 Кривошеков А. Указ. соч. 1914. № 2. С. 63. «Обвахтой» казаки называли гауптвахту.

40 Российский государственный архив литературы и искусства (Москва. Далее: РГАЛИ). Ф. 341. Оп. 1. Д. 959. Л. 1–5 об.

Большинство крепостей в это время как оборонительные сооружения существовали лишь на бумаге.

Несмотря на указанные недостатки в фортификации существующих укреплений, по решению В. А. Перовского в 1835–1845 гг. граница частично продвинулась на юг, где была создана Новая Оренбургская пограничная линия, с укреплениями Наследницкое, Михайловское, Константиновское и Николаевское.

В 1845–1849 гг. уже по инициативе В. А. Обручева в степи были построены новые укрепления Уральское, Раим (Аральское) и Оренбургское. Они способствовали выходу на новый рубеж, по реке Сыр-Дарья, где после взятия нескольких кокандских крепостей была создана Сыр-Дарьинская линия, позволившая перенести всю российскую юго-восточную границу далеко на юг.

Военная служба во вновь построенных степных укреплениях была тяжелой. Жара летом, снежные бураны зимой, некачественная вода и т. д. приводили к значительной смертности в их гарнизонах. Известен случай, когда В. А. Перовский, ознакомившись с месячными строевыми рапортами коменданта крепости Св. Николая, заметил что в ее гарнизоне умирает множество людей, и предписал ему донести о причинах смертности, и если она происходит «от дурного сперттого воздуха в казематах, или от влияния климата» сообщить свои соображения о мерах ее пресечения. На предписание он получил от коменданта следующий ответ: «Господину Оренбургскому и Самарскому генерал-губернатору. Коменданта крепости Св. Николая подполковника Худякова рапорт. В командуемой мной крепости Св. Николая воздуха и климата не имеется; есть один палящий зной, от которого люди заболевают, но тотчас же мною отправляются в госпиталь, где и умирают на законном основании. Подполковник Худяков»⁴¹.

А. О. Пальчевский бывший врач Оренбургского укрепления (воздвигнутого в 1845 г.) так описал место своей службы:

«Расположено на возвышенном месте, обнесено дерновым валом, имеющим фигуру четырехугольника. Внутри крепости, по углам возвышаются четыре барбета, на которых стоят орудия. Посредине крепости на небольшой площади стоит церковь, а по бокам тянутся квартиры офицеров, лазарет и казармы. На юго-западе находятся одни проходные ворота; кругом укрепления разбросаны мазанки поселенцев (слободка). Здания расположены сжато и сделаны из сырого солонцовато-глинистого грунта, выштукатурены снаружи и внутри смесью лошадиного навоза, желтой глины и выбелены белой глиной. Крыши и т. д. деревянные. Вообще вид укрепления чрезвычайно мрачен. Окрестности — равнина, рядом в 1,5 версты река Тургай.

Жизнь офицеров в укреплении далеко не весела и не разнообразна; все общество состоит из пяти офицеров, и на всех этих

41 Курьезные рапорты // Русская старина. 1870. № 2. С. 599.

лицах выражена какая-то апатия. Библиотека состоит из старых журналов: „Русского инвалида“, да «Солдатской беседы» за прошлые годы; новых никто положительно не выписывает. Вообще можно сказать, что общественная жизнь здесь в чрезвычайном застое, и занятия офицеров состоят только в служебных обязанностях, да в домашней беседе.

Нижние чины, составляющие гарнизон Оренбургского укрепления в числе 135 человек Оренбургского казачьего войска подвижного резерва, 78 человек пешего казачьего батальона и 62 человек разных команд и званий, кроме служебных обязанностей — караулов и учений, исполняют инженерные работы по укреплению. Для помещения гарнизона имеются казармы. Для очищения воздуха в казармах устроены вентиляции. Спят нижние чины на нарах, устройство которых правильно. Пищей пользуются они из общего котла, которая состоит из хороших щей с мясом и каши, для питья всегда готовится квас, в постные дни рыба. Увеселений никаких, большинство занимается добровольно и охотно грамотностию, другие ремеслом, в досужие дни поют, или рассуждают о своих семейных бытах»⁴². В какой-то степени его описание подтверждает с известной долей желчи Т. Г. Шевченко, служивший в 1857 г. солдатом в Новопетровском укреплении⁴³.

Такая же ситуация сохранялась и впоследствии. Н. Сорокин, путешествовавший по степи в 1879 г., оставил описание одного из укреплений: «Несколько домиков, да длинных казенных строевых лепится кругом большой пустыри. Вот вам и Ак-Тюбе. Справа и слева возвышаются редуты с часовыми и пушками, окопанные рвами; но чрез ров этот перепрыгнет не только лошадь, но даже ребенок»⁴⁴.

Плачевное положение с крепостными сооружениями в степи предполагало, что основная нагрузка по обороне пограничной линии ложится на войска Оренбургского корпуса. Несмотря на слабые в военном отношении иррегулярные войска, других в крае не было, поэтому в 1821 г. на линии несло службу казаков — 2417, башкир и мишарей — 10422 чел.; в 1823 г. казаков и калмыков — 2752, башкир и мишарей — 3776 чел.⁴⁵ В 1833 г. на летней службе было оренбургских казаков — 1760, уральских — 2594, калмык — 267, башкир и мишарей — 7361 чел. В резерве находились: Оренбургский казачий полк — 673 чел., 1-й и 2-й тептярские полки — 1294 чел., и конная артиллерия — 416 чел.⁴⁶

42 Пальчевский А. О. Оренбургское укрепление // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1866 и 67 гг. Уфа, 1868. С. 111–113.

43 Шевченко Т. Г. Дневник // Собрание сочинений в 4 томах. Т. IV. С. 8–17.

44 Сорокин Н. Очерки из путешествия по Средней Азии // Известия и ученые записки императорского Казанского университета. 1882. № 1–2. С. 7.

45 РГВИА. Ф. 37. Оп. 1 / 191. Св. 29. Д. 348. Л. 2–13.; Св. 36. Д. 408. Л. 2–13.

46 ГАОО. Ф. 6. Оп. 5. Д. 11082. Л. 23–24.

Проекты реформирования иррегулярных войск корпуса начали разрабатываться и предлагаться с момента его создания. Вопросы реформирования казачьих и национальных войск получили некоторое освещение в исторической литературе, причем более подробно освещены планы преобразования Оренбургского казачьего войска⁴⁷. Непосредственно проекты реформ Башкиро-мещерякского войска впервые рассмотрел С. Н. Нигматуллин⁴⁸. Однако в его статье анализу подверглись реформы 1820–30-х гг., в некоторых случаях им давались неверная оценка. Так, проект П. К. Эссена, по его мнению, уменьшал роль войска, а предложения П. П. Сухтелена усиливали ее, что было как раз наоборот. Хронология реформ расширена с 1820-х до 1840-х гг. в работах А. З. Асфандиярова⁴⁹. В них освещены планы В. А. Перовского, В. А. Обручева. В контексте проектов преобразования сословия тептярей и бобылей, реформ 1820-х гг. коснулся и Б. С. Давлетбаев⁵⁰. Проекты реформ Башкиро-мещерякского войска рассмотрел Р. Н. Рахимов⁵¹.

Первый проект реформ был предложен Оренбургским военным губернатором и первым командиром корпуса П. К. Эссеном. В 1818 г. П. К. Эссен сразу после назначения на должность отправил императору предложение о сформировании казачьих полков из башкир и мишарей. Предложение было принято, более того, Александр I предложил башкир Пермской, Вятской и Саратовской губернии перевести в разряд государственных крестьян, что было отклонено П. К. Эссеном⁵². Окончательный вариант был представлен в 1820 г.

47 Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891; Чернов И. В. Записки генерал-майора И. В. Чернова. Оренбург, 1907; Столетие военного министерства. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1902; Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 2. Ч. 2. М., 1902; Кобзов В. С. Указ. соч.; Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.

48 Нигматуллин С. Н. О политике царизма по переводу башкир и мишарей из военного сословия в податное в 20-х и 30-х годах XIX века // Из истории Башкирской АССР. Уфа, 1959.

49 Асфандияров А. З. Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа, 1996.

50 Давлетбаев Б. С. К эволюции социально-политического положения тептярей в первой половине XIX в. // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984.

51 Рахимов Р. Н. Проекты реформ Башкиро-мещерякского войска. Первая половина XIX века // Victoria. Gloria. Fama. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч. III. СПб., 2003. С. 77–81.

52 Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (Уфа. Далее: ЦГИА РБ). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 7 об.

По нему предполагалось ввести в войске должность войскового атамана, подчиняющегося оренбургскому военному губернатору, создать Войсковую канцелярию, подчиненную губернскому правлению. Войско должно было содержать и комплектовать 18 пятисотенных полков (15 башкирских и 3 мишарских). В случае же войны, оно составляло большее количество полков, то есть «служило поголовно». За войском оставались все земские повинности. Срок службы определялся в 10–15 лет. Командиры в полках должны были назначаться из регулярной кавалерии и казаков, но в случае открывшихся вакансий их могли заменять чиновники из войска, сдавшие экзамен. Служба полков предполагалась на линии Сибирской и в Казанской губернии⁵³. Проект П. К. Эссена вызвал бурю возмущения в крае. Башкиры направили жалобы царю, в которых заявляли о своем несогласии с проектом. Они писали, что «не в состоянии содержать те полки и канцелярию»⁵⁴. Несмотря на протесты, П. К. Эссен был намерен осуществить свой план. Однако Министерство внутренних дел, опасаясь возмущения и беспокойств, предложило воздержаться от его реализации. И. В. Чернов отмечал, что реформа не осуществилась «как по политическим, так и по экономическим причинам. Экономические причины были неимение в казне денег, а политические — возможность в народе бунта, если обложить народ особым сбором»⁵⁵. Если башкир и мишарей Эссен хотел перевести в разряд казаков, то тептярские полки он предложил сделать регулярными путем увеличения денежного сбора с тептярей, и уравнивания тептярских полковых чиновников с армейскими чинами. В полку предполагалось иметь пять сотен (в каждой — по 100 конных и 10 пеших казаков), срок службы оставить пятнадцатилетним, также принимать офицерами в полки отставных военных. Зауряд-чиновников он предлагал достойных произвести в офицеры, остальных сместить в пятидесятники. В пятидесятники также принимать дворян, назвав их юнкерами до выслуги офицерского чина. По сути, его предложение превращало тептярские полки в обыкновенные кавалерийские полки русской армии, отличающиеся лишь комплектованием и сроком службы нижних чинов. Тем не менее, опасение Комитета Министров, что это может привести к возникновению «между тептярями и бобылями нового дворянства», привело к тому, что последняя часть предложений губернатора не была принята⁵⁶.

Проблема преобразования войска, тем не менее, стояла остро, так как события наполеоновских войн ясно показали невозмож-

ность войны луком и стрелами против современных европейских армий. Архаичное вооружение, такая же организация настоятельно требовали приведения войска в современное состояние, либо его упразднения. Одновременно было необходимо удешевить содержание армии. Все это привело, с одной стороны, к созданию целой системы военных поселений, а с другой, к реформированию казачьих войск. В 1832 г. было принято «Положение о Донском казачьем войске», ставшее основой для принятия таких же положений в других казачьих войсках.

В 1826 г. неизвестный автор, именующий себя бывшим оренбургским гражданским губернатором (скорее всего Г. В. Нелидов) в докладной записке на имя императора предлагал превратить башкир в военных поселян⁵⁷. Адьютант П. К. Эссена В. Готовцев, сочтя «службу башкир и мещеряков на линии ненадежной», предлагал «отменить ее и положить их в подушный оклад, чтобы истребить в них воинских дух»⁵⁸.

В 1827 г. появился проект начальника Главного штаба графа П. А. Толстого. Он предусматривал создание общих казачьих полков из башкир, мишарей и оренбургских казаков. Полки должны были объединиться в 5 бригад общей численностью 35–40 тысяч человек⁵⁹. Можно считать, что оренбургский казачий полк, направленный на войну с Турцией в 1828 г., состоявший из башкир и оренбургских казаков, был попыткой осуществить данный проект. Но объединение не должно было слить два войска. Оно касалось лишь военной службы, а внутренне устройство у башкир и казаков оставалось раздельное.

Сменивший П. К. Эссена граф П. П. Сухтелен отказался от идей своего предшественника. По его мнению, башкиры и мишари были неспособны к военной службе, поэтому он предложил собственный проект: в течение 5 лет «пять мещеряцких и восемь с половиной башкирских кантонов обратить в казенных поселян, дабы избавиться на будущее время от услуг башкир для охранения пограничной линии, принять меры к усилению состава Оренбургского казачьего войска, до устройства этого войска остальные три с половиной башкирских кантона, расположенные ближе к линии, предназначить для несения кордонной службы»⁶⁰. Опасаясь волнений башкир, П. П. Сухтелен, предлагал разместить в крае воинские подразделения и откомандировать на дальнюю службу до 4 башкирских полков, в которые направить старшин и чиновников, известных своим влиянием и беспокойным характером.

53 ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1151. Л. 17 об. –18.

54 ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2257. Л. 138 об.

55 Чернов И. В. Указ. соч. С. 42.

56 ПСЗ. Т. 36. № 29902; Давлетбаев Б. С. Указ. соч. С. 346–347. Он считает, что полки были оставлены в прежнем состоянии, однако принятие нового штаба полков показывает, что предложение Эссена было в целом осуществлено.

57 РГВИА. Ф. 410. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–1 об.

58 Ден В. Э. Указ. соч. С. 285.

59 Стариков Ф. М. Указ. соч. С. 98–99.

60 ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 10077. Л. 8–9 об.

Оба проекта, П. К. Эссена и П. П. Сухтелена, по высочайшему повелению были переданы в особый комитет, учрежденный под председательством князя В. П. Кочубея. Комитет объединил их, несмотря на явную противоположность, и в конечном итоге определил: «Назначить для управления башкирским войском генерала и учредить при нем канцелярию; три с половиной кантона, находящиеся ближе к кордонной линии, оставить в виде войска; из мещеряжских кантонов составить один регулярный полк или военно-рабочий батальон; прочих башкирцев ... отчислить из военного ведомства и обратить в податное состояние, для поступления в удельное ведомство»⁶¹. 17 марта 1832 г. данное положение было утверждено Николаем I, но не было приведено в исполнение, так как начиналось строительство Новой Оренбургской линии, и к тому же в 1833 г. неожиданно умер П. П. Сухтелен.

Назначенный оренбургским военным губернатором В. А. Перовский, не отменяя проекта перевода башкир в податное состояние, временно оставил их в военном сословии. Более того, по его инициативе в 1834 г. была создана Войсковая канцелярия, введена должность Командующего войском, а в судебном отношении войско перешло из гражданского ведомства в военное. Проект был утвержден императором, но затем 20 марта 1842 г. последовала резолюция: «Дело сие оставить впредь до времени, без дальнейшего движения»⁶².

Сменивший В. А. Перовского В. А. Обручев в 1846 г. предложил северных башкир перевести в разряд государственных крестьян, а южных причислить к Оренбургскому казачьему войску, так же как в 1842 г. к нему были причислены ставропольские калмыки. Такое объединение он считал удобным для управления, но местное управление должно было остаться раздельным⁶³. Таким образом, В. А. Обручев вернул к жизни идею графа П. А. Толстого. Данный план также не был принят к исполнению.

Последний проект реорганизации войска был предложен его командующим Н. П. Беклемишевым в 1850 г. Он предложил иметь в войске Наказного атамана, подчиненного командиру Отдельного Оренбургского корпуса, создать при нем Войсковое дежурство, Атаманскую канцелярию⁶⁴. Несмотря на то, что данный проект вызвал негативную оценку В. А. Обручева, он также предполагал преобразование службы башкир по примеру других казачьих войск. План Н. П. Беклемишева не был реализован, а военный министр предписал прекратить делопроизводство по изданию нового положения о башкирском войске.

61 Там же. Л. 9 об. – 10.

62 Там же. Л. 11.

63 Там же. Л. 12, 13 об.

64 Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (Москва). Далее: ОПИ ГИМ). Ф. 199. Д. 8. Л. 45–74 об.

Одновременно с 1841 г. по устному поручению Николая I часть войска была освобождена от воинской службы, а взамен нее платила денежный сбор. Несколько кантонов, распложенных у границы, осуществляли кордонную стражу. Число кантонов, освобожденных от службы, с каждым годом увеличивалось, причем никаких ожидаемых в крае волнений не было. В 1855 г. к войску были присоединены тептяри и бобыли, составлявшие особое сословие, и оно получило название «Башкирское войско»⁶⁵. В 1857 г. вновь возобладала идея военной надобности башкир, даже предполагалось сформировать на внешнюю службу два башкирских полка⁶⁶. В 1860-е гг. службу на линии несли 9 служащих кантонов, в основном в виде рабочих команд, участвуя в сооружении степных укреплений⁶⁷. Остальные кантоны платили денежный сбор. В стране начались реформы, затронувшие армию, в том числе и иррегулярные войска. Одновременно юго-восточная граница выдвинулась далеко на юг к реке Сыр-Дарья. Пограничную линию на ней содержали регулярные войска и казаки. По инициативе оренбургского генерал-губернатора А. П. Безака, понимавшего полную абсурдность существования средневекового войска, начался процесс его упразднения. 14 мая 1863 г. было принято «Положение о башкирах», которое переводило башкир из военного состояния в податное, а в 1865 г. войско было упразднено⁶⁸.

Итак, в течение 30 лет было предложено 10 проектов преобразования Башкиро-мещеряжского войска. Все их можно разделить на две группы: к первой относятся проекты, предлагавшие создать войско, идентичное казачьему (П. К. Эссен, П. А. Толстой, Н. П. Беклемишев, В. А. Обручев), вторую составляют проекты, предусматривающие деление его на две части, меньшая из которых оставалась в военном состоянии, а большая передавалась гражданскому ведомству (П. П. Сухтелен, В. П. Кочубей, В. А. Перовский). Но все эти проекты не могли быть осуществлены по причине того, что в военном отношении войско с начала XIX в. оказалось неспособным интегрироваться, как другие казачьи войска, в армейскую структуру. Сказывалось отсутствие подготовленных кадров, вооружение и тактика прошлого времени. Местные особенности, кантонная система, довершали его обособленность. Каковы были причины, тормозившие либо делавшие невозможным проведение реформ Башкиро-мещеряжского войска? На наш взгляд, такой причиной являлось вотчинное право на землю, сохранившееся у башкир с момента добровольного вхождения Башкирии в состав России и ставившее их в особое положение среди других иррегулярных войск.

65 ПСЗ-2. Т. 30. № 29060.

66 ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 9614. Л. 1.

67 Бларамберг И. Ф. Указ. соч. С. 271–280.

68 ПСЗ-2. Т. 40. № 42282.

Реформирование остальных иррегулярных войск, за исключением отмены наемки у уральских казаков, было проведено вполне успешно («Положение» для оренбургских казаков 1840 г., которое всецело опиралось на «Положение о Донском казачьем войске»; реорганизация тептярских полков, а затем их упразднение; упразднение Ставропольского калмыцкого войска). Сила традиции, сохранившаяся лишь у уральских казаков и башкир, кстати, самых древних компонентах военной силы на юго-востоке России, в определенной степени не давала возможности оптимизировать их военную организацию.

Из регулярных частей оренбургские линейные батальоны были преобразованы впоследствии в туркестанские, развернутые в дальнейшем в туркестанские стрелковые полки.

А. В. КУХАРУК

РЕФОРМИРОВАНИЕ АРМИИ
ПРАВИТЕЛЬСТВОМ НИКОЛАЯ I
В 1830-е ГОДЫ

Время правления Николая I — один из наиболее интересных и важных периодов в истории России. Его можно рассматривать и как целую эпоху¹. Изучение ее продолжает оставаться одним из приоритетных и одновременно проблемных направлений исторической науки как в современной России, так и за ее рубежами. Однако, несмотря даже на исследования последних лет, николаевская эпоха во многом остается «землей неизвестной» не только для общественности, но и для профессиональных историков².

Вероятно, это связано и с тем, что как ни парадоксально, но оценки данного периода характеризуются определенным единообразием, преимущественно в обобщающих трудах. Характер и причины прочности такой тенденции блестяще охарактеризованы в недавней работе М. М. Шевченко³.

Для характеристики упоминаемой традиции, и как штрих для определения ее направленности, позволим небольшую выдержку

1 Гершензон М. О. Эпоха Николая I. М., 1911; Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925; Schieman Tr. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Berlin: 1908–1913. Bd. I–III.; Николаевская эпоха // Император Николай I. М., 2002. С. 31–47.

2 См.: Выскочков Л. В. Император Николай I. Человек и Государь. СПб., 2001. С. 74–135; Филин М. Д. На возвращение великого Государя // Император Николай Первый. М., 2002. С. 5–30.

3 Шевченко М. М. Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация / Труды ГИМ. Вып. 163. М., 2007. С. 281–302.

из высокопрофессионального обобщающего исследования: «О том, как польское восстание 1830–31 гг. ускорило осознание имперской элитой военно-стратегической уязвимости России в условиях крепостного права, см. недавнюю работу: Kagan F. W. *The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army*. New York, 1999. P. 209–241. Каган показывает, что тревога Николая и его ближайших советников за безопасность империи в начале 1830-х гг., по сути дела, предвосхищала смятение, пережитое властью после Крымского поражения (??)»⁴.

В очередной раз общественному сознанию мимоходом предлагается для закрепления мысль о крепости правящей элиты России «задним умом», о вызревании реформ из смятения перед условным «Западом».

Необходимость реформирования как поземельных отношений, так и вооруженных сил, была очевидна для правительств Александра I, а затем и Николая I задолго до ноябрьского восстания в Варшаве и Русско-польской войны 1830–31 гг.⁵ Естественно, что непрерывный цикл войн 1826–1831 гг. внес некоторые коррективы в представление о приоритетности тех или иных преобразований; но сами они имели органический характер, развиваясь в русле, заданном военной наукой с начала 19 в. Проблемы, связанные с реформированием Вооруженных сил, неоднократно рассматривались на заседаниях «Комитета 6 декабря», прорабатывались в Главном штабе под руководством И. И. Дибича⁶.

На основаниях, сформулированных после длительной предварительной работы, 1 мая 1832 года был принят «Проект образования Военного министерства». В нем нашли должное отражение основные принципы военных реформ. При этом сам «Проект» признавался примерным, то есть открытым. Исходя из представленных оснований, начались изменения собственно в отрасли военного управления⁷.

План реформирования военно-сухопутного управления в соответствии с «Проектом» был изложен А. И. Чернышевым в докладной записке Николаю I от 23 июня 1832 года. Сделав краткое обозрение порядка военного управления и наметив пути его реформирования, А. И. Чернышев проводит идею о нецелесообразности сохранения в мирное время разделения военного управления на Главный штаб и Военное министерство. Это разделение, которое соответствовало и в мирное время после установления в 1815 году правил управления на основании «Учреждения для управления Большой

4 Миллер А. И., Долбилов М. Д. От конституционной хартии к режиму Паскевича // *Западные окраины Российской империи*. М., 2006. С. 119.

5 См. Мироненко С. В. *Страницы тайной истории самодержавия*. М., 1990.

6 Сборник Российского исторического общества. Т. 98.

7 ПСЗ II. Т. VII. N 5318. Проект образования Военного министерства; Проект образования Военного министерства. СПб., 1832.

действующей армией». Но вследствие недоработанности «Учреждения», спешно созданного в 1812 году, возникли различные противоречия, в частности, в области разделения прав и ответственности между начальником Главного штаба и военным министром⁸.

По высочайше утвержденному «Положению» 12 декабря 1812 года, повторно подтвержденному в 1815 году, Главный штаб состоял из: начальника штаба, военного министра, генерал-фельдцейхмейстера, генерал-инспектор инженера, генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, генерал-провиантмейстера, генерал-криг-комиссара, генерал-аудитора, генерал- и флигель-адъютантов, коменданта Императорской квартиры, генерал-вагенмейстера, генерал-инспектора медицинской части, капитана над вожатыми, обер-священника. Соответственно единообразную структуру впервые получили штабы армий и корпусов.

С 1815 года начальник Главного штаба концентрировал в своих руках ведение военных и строевых вопросов. Военный министр отвечал за военно-хозяйственную часть. Однако, будучи подчиненным начальнику Главного штаба по военным делам и стоя ниже по старшинству, военный министр имел самостоятельность в хозяйственной части, что вызывало определенное противоречие в вопросах подчиненности нижестоящих структур и делопроизводству по инспекторской части, инженерной, по части генерал-квартирмейстера и т. д. Исходя из этих соображений, А. И. Чернышев, который к 1832 году исполнял должности начальника Главного штаба и военного министра, предложил способы преобразования военного управления. В их основу была положена идея об объединении двух главных частей: чисто военной, фронтальной и хозяйственной в одном ведомстве.

Речь шла о слиянии структур Главного штаба и Военного министерства в один состав под названием или Главного штаба, или Военного министерства. Помимо этого, А. Чернышев предложил создать две канцелярии: общую и особенную для дел секретных, не относящихся к точному ведению определенных отраслей управления, о наградах, определении и увольнении, о доносах и жалобах на действия должностных лиц. Ввести новый порядок управления предполагалось путем издания указа Правительствующему Сенату, определяющего новые отношения между присутственными местами и должностными лицами⁹.

Николай I внимательно изучил предложения министра. В идеях военного министра было много привлекательного, но они вызвали и определенные сомнения. Концентрация руководства всеми сухопутными силами в руках одного человека, хотя и близкого царской семье, очевидно, не могла получить безоговорочную под-

8 Учреждение для управления Большой Действующей армии. СПб., 1812. Ч. 1–4.

9 Столетие Военного министерства. Приложение к Т. 2. СПб., 1902. Приложения 1–2.

держку императора, не говоря уже о его окружении. Помимо всего прочего, управление фронтовой частью и военным хозяйством требует разных личностных качеств, которые практически невозможно совместить в одном человеке. Поэтому Николай I, считавший, что наиболее удачной является коллегиальная система управления в соединении с личной ответственностью, внес свои изменения и предложил переработать проект. Император лично доработал план преобразования военного управления¹⁰.

На основании его замечаний в концепцию А. И. Чернышева были внесены существенные изменения. Предусматривалось, что военный министр получит в ведение всю военную часть, станет докладчиком по всем частям военного ведомства. Но вся хозяйственная часть переходила в подчинение Военному совету при Военном министерстве, в том числе департаменты: артиллерийский, инженерный, комиссариатский, провиантский, медицинский, хозяйственная часть военных поселений поступали в коллегиальное управление Совета. Таким образом сохранялось разделение ответственности в фронтовой и хозяйственной частях. Военный министр председательствовал в Военном совете, хотя и не был старшим по чину. Дела совета решались большинством голосов. Наименование Главный штаб в мирное время упразднялось, но сохранялось титулирование по Главному штабу для лиц, его раньше составлявших. В случае необходимости штаб легко возрождался. Реформировалась и канцелярия при военном министре. Она делилась на части: а) хозяйственную — по делам, подлежащим ведению Военного совета; б) собственно военную при министре.

Из подчинения Военного министра выводился Аудиторат, составлявший особый департамент Военного министерства, во главе с генерал-аудитором. Причем Верховный военный суд составлялся на сходных основаниях с Военным советом из генералов по выбору. Учтя эти указания, генерал-адъютант Чернышев представил еще два доклада¹¹.

С 1 июля 1832 года начала действовать Комиссия по преобразованию Военного министерства, уже 11 июля был сформирован Военный совет. Ему была поручена координация хода военных преобразований. В том же году на основании «Положения 4 октября 1830 года» была создана Академия Генерального штаба¹².

О продуманности и планомерности реформ свидетельствует последовательное создание целого ряда комитетов, занятых подготовкой к реформированию различных отраслей военного хозяйства. В их числе: Комитет по преобразованию армейской пехоты, Комитет по Действующей армии, Комитет по преобразованию кавалерии¹³.

¹⁰ Там же. С. 57–60.

¹¹ Там же. Приложение 3–4.

¹² ПСЗ II. Т. V. № 3975. Положение о Академии Генерального штаба.

¹³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 9. Л. 2–28 (О переформировании армейской пехоты); Ф. 14014. Оп. 1. Д. 16. Л. 4–12 (О составе армии...); Ф. 38. Оп. 4. Д. 52. Л. 1–106.

Достаточно четко прослеживается стремление Николая I к максимальной унификации принципов деятельности Военного министерства с другими министерствами, но с учетом специфики военной отрасли. А. И. Чернышев должен был обратиться за консультациями к М. М. Сперанскому для согласования «Наказа Военному министерству» с пределами ответственности других ветвей государственного управления. Редакционная комиссия уделила много внимания приведению «Наказа Военному министерству» в соответствие со «Сводом Законов Российской империи»¹⁴.

После длительной работы по согласованию разных ветвей законодательства, 29 марта 1836 года был издан указ Правительствующему Сенату и утвержденные «Учреждение Военного министерства», «Общий штат министерства», «Положения о порядке производства дел в министерстве»¹⁵.

Параграф первый «Образования Военного министерства» предусматривал, что «в порядке государственного управления, ведомству министерства Военного принадлежат все Военно-сухопутные силы, в их составлении, устройстве, продовольствии, снабжении, вооружении, размещении, движении и действии»¹⁶.

То есть все Военно-сухопутные силы находились в ведении Военного министерства, но никак не военного министра, что нельзя не учитывать, особенно сравнивая реформы 30–40-х годов с реформами 60–70-х годов 19 века. Согласно параграфу 2: «Министерство составляют: 1) Главный штаб, 2) Военный совет, 3) Генерал-аудиторат; департаменты: 4) Генерального штаба, 5) Инспекторский, 6) Артиллерийский, 7) Инженерный, 8) Комиссариатский, 9) Провиантский, 10) Военных поселений, 11) Медицинский, 12) Аудиторский, 13) Канцелярия министерства. А также различные учреждения и лица, при Военном министерстве состоящие и к нему причисленные»¹⁷.

Во главе министерства поставлены Главный штаб его императорского величества, Военный совет и Генерал-аудиторат. Налицо разделение властей и сочетание коллегиальности в управлении с принципами единоначалия, а также сохранение самостоятельности важнейших частей военного управления. В то же время, пост военного министра оставался ключевым для деятельности министерства. Именно министр председательствовал в Военном совете, был докладчиком государю по военным вопросам. Но Военный совет и Аудиторат сохранили самостоятельность в решениях в сфере своей компетенции. Лишь в случае особой позиции военного министра спорное дело представлялось для решения государю. К ведом-

(О переформировании кавалерии...)

¹⁴ Журнал министерства юстиции. № 1. СПб., 1916. С. 233–245.

¹⁵ ПСЗ II. Т. XI. № 9038. Учреждение Военного министерства. СПб., 1836.

¹⁶ Там же. П. 1.

¹⁷ Там же. П. 2.

ству Военного совета стала принадлежать и разработка военного законодательства¹⁸.

Разработка и принятие «Наказа Военному министерству», определявшего компетенцию различных частей министерства и пределы их ответственности, имели очень важное значение. Если «Учреждение Военного министерства» было принято в 1812 году, то «Наказ» не был разработан¹⁹. В числе наиболее важных положений «Наказа» стало точное определение обязанностей военного министра. Например, отношения военного министра к Генерал-Аудитору: «В тех же отношениях, в каких министр юстиции к Правительствующему Сенату»²⁰. В основном же функции министра превращались в надзирающие и контролируемые, исключая лишь круг дел, которые находились в его непосредственном ведении. Но при этом подчеркивалось: «Существо власти Военного министра основывается на началах Учреждения министерств, единственно к порядку исполняющему: никакой новый закон, никакое новое учреждение или отмена прежнего не могут быть установлены властью Военного министра»²¹. Еще более жестко ограничивалось его вмешательство в область строевого управления: «При инспекции войск и мест, относящихся к компетенции главнокомандующего армии, он в случае каких-либо беспорядков или неисправностей сносится с главнокомандующим»²².

Становится очевидным, что военный министр, обладая значительной властью, фактически представляя высшее управление Военно-сухопутными силами, являлся лицом, по сути, исполняющим волю Императора, и осуществлял функции высшего управления только в части Военного министерства, ему непосредственно подведомственной, и в частях войск, ему непосредственно подчиненных. К ним относились 5-й и 6-й армейские корпуса, резервные и запасные части. В других случаях он был вынужден действовать, обращаясь к лицам, которым войска непосредственно подчинялись: главнокомандующему армией, командующим отдельными корпусами²³. Естественно, ограничивались права министра в отношении решений Военного совета, Аудитора, хозяйственной части министерства, тем более артиллерийского и инженерного департаментов²⁴.

Учитывая вышеизложенное, не приходится говорить о существовании излишней централизации военного управления. При такой системе управления правительство создавало управленческий баланс в Военном ведомстве, это и оптимизировало управленче-

18 Там же. П. 5.

19 Там же. П. 425–445.

20 Там же. П. 443.

21 Там же. П. 556.

22 Там же. П. 563.

23 Там же. П. 641.

24 Там же. П. 583, 639, 572, 712–713.

ские структуры, и делало практически невозможным использование кем-либо войск для заговора или в личных целях. Ключевые полномочия по строевому управлению войсками передавались на места: главнокомандующему Действующей армией, командующим отдельными корпусами. Вероятно, под излишней централизацией военного управления в литературе обычно понимается подчинение всех достаточно самостоятельных органов Военного ведомства не министру, а лично Николаю I.

В целом, вследствие реформы начала 30-х годов 19 века Военное ведомство получило хорошо продуманную, стройную систему административной, соответствующую военной науке и специфике военной отрасли, согласованную как с практическими потребностями войск, так и с прочими отраслями государственного механизма.

Несмотря на то, что министр состоял докладчиком по военным вопросам, другие лица, составлявшие Военный совет, находились в достаточно близких отношениях с императором, чтобы найти возможность обратиться к нему в случае столкновения ведомственных интересов и представить дело в более выгодном для себя ключе. Тем более это касалось главнокомандующего Действующей армией И. Ф. Паскевича, командующего Гвардейским и Гренадерским корпусами, генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектор-инженера великого князя Михаила Павловича — лиц, несомненно, более близких императору, чем А. И. Чернышев, а также имевших преимущества старшинства. При этом мы видим, что лишь часть функций начальника Главного штаба переходила к военному министру в мирное время, а собственно поле деятельности прежнего Военного министерства в расширенном виде перешло в компетенцию Военного Совета. Основные функции Главного штаба в мирное время переходили в ведение Главного штаба Действующей армии, Главного Штаба Гвардейского и Гренадерского корпусов, то есть приближались к органам строевого управления войсками.

С преобразованием Военного министерства на новых основаниях продолжалась работа по согласованию его деятельности с другими отраслями управления. В октябре 1836 года было принято «Положение об изменении законов»²⁵. С целью разделения и уточнения функций генерал-фельдцейхмейстера и Военного министерства был принят соответствующий закон в 1838 году²⁶, а также практически аналогичное «Положение о генерал-инспекторе по инженерной части»²⁷. Эти ведомства традиционно сохраняли значительную самостоятельность и могли достаточно гибко реагировать на запросы войск.

Параллельно с реформой Военного министерства, как органа высшего военного управления, происходило и реформирование строевого

25 ПСЗ II. Т. XI. № 9038. Положение об изменении законов.

26 Там же. № 11170.

27 Там же. № 11171.

управления, организационной структуры войск. Переформирование войск начали с крупнейшего рода войск — пехоты. В состав комитета по ее реформированию помимо лиц Главного штаба вошли начальники штабов 1-й и Действующей армии А. И. Красовский и М. Д. Горчаков. Комитет действовал чрезвычайно оперативно и к декабрю 1832 года разработал «Проект положения о преобразовании Армейской пехоты»²⁸. Основу изменений определяла идея о необходимости иметь войска способные, в случае необходимости, действовать на различных театрах военных действий. Предполагалась общая унификация управления при сохранении гибкой организационной структуры. В целях экономии и повышения боеспособности предлагалось сократить количество дивизий и полков при доведении количества пехоты до штатного состава, смягчая традиционный бич Российской армии — некомплект войск и слабость боевого состава полков, при раздутых штабах и массовом отвлечении личного состава. Высвобождавшиеся от количественного сокращения управлений полков и дивизий средства направлялись на улучшение содержания войск²⁹.

В действующей пехоте преобразовывались отдельный Гренадерский корпус и 6 армейских пехотных корпусов, 23 пехотные дивизии. В штатный состав каждого корпуса вошли 3 пехотные дивизии. В состав Гренадерского — соответственно 1–3 Гренадерские, каждый армейский корпус состоял из трех пехотных дивизий соответствующей нумерации (например, 1-й корпус из 1–3, 5-й из 13–15 дивизий). В состав каждой дивизии входило две бригады. Все полки первых бригад гренадерских и пехотных дивизий, соответственно именовались гренадерскими и пехотными. Они как бы хранили традиции линейной или тяжелой пехоты. Вторые же бригады состояли из полков карабинерных в Гренадерском корпусе и егерских в пехотных корпусах, более приспособленных к действиям в рассыпном строю. Отдельный Кавказский корпус получил две дивизии, затем их число также было доведено до трех.

Пехотные полки носили красные и белые погоны, егерские светло-синие и зеленые. Количество управлений дивизий уменьшилось на 4, бригад на 30, полков на 62. Изменилась роль 22–23 дивизий. С целью унификации управления они вошли в состав Оренбургского, Сибирского корпусов и войск, в Финляндии находящихся. В эти дивизии, не имевшие полковой структуры, сводились линейные батальоны, размещенные в соответствующих регионах. В результате управления данных дивизий представляли собой территориальные органы, руководящие местными войсками, но сохранявшие общий порядок службы³⁰.

28 ПСЗ II. Т. VIII. № 5943. Положение о преобразовании армейской пехоты. СПб., 1833.

29 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 9. Л. 3–47. (О преобразовании пехоты).

30 ПСЗ II. Т. VIII. № 5943. П. 1–12.

Одновременно реорганизовывался кадр резервных войск. При каждом из армейских корпусов формировались резервные дивизии, пребывающие в кадрированном составе и состоящие из батальонов половинного штата. В Гренадерском корпусе полки вводились 3-х батальонного состава, в пехотных корпусах 4-х. Колоссальная работа по переформированию пехоты, массовые перемещения войск производилось в основном в течение двух лет — 1833–1834³¹.

Еще более сложную задачу представляло реформирование кавалерии, но и здесь сохранялись общие организационные принципы. Такое единство достигалось в том числе тем, что над проектом изменений по существу работала та же комиссия, только А. И. Красовский и М. Д. Горчаков с отбытием в войска заменялись графом А. Д. Гурьевым и генерал-адъютантом В. Ф. Адлербергом, что и было заранее предусмотрено³². Преобразованию кавалерии уделялось сравнительно большее внимание, в 19 веке кавалерия по-прежнему считалась основными мобильными ударными частями. И именно накануне реформ она находилась в тяжелом кризисе³³.

Программные положения о реформировании кавалерии можно разделить на три части. Первую часть составляют предложения по переформированию кавалерии, вторую часть — предполагаемые последствия, к которым оно должно привести, и, наконец, третью часть — непосредственные распоряжения по проведению переформирования³⁴.

В центре внимания при реформе кавалерии стояло повышение ее эффективности с учетом опыта войн начала века, и особенно войны 1830–1831 годов. Как и раньше, сохранялось деление кавалерии на тяжелую и легкую. Тяжелая кавалерия оставалась мобильной ударной силой и состояла из полков кирасир. Легкая кавалерия выполняла различные функции по обеспечению действий пехоты. Особое место занимали столь любимые Николаем I драгуны. По своему назначению они приближались к тяжелой кавалерии, но в николаевское время первые восемь эскадронов драгунских полков активно готовились и к действиям в пешем строю. Все эти обстоятельства, а также масса иных факторов несомненно не могли не учитываться при переформировании кавалерии. В результате реформ предполагали получить ее качественно новый состав. Изменялись структура, состав, численность, штаты, сокращалось большое количество штабных структур. Значительное внимание уделялось доведению до штата оставляемых в строю полков.

Переформированию подлежали 16 кавалерийских дивизий. Ликвидировались конно-егерские полки. Кирасиры, уланы, гусары получили полки 8-эскадронного состава, драгуны 10-эскадронно-

31 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 9. Л. 48–117.

32 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 52. Л. 1–1 об. (О преобразовании кавалерии).

33 Брик Г. История конницы. Кн. 2. М., 2001. С. 249.

34 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 52. Л. 1–1 об.

го, причем 9-й и 10-й эскадроны драгунских полков были вооружены вместо ружей пиками и карабинами, что предполагало, что они смогут, по образцу уланских эскадронов, служить для обеспечения действий остальных эскадронов в пешем строю³⁵.

Позволим себе остановиться более детально на реформировании кавалерии, чтобы этим примером проиллюстрировать сложность, масштабность и продуманность реформы. Вначале рассмотрим ход переформирования драгунских дивизий, которые вошли в новый 3-й Резервный кавалерийский корпус. На момент реформирования он находился в Поднепровье и Центрально-Черноземном районе.

Для приведения 1-го Московского драгунского полка в штатный состав на квартиры в окрестности г. Ромны направлялись: 1-й дивизион и запасной эскадрон упраздняемого Северского конно-егерского полка, 5-й эскадрон Тираспольского конно-егерского полка, и наконец, 1/2 запасного эскадрона Польских улан. Маршруты переброски составляли от 146 до 218 верст. Сходные расстояния приходилось преодолевать частям, запланированным для приведения в новый штат других полков 1-й драгунской дивизии: 2-го Каргопольского, 3-го Кинбурнского, 4-го Новороссийского. Из них в более сложном положении находился Новороссийский полк. Если до своих новых квартир в Пирытине 1-му дивизиону упраздняемого Нежинского конно-егерского полка и его запасному эскадрону было каких-то 152 версты, то 5-й эскадрон Арзамасского полка должен был преодолеть 328 верст³⁶.

По принятым нормам переброски войск, все преобразование занимало от недели до двух. Переходы планировались от 18 до 35 верст в день, при 2 дневках на 5 дней марша. В то же время части 2-й Драгунской дивизии, находившиеся в районе Оскол-Короча-Белгород-Вилуйки, имели больше времени на переформирование.

К примеру, для переформирования 6-го Александра Герцога Вюртембергского драгунского полка, размещенного в Короче, назначался не только 3-й дивизион короля Вюртембергского полка, который находился за 94 версты в Тиме, но и 6-й эскадрон Татарского уланского полка, базировавшегося за 525 верст в Киевской губернии³⁷.

Еще более сложную техническую задачу представляло создание по новому штату семи легких кавалерийских дивизий, которые включались в состав Гренадерского и формируемых Пехотных корпусов нового состава. Так, в состав легкой кавалерийской дивизии 1-го Пехотного корпуса включались Сумской и Клястицкий гусарские, Санкт-Петербургский и Курляндский уланские полки.

Если 2-й Клястицкий гусарский полк перемещался всего лишь из Вилькомира в Россиены за 120 верст, то направленный в его состав 1-й дивизион Черниговского конно-егерского полка должен

был из Кременчуга преодолевать 1144 1/2 версты походным порядком. В куда худшем положении находились уланские полки. Так, Санкт-Петербургские уланы, осуществив переход из Бердичева в Паневеж в 812 верст, должны были одновременно принять имущество и личный состав 1-го дивизиона Польского уланского полка, размещенного в Ставищах, откуда до Паневежа считалось 957 верст³⁸.

Вызывает восхищение продуманность и профессионализм плана перемещений, максимальный учет традиций реформирования полков, стремление создать равноценные сбалансированные части и соединения. Так во 2-й Легкой кавалерийской дивизии, как и в 1-й Легкой кавалерийской дивизии, один гусарский полк — Елисаветградский, сохраняет свое изначальное место базирования в Ленчице Царства Польского. В то же время Лубенские гусары из Паневежа, уступая свой квартирный район Санкт-Петербургским уланам, перемещаются на 670 верст к 1-му дивизиону Иркутского гусарского полка в Петриков, включая его в состав полка³⁹.

Таким образом, в любой момент преобразования конницы штаб дивизии, и соответственно корпус, сохранял в своем распоряжении мобильное кавалерийское ядро, способное, хоть и временно в более ограниченном объеме, к выполнению боевых задач. Достаточно легко прослеживается и стремление к рачительному использованию имущества, к экономии средств, но при этом ни на минуту не забывается о поддержании боеспособности частей. Мы можем также говорить об определенном уравнивании проблем между руководством всех легких кавалерийских дивизий. Примерно одинаковое количество их состава перемещалось в среднем на примерно одинаковое расстояние. Хотя, несомненно, большее внимание уделялось частям в Западном регионе, объединенным в Действующую армию.

Оценивая масштаб преобразований, сложно согласиться с тезисом о каком-то гипотетическом страхе. В течении двух лет происходило последовательное преобразование войск, значительное сокращение числа частей и соединений, что всегда приводит к временному снижению боеспособности. При переформировании кавалерии свои квартиры сменили более половины остававшихся полков и несколько сот отдельных подразделений. Такая переброска позволила уточнить оптимальные маршруты следования, провести учет имущества и конского состава, избавиться от сверхштатных вещей, что повысило мобильность войск⁴⁰.

В результате количество кавалерийских полков уменьшилось на 12, ликвидировались конно-егерские и гусарские дивизии. Уланских дивизий оставалось всего 2 в составе Резервных Кавалерийских корпусов. В связи с новой организацией армейская кавале-

35 Там же. Л. 2–9 об.

36 Там же. Л. 21–21 об.

37 Там же. Л. 21 об.–31 об.

38 Там же. Л. 32–32 об.

39 Там же. Л. 32–34.

40 Там же. Л. 50–224.

рия как бы разделилась на 2 части. Первую часть составили легкие кавалерийские дивизии нового состава и формирования. Их штабы были организовывались на базе штабов гусарских и уланских дивизий. 1-я бригада состояла в легкой дивизии из двух гусарских полков, 2-я — из двух уланских. Каждая такая дивизия входила в состав армейского корпуса и принимала его номер, с первого по шестой. Седьмая дивизия была включена в состав Гренадерского корпуса. Постоянный состав дивизий, подчинение их непосредственно командиру корпуса, давали возможность наладить взаимодействие пехотных и кавалерийских частей.

Помимо этого, создавался мощный стратегический ударный кавалерийский кулак для использования на решающих направлениях — Резервные кавалерийские корпуса. В состав 1-го и 2-го Резервных кавалерийских корпусов вошли, соответственно, 1-я кирасирская и 1-я уланская дивизии, 2-я кирасирская и 2-я уланская дивизии. Третий корпус, как уже отмечалось, объединил 1-ю и 2-ю Драгунские дивизии. Впоследствии на временной основе был сформирован Смешанный кавалерийский корпус. Его образовывали 5-я легкая дивизия и придаваемая корпусу одна из легких дивизий, ближайших от места базирования⁴¹.

В реформировании кавалерии военные специалисты творческие развили передовые принципы организации и применения кавалерии на поле боя, сложившиеся в эпоху Наполеоновских войн, учли опыт грозной стратегической конницы Мюрата, а также продолжили традиции русской конницы.

Вызывает интерес и размещение Резервной кавалерии. Как рачительный хозяин, Николай I стремился извлечь максимальную выгоду: Резервные корпуса помещались в округа военных поселений кавалерии, которые использовались как район базирования, что было экономически целесообразно. В принципе, такое сосредоточение конницы соответствовало общему стратегическому размещению войск. Очевидно, что наиболее эффективно крупные кавалерийские массы могли использоваться на Юго-Западном и Западном направлениях.

На несколько иной основе проходило переформирование бывшего Первого Резервного корпуса. Ему снова вернули название Гвардейского Резервного кавалерийского корпуса. При его переформировании, как и при реформировании гвардейской пехоты, прежде всего учитывались особенности и традиции гвардии. К кавалерии был причислен и Жандармский полк, состоявший из 6 действующих и одного резервного эскадрона⁴².

Как отмечалось выше, с принятием положения 1 марта 1833 года началась громадная работа по переформированию и передвижению

полков. Она осуществилась в основном к весне 1834 года. Лишь на некоторое время переформирование 2-й и 3-й легких дивизий было задержано обострением весной 1833 года ситуации в Польше⁴³. Общим местом в работах военных специалистов 19 века стало уважительное отношение к российской кавалерии эпохи Николая I после преобразования начала 1830-х годов, они считали, что ни до этого времени, ни впоследствии кавалерия не поднималась до такого уровня. Позволим себе цитату: «Вообще нужно сказать, что в 30-летнее царствование императора Николая конница была доведена до высокой степени совершенства его личными трудами. Что только было в его силах, то он сделал для своей армии»⁴⁴.

Вслед за пехотой и кавалерией подверглась переформированию и вся артиллерия. Ее переформирование началось с осени 1833 года. Происходило как бы наращивание потока преобразований. В то же время заметна последовательность в том, как начиналось реформирование: пехота → кавалерия → артиллерия. Это давало возможность контролировать ход процесса, учитывать приобретенный опыт. Однако завершение реформирования строевой части войск завершилось практически одновременно.

В результате преобразования артиллерии получилось семь корпусов (Гренадерский и шесть Пехотных). Полевая артиллерия в свой состав включала артиллерийскую дивизию из 3-х артиллерийских бригад. Они придавались пехотным и гренадерским дивизиям. Батареи приводились в 8-орудийный состав. Но если каждая артиллерийская бригада в Гренадерском корпусе состояла из 2-х батарейных батарей и 2-х легких батарей, резервной батареи и Подвижного парка, то в пехотных корпусах такой состав имели только первые бригады. Вторые и третьи бригады получили одну батарею и 3 легких батареи⁴⁵.

Всего пешая полевая артиллерия, исключая кавалерийские корпуса, получила 31 батарею и 54 легких батареи, объединенные в 21 бригаду и 7 артиллерийских дивизий⁴⁶. К ним организационно примыкала 19-я артиллерийская бригада, изначально сформированная для Войск в Финляндии находящихся и не входившая в состав артиллерийских дивизий. Всего в полевую пешую артиллерию вошло 132 батареи с 704-мя орудиями и 22 подвижных запасных парка⁴⁷.

Достаточно мощная артиллерия придавалась коннице. При каждой из семи легких кавалерийских дивизий состояло по 2 легкие батареи,

43 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 52. Л. 223–226 об.

44 Брикс Г. Указ. Соч. С. 268.

45 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 22. Л. 1–96 об. (О переформировании артиллерии в 1833–1834 гг.)

46 Там же. Л. 2 об.–4.

47 Там же. Л. 2–4 об., 12–15.

41 ПСЗ II. Т. VIII. № 6065. П. 1–23. Положение о преобразовании кавалерии.

42 ПСЗ II. Т. VII. № 5383. О преобразовании гвардейской кавалерии.

три Резервных кавалерийских корпуса получили 4 батареинные и 8 легких батарей, 9 батарей половинного состава вышли в конно-артиллерийский резерв. Всего конная артиллерия объединяла 35 батарей с 280 орудиями. Батареи конной артиллерии в бригады не сводились⁴⁸.

Отличный от других состав получила артиллерия Гвардейского корпуса. Каждая пешая бригада состояла из двух батареинных и одной легкой батареи, всего 6 батареинных и 3 легкие батареи с 72 орудиями. Гвардейскую кавалерию должны были поддерживать батареинная и 3 легких батареи — 32 орудия. Всего гвардейская артиллерия в мирное время состояла из семи батареинных, шести легких, трех резервных батарей, получивших в свой состав 104 орудия⁴⁹.

С общеармейской унифицировалась и организация артиллерии отдельного Кавказского корпуса. Но в составе его артиллерийской дивизии кроме четырех батареинных и восьми легких батарей с 96 орудиями в боевой состав приводились 3 резервные батареи, 2 из которых вооружались горными орудиями⁵⁰.

Всего в штатный состав артиллерии: полевой, конной, гвардейской, Отдельного Кавказского корпуса — мирного времени, предназначалось 195 батарей с 1208 орудиями. Организационно они сводились в 8 артиллерийских дивизий и 25 бригад⁵¹. В то же время создавалась стройная система подготовки специалистов для артиллерии. Существующие резервные батареи давали возможность наращивать мощь русской артиллерии в случае необходимости. Проводилась большая работа по унификации калибров и улучшению снабжения войск боезапасами.

Таким образом, в результате реформирования и реформирования войск в российской армии окончательно утвердилась корпусная система. Корпуса, введенные в организационную структуру накануне войны 1812 года, получили стабильный состав, объединили в своем составе пехотные, кавалерийские и артиллерийские дивизии, различные части и учреждения, подлежащие ведению штаба корпуса. Пехотные корпуса превратились в мощные формирования с постоянным составом. Они имели возможность самостоятельно действовать на театре военных действий, упрощая руководство со стороны Главного штаба⁵².

Одновременно подвергались реорганизации резервные и запасные части. Также принимались меры к созданию кадров Государственного подвижного ополчения⁵³. Численность необходимых ре-

зервных частей на случай войны определялась в 186 батальонов и 88 эскадронов⁵⁴.

Впервые в русской истории в 1834 году заблаговременно предусматривалось, на случай европейской войны, создание в мирное время Действующей армии, в составе Гренадского и трех пехотных корпусов, поддерживаемых 1–2 Резервными кавалерийскими корпусами, снабженных мощной артиллерией. Считалось, что для выполнения союзнических обязательств и для первого эшелона достаточно 180 батальонов, штатной численностью 170 тысяч пехоты, 256 эскадронов в составе 35 тысяч кавалеристов, поддержанных 160 тяжелыми и 384 легкими орудиями, из расчета 2,65 орудия на 1000 человек. Общая численность такой армии достигла бы 225–250 тысяч⁵⁵.

Создание резервов стало возможным в результате появления значительного количества отпускных нижних чинов. С принятием 30 августа 1834 года «Правил о бессрочно-отпускных» срок службы в армии определялся в 20 лет, в гвардии в 22 года. При этом служба в действующих войсках составляла 15 лет, с переводом в резерв на 5 лет при условии беспорочной службы. Нижние чины увольнялись в бессрочный отпуск в гвардии на 2 года, а в армии на 5 лет, после чего выходили в отставку⁵⁶. Были приняты решительные меры по улучшению снабжения войск, их расквартированию⁵⁷.

В целом по продуманности, планомерности, масштабу в истории России сложно найти аналог реформам николаевского времени, в том числе концентрированным преобразованиям армии 1831–1836 годов. В то же время вся военная политика Николая I заслужила следующей оценки специалиста: «Вообще русская армия за его 30-летнее царствование сделала огромные шаги вперед. Европейские формы, которые до него казались как бы только наружно приклеенными, вошли при нем в плоть и кровь русской армии, и если борьба, разыгравшаяся в последние годы его царствования против четырех держав, и не окончилась успешно, то самая продолжительность ее, в сущности незначительный для союзников результат доказывают качества и значение мероприятий этого незабвенного государя, который жил только для своей страны и для своей армии»⁵⁸.

54 РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18027. Л. 157–227.

55 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 29; Д. 22. Л. 19–19 об.

56 ПСЗ II. Т. IX. № 6864. Положение о бессрочноотпускных нижних чинах.

57 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 26. Л. 1–12 (Об округах продовольствия войск).

58 Брик Г. Указ. Соч. С. 250.

48 Там же. Л. 3, 15–17 об.

49 Там же. Л. 1–1 об.

50 Там же. Л. 4–4 об.

51 Подсчитано на основании: РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 22.

52 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 29. О новом составе армии.

53 См.: Ливчак Б. Ф. Народное ополчение в Вооруженных силах России, 1806–1850. Свердловск, 1961.

ЙОХАНАН ПЕТРОВСКИЙ-ШТЕРН

НИКОЛАЙ I И ЕВРЕЙСКАЯ РЕКРУТЧИНА: НОВЫЕ КОНТЕКСТЫ¹

26 августа 1827 года Николай I подписал Указ о рекрутской повинности евреев, предусматривающий введение обязательной военной службы для жителей иудейского вероисповедания черты оседлости. Не считая аналогичные, но вполне умеренные попытки Екатерины II включить евреев в русское общество, приписав их к сословиям мещанскому и купеческому, николаевский указ был первой энергичной попыткой интегрировать еврейское население пятнадцати западных губерний, присоединенных к России в результате трех разделов Польши. Опередив на сорок лет Великие реформы Александра II, николаевский указ о еврейской рекрутчине имел куда более важные последствия, чем николаевские же более поздние указы об учреждении государственных школ для евреев или о переподчинении еврейских обществ казенным раввинам. Николай рекрутировал евреев в империю задолго до того, как евреям было позволено воспользоваться имперским высшим образованием или войти в имперскую политику.

Введение военной повинности в Европе положило конец исключительному правовому положению евреев и во многом способствовало их постепенной интеграции в общественно-политическую жизнь. В целом, в Австрии, Пруссии и Франции, не говоря уже о США, военная служба способствовала трансформации «сообщества подданных» в «сообщество граждан». Армия была призвана стать тем самым социальным институтом, целью которого было создание и воспитание нового индивида, «солдата-гражданина», как говорил

¹ Статья опирается на новонайденные материалы и документы, не вошедшие в мою книгу «Евреи в русской армии, 1827–1914» (М.: Новое литературное обозрение, 2003. Серия Historia Rossica).

Жан-Поль Берто. Евреи в европейских странах оказались в списках призывников только тогда, когда им были дарованы равные с остальным населением права — или непосредственно перед объявлением о полной или частичной еврейской эмансипации. Австрия призвала евреев в 1788–1789, Франция в 1792, а Пруссия в 1813 — при этом Закон о терпимости, уравнивающий евреев как субъектов империи в правах с остальным населением, был принят в Австрии в 1782, закон о еврейской эмансипации был одобрен Национальным собранием Франции в 1791, а эдикт о еврейской эмансипации был принят в Пруссии в 1813. Европейские монархи рассматривали исполнение евреями воинской повинности как важнейшее условие еврейского равноправия. Если евреи добивались равных с остальным населением гражданских прав, само собой разумелось, что в обмен на дарование им гражданских свобод от них можно было требовать исполнения обязанностей перед государством. С точки зрения австрийцев, немцев или французов, готовность евреев к самопожертвованию ради общего национального блага означала, что они вполне заслуживают равных с остальным населением прав.

В России распространение на евреев военной службы отражало общеевропейские политические тенденции, но шло по особому пути. С помощью рекрутчины Россия одним махом интегрировала евреев в империю. Вместо гражданских свобод евреям была предложена государственная повинность. Такой ход противоречил европейской логике, но вполне удовлетворял имперской российской. С точки зрения российских монархов повинности значили много больше, чем права и обязанности подданных. Верноподданным был тот, кто безропотно нес бремя государственных обязанностей, а не тот, кому были дарованы блага гражданских свобод. Действительно, на евреев была возложена обязанность обязательно-принудительной двадцатипятилетней службы, причем взамен они (за исключением прошедших службу до реформы 1874 г., прежде всего — николаевских солдат) не получили ни социальных льгот, ни гражданских свобод. Более того, к еврейским рекрутам члены их семей относились как к навсегда ушедшим — надежды увидеть их снова не было решительно никакой. Разумеется, что с точки зрения государственной администрации оказаться в числе тех, кому дозволено было исполнять повинность, в 1820-е годы было привилегией, а не наказанием. В отличие от десятков других социальных, этнических или религиозных групп, оставшихся за пределами рекрутских сказок, евреям было *высочайше даровано* право служить отечеству. Чтобы объяснить государственную точку зрения на введение еврейской рекрутчины, данная статья предлагает два контекста: внешний европейский и внутренний, российский, связанный со спецификой еврейских реформ в Восточной Европе и включающий контекст Царства Польского.

Европейский призыв

Воинская повинность представляла собой одно из наиболее эффективных социальных преобразований, способствовавших становлению европейской государственности новейшего времени. Перед всеми без исключения европейскими монархами — Иосифом II, Николаем I, Наполеоном Бонапартом, Фридрихом Вильгельмом III — стояла одна и та же задача: превратить подданных, проживающих в государстве, в сознательных верноподданных граждан империи, способных в любую минуту стать на защиту государства, с которыми они себя идентифицируют. Военная служба в национальной армии представлялась идеальным способом перекройки старого многослойного феодального общества по единой имперской мерке. Приведение общества к имперскому стандарту началось со стандартизации государственных обязанностей. Служба в армии нового образца, опирающаяся на патриотов отечества, а не на своекорыстных наемников, преследовала далекоидущие цели. Во-первых, она меняла систему ценностей призывников, для которых лояльность государству, государственным символам и государственным институтам оказывалась выше корпоративных интересов. Во-вторых, она предлагала совершенно новые формы военной подготовки, в результате резко повышалась боевая эффективность регулярной армии, несравнимая с малоподвижным и лишенным патриотической мотивации наемным войском. В-третьих, она позволяла осуществлять постоянный государственный контроль за различными общественными группами, подпадавшими под призыв. Наконец, она способствовала появлению военно-ориентированного гражданского самосознания, а вместе с ним — и формированию нового типа отношений индивида и государства.

Государственная администрация европейских стран утверждала, что готовность индивида исполнять воинскую повинность означала его лояльность по отношению к государственным символам и его готовность к полноправному гражданству. И хотя преобразование подданных иудейского вероисповедания в полезных евреев представляло собой важнейший пункт в программе общеевропейской еврейской реформы, которую французские политики-просветители называли «регенерацией», утилитаристские соображения были далеко не единственными соображениями, которыми руководствовались военные министры, включая евреев в списки призывников. Евреи порой оказывались в рекрутских списках не из практических соображений высших государственных чиновников, а из-за политических или философских убеждений монарха, приверженного идеалам французского Просвещения или «полицейского», то есть «хорошо управляемого» государства. В Австрии, например, Иосиф II пришел к мысли о необходимости распространения на евреев воинской повинности вопреки рекомендациям военного министерства, счи-

тавшего, что евреи Австрии решительно не готовы к этому испытанию. Радикальная просветительская идеология Иосифа одержала верх над прагматическими установками его чиновников. Иосиф аргументировал свое решение так: «Еврей — как человек и согражданин — несет повинности, которые не могут быть отменены, повинности, которые он обязан отправлять самолично»².

За десять лет до того, как французское Национальное собрание постановило, что армия — идеальный институт для воспитания патриотически настроенных граждан, Иосиф II решил, что военная служба — отличный тигель для выплавки полезных подданных. Он полагал, что, наряду со многими другими этническими группами империи, евреев — с точки зрения просветительских идеалов, людей непродуктивных или даже паразитических, говорящих на каком-то невообразимом жаргоне и живущих по мракобесным средневековым законам, — следует германизировать (то есть, онемечить), милитаризовать (призвать в армию), и юридически унифицировать (переподчинив государственному законодательству). Эти три меры составили три основные реформы, направленные на трансформацию евреев Австрии — этнической группы со своими характерными экономическими интересами, своими общинными ценностями и провинциальным мирком, — в немецкоговорящих и патриотически настроенных габсбургских евреев. Решение Иосифа об объявлении еврейского рекрутского набора вполне соответствовало утилитарным целям, объявленным в Эдикте о терпимости 1782 года, и было вызвано к жизни прежде всего тем обстоятельством, что в результате разделов Польши Австрия удвоила свое еврейское население. В 1788 году император Иосиф II, вопреки мнению своим министров, отдал распоряжение объявить о призыве в армию евреев, позволив им служить только в транспортных войсках и артиллерийских корпусах в качестве погонщиков и помощников при орудиях. В 1789 австрийская администрация объявила о наборе в армию среди галицийского населения (значительно более плотного и экономически слабого, чем остальное еврейское население империи), а затем и среди остальных еврейских общин, позволив евреям записываться также и в инфантерию.

Между 1790 и 1806 годами, когда преемник Иосифа свернул многие из уже запущенных еврейских реформ, военный министр временно позволил евреям заменить натуральную рекрутскую повинность выплатой отступной суммы. Однако во время наполеоновских войн от евреев снова стали требовать рекрут натурой. В 1810-е годы австрийская армия насчитывала около 36200 евреев — в де-

² См.: Michael Silber. From Tolerated Aliens to Citizen-Soldiers: Jewish Military Service in the Era of Joseph II // Pieter M. Judson, Marsha L. Rozenblit, eds. Constructing Nationalities in East Central Europe. New York: Berghann Books, 2005. P. 25–26.

сять раз больше, чем количество евреев, попавших в русскую армию по николаевскому рекрутскому набору 1827 г. И хотя военная бюрократия отказалась от идеи создания отдельных еврейских полков или рот, тем не менее, дабы обеспечить личному составу удобное отправление религиозных ритуалов, было сделано несколько важных уступок религиозной еврейской традиции. Например, департамент снабжения заказал специальную униформу, удовлетворяющую библейскому запрету на ношение одежды из льна и шерсти (т. н. *ша'атнез*)³. Раввины, оказавшись в принципиально новых политических обстоятельствах, были вынуждены поддержать общественные повинности, впервые возложенные на евреев: главный раввин Праги Эзекиель Ландау говорил в своих проповедях о важности исполнения долга перед отечеством, а рабби Ишмаэль Коэн, в своем респонсуме «Зера эмэт» (Семя истины), позволил евреям Мантуи (в то время — в австрийском подчинении) носить в субботу оружие⁴.

По-видимости уже в 1802 году, и совершенно точно к 1815 году, австрийский Военный совет позволил выслужившимся еврейским рядовым занимать офицерские должности. В 1825 г. было принято решение допускать в армию евреев-врачей и представлять их к офицерскому чину. В то же время, военный совет ограничил продвижение евреев по службе в резервных войсках. В 1850–1860-х, перед самым объявлением о полной эмансипации евреев Австро-Венгрии, в военных кампаниях регулярно участвовало от 10000 до 20000 евреев. Некоторые из них, действовали так же, как, например, Карл Штрац (Karl Strass) из Богемии, который поступил волонтером в пехотный полк. В 1849 г., будучи двадцати пяти лет, он стал первым лейтенантом еврейского происхождения в Императорском Венгерском гусарском полку⁵. Благодаря эмансипации 1867 года, австрийские евреи освободились от последних элементов средневекового неравенства. В благодарность императору они

3 См.: Втор. 22: 11, и «Шулхан арух», раздел «Йоре деа», 299: 4.

4 См.: Lois C. Dubin. *The Port Jews of Habsburg Trieste: Absolutist Politics and Enlightenment Culture*. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1999. P. 149; Shlomo Simonsohn. *History of the Jews in the Dutchy of Mantova*. Jerusalem: Kiryat Sefer, 1977. P. 96, n. 304. Важно отметить, что чем выше был уровень еврейской аккультурации, тем выше было желание служить в армии. Так, например, евреи Мантуи и Триеста (парадоксально, обе общины были официально освобождены от воинской повинности), поддержали идею обязательной военной службы, в то время как галицийские евреи (гораздо более традиционные) пытались протестовать; см.: Simonsohn. *Jews in the Dutchy of Mantova*. P. 475, n. 501. Евреи Триеста, в своем обращении к другим общинам утверждали, что военная служба была призвана внушить евреям «любовь к труду и нетерпимость к лени»; см.: Dubin, *The Port Jews*. P. 150–151.

5 См. О нем более подробно: István Deák. *Jewish soldiers in Austro-Hungarian Society // Leo Baeck Memorial Lecture*. No. 34. New York: Leo Baeck Institute, 1990. P. 8–9.

с приветствием встретили закон о всеобщей (всесословной) воинской повинности. После 1867 года число евреев в австрийской армии неуклонно увеличивалось. В 1902 году в австрийской армии служило 60000 евреев, то есть 4 % от всего личного состава — значительная цифра, если учесть, что евреи составляли около 4.5 % всего населения империи.

Евреи Австрии использовали малейшую возможность, предоставленную им законом, чтобы сделать карьеру в армии. Около 70 % всех еврейских офицеров служило в пехоте, четыре военврача еврейского происхождения дослужились до генералов армии. К 1911 году 23 австрийских еврея получили генеральские погоны. Из них четырнадцать перешли в христианство — скорее из личным побуждений, чем из практической необходимости, поскольку австрийский закон провозглашал подниматься по служебной лестнице всем без исключения, в том числе и евреям, «оставшимся в своей вере». Так, например, генерал-майор Эдуард фон Швейцер (Eduard von Schweitzer), командовавший на пике своей карьеры пехотной бригадой, остался в еврейском вероисповедании⁶. Правда, заметим в скобках, что в отличие от Франции, Австрия последовательно не допускала евреев к службе в Генеральном штабе.

Австрийская военная администрация стояла рьяно на страже чести и достоинства своих офицеров, независимо от их религиозных убеждений или этнического происхождения. В австрийской армии считалось недостойным поступком, если офицер-христианин отказывался от вызова на дуэль офицера-еврея. Австрийский солдат, нанесший оскорбление расистского характера еврейскому солдату, рисковал понести наказание и лишиться выслуги. Военная администрация относилась с уважением и к религиозным обязанностям кадрового состава. Как и в США, в 1866 Австрия учредила в армии институт еврейских военных капелланов. К началу Первой мировой войны в австрийской армии находилось 178 еврейских капелланов действительной службы и 244 капеллана запаса. После 1914 года, около 32000 солдат еврейского происхождения (в составе различных европейских армий) принимало участие в кампаниях Первой мировой. Во время войны Австрия произве-

6 В 1897 г. еврейские солдаты составляли 3 % всего рядового состава армии, в то время как офицеры действительной службы составляли 13 % всего офицерского состава. В то же время, евреи насчитывали 19 % офицеров запаса, что во много раз превосходило пропорциональное отношение евреев к населению Австро-венгерской империи. Уменьшение этих показателей к 1914 году было результатом уменьшения еврейского населения империи и усиливающегося антисемитизма, от которого даже толерантнейшая австрийская военная машина не была защищена. Более подробно см.: István Deák. *Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918*. New York and Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 133, 171, 174–178; *Ibid.* *Jewish soldiers*. P. 11–16.

ла в офицеры около 25000 евреев. Некоторые из них, например, генерал Александр фон Эйс (Alexander von Eiss), присоединились к сионистскому движению. Другие же, например, артиллерийский офицер Вольфганг фон Визель (Wolfgang von Weisel), оказались в 1940-е годы среди отцов-основателей регулярной израильской армии⁷. Верность габсбургских евреев армейским ценностям и уважение к военной службе прочно вошло в европейскую культурную память. Один из новомодных английских писателей выпустил недавно роман о группе солдат Чешского корпуса, волею судеб оказавшихся в самый разгар Гражданской войны в сибирской деревне: ими командовал лейтенант Йозеф Муц (Joseph Mutz) — рационалист, прагматик, верноподданный австрийский еврей, верой и правдой служивший прежде, а ныне готовый служить своему новому национальному (чешскому) отечеству⁸.

Приняв австрийский эксперимент с военной службой евреев как точку отсчета, просвещенные французские политики объявили военную повинность непременным условием еврейского равноправия. (Понятие «эмансипация», предложенное Вильгельмом Трауготтом Кругом (Wilhelm Traugott Krug), получило широкое хождение много позже, в конце 1820-х гг.). В пореволюционной Франции армия считалась высшей школой гражданственности, где гражданин-солдат познавал премудрости военной профессии, учился стойчески переносить тяготы службы, становился защитником новых национальных идеалов — свободы и братства, и готов был принести себя в жертву ради спасения нации и отечества⁹. С трибуны Национального собрания аббат Грегуар требовал полного еврейского равноправия. Он утверждал, что современные ему иудеи сохранили библейское представление об отваге, что они — наследники воинов Древнего Израиля и Иудеи, а потому имеют все шансы снова стать отличными солдатами. Он вопрошал риторически: «Если ев-

7 Erwin A. Schmidl. *Jews in the Austro-Hungarian Armed Forces* // Stephen Fischer-Galati and Béla K. Király (eds.). *Essays on War and Society in East Central Europe, 1740–1920*. New York: Boulder and Columbia University Press, 1987. P. 69–84.

8 James Meek. *The People's Act of Love: a Novel*. Toronto, Edinburgh, and New York: HarperCollins, 2005. P. 36–58.

9 См. теоретическое обсуждение этой темы: Jean-Paul Bertaud. *The Revolutionary Role of the Army: To Regenerate Man, to Form a Citizen, A Model for Civil Society?* // George Levitine (ed.). *Culture and Revolution: Cultural Ramifications of the French Revolution*. College Park: Maryland, 1989. P. 18–39. Призыв на военную службу был напрямую связан с эмансипацией евреев — как в XIX, так и в XX веке. Так, например, в начале 1910-х гг. власти Англии обсуждали призыв в армию русских евреев-беженцев как составную часть процесса их натурализации. См.: Eugene C. Black. *The Social Politics of Anglo-Jewry, 1880–1920*. New York: Basil Blackwell, 1988. P. 374–377; Harold Shukman. *War or Revolution: Russian Jews and Conscription in Britain, 1917*. London and Portland, OR: Vallentine Mitchell, 2006. P. 6–8.

рея можно превратить в скотовода, почему из него нельзя сделать солдата?»¹⁰

Сразу же после победы революции многие офранцузенные евреи сефардского происхождения, живущие в Париже и на юге Франции, записались волонтерами в Национальную гвардию. В то же время более традиционно ориентированные ашкеназские евреи из Эльзаса воспротивились введению воинской повинности и добились освобождения от службы¹¹. В середине 1800-х Великий Саннедрин (Синедрион), созванный Наполеоном, дабы одобрить хитроумный императорский план насильственной ассимиляции евреев, выступил за введение воинской повинности и даже объявил, что евреи, состоящие на военной службе, освобождаются от исполнения всех религиозных предписаний, включая законы о кошерной пище. Еврейские солдаты, считали депутаты Саннедрина, исполняли заповедь защищать отечество, а потому, в соответствии с буквой раввинистических законов, слагали с себя бремя всех иных заповедей. Наполеоновский декрет 1808 года запретил замену еврейского новобранца неевреем, обязав евреев нести воинскую повинность натурой. Так же, как и в Австрии, военная служба стала обязательной, и к 1812 году процент евреев в наполеоновской армии оказался пропорциональным проценту евреев среди населения Франции.

Изначально всех евреев, поступивших на военную службу, объединили в один батальон, названный Израильским корпусом (Corps Israelite), впоследствии развернутый в полк. Однако в 1810 году полк был расформирован, а еврейских солдат распределили в Первый легкий пехотный полк¹². Консистерии — французские государственные «крышевые» организации, которым подчинены были еврейские общины, проводили работу среди еврейского населения через раввинов, чтобы разъяснить евреям смысл и ценность французского патриотизма, национальной гордости и важности исполнения высшего воинского долга. В то же самое время военная администрация открыла для евреев возможности военной карьеры наравне со всеми другими гражданами. Такая стратегия принесла свои плоды: военная карьера оказалась одним из самых соблазнительных — и вполне доступных — способов, позволяющих быстро подняться по социальной лестнице и влиться во французскую аристократию. На протяжении всего девятнадцатого века евреев было непропорционально много в войсках армии, где они энергично ассимилировались в верхние эшелоны государственной бюрократии

10 Ronald Schechter. *Obstinate Hebrews: Representation of Jews in France, 1715–1815*. Berkeley: University of California Press, 2003. P. 92.

11 Schechter. *Obstinate Hebrews*. P. 172–173, особенно документальные материалы собранные им в прим. 42 (P. 284).

12 John R. Elting. *Swords around a Throne: Napoleon's Grand Armée*. New York: Da Capo Press, 1997. P. 189, 325.

и имперской элиты. Во времена Третьей республики во Французской армии состояло на действительной службе 24 генерала еврейского происхождения¹³. Рожденная в разгар французской революции идея «солдата-гражданина» оказала мощное воздействие на евреев Франции, в том числе и на юного Альфреда Дрейфуса. Вдохновленный идеями служения отчизне, он решил сделать карьеру в армии, которую считал, между прочим, «школой обязанностей и чести»¹⁴. Как и в Австрии, преданность французских евреев национальным идеалам не осталась незамеченной в европейской культурной памяти. Популярный современный испанский писатель вывел в своем романе некоего Робэра, храброго кавалериста наполеоновской Великой армии, телом и душой преданного императору, который пытался скрыть, что на самом деле он — Йоссель Дорфман из эльзасского городка Ажено (нем. Хагенау)¹⁵.

События в Италии развивались по сходному сценарию. В 1790-х евреи французских и австрийских провинций Италии дебатировали, как им совмещать соблюдение иудейских традиций со службой в гражданской гвардии (*Guardia Civica*) и новыми политическими обязательствами, поставленными на повестку дня французскими революционными событиями¹⁶. Как и везде в Европе, введение в 1848 году еврейского равноправия пробудило пламенные патриотические чувства среди евреев Италии и привело 235 еврейских добровольцев под знамена армий Сардинии и Пьемонта. В Венеции 45 евреев объединились в Тосканский батальон и выбрали двух командиров — Тревиса (*Treves*) и Леви (*Levy*), еврейского происхождения. Во Флоренции капитан Бачеви (*Vascevi*), также еврейского происхождения, возглавил местную Национальную гвардию. Евреи появились в качестве волонтеров в подпольных отрядах кар-

бонариев задолго до введения равноправия, в 1820-х годах. В конце пятидесятых около 113 еврейских добровольцев присоединилось к пьемонтским стрелкам (*Bersaglieri*) и 260 еврейских солдат участвовало в военных действиях времен Рисорджименто (1859–1860). Эмансипация вскружила голову итальянским евреям, превратив их в пламенных патриотов новообразованного отечества: в 1860 г. 127 солдат еврейского происхождения сражались под знаменами Гарибальди за Неаполь, а в 1870 г. 236 вошли в Рим под знаменами Королевской итальянской армии.

В Италии, как и везде в Европе — кроме России и Пруссии — иудаизм не представлял собой преграды для продвижения по службе. В 1895 году в итальянской армии служило 104 лейтенанта, 42 капитана, восемь майоров, два полковника — Теодоро Дебенедетти (*Teodoro Debenedetti*) и Джакомо Сегре (*Giacomo Segre*), и один генерал еврейского происхождения. Генерал Джузеппе Оттоленги (*Giuseppe Ottolenghi*) закончил Туринскую военную академию, участвовал в военных кампаниях 1859–1860-х годов, в 1864 и 1866 гг. удостоился высших военных наград, в 1895 г. был назначен командующим туринской дивизией, между 1902 и 1904 г. занимал пост военного министра, а в 1903 г. был назначен командующим Первым армейским корпусом. Евреи из богатых итальянских семей считали службу в армии делом престижа. Достаточно вспомнить ведущего итальянского промышленника Федерико Ярлаха (*Federico Jarlach*), который закончил военно-морскую академию в чине гардемарина, а затем, во время италяно-турецкой кампании 1912 г., служил капитаном корабля сопровождения. В конце XIX в. количество евреев в итальянской армии в семнадцать раз превышало отношение всех евреев к населению Италии. Итальянская армия предоставила евреям неограниченный доступ к чинам и должностям по военной службе, позволив им одновременно оставаться в своем вероисповедании¹⁷.

Качественный скачок в развитии европейских армий привел не только к появлению нового способа интеграции этнических меньшинств путем их милитаризации — приобщения к военной службе, но и к возникновению новой концепции рядового солдата. После разгрома прусских войск под Йеной Герхард Йохан Давид фон Шарнхорст (*Gerhard Johann David von Scharnhorst*), впоследствии возглавивший Главный штаб, разработал концепцию «просвещенного солдата», которая решительно изменила тактику прусских войск и позволила относительно быстро разгромить

13 Paula Hyman. *The Jews of Modern France*. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 44–45, 94.

14 Martin P. Johnson. *The Dreyfuss Affair: Honour and Politics in the Belle Époque*. New York: St. Martin's Press, 1999. P. 20–21. На вершине своей карьеры — и перед самым началом своего падения — Дрейфус сумел обойти бюрократические рогатки, препятствующие его назначению в Генеральный Штаб, куда он все же попал в чине капитана и без необходимости перехода в христианство. См. Jean-Denis Bredin. *The Affair: The Case of Alfred Dreyfus*. Transl. by Jerry Mehlman. New York: George Braziller, 1986. P. 19–22. См. новейшую ревизию дела Дрейфуса, предлагающую рассмотреть его в сугубо военном, а не политическом ключе: Robert Elliot Kaplan. «Making sense of the Rennes verdict»: the military dimension of the Dreyfus Affair // *Journal of Contemporary History*. No. 34 (4), 1999. P. 499–515.

15 Antonio Benitez Rojo. *Mujer en traje de la batalla*. Madrid: Alfaguara, 2001. P. 81–85.

16 Shlomo Simonson. «Teguvot ahadot shel yehudey italiya al 'ha-emantsipatsiya ha-rishonah» // *Italia judaica: gli ebrei in Italia dalla segregazione alla prima emancipazione: atti del III convegno internazionale*. Roma: Ministero per i beni culturali e ambientali, 1989. P. 47–68.

17 Salvatore Foà. *Gli ebrei nel Risorgimento italiano*. Assisi; Roma: Carucci, 1978. P. 30–31, 51; Ilaria Pacan. *Il Comandante: la vita di Federico Jarach e la memoria di un'epoca, 1874–1951*. Milano: Proedi, 2001 — особенно P. 45–52; Alberto Rovighi. *I militari di origine ebraica nel primo secolo di vita dello stato italiano*. Roma: Stato maggiore dell'esercito, Ufficio storico, 1999. P. 14–15.

наполеоновскую армию. Пруссии, считал фон Шарнхорст, нужен был солдат нового образца — верноподданный и грамотный, служащий Богу, кайзеру и отечеству. Только «воспитание», по мысли немецкого военачальника, могло способствовать возникновению «думающего» солдата, ответственного и сознательного, способного на патриотическое самопожертвование, который и стал бы основой нового прусского правопорядка. Шарнхорст считал, что армия — настоящий социальный институт, способный мобилизовать общество и преобразовать его в новую социально-политическую иерархию: священную Прусскую империю¹⁸. Как и все остальное население Пруссии, евреи оказались частью шарнхорстского плана, соединившего в себе элементы просветительской идеологии, модернизации государственной системы и милитаризации общества.

Эдикт 1813 года обозначил новый этап в становлении еврейского равноправия, связав воедино новые еврейские гражданские свободы и исполнение евреями воинского долга. Намерение Фридриха Вильгельма III (будущего тестя Николая I) превратить всех евреев Пруссии в полезных государству подданных проявилось прежде всего в том, что он сразу освободил от выполнения патриотического долга всех еврейских промышленников, предпринимателей и торговцев Берлина, Бреслау и Потсдама. Как и в Австрии, никаких особых законов, касающихся военной службы евреев, не было издано — король самолично распорядился объявить о призыве евреев на службу. Устав еврейской воинской повинности был опубликован задним числом, в 1815 году, когда на службе в войсках уже состояло несколько сотен рядовых еврейского происхождения. Как и другие документы такого рода, эдикт о равноправии воспламенил еврейско-прусский патриотизм. Синагогальные советы в таких городах, как Бреслау, отметили первую годовщину эдикта специально организованным для еврейских рекрут застольем. В Силезии общинные деятели обратились к еврейским новобранцам с торжественными речами и проповедями, отметив «особую святость солдатской профессии» и провозгласив неизбежность грядущей войны во славу «кайзера и отечества». В Кенигсберге местный раввин призвал еврейских рекрут принести в жертву «кровь и имущество во славу отечества».

Кроме 170 евреев, попавших под набор после публикации Приказа N 16 об образовании в Пруссии егерских полков, еще 561 поступило в армию добровольцами и участвовало в кампании 1813–

1816 гг. Более 50 % еврейских новобранцев служило в пехоте, около 10 % — в кавалерии. Примечательно, что отношение солдат еврейского происхождения (731) к числу рядовых было большим, чем отношение еврейского населения к прусскому. По-видимости, произвел положительный эффект тот факт, что военная повинность и гражданское равноправие шли в связке; около половины первых прусских солдат еврейского происхождения было представлено к наградам, 40 из них получили различные выслуги по службе. В своем катехизисе 1814 года Херц Хомберг (Herz Homberg), один из наиболее радикальных сторонников еврейской религиозной реформы, проповедовал, что военная служба освобождает еврея от таких бы то ни было обязательств перед религиозной традицией и что нет выше долга, чем долг перед отечеством, даже если исполняя его, солдат нарушает иудейский закон¹⁹.

Евреев в прусской армии не допускали к офицерскому чину; согласно распоряжению Главного штаба, еврей не имел права командовать солдатами-христианами. (Любопытно, что российский Главный штаб пришел к такому же выводу и обосновал его теми же причинами). За исключением Мено Бурга (Meno Burg, 1789–1853), в Германии не было ни единого офицера еврейского происхождения вплоть до 1914 года. За свою отличную службу Бург пользовался расположением некоего высокопоставленного немецкого военачальника, который в 1832 г. выхлопотал для него капитанский чин по артиллерии. Бург, тем не менее, оставался белой вороной среди офицеров: для него даже была заказана униформа другой расцветки, чтобы не перепутать его с офицерами-христианами²⁰. И все же эмансипация, хоть и неполная, означала для евреев Пруссии нечто большее, чем офицерские погоны. Прусское военное командование не могло пожаловаться на недостаток рекрут еврейского происхождения, жаждущих воевать и умирать за свой немецкий фатерлянд. В 1827 г. регулярная армия насчитывала порядка 1346 солдат-евреев. Около 4700 солдат еврейского происхождения сражалось на полях франко-прусской войны 1870–1871 гг., 483 из них погибли или получили ранения. После 1880 года на одногодичную службу в армию ежегодно записывалось около 25000–30000 добровольцев-евреев. Эта цифра не включает в себя всех тех, кто был призван по набору. Около 1200–1500 евреев приняли крещение — ради того, чтобы сделать карьеру в армии²¹. Вальтер Ратенау (Walther

18 Charles Edward White. *The Enlightened Soldier: Scharnhorst and the Militärische Gesellschaft in Berlin, 1801–1815*. New York: Praeger, 1989. P. XII–IV, 56–86, 122–123. О влиянии идей Клаузевица и Шарнхорста на Николая I между прочим упоминает Карл Ван Дейк, см.: Carl Van Dyke. *Russian Imperial Military Doctrine and Education, 1832–1914*. New York: Greenwood Press 1990. P. XIV.

19 Horst Fischer. *Judentum, Staat und Heer in Preussen im frühen 19. Jahrhundert: Zur Geschichte der staatlichen Judenpolitik*. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1968. P. 32–41.

20 Michael Meyer (ed.). *German-Jewish History in Modern Times*. 4 vols. New York: Columbia University Press, 1997. V. 3. P. 259–261. В связи с Мено Бургом см.: Fischer. *Judentum, Staat und Heer*. P. 127–130.

21 Ein Stück von uns: deutsche Juden in deutsche Armeen 1813–1976: e. Dokumentation. Mainz: v. Hase und Koehler, 1977. P. 27–28, 34–38.

Rathenau), впоследствии — министр финансов Веймарской Германии, вспоминал, что его особенно унизило положение «гражданина второго сорта», когда его не допустили к офицерскому чину и отправили в резерв в чине младшего капрала²². Около 30000 евреев, прошедших специальную офицерскую подготовку между 1885 и 1914 г., так и не получили офицерского звания. Однако во время Первой мировой войны прагматические соображения возобладали над идеологией, и германское военное министерство наконец согласилось предоставить евреям право получения офицерского чина. (Кстати, в России, где евреев также не допускали в офицерское сословие, евреям пришлось дожидаться крушения империи, чтобы им, наконец, была позволена выслуга по службе). В период Первой мировой евреи Германии продемонстрировали такой же патриотический порыв, как и их христианские соотечественники; 100000 евреев сражались в рядах германской армии между 1914 и 1918 г., 12000 из них погибли на фронте²³.

Таким образом, Австрия, Франция, Пруссия и Италия предложили своим евреям различные варианты интеграции, каждый из которых предполагал как введение элементарного равноправия, так и исполнение воинской повинности. В России причины распространения на евреев рекрутской повинности были во многом сходны с европейскими, и также были вдохновлены новым европейским утилитаризмом и просветительскими идеалами.

Еврейская реформа: русский вариант

Планы российской администрации распространить на евреев рекрутскую повинность восходят к той эпохе, когда западноевропейские державы вплотную занялись интеграцией в государство различных этнических меньшинств, в том числе евреев. Хотя Александр I и не был зачинателем военной реформы, в Уставе 1804 года он признал за евреями статус-кво, подтверждающий их старые польские привилегии, учредил два Еврейских комитета — один в Варшаве, другой в Петербурге, назначил в них просветительски мыслящих польских и русских сановников и поручил им разработать проект радикальной еврейской реформы²⁴. К декабрю 1825 года оба комитета подготовили всю необходимую документацию, но тут

Александру случилось неожиданно умереть, восстали декабристы, в. кн. Константин отрекся и на трон взошел Николай I. Ознакомившись с бумагами, Николай взял план Еврейского комитета за основу и воплотил его в жизнь, опираясь на свои собственные принципы и следуя своим личным приоритетам. С точки зрения еврейской политики Николай продолжил своего предшественника, дав дальнейший ход разработанным ранее предложениям. Чтобы понять роль Николая в окончательном решении вопроса о конскрипции евреев России, необходимо вернуться к тому моменту, когда созданный Александром Еврейский комитет в Варшаве принялся за разработку радикальной еврейской реформы.

В 1815 г. прекратило свое существование основанное Наполеоном Бонапартом Герцогство Варшавское. Согласно решению Венского конгресса, новоучрежденное Царство Польское преобразовывалось в конституционную монархию, объединенную с Российской империей в персональную унию. Александр назначил своего брата Константина польским вице-королем, который, кроме всего прочего, принимал на себя командование стратегически важными армией Царства Польского и Литовским корпусом. Эти политические перемены привели к тому, что администрация Царства Польского принялась продвигать еврейскую реформу в ускоренном темпе, причем с существенным отличием от того, как еврейская реформа в дальнейшем развивалась в России, в первую очередь в том, что касалось военной службы.

Следуя рекомендациям Александра I, члены варшавского Еврейского комитета, более решительно настроенные на реформу, чем их коллеги в Петербурге, предложили два первых пункта в качестве приоритетов будущей реформы: учредить государственные еврейские школы с элементами светского образования и раввинские семинарии для подготовки школьных учителей. Введение воинской повинности варшавский еврейский комитет считал маловажной частью реформы. Военная комиссия (*Komisja Rządowa Wojny*), своего рода военное министерство Царства Польского, утверждала, что военная служба — одновременно долг и почетная привилегия (*zaszczytny przywilej*) жителей Царства. Бесспорно, польским евреям будут дарованы равные со всеми права; но чтобы их заслужить, евреи обязаны были отслужить десять лет в армии, причем они не имели права пользоваться отсрочкой (скажем, по причине ранней женитьбы). Отсрочки и освобождение от службы предоставлялись только одному раввину и одному кантору от каждой общины. Дабы предотвратить уклонения от службы, комиссия решила, что призванного еврея может заменить только другой новобранец еврейского же происхождения.

Тем не менее, варшавская комиссия приняла решение исключить евреев из рекрутского призыва. Наполеоновские войны подорвали экономику — поэтому, полагали члены комиссии, Царство Поль-

22 Amos Elon. *The Pity of it All: A History of Jews in Germany, 1743–1933*. New York: Henry Holt, 2002. P. 234.

23 Israel Schwiertz. *Für das Vaterland starben: Denkmäler und Gedenktafeln für jüdische Soldaten in Thüringen: Dokumentation*. Aschaffenburg / Main: Krem-Bardischewski, 1996. P. 18.

24 Artur Eisenbach. *Z Dziejów ludności żydowskiej w Polsce w XVIII i XIX wieku*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983. P. 168–170.

ское просто не могло себе позволить введение рекрутской повинности для евреев. Если евреи будут служить в армии, их пришлось бы освободить от государственных налогов, в результате чего казна потеряла бы около 700 000 злотых — роскошь, которую власти не могли себе позволить. Кроме того, учитывая общий вес польского еврейского населения, комиссия сочла рискованным мероприятием доверять евреям оружие. Вполне вероятно, что члены комиссии припомнили евреям, как те присоединились к бунтующим полякам во время восстания Костюшко перед Третьим разделом Польши, как и то, что евреи всячески поддерживали Наполеона во время его пребывания в Польше²⁵. Кроме того, члены военной комиссии оставались при подозрении, что идея распространения на евреев военной повинности была предложена просветительски мыслящими варшавскими евреями, которые ставили себе за цель вдохновить евреев романтическими идеалами столь опасного польского патриотизма²⁶. Отрицательные последствия немедленного введения воинской службы для евреев в новоприсоединенной имперской окраине были слишком очевидны. Поэтому комиссия приняла решение освободить евреев от несения службы — льгота, за которую евреи должны были платить ежегодно 600 000 злотых, а варшавская еврейская община — дополнительные 700 000 злотых.

Некоторые патриотически настроенные евреи — члены комиссии — пытались протестовать, в то время как более осторожные из них — общинные ходатаи, близкие ко двору Константина, такие как Абрам Блументаль (Avraam Blumenthal) и Мейер Диамант (Mayer Diamant) из Кракова, рабби Гизель Маркуш (Gizel Markusz) из Плоцка и рабби Берек (Berek) из Люблина, ничтоже сумняшеся поставили свои подписи под протоколом военной комиссии. Александр I одобрил это решение, и 19 апреля 1817 года распорядился, пусть евреи выплачивают указанную сумму и не призываются в армию²⁷. Скорей всего Александра на тот момент устраива-

ло, что еврейское законодательство Польши совпадало с законами, принятыми в Российской империи, поскольку на тот момент еврейские черты оседлости также платили выкуп (500 рублей за рекрута) и были освобождены от несения службы.

Еврейская реформа в Царстве Польском пошла по пути, принципиально отличному от российского. Константин был куда более последователен в своем отношении к еврейской реформе, чем Александр. В самом начале 1820-х годов он энергично принялся вводить элементы еврейского гражданского равноправия. Он отменил кагалы, которые считал пережитком средневековья, переподчинил евреям городским советам и учредил синагогальные наблюдательные комитеты (*dozor bóżniczy*), управляющие общинными делами и находящиеся в государственном подчинении²⁸. За этими нововведениями последовала образовательная реформа: варшавский Еврейский комитет предложил немедленно основать раввинистические семинарии, чтобы в них готовить нового типа раввинов, готовых верой и правдой служить «Богу, монарху и народу». В своем докладе 1825 года члены комитета, включавшего католиков-поляков Игнация Залеского (Ignacy Zaleski), Валериана Красиньского (Walerian Krasiński), Стефана Витвицкого (Stefan Witwicki), Яна Ивашкевича (Jan Iwaszkiewicz), Юзефа Ковнацкого (Józef Kownacki) и новообращенного христианина из евреев Станислава Хоре (Stanisław Hoge), уделили несколько больше внимания военной повинности, переместив соответствующий параграф с 26-го на одно из пяти первых мест, уступающее по важности только нововведениям в области образования.

Рассуждения членов комитета, зафиксированные по-французски, повторяли общие места просветительской риторики. Идея еврейского «перерождения», столь часто звучавшая на заседаниях революционного Национального собрания 1790-х, угадывалась за каждым пунктом предложенной программы, хотя члены комитета, вероятно, чтобы избежать прямых революционных параллелей, так и не положили ее на бумагу. Позаимствовав из французской просветительской терминологии, члены комитета сочли воинскую повинность вполне полезным начинанием. В армии, полагали они, неуправляемый, взбалмошный, нечистоплотный и враждебно настроенный к христианским собратьям еврей превратится в индивида, «привычного к поддержанию порядка, чистоты, и товарищеских отношений». Любой еврей, прошедший военную службу, раз и навсегда излечится от всех «социальных зол, столь характерных для его народности». Он уже никогда не вернется к типично изоляционистским привычкам своего прошлого. Армия, кроме всего прочего, научит еврея таким понятиям, как честь, любовь к родине, уважение к согражданам, что послужит в конечном счете на пользу гражданской, фи-

25 После падения Варшавы генерал Алексей Ермолов писал, что евреи отчаянно защищали Прагу — еврейский пригород польской столицы. См.: Русские люди о евреях. СПб.: А. М. Вольф, 1891. С. 34.

26 Arthur Eisenbach. Kwestia równouprawnienia Żydów w Królestwie Polskim. Warsaw: Książka i Wiedza, 1972. P. 79, 80, 83, 84. О патриотическом настрое варшавских евреев см.: Jacob Shatzky. Di geshikhte fun yidn in Varshe. New York: YIVO, 1947. P. 177–181.

27 Среди 28 пунктов реформы военная повинность стоит на 26-м месте. См.: Archiwum Główny Akt dawnych (далее — AGAD), zb. I. Rada Stanu Królestwa Polskiego, sygn. 285 (Rapport z czynności Komitetu wyznaczonego do zaprowadzenia reformy Ludu Starozakonnego), 53–73; AGAD, zb. I. Rada Stanu Królestwa Polskiego, sygn. 387 (Przepisy względem zasiągu do Wojska czyli Konskrypcja, 1816), ll. 2–3, 8, 18–19, 95–105; AGAD, zb. Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 700 (О рекрутской повинности евреев, в Царстве Польском обитающих), 3–5, 10, 15–16; AGAD, zb. Secretariat Stanu Królestwa Polskiego, sygn. 199, ll. 64–79. Также см.: РГИА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 142.

28 AGAD, zb. Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 626, ll. 2, 9, 25–32, 70, 91.

зической и моральной реформы евреев. Христиане также осознают полезность еврейской воинской службы, особенно когда они увидят, что еврей может стать исполнительным солдатом, ни в чем не уступающим солдату-христианину. Разумеется, успех предлагаемой реформы зависел от того, насколько будут уравнены по службе и выслугам еврейские и христианские солдаты. В конечном счете, члены комитета заявили, что евреи окажутся примерными учениками в армии, «этой подлинной школе цивилизации и реформы»²⁹.

Решения петербургского Еврейского комитета наследовали варшавскому. Чтобы разработать свою собственную еврейскую реформу, члены комитета, состоявшего из Якова Дружинина, Петра Кайсарова, Максима Фон-Фока и Григория Карташевского, обратились к своим варшавским коллегам с просьбой поделиться планами, соображениями и данными по еврейскому населению. Приложенный к их письму вопросник свидетельствовал, что петербургские сановники имели весьма туманное представление о внутриобщинной организации русских евреев — куда более приблизительное, чем их варшавские коллеги. Из Варшавы пришел детальный ответ, разъяснявший необходимость отмены кагала и введения образовательной реформы. Выслушав советы членов Петербургского Еврейского комитета, Александр не решился вводить аналогичные реформы в черте оседлости. В свою очередь в. кн. Константин огорчился, что разработки его подопечного комитета не пошли в работу; он как раз настаивал на необходимости привести в соответствие законодательство о евреях России и Царства Польского — прежде всего в том, что касалось реформы. В противном случае, резонно заметил Константин, все те, кто противился реформе, могли переселиться из одной части империи в другую (из Царства Польского в пределы черты оседлости), избежав, таким нехитрым способом, положительного влияния государственных нововведений.

Константин вел непрерывные переговоры с Александром до 1825 года и с Николаем после, пытаясь убедить своих собеседников в необходимости унифицировать меры, направленные на аккультурацию и интеграцию еврейского населения. Следуя его совету, 15 июня 1826 года Николай обратился к Константину с просьбой помочь установить рабочие контакты между двумя столичными еврейскими комитетами — и объединить их усилия. Пока члены двух комитетов обменивались мнениями о структуре еврейских общин

29 Варшавский еврейский комитет предложил две уступки: евреи призывались пропорционально к своей доле в общем населении и проходили шестилетнюю, а не десятилетнюю, как христиане, службу. См.: AGAD, zb. Secretariat Stanu Królestwa Polskiego, sygn. 199, ll. 71-71ob., 139-143ob., 146b-148ob. См. более ранний вариант реформы, разработанный, по-видимости, непосредственно великим князем Константином: AGAD, Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 700 (О рекрутской повинности евреев, в Царстве Польском обитающих), ll. 50-76.

и деятельности вредных еврейских сект (в первую очередь «хасидической» — то есть хасидов), Николай получил проект реформы и решил начать ее с введения рекрутчины³⁰. Он обратился к своему Еврейскому комитету с предложением незамедлительно разработать проект устава о рекрутской повинности евреев, приняв во внимание прежде разработанные в Варшаве документы. Как только проект был составлен, Николай послал его Константину на одобрение.

Развернувшиеся сразу после этого обсуждение и переписка привели к парадоксальному результату. Несмотря на усилия по унификации еврейского законодательства в России и Польше, государственная администрация, следуя распоряжениям Николая, объявила о введении рекрутчины в России, но предпочла отказаться от этой меры в отношении польских евреев. Кроме всяческого рода ухищрений, к которым прибегали ходатаи от еврейских общин, чтобы предотвратить введение рекрутчины, только один человек самолично несет ответственность за спасение евреев Польши от николаевской рекрутчины. Его звали Николай Николаевич Новосильцев. Посланный Александра и Николая, наделенный неограниченными полномочиями и властью, тайный советник Новосильцев был вторым человеком в польской администрации и уступал по степени влияния только в. кн. Константину. Новосильцев был сенатором и главой своей собственной канцелярии, заменявшей несколько министерств вместе взятых. Он был организатором и вдохновителем секретной — гражданской и военной — полиции в Царстве Польском. Он также был членом всевозможных польских законодательных комитетов и серым кардиналом при дворе Константина³¹. Кроме всего прочего, как член Еврейского комитета он считался непревзойденным придворным экспертом по еврейским вопросам. Его реформистские устремления, одобренные, если верить некоторым польским источникам, изрядными еврейскими пожертвованиями в его личный карман, преследовали введение полного еврейского гражданского равноправия³². И хотя Константин установил тайное наблюдение за деятельностью своего главного помощника, в большинстве случаев он ему доверял, посвящал его во все государственные планы и не принимал ни одного закона без его одобрения³³. Когда в апреле 1826 года главнокомандую-

30 AGAD, zb. Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 938 (Настольная книга, 1826), l. 373; *ibid.*, sygn. 939 (Настольная книга, 1827), l. 509; AGAD, zb. Secretariat Stanu Królestwa Polskiego, sygn. 199, ll. 71-71ob., 139-139ob.

31 Franciszka Ramotowska. Kancelaria senatora Nowosilcowa // Archiwum Głównego Act Dawnych. Przewodnik po zasobie. 2 vols. Warszawa: DiG, 1998. V. 2. P. 76-83.

32 О предложениях Новосильцева по еврейской реформе, см.: Джон Клир. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России. М., Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2000. С. 273, 295, 299, 303-305.

33 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. XX. Т. 1 (Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Записки статс-секретаря

щий польскими войсками предложил в докладе Константину ввести воинскую повинность для евреев, Константин нашел мысль «полезной», поскольку, с его точки зрения, евреи в целом представляли собой вредный для христианского общества элемент. Но чтобы избежать непредвиденных сложностей и принять четкое решение об отсрочках и льготах, он предложил Еврейскому комитету разобраться со всем этим и послал Новосильцеву предложение о введении рекрутской повинности для евреев, полученное из Петербурга³⁴.

Новосильцев ответил детальной, хорошо продуманной, взвешенной и убийственной критикой предложенного проекта. Несколько обстоятельств вызвало его тревогу, причем все его опасения с лихвой подтвердились сразу же после введения еврейской рекрутчины в России. Новосильцев указал, что авторы предложенного проекта перепутали общинные, политические и географические параметры. Он даже брался предсказать, что эта путаница внесет полную неразбериху в еврейскую среду во время набора — и приведет к значительным злоупотреблениям со стороны местных властей. Новосильцев также подверг сомнению всю ту документацию, которая была положена в основу рекрутского набора — еврей, утверждал он, не имели соответствующих метрических книг и потому были не в состоянии предоставить военной администрации мало-мальски аккуратные рекрутские списки. По Новосильцеву, некоторые пункты указа вообще не имели смысла — скажем, параграф, запрещающий квартировать еврейских новобранцев вблизи еврейских поселений. В большинстве польских городов, отметил он, больше еврейского, чем христианского населения; но квартировать новобранцев среди крестьян представлялось еще менее разумным, так как в этом случае евреи оказывались без кошерной посуды и без доступа к кошерной пище — это означало, что новобранцы попросту будут голодать. Новосильцев призвал в помощь еврейскую статистику, отметив, что в Польше на ту пору насчитывалось приблизительно 15000 евреев, подпадавших под призыв, и еще 50000 — в Вильне. Контролировать столь «многочисленные скопища» во время набора представлялось ему решительно невозможным. Стечение огромного числа евреев, военных, представителей местной власти, при неспособности центральных и местных властей устранить самоуправство, было чревато возмущением, которое администрация была бы неспособна урезонить.

Именно поэтому Новосильцев рекомендовал отвергнуть предложенный проект, введя вместо него единые правила управления ев-

барона Корфа). Л. 89 об. Кроме всего прочего, на Новосильцева была возложена обязанность разработать проект конституционной реформы в России. См.: David Saunders. *Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881*. London and New York: Longman, 1992. P. 71.

34 AGAD, Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 626 (О еврейских кагалах и школах в Царстве Польском, 1824–1826), л. 263.

рейскими общинами России и Царства Польского. Совершенно очевидно, что предложив унифицировать законодательство и отказаться от рекрутчины, Новосильцев пытался, кроме всего прочего, еще и повлиять через Константина на решения по еврейской реформе, принимаемые в Петербурге. Новосильцев подытожил: введение воинской повинности для евреев требует сбора более обширных и точных данных о внутреннем и внешнем положении еврейских обществ; власти должны глубже знать и лучше представлять себе, с какими проблемами они могут столкнуться при проведении в жизнь еврейской реформы; предложенный документ не отражает специфики отношений администрации Царства Польского и евреев; наконец, предложенный проект не соответствует той искренней заботе, которую его высочество в. кн. Константин проявляет в отношении своих евреев³⁵.

Трудно представить себе, что вызвало появление на свет этого документа: был ли он результатом новосильцевского скептически-рационалистического взгляда на вещи, или же не обошлось без своекорыстного еврейского вмешательства, или сыграло роль и то, и другое обстоятельство, — важно одно: ответ Новосильцева сработал. Константин не прислушался к рекомендациям Николая. Его решение не привлекать евреев Польши к отбыванию воинской повинности имело важные последствия. Николай ввел воинскую повинность для евреев Царства Польского только шестнадцать лет спустя, в 1843 г. К этому времени он успешно справился с польским восстанием 1830–1831 гг., лишил Польшу конституции и уничтожил последние рудименты польской независимости, окончательно подмяв Царство Польское под Российскую империю. В 1843 г. Николай был уверен: служба в русской армии способствует интеграции польских евреев в российскую государственную систему, значительно ослабит романтически-революционный польско-еврейский альянс и усилит русификацию западных окраин империи. Введение рекрутчины в Польше совпало, кроме всего прочего, с началом широкомасштабной реформы евреев Российской империи³⁶. Но в 1827 г. Николай предпочел не ссориться с братом — хотя у себя дома он распорядился поступить совсем иначе.

Николаевские приоритеты

Итак, зимой 1826 года Николаю на стол легла увесистая папка с предложениями по еврейской реформе. Просмотрев ее, он поменял места пунктов, предложенные варшавским и петербургским еврейскими комитетами. Вначале он ввел в Российской империи рекрутчину, затем учредил т. н. «разбор» — классификацию евреев на полезных и бесполезных, после этого отменил кагал и приказал основать го-

35 AGAD, zb. Kancelaria Senatora Nowosilcowa, sygn. 626, ll. 264–289.

36 Eisenbach. *Kwestia rownouprawnienia Żydów*. P. 79–84.

сударственные школы для еврейских детей, и, наконец, распорядился об учреждении раввинских семинарий. Начав в середине 1820-х с рекрутчины, Николай отложил все остальные реформы на 1840-е. Хотя историки связывают такое решение с давней николаевской привязанностью к военным парадам и муштре, на самом деле николаевский милитаристский пафос может иметь и более глубокие корни.

Будучи ребенком, в. кн. Николай (воспитывавшийся вместе со своим братом в. кн. Михаилом) предпочитал всем имевшимся у него игрушкам солдатиков. Проснувшись утром, он прыгал с кровати и садился играть в своих оловянных и фарфоровых солдатиков, строил фортификации и атаковал неприятельские войска. Порой он планировал сражения и маневры, используя в качестве полков и армий цветные прямоугольные и квадратные костяные фишки (2 см на 3 см), на которых было выведено пером: «пехота», «кавалерия», «артиллерия». В детстве Николай обожал военную униформу: в 1801 году его гарбероб насчитывал шестнадцать мундирчиков Измайловского и Кавалергардского полка. В его распоряжении также было две дюжины серебряных звезд Св. Андрея: то были награды из фольги за ранние военные победы Николая³⁷. Вдовствующая императрица Мария Федоровна пыталась отвлечь великих князей от военных игр, но приставленные к ним воспитатели только пуще разогрели своими рассказами николаевское воображение и мечты об армии и военных кампаниях. Генерал Матвей Ламздорф, начальник первого кадетского корпуса, был строгим и жестокосердым наставником. Впрочем, ему удалось внушить Николаю понятие о дисциплине. Другой наставник, генерал-майор Ахвердов — Николай обожал его — учил великого князя рисовать, защищать и атаковать крепостные сооружения. Николай рисовал непрерывно, проявив в этом занятии недюжинный талант: из-под его карандаша выходили тщательно отретушированные и детально прорисованные солдаты, военная униформа, военные карты, амуниция, инженерные сооружения и фортификации³⁸.

Подавить военные пристрастия великого князя представлялось пустым делом. В 1810 г., четырнадцати лет от роду, он заявил: «Арсенал есть место, которое изо всех здесь более люблю»³⁹. Записи

37 См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Д. 466 (Граф М. А. Корф. Рождение и детство императора Николая I).

38 Порой николаевская любовь к униформе не знала границ: в двадцатилетнем возрасте Николай нарисовал свою жену, одетую в обтягивающий ее до неприличия кавалергардский мундир. См. собрание николаевских эстампов, акварелей и рисунков: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1314 (Рисунки в. кн. Николая Павловича). Л. 2, 4, 6. Некоторые из них воспроизведены в кн.: Урок рисования. Каталог выставки. СПб., 2006. С. VII.

39 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 722. Т. 5 (Упражнения в. кн. Николая Павловича в переводах и сочинениях на русском языке, с отметками императрицы Марии Федоровны, 1810). Л. 13.

Зимнего Дворца фиксируют такой случай: по распоряжению императрицы-матери, Ахвердов однажды задал Николаю написать сочинение на тему «Военная служба не есть единственная служба дворянина, но что и другие занятия для него столько же почтенны и полезны». Николай провел полтора часа обдумывая тему, но так ничего и не написал. Ахвердову пришлось продиктовать своему подопечному весь текст, о чем он и пожаловался императрице⁴⁰. Похоже, армия и только армия вдохновляла юного Николая. Хотя Мария Федоровна не позволила Николаю и Михаилу поехать к войскам во время кампании 1812–13 гг. (несмотря на их слезные просьбы), военная слава Наполеона Бонапарта вынудила ее пригласить к Николаю двух профессиональных военных учителей — генерала Оппермана и полковника артиллерии Маркевича, чтобы наставлять великих князей в милитаристском духе эпохи⁴¹. Под их руководством и сформировались военные пристрастия юного Николая.

На уроках истории Николай, наконец, нашёл себе образец для подражания — Петра Первого. В своих сочинениях по истории государства российского Николай обошел молчанием все великие «дела Петровы» — Санкт-Петербург, первую русскую газету, Кунтскамеру, Сенат, западного образца гражданское платье, образование дворянства. Вместо этого Николай возвеличил Петра как выдающегося реформатора армии и флота. Петр для него был мудрым стратегом, который увеличил численность армии, модернизировал рекрутский набор и основал русский флот. Николай был в полном восторге от того, как Петр сумел превратить свои «потешные» полки в основу основ регулярной армии. Похоже, Николай был движим тайной мечтой: стать таким, как Петр, в первую очередь — в военном деле. Николай всерьез занялся штудиями; он вполне преуспел в военной стратегии, которую ему преподавал Опперман, и в военном переводе, в котором он совершенствовался под руководством Маркевича⁴². Среди вещей, особо ценимых в принципе

40 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Д. 466 (Граф М. А. Корф. Рождение и детство императора Николая I). Л. 79 об. См. также трогательные записки Николая к Ахвердову с просьбой простить его за упрямство во время уроков, ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 709 (между 1803 и 1805). Об этом эпизоде упоминается также в кн.: Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб.: А. С. Суворин, 1903. Т. 1. С. 37.

41 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. 1. Т. 1 (Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Записки статс-секретаря барона Корфа). Л. 31 об.-33, 38, 41–41 об., 42, 46, 55, 75, 77 об., 80 об., 93 об., 106 об.

42 Николай изучал виды войн, военные маневры, теорию наступления и атаки, структуру и состав русских армейских полков, способы изгнания Турции из Европы. Последний пункт был в числе наиболее важных и в планах Петра Великого. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1039 (Собственноручные записки в. кн. Николая Павловича по части тактики и стратегии). Л. 28–32, 33–56; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 839 (Учебные записки Николая по форти-

глубоко аскетичным Николаем, были карманные часы — наследие Петра. Как и Петр, Николай уделял особое внимание изучению инженерного дела и фортификации. Свою любовь к отечеству Николай сформулировал едва ли не в тех же словах, что и Петр, причем с акцентом на армии, патриотизме и солдатском самоотречении. Вероятно, движимый прусскими предпочтениями, столь характерными и для Петра, Николай вознамерился перевести с немецкого трактат о Семилетней войне и выдержки из трактатов о морали, по которым учили в прусской военной академии⁴³. Уже будучи российским императором, он нередко повторял свою любимую присказку, за которой легко угадывается петровский энтузиазм: «Я до ленивых не охотник!»⁴⁴ Когда в 1840-х Николай оставил свои роскошные покои и перебрался в маленькую аскетическую комнатку на верхотуре Зимнего Дворца, он забрал с собой своих раскрашенных фарфоровых солдатиков, два батальных полотна и большой портрет Петра Великого⁴⁵.

Николай учился управлять державой задолго до того, как он унаследовал трон, тем не менее, по-настоящему его волновала только военная реформа. Поняв, что армия поглощает значительную долю государственного бюджета, в своем эссе «Мнение об приведении армии на такую ногу, чтобы не уменьшая значительно наличного числа войска, уменьшить издержки на содержание его и дать способ скорого усиления» 1824 года он предложил разом решить финансовые проблемы армии и государства⁴⁶. В этом сочинении Николай представлял себе армию неким невнятным образованием, который он, Николай, способен решительно реорганизовать. Он высмеял всех тех, кто полагал, будто бы миллионная русская армия была непомерной обузой тридцатипятимиллионному (как Николай полагал) народу. И все же, утверждал он, в армии было слишком много командиров высшего ранга и слишком мало офицеров среднего

фикации и стратегии, 1810–1815). Л. 92–95, 182–185. Опперман горячо хвалил феноменальную память Николая и его способность четко и ясно рассуждать на военные темы. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 921а (Беседы с в. кн. Николаем Павловичем по поводу изучения военных наук. Рапорты генерал-лейтенанта Ахвердова и полковника Маркевича о занятиях в. кн. Николая и Михаила Павловичей по истории и военному делу, 1816). Л. 19.

43 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 722 (Упражнения в. кн. Николая Павловича в переводах и сочинениях на русском языке, с отметками императрицы Марии Федоровны, 1810–1811). Т. 6. См. тетрадки с николаевскими переводами: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 893 (Сочинения в. кн. Николая Павловича по истории, русской словесности, истории войн и др., 1812–1814). Л. 133.

44 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. XX. Т. 1 (Материалы и черты к биографии. Записки статс-секретаря барона Корфа, 1826–1838). Л. 10.

45 Батальные полотна принадлежали кисти Ладурне и Крюгера. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. XX. Т. 3 (Материалы и черты к биографии. Записки статс-секретаря барона Корфа, 1839–1840). Л. 20–21.

46 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1184. Л. 19–20 об.

и нижнего рангов. Чтобы решить эту проблему, Николай предлагал своего рода демократизацию управления войсками. Прежде всего следовало уменьшить до трех число генералов армии, находящихся при дивизиях, а штабс-офицеров при пехотных полках — до двух. Артиллерия могла обойтись одним генералом на бригаду. Николай также планировал основать институт офицеров запаса, предложенный и воплощенный в жизнь лишь сорок лет спустя военным министром Дмитрием Милутиным. Николай полагал, что офицеры могут увольняться с должности, но не со службы: в случае мобилизации они могли быть снова призваны в войска. Наконец, вместо того, чтобы тратить время на ежедневное обучение солдат, штаб-офицеры и офицеры нижнего ранга обязаны были изучать стратегию и тактику, в то время как старшие солдаты занялись бы обучением новобранцев. Наконец, Николай предложил уменьшить число эскадронов в кавалерийском полку с семи до пяти, мера, как он полагал, придающая кавалерии большую маневренность. Сократив около 7000 личного состава и около 3000 лошадей в мирное время Николай рассчитывал сэкономить военному бюджету 34894000 рублей. Кроме того, несмотря на свое преклонение перед униформой и парад-шагистикой, Николай твердо намеревался обучать солдат дисциплине и способам управления войск во время походов. С этой целью он поручил барону Корфу разработать план обучения нижних чинов, который он сам впоследствии одобрил в качестве проекта устава гарнизонной и полковой службы⁴⁷.

Николаевское преклонение перед военным порядком еще более усилилось после его женитьбы на принцессе прусской; теперь Фридрих-Вильгельм III стал его тестем. Как отметил американский историк, «женитьба Николая на дочери прусского короля в 1817 году сблизила его с европейской династией, чьи военные традиции максимально походили на военные традиции дома Романовых»⁴⁸. В начале 1820-х Фридрих-Вильгельм регулярно переписывался с Николаем по-французски и немецки (публикация этой переписки во многом бы украсила историю военной науки). В своих письмах Фридрих Вильгельм в детях описывал военные парады, делился своим видением польской армии и управления польскими войсками; размышлял об организации и управлении войск; лестно отзывался о дружбе прусских и русских солдат; обсуждал политиче-

47 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2337 (Об обучении русского солдата). Л. 2–9 об.

48 David Saunders. Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881. London and New York: Longman, 1992. P. 116; Richard Wortman. National Narratives in the Representation of Nineteenth-Century Russian Monarchy // Extending the Borders of Russian History: Essays in Honor of Alfred Rieber, ed. by Marsha Siefert. Budapest and New York: Central European University Press, 2003. P. 54. По видимости, прусский милитаризм также вдохновил Николая, всегда полагавшего, что жизнь это своего рода служба. См.: Шильдер Н. К., Император Николай Первый. Т. 1. С. 147.

ские амбиции Оттоманской Порты и идущую от нее военную угрозу; одобрительно реагировал на сообщения о нововведениях в российской армии и на реляции с русско-турецкого фронта; похвально отзывался о храбрости николаевской армии; и даже обменивался с Николаем военной униформой⁴⁹.

Воспитание Николая и его прочные семейные связи с Пруссией способствовали формированию у него обостренного чувства законности и законопослушания. Стоило впоследствии кому-нибудь из его ближайших советников обратиться к нему с просьбой пересмотреть дело и «сделать исключение», Николай возмущался: «Закон должен быть один»; «Никому не позволено делать изъятия из закона»; наконец, «Следуйте букве закона!» Именно законопослушание, порядок и дисциплина прусского образца, три столпа Николаевского воспитания, заставили его в свое время отказаться от французских *liberté* и *fraternité* — свободы и братства — понятий, которые с его точки зрения (см. его эссе «О свободе»), привели Францию к беззаконию, власти толпы и падению⁵⁰.

Николай терпеть не мог всего того, что противоречило его видению дисциплины, порядка и послушания. Поляки и евреи проходили в записях Николая как вредные и неуправляемые жители империи, хотя он полагал, что воспитанию они поддаются. Неприятие поляков Николай унаследовал от своей бонны г-жи Лайон, которая часто рассказывала ему жуткие истории о злодеяниях, чинимых разбойником Костюшко и его подопечными в Варшаве 1794 года, и о блистательной виктории русских под командованием фельдмаршала Суворова⁵¹. Что касается евреев, в одном из своих самых первых сочинений по русской этнографии Николай отметил, что «жидов много в губерниях, возвращенных от Польши; живут они торговлей и промышленностью»⁵². А поскольку под «промышленностью» анти-меркантилистски мыслящий Николай имел в виду финансовые махинации, а не ремесленничество, евреев он считал манипуляторами, людьми в лучшем случае бесполезными, подозрительными и бесчестными. Его религиозное образование обострило эту антипатию. Николай внимательно вчитывался в обстоятельные записки Государ-

ственного совета, поясняющие, почему в России, в отличие от стран Запада, евреям не могут быть предоставлены равные со всеми права. Авторы записок утверждали, что в России сия мера была невозможна, ибо русское правительство и народ не столь безразличны к вопросам веры, как европейцы. Николай начертил на полях возле этих слов: «Слава Богу», и подчеркнул ремарку⁵³.

По всей вероятности, даже древние израильтяне — исаэлиты, как их именовали просвещенные монархи — не вдохновляли Николая. Хотя в большинстве случаев ежедневные дневниковые записи его учителей ставили ему в заслугу внимательность и прилежность, урок 1807 года по Ветхому Завету оказался не по вкусу Николаю: его учитель отметил, что великий князь вел себя дурно и был не особо внимателен⁵⁴. Евреи, как и поляки, в их нынешнем состоянии были, с точки зрения Николая, совершенно бесполезны для империи. Когда он путешествовал по России, он прилежно записывал в своем дневнике все, что рассказывала ему его свита; вместе с тем, как отметили впоследствии его наставники, чуть ли не единственный раз он проявил самостоятельность, размышляя о поляках и евреях: «В Белоруссии дворянство, состоящее почти все из весьма богатых поляков, отнюдь не показало преданности к России, и, кроме некоторых витебских и южных могилевских дворян, все прочие присягнули Наполеону. Крестьяне их почти все на тяжелом оброке и весьма бедны, притом, общая гибель крестьян сих провинций, жиды здесь совершенно вторые владельцы, они промыслами своими изнуряют до крайности несчастный народ. Они здесь все — и купцы, и подрядчики, и содержатели шинков, мельниц, перевозов, ремесленники и проч., и так умеют притеснять и обманывать простой народ, что берут даже в залог не засеянный яровой хлеб и ожидаемую не засеянную жатву; они настоящие пиявицы, всюду всасывающиеся и совершенно истощающие несчастные сии губернии. Удивительно, что они в 1812 году отменно верны нам были и даже помогали, где только могли, с опасностью жизни».⁵⁵

Это наблюдение интересно по ряду обстоятельств. Николай связывает воедино зажиточных поляков и промышленящих (в негативном смысле) евреев, противопоставляя им бедное русское крестьянство. Он отмечает, что поляки испорчены политически, а евреи эко-

49 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1019 (Письма короля Прусского Фридриха Вильгельма III великому князю (впоследствии императору) Николаю Павловичу, 1816–1840). Л. 26–26 об., 28, 30–31, 42, 46, 47, 55–56, 79–80, 86–86 об.

50 О николаевском отношении к Франции, см.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 823. Т. 4 (Занятия в. кн. Николая Павловича. История Франции (на французском языке) с отметками Марии Федоровны). Л. 60–70; ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 893. Т. 1 (Сочинения в. кн. Николая Павловича по истории, русской словесности, истоии войн и др.). Л. 65–66.

51 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. 1. Т. 1 (Материалы и черты к биографии). Л. 18 об.

52 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 722. Т. 8 (Еженедельные отчеты в. кн. Николая Павловича о своих занятиях, 1810–1811). Л. 38.

53 ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. II. Т. II (Материалы и черты к биографии. Государственный совет, 1831–1840). Л. 43–44 об., 47, 62–63.

54 Урок по ветхому Завету был посвящен Зерубавелю и евреям, которые предпочли остаться в Вавилонии после того, как им дано было разрешение переселиться (после Вавилонского плена) в Землю Израиля. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 722 (Упражнения в. кн. Николая Павловича в сочинениях и переводах..., 1810–1811).

55 Барон Корф считал эту мысль целиком принадлежащей Николаю. См.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Ч. I. Т. 1 (Материалы и черты к биографии). Л. 118 об. Цитата из: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Т. 1. С. 68.

номически. И он никак не объясняет, почему евреи западных губерний настроены патриотически и про-русийски. Но эта последняя мысль еще сыграт роль в его решениях.

Итак, не только его якобы врожденный милитаризм сцементировал Николаевские предпочтения. Важно также учесть николаевское преклонение перед прусским порядком, просветительское уважение к законности и приверженность идеалам Петра Первого. Как только великий князь Николай Павлович сделался императором Николаем I и как только с декабристским восстанием было покончено, Николай обратил свою реформаторскую энергию на евреев (и поляков), этих предприимчивых паразитов. Теперь он вознамерился преобразить свою империю в хорошо темперированное государство, основанное на порядке, унифицированном законодательстве и прусских военных ценностях. Николай, возможно, соглашался с мнением варшавского Еврейского комитета, согласно которому армия была отличной школой законопослушания, в которой евреи научатся порядку, верноподданному отношению к государю, законопослушанию и цивилизации. Как напоминает нам Андреас Каппелер, в Российской империи «важнейшими элементами ее легитимации и организации были правитель и династия, сословный характер общества и имперское мышление»⁵⁶. В этом смысле к 1820-м годам евреи уже стали частью сословной системы, а во время наполеоновского нашествия доказали свою верность правителю. Для окончательной «легитимации» им недоставало одного: имперского мышления. Научить евреев мыслить имперски — именно такую задачу ставил себе Николай, распространяя на евреев рекрутский набор. Теперь еврейскому комитету оставалось только взвесить все за и против и разработать указ и устав.

Заключительные соображения

Историки неоднократно пытались восстановить повестку дня николаевского Еврейского комитета в 1820-е годы. До сих пор им приходилось довольствоваться гипотетическими рассуждениями, так как архив петербургского Еврейского комитета сгорел в 1862 году, а вместе с ним и протоколы заседаний. И все же, в дополнение к чудом сохранившимся варшавским документам, проливающим свет на взаимоотношения двух еврейских комитетов, архивы сохранили так называемые мемории — лаконичные отчеты о заседаниях коми-

⁵⁶ Kappeler. *Mazepintsy, Malorossy, Khokhly: Ukrainians in the Ethnic Hierarchy of the Russian Empire* // Andreas Kappeler, Zenon E. Kohut, Frank E. Sysyn, and Mark von Hagen. *Culture, Nation, and Identity: The Ukrainian-Russian Encounter (1600-1945)*. Edmonton and Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 163.

тета, которые Николай самым внимательным образом просматривал. Несколько страниц этих меморий — слишком кратких, чтобы составить подробное представление, но достаточных для реконструкции общих черт картины — позволяют заглянуть в зал заседаний Еврейского комитета и понять, какие аргументы Карташевский, Фон-Фок и другие приводили в пользу или против военной службы евреев и каким образом у них сформировался проект устава о рекрутчине.

Два обстоятельства непрерывно и в разных вариантах обсуждались на заседаниях комитета: славное воинское прошлое еврейского народа и отношение европейских монархий к службе евреев в армии. Разумеется, в мемориях речь идет именно о «евреях» — тем не менее, совершенно очевидно, что члены комитета обсуждали евреев в духе эпохи Просвещения, видя в евреях израэлитов или древних иудеев, народ со славным библейским прошлым. Имена выдающихся просвещенных мыслителей XVIII века, таких как Христиан Вильгельм фон Дом или Йоганн Микаэлис — порой всплывавшие во время дебатов — также свидетельствовали, что обсуждение комитетом еврейской военной службы следовало логике европейского Просвещения. Члены комитета черпали свои аргументы из священной истории. Евреи, подчеркивали они, не только завоевали библейскую Палестину, но веками успешно защищали ее земли и расширяли ее территорию. В Вавилонском плену евреи частично утратили свои боевые качества, но в период восстания Маккавеев им удалось возродить военный дух. На Ближнем Востоке в древности евреи служили солдатами и военачальниками далеко за пределами границ еврейского государства. В пост-библейский период они храбро защищали Иерусалим и сражались против римлян. Западные христианские государства преследовали евреев из религиозных соображений, а потому и не допускали евреев к военной службе. Тем не менее, евреи хорошо себя зарекомендовали на службе в мусульманских армиях. Польские короли освободили евреев от военной службы и вплоть до конца XVIII века евреи не принимали участия в военных кампаниях. И все же, евреи бесстрашно защищали Варшаву в 1794 г. Такой послужной список, по всей вероятности, более детально разработанный в сгоревших протоколах заседаний, чем в мемориях, означал, что в представлении государственных чиновников, озабоченных обустройством евреев России, евреи вполне могли сражаться, причем профессионально и с полной самоотдачей. Во всяком случае, в их воображении евреи никак не ассоциировались с расхожим представлением о еврее как о трусливом, болезненном и ни на что не пригодном обитателе западных окраин империи. Теперь же перед государством стояла задача — помочь евреям возродить их прежние, ныне утраченные, способности.

Комитет въедливо изучил наличествующие распоряжения о призыве евреев на военную службу, принятые в Европе, и обсудил

в деталях результаты конскрипции. Так, например, члены комитета отметили, что евреи во Франции служили наравне с остальными, пользовались правом выслуги и продвижения по службе, уже в 1812 году служили в армии в офицерском чине и даже назначались в элитные полки. Члены комитета также внимательно изучили законы 1780-х и 1790-х о военной службе евреев Австрии, отметив, что Пруссия последовала австрийскому примеру и что многие евреи в Пруссии записались на военную службу в качестве волонтеров. Европейский опыт, похоже, убедил членов Еврейского комитета, что военная служба принесла свои полезные плоды. Но у них оставались сомнения, прежде всего связанные с тем, что им представлялось непреодолимым препятствием должному несению службы — а именно, еврейский образ жизни. Евреи, обращали внимание члены комитета, были слишком сильно привязаны к своим религиозным традициям. Как еврейские солдаты могут нести службу в субботу, если в этот день запрещены все виды работ? И что делать с филактериями, которые взрослый еврей должен накладывать ежеутренне? Во время праздника Кушей (суккот) им предписано пить и есть под навесом из ветвей, а на Пасху питаться опресноками; подобного рода требования решительно расходились с правилами внутриармейской дисциплины. Кроме того, призыв в армию женатых евреев ударит по их семьям экономически и финансово. Привыкшие к многовековой привилегии, освобождающей их от натуральной повинности, евреи воспримут набор в армию как обузу, от которой следует любым способом избавиться, а не как священный долг, исполнением которого следует гордиться.

Чтобы развеять сомнения, Еврейский комитет обратился к наследнику Йоганна Давида Микаэлиса (1716-1791), выдающегося немецкого теолога, ориенталиста, филолога-библиста и гебраиста из Геттингенского университета, а также, для получения более точных сведений о еврейском ритуале, к Тадеушу Чацкому (1765-1813), польскому историку, реформатору и министру образования, хорошо знакомому с еврейскими традициями своей родной Волынской губернии. Микаэлис был известен среди просветительских мыслителей своими консервативными, подчас едко скептическими взглядами на еврейскую реформу, особенно по поводу призыва евреев в армию. Парадоксально, что члены Еврейского комитета обратились к работам Микаэлиса как раз для того, чтобы с его помощью дать теоретическое обоснование еврейской воинской службе, и во все не для того, чтобы отвергнуть самое идею. Им пришлось кстати объяснения Микаэлиса, что евреи вполне могут сражаться в субботу — сражались ведь царь Давид и Маккавеи; что законы иудаизма не действуют в военное время (когда существованию народа угрожает смертельная опасность), и что в целом оборонительная война (в отличие от наступательной) отменяла жесткие требования религиозной традиции. Кроме того, члены комитета приводи-

ли аргументы из Чацкого, утверждавшего, что некоторые законы раввинистического (послебиблейского) происхождения при некоторых обстоятельствах как бы отменялись. Даже такой авторитетный орган как парижский наполеоновский Саннедрин считал возможным освободить евреев, находящихся на военной службе, от необходимости отправлять обряды веры. Да и прусский опыт показал, что евреи всегда отыскивали способ помочь своим собратьям, призванным в армию: так, зажиточные прусские евреи регулярно посылали опресноки в войска армии на Пасху. Русская военная администрация уже сталкивалась с нехристианами, соблюдающими свои ритуалы — мусульманам позволялось беспрепятственно отправлять ритуал, а в некоторых случаях к полкам приписывали мулл, как это произошло с татарским Уланским полком. Наконец, члены Еврейского комитета единогласно высказались за применение талмудического закона *дина де малькута дина* (закон государства есть закон для еврей) к разрешению всех проблем военной службы евреев. Разумеется, они истолковали его расширительно — куда более широко, чем область финансового права, где этот закон обычно применялся. Евреи вполне могут служить в армии, подытожил комитет. Более того, один из основных еврейских законов, утверждали члены комитета, давал теологическое оправдание исполнению евреями воинской повинности⁵⁷.

В 1826 г. Еврейский комитет поделился своими предварительными выводами и соображениями с несколькими государственными сановниками. Егор Канкрин, министр финансов и один из немногих придворных, к мнению которого прислушивался Николай, всячески поддержал идею рекрутской повинности для евреев. Он утверждал, что освобождение их от службы привело к нелегальному водворению евреев Австрии в западных областях Российской империи, куда они переселялись, чтобы избежать призыва. Дабы остановить еврейскую иммиграцию в черту оседлости, следовало бы распространить на евреев воинскую повинность. Он также полагал, что те евреи, которые испугаются и не захотят служить, рьяно примутся за производительный труд, достигнут более высокого экономического положения и уже не будут представлять собой обузу казне. Министр народного образования также нашел эту меру полезной. Целый ряд министров, чьи имена не упоминаются в документах, высказали мнение, что евреи Белоруссии, особенно беднейшие из них, должны быть немедленно отправлены в армию. На основании этих советов, собственных своих выводов и документов

57 РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 180 (Мемории заседания комитета, составленного для приготовления проекта нового положения о евреях за январь-декабрь 1826 г.). Л. 25-30 (автор пользовался микрофильмом этого документа, см.: Central Archive for the History of Jewish People (далее — САНЖР), Jerusalem, HM2 / 9318.1).

о военной службе евреев в западных армиях Еврейский комитет составил предложение о распространении на евреев рекрутской повинности и отослал проект устава вместе с мемориями Николаю.

Николай прошелся карандашом по присланным бумагам и оставил маргинальные пометы и замечания. Мысль о введении гражданских обязанностей для евреев ему пришлась по вкусу. Он также отметил, что евреев следует сдавать в рекруты «без зачета» в качестве наказания за совершенные ими преступления, а также ради вящего успеха их гражданского преобразования. Николай четырежды подчеркнул предложение о наборе в армию кантонистами еврейских мальчиков не моложе двенадцати лет. Он одобрительно кивнул, читая предложение об освобождении еврейских гильдейских купцов как пользующихся наибольшим доверием. Он также согласился с тем, что евреев следовало регистрировать в армии под их еврейскими, а не аналогичными христианскими, именами. В конце концов Николай потребовал незамедлительно рассмотреть предложение и составить окончательный вариант устава еврейской рекрутской службы⁵⁸. Наконец, 26 августа 1827 года он высочайше подписать соизволил представленный ему указ.

Выводы

Распространение на евреев рекрутской повинности Николаем I — важнейший шаг в направлении еврейской интеграции и модернизации. Указом 1827 г. Николай возложил на евреев черты оседлости важнейшую из государственных повинностей; он счел евреев достойными высокой патриотической миссии и годными к ее исполнению. Многие другие этнические меньшинства — из иноверцев — не были удостоены этой высокой, хотя и сомнительной, с точки зрения практики рекрутчины, чести. Призвав евреев в армию, Николай сделал также шаг навстречу унификации русского законодательства с европейским в отношении религиозно-этнических меньшинств. Николаевский Еврейский комитет рекомендовал включение евреев в призывные списки, поскольку такая мера интеграции уже была применена повсеместно Западной Европе и к 1827 году евреи служили в армиях большинства европейских стран. Особенности николаевского воспитания также сыграли свою немаловажную роль в процессе выработки решения о введении еврейской рекрутской повинности. Николая отличала навязчивая идея превзойти

Петра Великого. Он был твердо убежден, что настоящее служение отечеству возможно только в армии и что только армия дает подлинное понимание свободы. Исходя из этих соображений, Николай «переписал» предложенную ему еврейскую реформу, поменяв местами важнейшие пункты западноевропейского эмансипационного пакета. Он поставил военную службу во главу угла, отодвинул на второй план реформу образования и ни словом не обмолвился о введении равноправия. Поэтому, хотя распространение на евреев обязанностей, возложенных на другие части населения, и явилось энергичной попыткой их интеграции, оно не привело к эмансипации жителей черты оседлости Моисеева закона. По Николаю, эмансипация начиналась и заканчивалась с введением равных обязанностей, но не равных прав — этой бесплодной иллюзии, как он любил повторять в таких случаях. В этом смысле его отношение к евреям мало чем отличалось от отношения ко всем остальным его подданным.

⁵⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 179 (Представленные государю императору записки еврейского комитета о ходе его дел, 1826–27). Л. 15–16 (я пользовался копией этого документа, см.: САНЛР, НМ2 / 9318.2); РГИА. Ф. 560. Оп. 10. Д. 181 (Записки Государю Императору о занятиях еврейского комитета, 1827). Л. 37–48. (САНЛР, НМ2 / 9318.3).

А. А. КРИВОПАЛОВ

ФЕЛЬДМАРШАЛ И. Ф. ПАСКЕВИЧ И ПРОБЛЕМА СТРАТЕГИИ РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЕ 1853–1856 ГГ.

В отечественной литературе Паскевич, в значительной степени, разделил судьбу Николая I. Это неудивительно, если учитывать то исключительное положение, которое на протяжении четверти века он занимал в правящей элите николаевской России. Огромная роль фельдмаршала в военном строительстве 1830–1840-х гг., искреннее доверие императора к полководческим, административным и организаторским способностям своего друга справедливо вызвали у современников и ближайших потомков вопрос об ответственности князя Паскевича за исход Крымской войны. И, как известно, этот вопрос был решен не в пользу военачальника. Фельдмаршал, да и вся николаевская политическая система, были обвинены в неспособности предотвратить поражение.

Тем не менее, до настоящего момента в литературе так и не была поставлена задача специального рассмотрения деятельности Паскевича в ходе Крымской войны, несмотря на то, что сама эта война имеет весьма обширную историографию. Общие работы по истории Крымской войны, написанные за последние 150 лет на русском языке, освещали роль Паскевича достаточно фрагментарно, ограничиваясь, по большей части, лишь некоторыми эпизодами кампании на Дунае в 1853–1854 гг.

В связи с тем, что в настоящее время издавна устоявшиеся взгляды на причины поражения России в этой войне подвергаются переоценке¹, необходимость уделить роли Паскевича особое исследовательское внимание представляется очевидной.

1 См.: Кухарук А. В. Мнимый больной. Была ли бессильна николаевская армия // Родина. 1995. № 3–4. С. 22–26; Kagan F. W. The military reforms of Ni-

Первая попытка создания общего исследования по истории войны была предпринята в середине 1870-х гг. генералом М. И. Богдановичем². Но под влиянием массовых публикаций новых документов и материалов о Крымской войне в российских периодических изданиях, работа Богдановича достаточно быстро устарела. Уже в 1878 г. Н. Ф. Дубровин критиковал Богдановича за недостаточное использование нового фактического материала³. На тот момент под новыми материалами, помимо документов ведомства иностранных дел, понималась, в первую очередь, переписка между императором и главнокомандующими на театрах войны. Документы, связанные с работой армейских штабов, на том этапе внимания исследователей еще не привлекали или же были засекречены.

Труд Богдановича носил описательный характер. Он не содержал ни критических оценок в отношении командования, ни глубокого осмысления причин принятия русской стороной важнейших военных решений, например, прекращения осады Силистрии и эвакуации армии из Придунайских княжеств.

Генерал Н. Ф. Дубровин⁴ в своей монографии пошел несколько дальше Богдановича в плане сбора доступных на тот момент источников и пришел к выводу, что фельдмаршал Паскевич несет значительную долю ответственности за недопустимые промедления в осаде Силистрии весной 1854 г. и за неоправданное сосредоточение войск на западных границах России, что предопределило неудачный для России исход боевых действий в Крыму. Над своей рукописью Дубровин работал почти в одно время с Богдановичем. Если, например, сравнить тексты отзыва Дубровина на четырехтомник Богдановича 1878 г. и текст собственно монографии Дубровина 1900 г., то критические оценки в отношении действий командования и комплекс материалов, на которых Дубровин основывал свое мнение, остались неизменными. По всей видимости, именно из-за присутствия в книге Дубровина достаточно критического тона, Военное министерство так долго откладывало публикацию рукописи.

Еще более мощный критический заряд содержала в себе вышедшая в 1890 г. двухтомная монография генерала А. Н. Петрова⁵.

cholas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999. P. 221–249; Шевченко М. М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 185–194; Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. С. 188–222.

2 Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1–4. СПб., 1876.

3 Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. СПб., 1878.

4 Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1–3. СПб., 1900.

5 Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. В 2 т. Т. 2. СПб., 1890.

Автор придерживался крайне спорной точки зрения, считая, что все стратегические расчеты русского командования в 1854–1855 гг. строились на изначально неверном посыле. Петров пытался доказать, что угрожающие концентрации австрийских войск на русских границах, вынудившие Паскевича летом 1854 г. снять осаду Силистрии и прекратить кампанию на Дунае, являлись не более чем блефом австрийского правительства. И лучшее, что Россия могла в той ситуации сделать, это полностью игнорировать любые австрийские угрозы и продолжать войну так, словно бы австрийской армии на фланге и в тылу вообще не существовало⁶.

Таким образом, Петров пришел к радикальным выводам, но на основе далеко не полного знакомства с источниками. Фактически, все сведения об австрийской армии, ее передвижениях и дислокации взяты им из донесений русских посланников при венском дворе (П. К. Мейендорфа и А. М. Горчакова). Автором широко использовались уже опубликованные, в основном, на страницах «Русской Старины» и «Русского Архива» источники о войне и участии в ней Паскевича, но, как отмечалось выше, этот материал ограничивался в основном перепиской русских командующих с императором. Донесения русской разведки и штабная документация в исследовании не привлекались. Петрову еще не могли быть доступны такие важнейшие австрийские источники, как переписка императора Франца Иосифа с канцлером К.-Ф. Буолем, начальником императорского штаба генералом Г. фон Гессом, главнокомандующим австрийскими войсками в Италии фельдмаршалом Й. Радецким⁷.

В 1904 г. вышел седьмой, относящийся к событиям Крымской войны, том биографии И. Ф. Паскевича, написанной князем А. П. Щербатовым⁸. В труде Щербатова был собран огромный, до сих пор не утративший ценности фактический материал о деятельности Паскевича на протяжении всей его жизни. Структурно тома представляли собой последовательное изложение событий биографии фельдмаршала. По своему характеру семитомник представлял собой скорее расширенный послужной список Паскевича. Серьезных попыток критического осмысления его роли в событиях русской истории автор не предпринимал. Исследование Щербатова можно рассматривать как обширную публикацию источников. В конце каждого тома автор поместил приложения, содержавшие выдержки из приказов, многочисленные донесения, а также пере-

6 Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. С. 320.

7 Результаты использования этих источников на сегодняшний день см.: Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976. Curtiss, J. S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979.

8 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. В 7 т. Т. 7. СПб., 1904.

писку Паскевича с известными государственными деятелями его эпохи и особенно императором Николаем I.

Иной характер имел незаконченный труд А. М. Зайончковского⁹. Он затрагивал в первую очередь дипломатический аспект участия России в войне, хотя автором и приводились очень интересные материалы по предвоенному состоянию русской и западных армий. Характерной чертой взглядов Зайончковского являлось то, что император Николай как военный деятель вызывал у него значительно большую симпатию, чем фельдмаршал Паскевич, тогда как в оценках роли князя Варшавского автор был столь же критичен, как Петров и Дубровин.

Приложения, помещенные в книге Зайончковского, отражают переписку командующих русскими войсками, содержат ряд важнейших записок и заметок военного характера, таблицы с описаниями организационной структуры русской армии, ведомости наличия различных запасов для армии и флота накануне войны.

Подводя итог достижениям дореволюционной историографии, хотелось бы отметить несколько, на мой взгляд, важных моментов. Во-первых, Богданович и Дубровин заложили традицию изучения Восточной войны, в первую очередь, как проблемы обороны Севастополя и ведения боевых действий на территории Крыма. События Дунайской кампании ими изучались постольку, поскольку они повлияли на неподготовленность русской армии к обороне полуострова. Во-вторых, монографии Дубровина, Петрова и Зайончковского сформировали весьма негативный и, до некоторой степени, карикатурный образ Паскевича как военного деятеля. Фельдмаршалу ставились в вину опасения «утратить, на старости лет, былую славу» и вытекавшая из этого нерешительность в проведении Дунайской кампании в 1854 г.

Опасения Паскевича по поводу возможного нападения Австрии на западные границы России признавались преувеличенными или же вовсе неосновательными, а настоятельные требования фельдмаршала концентрировать силы в Польше и на Волыни, исходя из возможности такого нападения, объяснялись его мелочным эгоизмом.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что наиболее критические высказывания в адрес военных способностей военачальника А. Н. Петров и А. М. Зайончковский позаимствовали из одного достаточно сомнительного источника¹⁰. В 1874 г. в № 35 и 36 берлинского военного журнала «Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine» была опубликована статья под названием: «Der Feldmarschal Paskiewtsch im Krimkriege», которая спустя год была пе-

9 Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг., в связи с современной ей политической обстановкой. В 2 т. СПб., 1908–1913.

10 Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. С. 360–362, 366–367; Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1913. С. 922, 979.

реведена на русский язык на страницах «Русской Старины»¹¹. Данная статья представляет собой сосредоточение всех известных негативных оценок роли Паскевича в Крымской войне, которые фактически без изменения повторялись затем отечественными историками. Они оказались живучими настолько, что перешли затем частично и в советскую историографию.

Помимо этого, анонимный автор статьи также приписал князю Паскевичу известный афоризм: «*Путь в Константинополь лежит через Вену*»¹². Эта фраза якобы содержалась в одной из записок фельдмаршала, отправленных Николаю I весной 1854 г. На самом деле, предложения Паскевича, неоднократно высказывавшиеся в письмах императору и командующему Дунайской армией генерал-адъютанту М. Д. Горчакову, не содержали ничего похожего на такую стратегическую комбинацию. В феврале, а тем более весной 1854 г. князь Варшавский призывал проявлять исключительную осторожность в международных делах, особенно в отношении Австрии.

Советская историография Крымской войны также лишь фрагментарно освещала деятельность Паскевича. Наибольшей известностью до сих пор пользуется монография академика Е. В. Тарле¹³. И хотя данная работа отражала в основном дипломатический аспект описываемых событий, его рассуждения о противоречивости роли князя Паскевича представляют определенный интерес. Тарле указывал на то, что Паскевич накануне и в начале войны склонялся к проявлению гораздо большей осмотрительности, чем Николай I. Автор объяснял это тем, что, в отличие от императора, князь Варшавский отдавал себе отчет в истинных, т. е. весьма ограниченных, возможностях русской армии. Поэтому «не только за себя, но и за всю николаевскую Россию он боялся, когда настаивал на осторожности, и не только помрачения личного своего престижа он ждал от возможной неудачи на войне»¹⁴.

Тарле достаточно четко уловил тот факт, что фактически в 1853–1854 гг. речь шла не о боязни фельдмаршала за свой престиж, а о сложных и слабо предсказуемых изменениях внешнеполитической ситуации. В подобном контексте осторожность Паскевича являлась, скорее, следствием более глубокого понимания стратегического положения сторон.

Если говорить о современных работах, то следует упомянуть неопубликованную диссертацию А. В. Кухарука¹⁵.

Объектом исследования в ней выступает Большая Действующая армия — ключевой инструмент военной политики Николая I. Эта армия возникла при чрезвычайных обстоятельствах — в начале русско-польской войны 1831 г. И после разгрома восстания она была сохранена как организационная структура, управляющая лучшими войсками Империи. Располагаясь на западном стратегическом направлении, Действующая армия выполняла несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, это занятие Польши, порядок в которой гарантировался исключительно расквартированными на ее территории русскими войсками. Во-вторых, армия служила главной ударной силой на случай войны в Европе, и, наконец, именно на ее основе в ходе мобилизации должно было осуществляться боевое развертывание сухопутных войск Российской Империи. С 1831 по 1855 г. генерал-фельдмаршал князь Варшавский граф Паскевич-Эриванский являлся главнокомандующим Действующей армии.

Используя материалы фондов Военно-исторического архива (РГВИА), автор последовательно раскрыл механизм развертывания вооруженных сил в ходе Восточного кризиса 1833 г., напряженной международной обстановки 1839 г. и революции 1848–1849 гг., а также рассмотрел участие Действующей армии в Венгерском походе и Крымской войне.

Кухарук уделил внимание князю Варшавскому и пришел к ряду интересных выводов. Но специфика его работы заключалась в том, что предметом изучения выступала не личность, а сложная организационная структура. Это естественным образом ограничивало автора при описании роли Паскевича в вопросах стратегического планирования.

Также следует отметить работу О. Р. Айрапетова¹⁶, которая уделяет внимание Крымской войне как событию во внешней политике России, рассматриваемой автором с учетом ее военно-стратегической составляющей. Не обращаясь специально к рассмотрению роли Паскевича, автор стремится к раскрытию истинных и мнимых причин поражения России. Им сделан важный вывод о том, что сам по себе исход противостояния изолированной России с вражеской коалицией «отнюдь не свидетельствовал о слабости империи Николая I»¹⁷.

К похожему выводу о том, что в Восточной войне русская армия «добилась даже большего результата, чем от нее можно было ожидать» пришел в своем более раннем исследовании Ф. Кэган¹⁸.

В первую очередь автор изучал взаимодействие институтов высшего военного управления в николаевской России и военные реформы 1830–1840-х гг. В центре его внимания находилось Военное министер-

11 Шильдер Н. К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну (перевод статьи берлинского военного журнала) // Русская Старина. 1875. Т. 13. №. 8. С. 603–635.

12 Там же. С. 613.

13 Первое издание: Тарле Е. В. Крымская война. В 2 т. М.-Л., 1941–1943.

14 Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М., 2003. С. 249.

15 Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Диссертация на соискание уч. ст. к. и. н. М., 1999.

16 Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006.

17 Там же. С. 219.

18 Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. New York, 1999.

ство и фигура военного министра А. И. Чернышева. Паскевич, который не имел прямого отношения к реформам министерства в 1830-е годы, на страницах этой монографии упоминается лишь отрывочно.

Важной чертой работы Кэгана, является его стремление показать, что проигрыш Россией Крымской войны не являлся следствием военного поражения, а был обусловлен изначальной безнадежностью ее стратегического положения. Ни техническая отсталость, ни слабость военной администрации не имели на этом фоне принципиального значения. Исход борьбы был предрешен прочной дипломатической изоляцией России и географической разобщенностью потенциальных театров военных действий. Ставшая легендарной неэффективность николаевской военной бюрократии при ближайшем рассмотрении также оказывается очень сильно преувеличенной. Не зря в заключении своей работы автор указывает: «Развертывание армии в 2 500 000 чел. может считаться одним из наиболее впечатляющих достижений русского оружия в XIX в.»¹⁹.

Хронологически более ранней, но в то же время последней обобщающей работой по истории Крымской войны является монография американского историка Дж. Ш. Кертисса²⁰. Ее отличает гораздо более глубокое, чем свойственно отечественной историографии, знакомство с англо-франко-австрийскими источниками и литературой. Автор нарисовал куда более сложную картину Восточного кризиса 1853 г. и колебаний австрийского правительства в 1854–1855 гг., чем, соответственно, Е. В. Тарле и А. Н. Петров.

Однако в том, что касается оценок действий Паскевича, автор, с одной стороны, полагал, что фельдмаршал «возглавлял список бездарностей в николаевской армии»²¹, с другой, подчеркивал, что в ходе кампании 1854 г. «взгляд фельдмаршала на ситуацию был отчасти правильным»²². Подобное расхождение объясняется тем, что работа Кертисса испытывала очевидную нехватку «свежего» материала о действиях русской армии. По сути, Кертиссом были использованы лишь хорошо известные еще с конца XIX в. публикации материалов в «Русской Старине», «Русском Архиве», «Военном Сборнике» и биографии Паскевича, написанной князем Щербатовым. На мой взгляд, именно по этой причине автору не удалось более четко определить свое отношение к роли князя Варшавского в Восточной войне.

Таким образом, за полтора столетия в историографии сложился устойчивый и, по большей части, негативный образ Паскевича. Исследователи обвиняли его в допущении грубых ошибок в ходе дунайской кампании 1854 г., в переоценке опасности войны с Австрией и, как следствие, в неоправданном сосредоточении большей ча-

сти сухопутных войск на западных границах Российской империи, что отрицательно сказалось на ходе боев в Крыму. В основе ошибок фельдмаршала, с их точки зрения, лежали: предвзятая оценка обстановки, мелочный эгоизм и недостаток военных способностей.

Очевидно, что попытка разобраться в степени справедливости столь глубоко укоренившихся историографических оценок, равно как попытка приблизиться к решению исследовательской задачи в том виде, как она сформулирована в заглавии статьи, представляется совершенно невозможной без обращения к широкому кругу неизвестных и мало использовавшихся ранее источников.

Эти источники отложились в Российском Государственном Военно-Историческом архиве в фонде Военно-ученого архива, фондах, имеющих отношение к штабным структурам Большой Действующей армии и фонде Департамента Генерального штаба.

В фонде Военно-ученого архива (ВУА) удалось обнаружить ранее не использовавшиеся записки: «Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией» и «Соображение по некоторым новым предположениям на случай войны с Австрией», составленные 3 и 9 марта 1855 г. Д. А. Милютиным. Генерал-майор Милютин по заданию военного министра В. А. Долгорукова систематизировал в своих записках предложения Николая I, И. Ф. Паскевича, М. Д. Горчакова и Ф. В. Ридигера, касающиеся возможных действий русской армии в период между ноябрем 1854 г. и мартом 1855 г. в случае начала войны с Австрией.

Также фонд ВУА содержит, известную ранее лишь по фрагментам переписку главнокомандующего Действующей армией Паскевича с командующим Дунайской армией генерал-адъютантом М. Д. Горчаковым и военным министром, в которой обсуждались военные планы и ход боевых действий, а также приказы фельдмаршала о передвижении войск и его размышления над военно-политической обстановкой.

В фонде Департамента Генерального штаба (Ф. 38) сохранилась неиспользовавшаяся ранее переписка Паскевича с генерал-адъютантом Ф. В. Ридигером, а также сведения о передислокациях русских войск на западных границах империи.

Данные разведки о подготовке австрийцев к военным действиям, агентурная информация о численности и расположении их армий, о состоянии укреплений в Галиции, а также сведения о политическом положении внутри Австрии сохранились в фонде Главного штаба Действующей армии (Ф. 14014) и личном фонде князя Паскевича (Ф. 207).

Материалы Фонда Военно-походной канцелярии главнокомандующего (Ф. 14013) имеют большое значение для понимания позиции Паскевича в вопросе выбора для России приоритетного театра военных действий. Там находятся размышления князя Варшавского о политической обстановке в Европе и его анализ стратегического положения России, включая записку 28 февраля 1854 г. Эта записка была составлена для Николая I и является ключевым до-

19 Ibid. P. 243.

20 Curtiss, J. S. Russia's Crimean War. Durham, N. C., 1979.

21 Ibid. P. 333.

22 Ibid. P. 247.

кументом, раскрывающим сущность стратегии, избранной Россией в Восточной войне.

Иван Федорович Паскевич родился в Полтаве 8 мая 1782 г. В 1793 г. он был отправлен в Пажеский корпус, где в октябре 1800 г. окончил обучение и был произведен в поручики Преображенского полка с назначением флигель-адъютантом к императору Павлу I. С 1806 по 1810 гг. Иван Паскевич принимал участие в русско-турецкой войне, смог отличиться, и в 28 лет был произведен в генерал-майоры.

Незадолго перед началом войны с Наполеоном Паскевич был назначен командиром 26-й пехотной дивизии, с которой он прошел Отечественную войну, отличившись в сражениях под Салтановкой, Смоленском, на Бородинском поле и под Малоярославцем. В ходе заграничного похода Паскевич отличился в сражении под Лейпцигом, за что был произведен в генерал-лейтенанты.

В 1814–1817 г. Паскевич командовал 2-й гренадерской дивизией, участвовал во взятии Парижа, а после войны продолжил службу в Смоленске. Весной 1821 г. Паскевич был назначен командиром 1-й гвардейской пехотной дивизии, в которой командирами бригад были великие князья Михаил и Николай Павловичи.

Знакомство Паскевича с будущим императором состоялось еще в Париже в 1815 г., после чего они стали друзьями. После службы в гвардии под начальством Паскевича, Николай Павлович до самой смерти будет в переписке обращаться к нему не иначе как «отец-командир».

Летом 1826 г. Николай I отправил Паскевича на Кавказ, командовать отрядом Отдельного Кавказского корпуса в начавшейся войне с Персией. Вскоре Паскевич был назначен главнокомандующим Кавказского корпуса и наместником на Кавказе, где успешно окончил войны с Персией (1826–1828) и с Турцией (1828–1829). За свои победы Паскевич получил титул графа Эриванского и был произведен в генерал-фельдмаршалы.

В 1831 г. Николай I назначил Ивана Федоровича главнокомандующим армией, задействованной в войне против польских мятежников. 25–26 августа 1831 г. Паскевич штурмом взял варшавские укрепления и подавил восстание. За успешное окончание войны и покорение Варшавы ему был присвоен титул Светлейшего князя Варшавского.

После победы фельдмаршал продолжал командовать Действующей армией и исполнять обязанности наместника в Царстве Польском. В ходе реформ 1830–1840-х гг. Большая Действующая армия стала ядром вооруженных сил России. Под командованием Паскевича находились четыре пехотных корпуса — крупнейшее объединение полевых войск империи. В должности главнокомандующего Действующей армией фельдмаршал князь Варшавский находился до 1855 г., т. е., фактически, до самой смерти.

Во время революционного кризиса в Европе 1848–1849 гг. войска Паскевича были привлечены для оказания экстренной помощи Ав-

стрийской империи в ее войне против восставших венгров. После короткого Венгерского похода 1 августа 1849 г. мятежники капитулировали у Вилагоша перед войсками 3-го пехотного корпуса под командованием Ф. В. Ридигера.

Признательность и благодарность Николая I Паскевичу были исключительны. Император повелел, чтобы даже в его присутствии войска отдавали фельдмаршалу императорские почести. Паскевич к 70 годам стал кавалером всех российских и множества иностранных орденов. В семье Николая Павловича (особенно среди старших сыновей) много лет процветало нечто вроде культа «отца-командира».

Влияние князя Варшавского на военную политику России было весьма велико. При подборе кандидатов на должности от командира полка до командира корпуса часто решающую роль играл обмен мнениями между Николаем и главнокомандующим. Старейший полководец по-прежнему пользовался неограниченным доверием монарха.

К очередному обострению Восточного вопроса в начале 1850-х гг., Россия, как тогда казалось, подошла в зените славы и военного могущества²³. Конфликт вокруг спора о правах католиков и православных на Святые места постепенно обострялся на протяжении 1851–1852 гг. Наконец, в декабре 1852 г., уступая давлению Наполеона III, султан предоставил католикам дополнительные права. С этого момента конфликт стал стремительно перерастать из конфессиональной плоскости в политическую. Не «заметить» демонстративного ущемления прав православного населения Турции Россия просто не могла, «если конечно она хотела именоваться великой державой»²⁴.

В конце 1852 г. Николай I приказывает начать мобилизацию войск 5-го пехотного корпуса, расквартированного в Крыму и Новороссии. Однако это была лишь мера предосторожности, император на тот момент совсем не стремился доводить дело до войны с Турцией и, тем более, идти на обострение отношений с западными державами.

Желая прояснить отношение Британии к возможному столкновению России с Турцией и к перспективе раздела наследства «большого человека», император решил на беседу с британским послом Дж. Сеймуром. Предложения территориального расчленения Османской империи не вызвали сочувствия у британского кабинета, с его стороны последовал вежливый отказ. Николай I явно переоценивал возможность прийти с англичанами к соглашению в Восточном вопросе. Это стало одним из крупнейших его просчетов. Тем не менее, отказ содействовать России совсем не означал автоматического перехода Лондона к числу ее активных противников. Инерция исторического франко-британского соперничества в Евро-

²³ Устрялов Н. Г. Историческое обозрение царствования Государя Императора Николая I. СПб., 1855. С. 905.

²⁴ Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. С. 272.

пе и Средиземноморье была настолько велика, что было весьма затруднительно предположить возможность возникновения антиросийского соглашения между этими державами. Это может служить определенным оправданием как для Николая I, так и для Паскевича, который в своих прогнозах допускал ту же ошибку.

Как отмечал американский исследователь, между декабрем 1852 г. и маем 1853 г. позиция Британии в Восточном кризисе была подвержена серьезным колебаниям²⁵. Сам по себе факт отправки в Константинополь миссии князя А. С. Меншикова еще не создавал угрозы, что события выйдут из-под контроля. Меншиков на борту парохода «Громоносец» 16 (28) февраля 1853 г. прибыл в Константинополь, где вскоре начались переговоры.

В вопросе о статусе Святых мест достаточно быстро удалось найти компромисс. Но требование о расширительном толковании статей Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., связанных с правом русского покровительства православным подданным султана, вызвало у англичан и французов серьезное противодействие. Паскевич также считал требования, заявленные Меншиковым, чрезмерными и не согласными с прежними трактатами²⁶, поэтому здесь уместно говорить о серьезном несовпадении взглядов по данному вопросу в ближайшем окружении царя.

В ходе дипломатических переговоров ситуация стала постепенно обостряться. Полковник Х. Г. Роуз — британский поверенный в делах в Константинополе, и его французский коллега граф В. Бенедетти, с целью дипломатического давления на Россию потребовали от своих правительств скорейшей отправки флотов в акваторию Эгейского моря²⁷.

О серьезных колебаниях британского кабинета говорит тот факт, что предложение Роуза было отклонено. Британский флот остался на Мальте, хотя и был приведен в состояние боевой готовности. Наполеон III был настроен гораздо решительнее: 23 марта эскадра под командованием Ф. Гамелена покинула Тулон и взяла курс на восток. Спустя несколько дней французы бросили якорь в Саламинской бухте.

Военные приготовления набирали обороты и в России. С 10 февраля проводились мероприятия по развертыванию 4-го пехотного корпуса, который двинулся на юг для усиления 5-го, тогда как 3-й корпус занял освободившиеся квартиры 4-го²⁸. На повестке дня встала давняя идея высадки десанта на Босфоре.

В феврале 1853 г. в высадке десанта, по расчетам Николая I, должны были принять участие 13-я и 14-я пехотные дивизии 5-го корпу-

са. Император считал, что «чем разительнее, неожиданнее и решительнее нанесем удар, тем скорее положим конец борьбе»²⁹. Похожих взглядов придерживался и князь Варшавский, 12 февраля он написал императору, что успешная высадка «одним ударом ведет не только к окончанию войны, но и к ниспровержению Европейской Турции»³⁰.

Однако политического решения начать войну в Петербурге принято еще не было, так как оставались достаточно серьезные основания надеяться на дипломатическое урегулирование конфликта. Паскевич, как и Николай I, серьезно недооценивал опасность англо-французского соглашения против России. Фельдмаршал в корне неверно представлял себе смысл поведения в Константинополе нового британского посланника Ч. Стратфорда-Каннинга. С его точки зрения, Британия для того, чтобы отвлечь Париж от противодействия английской политике в Европе, стремилась столкнуться с Россией и Францией в Восточном вопросе³¹. Это было опасное заблуждение, так как под влиянием русофобской истерии в британской печати³² английское правительство постепенно все более склонялось к поддержке Франции и Турции.

Появление французского флота вынудило Меншикова признать «крайнюю затруднительность или даже невозможность» десанта. Письмо, датированное 12 (24) марта, пришло в Петербург между 22 и 24 марта (3–5 апреля). В то же самое время — 19 марта (1 апреля) — начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В. А. Корнилов сообщил Меншикову и великому князю Константину Николаевичу, что «высадки десанта на Босфоре никак не должно предпринимать, иначе как при соблюдении самой глубокой тайны»³³.

Важно отметить тот факт, что в донесениях Корнилова нет никаких указаний на присутствие французского флота, видимо, адмирал еще не имел достоверной информации о его появлении. Но, как бы то ни было, приход эскадры Гамелена делал высадку крайне затруднительной.

Не добившись от турок, за спиной которых стоял Стратфорд-Каннинг, уступок в вопросе о покровительстве православным подданным султана, Меншиков 9 (21) мая покинул Константинополь. Через 10 дней было объявлено, что если Порты не согласится признать право России на покровительство православному населению Турции, то русские войска, в залог выполнения данного требования, займут

25 Curtiss J. S. Russia's Crimean War. P. 110.

26 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 59–61.

27 Там же. С. 111.

28 Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. С. 169.

29 Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. № 8. С. 675.

30 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 44.

31 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2. Записки Паскевича о политике Англии и о взаимоотношениях России и Австрии.

32 Curtiss. J. S. Russia's Crimean War. P. 114.

33 Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1 (Приложение). СПб., 1908. С. 585–592. См. также: Вице-адмирал Корнилов. Сборник документов. М., 1947. С. 173.

Придунайские княжества. 2 июня 1853 г. вице-адмиралу Дж. У. Дондасу, командующему британской средиземноморской эскадрой, было приказано следовать указаниям Стратфорда-Каннинга. 13–14 июня британские корабли сосредоточились в Безикской бухте (у входа в Дарданеллы), где 20 июня к ним присоединились французы³⁴.

С этого момента о русской высадке на Босфоре вплоть до осени речи уже не шло. Некоторое время император и Паскевич обсуждали идею высадки дивизий 5-го корпуса в районе Варны и Бургаса, но так как война с Турцией формально еще не началась, император совсем не стремился быть ее инициатором. Вместо этого, по совету Паскевича, армии генерал-адъютанта М. Д. Горчакова было приказано оккупировать Придунайские княжества. 21 июня русские войска перешли Прут.

Фельдмаршал явно не относился к числу поклонников похода на Царьград через Балканы, понимая всю сложность подобной операции. Даже в благоприятной обстановке, т. е. в условиях, когда турок не поддерживали бы западные державы, такой поход (по опыту войны 1828–1829 гг.) требовал отвлечения на южное стратегическое направление значительной доли войск и ресурсов, а это неизбежно ослабляло позиции России в Европе³⁵. По этой причине, Паскевич поддерживал идею десанта до тех пор, пока он оставался возможным.

Убеждая императора ограничиться оккупацией Княжеств, Паскевич предполагал этим шагом, с одной стороны, приостановить дальнейшую эскалацию конфликта, с другой — создать менее затратное, чем угроза похода, средство давления на Османскую империю. Таким средством давления, по мнению фельдмаршала, должно было стать ополчение из балканских славян. Идея выглядела заманчиво и очень понравилась Николаю I. На основе кадровых войск Княжеств (10 000 чел.) предполагалось вооружить славянское ополчение и, в случае начала войны, использовать его против турок. Такая мера, по словам Паскевича, «могла бы сделаться началом распада Турецкой империи»³⁶. Россия же получала существенную экономию средств, так как фельдмаршал полагал, что, при наличии ополчения будет достаточно иметь против турок всего один или два корпуса, даже если османов поддержат западные державы³⁷.

Затея с ополчением оказалась несостоятельной. Как отмечал генерал-лейтенант Н. И. Ушаков, дежурный генерал Дунайской армии, вместо ожидавшихся десятков тысяч добровольцев явилось лишь 3000 чел., из которых многие впоследствии дезертировали. Оставшиеся 900 ополченцев оказались настоящей головной болью для рус-

ского командования. Они не желали подчиняться военной дисциплине и для того, чтобы держать этих людей под контролем, приходилось принимать крутые меры вплоть до смертной казни, поскольку они «не только грабили на улицах Браилова, Галаца и других городов, но даже днем производили там кровавые драки и убийства»³⁸.

28 июля австрийский канцлер К.-Ф. Буоль выступил с так называемой Венской нотой. Австрия, Франция, Британия и Пруссия предложили компромиссное решение русско-турецкого спора. Россия согласилась при условии, что в текст ноты не будут внесены изменения, однако Турция, побуждаемая англичанами, потребовала их внести. В итоге переговоры не дали результатов.

На очень короткое время, пока исход переговоров еще не стал ясен, в Петербурге вновь вернулись к идее десанта на Босфоре, поскольку появилась надежда на то, что турки в своем противостоянии с Россией окажутся в одиночестве. Но переговоры в Вене к мирному урегулированию не привели. Разрядка обстановки — и этого-то, как раз, не понимали в Петербурге — Великобританию уже не устраивала, и она активно подталкивала Порту на дальнейшее обострение конфликта. 14 сентября султан предъявил ультиматум, требуя очистить княжества, ответа не последовало, и 20 октября началась русско-турецкая война.

Несмотря на неудачу с ополчением, общая осторожная линия Паскевича ввиду неясности обстановки выглядит оправданной. Он был совершенно прав, когда предсказывал, что наступление за Балканы из-за поддержки союзниками турок стратегических результатов принести не может. Однако в его рассуждениях все еще проскальзывала мысль о возможности соглашения с Англией и Францией — иллюзия, с которой он расстанется только к февралю 1854 г.³⁹

Период с октября 1853 г. по февраль 1854 г. прошел в подготовке к новой кампании. Фельдмаршал прибыл в Петербург для личных совещаний с императором и военным министром. В это время осуществлялось окончательное приведение сухопутных сил в боевую готовность. Еще до Синопского сражения 13-я пехотная дивизия 5-го корпуса из Севастополя была направлена на Кавказ, ее сменила переброшенная из Одессы бригада 14-й дивизии того же корпуса. Обе операции были быстро и четко осуществлены силами Черноморского флота, что говорит о высокой готовности моряков и пехотинцев к совместным действиям, а также о наличии у флота серьезной практики десантных операций.

В Придунайских княжествах была развернута армия М. Д. Горчакова, главной силой которой были 3-й и 4-й пехотные корпуса.

34 Curtiss. J. S. Russia's Crimean War. P. 146–148.

35 Щербатов. А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 52.

36 Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. № 8. С. 687.

37 Там же. С. 701.

38 Ушаков Н. И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав // Деятельный Век. Ист. сборник. Кн. 2. М., 1872. С. 62.

39 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3 об. Записки Паскевича о политике Англии и о взаимоотношениях России и Австрии.

В Польше осталась армия генерал-адъютанта Ф. В. Ридигера, состоявшая из 1-го, 2-го и Гренадерского корпусов. Так как обе армии формировались на базе Большой Действующей армии, Паскевичу было поручено общее руководство над ними.

4-й пехотный корпус, дислоцированный в центральной России и игравший до войны роль общего резерва, также был приведен в боевую готовность. Из его состава 18-я пехотная дивизия была отправлена на Кавказ, а 16-я и 17-я дивизии выдвигались на Украину.

В действиях Паскевича импонирует полное отсутствие «стратегии престижа». Он однозначно высказался в пользу эвакуации слабых укреплений Кавказской береговой линии, которые не имели шансов отразить совместное нападение союзников с моря и черкесов с гор. Этим шагом фельдмаршал спас для Кавказского корпуса 2000 чел. и 100 орудий. «Скажут, что упразднение сие произведет дурное влияние, — писал Паскевич, — но оно будет еще хуже, когда укрепления будут взяты с пленными и с орудиями»⁴⁰.

Войскам Горчакова ставилась задача форсировать Дунай, но от похода за Балканы, из-за стремления Франции и Англии вступить в войну, решено было отказаться. Важно подчеркнуть, что вплоть до февраля 1854 г. планировалось форсировать Дунай примерно в районе Видина, т. е. вплотную к австрийской границе. Этим шагом предполагали вызвать массовое восстание славянских народов. На нижнем Дунае планировался вспомогательный удар.

Однако в конце января — начале февраля в составленные планы пришлось вносить срочные коррективы. Миссия А. Ф. Орлова в Вене, где он должен был добиться согласия Австрии на дружественный нейтралитет в начавшейся войне, потерпела провал. Сразу после отъезда Орлова австрийцы начали мобилизацию армии и выдвигание войск на границу. Правда в первую очередь в начале весны подкрепления направлялись на границу с Сербией, восстания в которой австрийцы опасались не меньше, чем турки.

Мощный союз консервативных монархий, с 1815 г. определявший европейскую политику, разрушался на глазах. Вена была обеспокоена ростом влияния России на Балканах не меньше морских держав. Канцлер К.-Ф. Буоль всерьез опасался, что дальнейшее проникновение России на полуостров угрожает жизненным интересам Австрии, поскольку лояльность миллионов славянских подданных Габсбургов в этом случае ставилась под сомнение. Пруссия напрямую не была заинтересована в Восточном вопросе, но и оказывать политическую поддержку Петербургу не торопилась. В Германии не могли забыть «Ольмюцкое унижения», а Пруссия была склонна рассматривать свои действия, в первую очередь, с точки зрения перспективы усиления собственного влияния в Германии. Всех этих

⁴⁰ Войны России с Турцией 1828–1829 и 1853–1854 гг. // Русская Старина. 1876. № 8. С. 696.

фундаментальных перемен Николай Павлович вовремя не осознал. То же самое можно сказать и о князе Варшавском.

Победы русских войск на Кавказе и уничтожение турецкого флота в Синопе резко обострили отношения России с Англией и Францией. «Что же возмутило против нас Европу? — задавался вопросом князь Варшавский через полтора года после начала войны — Разумеется, не то, что мы вступили в Княжества: дела и после того едва не пришли к миролюбивой развязке, но желание уничтожить и ослабить Россию»⁴¹.

Положение стремительно становилось угрожающим. 15 февраля союзники предъявили ультиматум, требуя очистить княжества. Николай I не ответил, и 27–28 марта последовало объявление войны. Пруссия вслед за Австрией также отказалась подписать с Россией договор о нейтралитете. В то же время, обе державы отказались и от англо-французского предложения примкнуть к их союзу. Они согласились только подписать вместе с Англией и Францией протокол, в котором указывалось, что державы 1) будут поддерживать целостность турецкой территории и, следовательно, очищение княжеств от русских войск, а также 2) признание прав христиан, но без нарушения прав султана⁴².

Из-за позиции, занятой австрийским правительством, Паскевичу пришлось серьезно пересмотреть план предстоящей кампании на Дунае. Намеченная переправа у Видина была отменена. Это означало отказ от попытки спровоцировать славянское восстание в поддержку действий России на Балканах. Впоследствии русская армия вообще покинет территории, прилегающие к границам Австрии и Сербии.

Постепенно давала о себе знать и некоторая напряженность в отношениях с императором. Николай I, также как и князь Варшавский, был прекрасно осведомлен о начале австрийской мобилизации на сербской границе и о том, что отказ Вены подписать договор о нейтралитете таит в себе потенциальную опасность флангу и тылу Дунайской армии. Однако пока он был склонен рассматривать эту опасность как весьма отдаленную. Желая быстрее достичь успеха в борьбе с турками, он требовал от Горчакова скорейшего форсирования Дуная.

В период между 10 и 28 февраля 1854 г. находившийся в Петербурге князь Варшавский испытывал мучительные колебания. Он не советовал Горчакову переходить Дунай до тех пор, пока ситуация с Австрией не прояснится. Взаимоисключающие требования, исходящие от императора и фельдмаршала, ставили Горчакова в затруднительное положение. Наконец, 24 февраля Паскевич приказал Дунайской армии совершить переправу, а спустя четыре дня

⁴¹ Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 59–61.

⁴² Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. СПб., 1878. С. 9.

подал императору записку, в которой в самых черных красках рисовал стратегическое положение России.

Без записки 28 февраля 1854 г. невозможно понять побудительные мотивы действий Паскевича на протяжении Крымской войны. Этот документ появился на свет в тот момент, когда фельдмаршал, во-первых, окончательно распрощался с иллюзиями о возможном мирном соглашении с Англией и Францией, а, во-вторых, осознал возможную угрозу со стороны Австрии и Пруссии.

Записка начиналась с констатации весьма неприятных фактов: «Четыре европейские державы предлагают нам свой ультиматум. Мы находимся в том положении, что теперь вся Европа против нас на море и на сухом пути: Англия, Франция, Турция уже объявили войну; Австрия, можно сказать, на их стороне. Пруссия будет также вскоре увлечена. Никогда Россия не бывала еще в таких тяжелых обстоятельствах»⁴³.

Констатация данного факта означала, что масштабы борьбы стали превышать естественные пределы военных возможностей Российской империи. О локальной войне речи более не шло, союзников у России не было. Все дальнейшие размышления главнокомандующего отныне будут сводиться к поиску возможности предотвратить вступление Австрии и Пруссии в войну, т. е. поиску такого решения, которое не допустило бы дальнейшего разрастание вражеской коалиции до безнадежных для России размеров.

Далее Паскевич вспомнил про 1812 г. Он ясно видел, что, в отличие от событий Отечественной войны, на этот раз Россия оказалась перед лицом опасной стратегической внезапности, которая не позволила должным образом подготовиться к отпору силам коалиции, а сама эта коалиция в любой момент могла приобрести такие масштабы, при которых Россия гарантированно обрекалась на поражение:

«Неограниченное властолюбие Наполеона заставляло задолго предвидеть 1812 г. и дало нам полтора года на приготовления. В 1810 г. могли мы начать уже формирование новых полков; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины в тылу и потому, в 1812 г., начав отступление до самой Москвы, пополняли убыль в войсках резервами ... К счастью, фланги наши были свободны и все средства Англии в нашем распоряжении. Россия могла выдержать со славой борьбу с Наполеоном ... Ныне обстоятельства так быстро изменялись, что не дали нам возможности приготовиться. Дай Бог, чтобы я ошибался, но мне кажется нельзя уже сомневаться, что Пруссия будет действовать вместе с Австрией против нас. Имея двух неприятелей в центре, тогда как десанты французов на черноморских берегах в одно время с австрийцами из Трансильвании выйдут на коммуникации нашей Дунайской армии, а пруссаки обой-

43 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 15–22.

дут наш фланг в Литве, мы уже не можем держаться ни в Польше, ни в Литве, а отступая не найдем магазинов»⁴⁴.

Фельдмаршал объяснял Николаю I тот очевидный факт, что Россия не может в одиночку бороться против всей Европы, и в случае неудачи будет оттеснена за Днепр, потеряв Литву и Польшу.

Во второй части записки Паскевич рассуждал о возможных путях выхода из создавшегося положения. Он пришел к выводу, что для России важнее всего выиграть время и, следовательно, ей необходимо принять ультиматум об очищении Княжеств. В этом случае, даже если прекращение войны с Англией и Францией не будет достигнуто, появлялся реальный шанс удержать пруссаков и австрийцев от вступления в конфликт:

«Если бы морские державы и не согласились на наши предложения, то и тогда мы, по крайней мере, выиграем время: в полтора-два месяца успеем укрепить свою настоящую позицию на Днестре... У нас же в центре будут подходить войска; соберем магазины; словом осмотримся, займем стратегические пункты и приготовим продовольствие. Европейские державы также будут иметь время одуматься: их лихорадочное состояние, может быть, успокоится, рассудок возьмет верх»⁴⁵.

Таким образом, Паскевич приходил к выводу о необходимости всеми силами затягивать войну. Только это давало шанс на благоприятный оборот событий в будущем. На этом расчете были построены все действия князя Варшавского в ходе кампании 1854 г. При таком положении дел продолжение кампании на Дунае, со стратегической точки зрения, становилось не просто бессмысленным, но и опасным. Однако оставалась серьезная проблема: нужно было убедить императора Николая вывести русские войска из Княжеств, чего он пока совсем не планировал делать. Его реакция на записку 28 февраля неизвестна, но он лишь в июне 1854 г. согласился последовать совету «отца-командира»⁴⁶.

Если перспектива военного столкновения с Австрией в конце февраля выглядела для Петербурга вполне реальной, то опасения насчет вступления в войну против России еще и Фридриха-Вильгельма IV были пока преждевременны. В начале весны 1854 г. это еще не было очевидно, но Пруссии был выгоден строгий нейтралитет в войне. Причем выгоды эти имели вполне материальный характер. Пруссия активно занималась реэкспортом русской сельскохозяйственной продукции в Англию. В 1854 г. ввоз из России сала был увеличен почти в 5 раз, конопля — более чем в 10 раз, льна — более чем в 2,5 раза⁴⁷.

44 Там же.

45 Там же.

46 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 187.

47 Тарле Е. В. Крымская война. М., 2003. Т. 1. С. 57.

Что касается Австрии, то там одержала верх позиция главы ведомства иностранных дел канцлера Буоля, считавшего, что ни Россия, ни западные державы не должны доминировать на Балканах. Буоль полагал, что Австрии не следует мириться с присутствием русских войск в низовьях Дуная, поэтому в октябре 1853 г. в Словении, Венгрии и Трансильвании была мобилизована армия численностью 130 000 чел. Тем не менее, до весны 1854 г. Австрия воздерживалась от сосредоточения войск в Галиции — естественном плацдарме для наступления против России⁴⁸.

11 марта Горчаков с боем форсировал Дунай у Галаца, Измаила и Браилова. Вскоре русская армия приступила к осаде Силистрии — ключевой крепости в нижнем течении Дуная. Турецкая армия Омера-паши укрепилась в Шумле, дожидаясь подхода союзников. Передовые отряды французской армии начали высаживаться в Галлиполи в апреле, откуда их затем перевозили в Варну, но до мая количество этих войск не вызывало опасений, кроме того, союзникам явно не хватало лошадей, полевой артиллерии и транспортных средств, что означало их беспомощность при действиях вдали от побережья.

Концентрация австрийских сил в Галиции, Трансильвании и на Буковине выглядела куда опаснее. Австрийские войска нависали над коммуникациями русской армии в Молдавии и Валахии. Попытки Дунайской армии после переправы развить успех на южном берегу в этих условиях были сопряжены с огромным риском. Удар австрийцев во фланг и тыл Горчакову мог привести к полному разгрому. Русская военная разведка фиксировала перемещения и сосредоточения больших масс войск, заготовку австрийцами значительного количества продовольствия, разработку дорог в тылу армии и строительство земляных укреплений вокруг ключевых городов Галиции и Буковины.

Система русской военной разведки сейчас может показаться достаточно запутанной, но она в целом позволяла вполне оперативно отслеживать происходящее на территориях Австрии и Пруссии, а командование могло делать принципиальные выводы о готовности или неготовности, в данный момент времени, австрийской армии открыть военные действия. Более того, 25 февраля Паскевич обратился к К. В. Нессельроде с просьбой обязать русских консулов в пограничных областях Австрии и Пруссии докладывать ему в Варшаву обо всех распоряжениях местных властей, касающихся формирования войск⁴⁹.

48 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976. P. 50.

49 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–2 об. Предписание Министерства Иностранных Дел русским консулам в областях Австрии и Пруссии о представлении ими главнокомандующему Действующей армией сведений о вооруженных силах Австрии и Пруссии.

8 / 20 апреля под давлением Австрии Пруссия согласилась заключить с ней наступательный и оборонительный союз. Берлин включил в текст договора одну важную оговорку, что соглашение вступает в силу только в случае «угрозы общегерманским интересам». Поскольку единственной серьезной угрозой германским интересам могло считаться только русское вторжение в Австрию, во всех остальных случаях русско-прусская война становилась крайне маловероятной. В военно-стратегическом смысле это означало, что у русской армии больше не было возможности нанести превентивный удар по австрийцам. Любая попытка вести войну на территории Австрии означала риск борьбы со всей Германией. Паскевич понял это очень четко и многократно повторял летом и осенью 1854 г. в переписке с Г. В. Жомини⁵⁰. С апреля 1854 г., по глубокому убеждению Паскевича, русско-австрийская война могла вестись только на территории Российской империи.

Князь Варшавский, уже с конца февраля рассматривавший кампанию на Дунае как стратегически бесперспективную, тем не менее, 12 апреля прибыл под осажденную Силистрию и лично возглавил армию. Здесь налицо было серьезное несовпадение взглядов Паскевича и Николая I. Император, хотя и остро чувствовал угрозу со стороны Австрии, полагал, что Силистрию можно и нужно взять, пока австрийцы не завершили своих приготовлений, а союзники не доставили в Варну значительных сил.

Помимо необходимости исполнения высочайшей воли, в действиях фельдмаршала имелся и еще один, не менее важный, мотив. С его точки зрения, форсирование Дуная и осада Силистрии могли сыграть роль отвлекающего стратегического маневра с целью выигрыша времени. Кампания на южном берегу Дуная, до тех пор, пока концентрация австрийских войск на фланге и в тылу армии не приобрела угрожающие размеры, позволяла удерживать войска союзников на Балканах и защищать, таким образом, черноморское побережье России⁵¹. В это же самое время, князь Варшавский тщательно готовил будущую позицию русской армии за Днестром, отступление на которую он считал неизбежным. В городах Бессарабии и Новороссии, особенно в Одессе, создавались большие запасы продовольствия для войск, укреплялись стратегически важные населенные пункты.

Паскевич писал в Севастополь князю А. С. Меншикову, предельно откровенно излагая свой план: «Действительно, когда будет против нас вся Европа, то не на Дунае нам необходимо ожидать ее ... Австрия, имея до 230 000 войск в Венгрии, Трансильвании и на сербской границе ... пошлет в Фокшаны, Яссы или Каменец

50 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 211–221, 226–243, 264.

51 Там же. С. 142–143.

... тысяч 60 или 70, нам совершенно в тыл ... Тогда положение будет так тяжело, как не было и в 1812 году, если мы не примем своих мер заранее и не станем в своей позиции, где бы ни опасались, по крайней мере, за свои фланги ... Я ожидаю об этом повеления, а, между тем, сохраняю вид наступательный для того, чтобы, угрожая Турции, оттянуть десанты европейцев от наших берегов, притягивая их на себя»⁵².

Как видно из текста письма, Паскевичу еще только предстояло убедить Николая I в необходимости эвакуации Княжеств. Император требовал активизации осадных работ и скорейшего взятия Силистрии. 17 апреля в письме Паскевичу он выразил свое категорическое несогласие с предложением оставить Княжества и отступить сначала за Серет, а потом за Прут⁵³.

Тем временем, угроза со стороны австрийцев постепенно нарастала. В конце апреля Паскевич начал вывод войск из Малой Валахии, с одной стороны, чтобы не провоцировать Австрию действиями вблизи Сербии, с другой, чтобы эти войска не попали под австрийский удар со стороны Трансильвании.

В монографиях Н. Ф. Дубровина, А. И. Петрова, Е. В. Тарле и, в меньшей степени, Дж. Ш. Кертисса недостаточно решительные, как им казалось, действия Паскевича в ходе кампании на Дунае изображались главной причиной неудачного исхода осады Силистрии⁵⁴. Свои выводы они основывали на упоминавшейся выше компиляционной статье берлинского военного журнала за 1874 г. Источники данной статьи в настоящее время еще не выяснены. Однако критика действий Паскевича под Силистрией⁵⁵ неизвестными авторами статьи была целиком основана на мемуарах Н. И. Ушакова — дежурного генерала в штабе Дунайской армии⁵⁶. Николай Иванович оставил яркие воспоминания о том, как он, вместе с генерал-квартирмейстером армии генералом С. П. Бутурлиным, явился к Паскевичу и попытался убедить старого фельдмаршала в преувеличенности его опасений насчет концентраций австрийских войск в Трансильвании.

52 Переписка князя Меншикова с фельдмаршалом князем Варшавским до высадки союзников // Военный Сборник. 1902. № 3. С. 235–236.

53 Война России с Турцией 1854–1855 гг. // Русская Старина. 1877. Т. 19. С. 91–92.

54 См.: Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. С. 18; Он же. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. С. 112; Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. Т. 2. С. 360–362, 366–367; Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. СПб., 1913. Т. 2. Ч. 2. С. 922, 979; Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1. М., 2003. С. 437. Curtiss, J. S. Russia's Crimean War. P. 439.

55 Шильдер Н. К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну. С. 619.

56 См.: Шильдер Н. К. Фельдмаршал Паскевич в Крымскую войну. С. 618–619; Ушаков Н. И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав. С. 81.

Обращает на себя внимание тот факт, что для обоснования своего мнения, генералы не привели никаких конкретных данных, кроме «здравого смысла», исключавшего, с их точки зрения, возможность того, что в такой короткий срок австрийцы смогли собрать армию численностью 200 000 чел.⁵⁷ Таким образом, уместно предположить, что генерал Ушаков не обладал достоверными данными об австрийских военных приготовлениях по ту сторону границы.

А в Австрии, еще до подписания конвенции с Пруссией, император Франц Иосиф приказал принять дополнительные военные меры. Объявлялся призыв резервистов на службу. В Венгрии началась мобилизация 3-й армии под командованием эрцгерцога Альбрехта, а в Галиции — 4-й армии генерала от кавалерии графа Ф. Шлика. Общее начальство над двумя армиями было поручено генералу Г. фон Гессу — начальнику императорского штаба⁵⁸.

Все еще связанный распоряжениями императора, Паскевич был вынужден продолжать осаду, хотя, по его мнению, «риск делается почти невозможным и, во всяком случае, неблагоприятным и лишним»⁵⁹. 28 мая, во время рекогносцировки крепости, он был контужен ядром. Фельдмаршалу пришлось сдать командование М. Д. Горчакову и уехать в Яссы, откуда 10 июня он, в очень тактической форме, снова пытался убедить Николая I отступить за Дунай⁶⁰. Император отлично понимал потенциальную угрозу, исходившую от Австрии, но до июня 1854 г. не считал положение опасным настолько, чтобы прекратить осаду Силистрии.

Князь Варшавский, располагавший, в отличие от Ушакова, многочисленными агентурными данными, видел высокую готовность австрийской армии к нападению. 4 июня он сообщал Горчакову, что по данным разведки, на Буковине и в Галиции осуществляются приготовления к приему большого числа войск, идет активная разработка дорог, а в Австрийской империи собрано 90 000 новобранцев и резервистов с перспективой набора еще 95 000⁶¹. 6 июня на имя генерал-квартирмейстера армии генерал-лейтенанта И. С. Фролова пришла депеша, из которой следовало, что австрийцы в скором времени намерены объявить России войну с целью очищения Княжеств⁶².

Канцлер Буоль действительно предъявил Российской империи ультиматум, требуя покинуть Молдавию и Валахию. Направляя ультиматум, Буоль продолжал преследовать свою цель, подразу-

57 Ушаков Н. И. Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав. С. 81–88.

58 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. P. 50.

59 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 147.

60 Там же. С. 184.

61 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14. Л. 120–121 об. Агентурные донесения о политическом положении и военных приготовлениях Австрии и Пруссии.

62 Там же. Л. 103.

мевавшую вывод с Балкан русских войск. Этим шагом он рассчитывал обеспечить равноудаленность от России и Запада, а также мир и статус-кво с целью укрепления позиций Австрии в регионе⁶³.

Таким образом, стремясь к выгодному для Австрии мирному урегулированию, Буоль шел на очевидный риск войны с Россией. Однако канцлер полагал, что, даже если такая война начнется, её масштабы ограничатся Княжествами⁶⁴.

Политика Буоля вызывала жесткую оппозицию со стороны австрийского генералитета. Начальник императорского главного штаба генерал фон Гесс придерживался мнения, что даже война, «ограниченная» рамками Княжеств, потребовала бы мобилизации не менее 200 000 чел. и активной помощи со стороны Пруссии. Ожидать же, что Пруссия вступит в войну на стороне Австрии, можно было только в том случае, если бы русские войска вторглись на австрийскую территорию.

19 июня в Яссах Паскевичу была доложена приблизительная дислокация 2-го, 4-го, 9-го, 10-го, 11-го и 12-го австрийских корпусов, сосредоточенных на границах России⁶⁵. В начале июля было выяснено, что общая численность австрийских войск вскоре достигнет 300 000 чел., из которых 70 000 сосредоточены в районе Кракова, не менее 50 000 — в Трансильвании⁶⁶, 30 000 — около Лемберга (Львова), 40 000 — в остальной Галиции и 90 000 — на Буковине⁶⁷.

Развертывание австрийцами такого количества войск, наконец, убедило Николая I в справедливости аргументов князя Варшавского. 12 июня от императора пришло приказание прекратить осадные работы. Получив разрешение, Паскевич немедленно увел войска за Дунай, сохранив небольшой плацдарм у Тульчи и Исакчи.

20 июня Паскевич из Ясс переехал в Гомель, где продолжил лечение. Армия начала возвращаться на собственно российскую территорию. 10 августа Омер-паша занял Бухарест, но вскоре, по соглашению с союзниками, турок сменили австрийцы. В конце августа южная армия Горчакова отошла за Прут. Он располагал весьма внушительными силами: 8 пехотных дивизий, 4½ дивизий кавалерии, 3 стрелковых и 3 саперных батальона, 8 казачьих полков и 392 орудия — всего до 120 000 чел.⁶⁸

После завершения Дунайской кампании русская армия была готова встретить австрийское нападение на гораздо более удачных

позициях. Войска располагались за Днестром, к Пруту были выдвинуты только передовые отряды. К северу от позиций Горчакова на Волыни находился созданный Паскевичем в мае 1854 г. отряд генерала от кавалерии Шабельского в составе трех дивизий резервной кавалерии и 6-й пехотной дивизии⁶⁹.

Еще севернее — в Царстве Польском — в боевой готовности стояла армия Ф. В. Ридигера, имевшая для действий в направлении австрийской границы 6 пехотных дивизий, не считая войск в гарнизонах.

После ухода России с Балкан Буоль выступил с новой мирной инициативой, известной как «четыре пункта» и содержавшей неприемлемое на тот момент для Петербурга требование о пересмотре конвенции о Проливах 1841 г.⁷⁰ Николай I отверг унижительные условия и приготовился к дальнейшей борьбе. К этому времени подготовка союзников к высадке десанта в Крым вошла в финальную фазу, а отоброшенная австрийская армия продолжала стоять на русских границах.

Генерал фон Гесс был крайне скептически настроен по поводу перспективы войны с Россией. Но, подчиняясь приказу императора, в конце лета 1854 г. он разработал план наступления, в основу которого была положена идея нанесения удара из Галиции на северо-восток между Вислой и Бугом⁷¹.

Опасения Гесса, в значительной степени, были оправданы. Австрия, в случае вторжения на русскую территорию, не могла рассчитывать на помощь Пруссии, а ее собственный военный потенциал оставлял большие сомнения в возможности успешной борьбы с армией Николая I.

В начале 1830-х гг., по расчетам русских военных специалистов, Австрийская империя, при населении 33 630 381 чел., могла содержать в мирное время армию, насчитывающую 272 204 чел. В случае войны ее численность при мобилизации теоретически возрастала до 527 224⁷². В 1850-е гг. ситуация изменилась не сильно. Накануне франко-австрийской войны 1859 г. армия мирного времени насчитывала 350 000 чел., к которым в случае мобилизации, могло присоединиться около 300 000 «бессрочноотпускных» и резервистов. Однако эти цифры не должны вводить в заблуждение. Экономическое положение Дунайской монархии исключало полноценную подготовку резервных войск. Во время войны 1859 г., из 375 000

63 Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. С. 281.

64 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. P. 50.

65 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14. Л. 176–177.

66 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 1. Д. 14. Л. 109–109 об.

67 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 46–47 об. Агентурные донесения о политическом положении в Австрии.

68 Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. Изд. 2-е. Т. 2. СПб., 1877. С. 107.

69 РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1057. Л. 9. О передвижении частей русских войск к границе с Австрией.

70 Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. С. 282–283.

71 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. P. 51.

72 Числительный состав войск стран Европы // Военный Журнал. 1835. № 1–3. С. 121–160.

чел., призванных в армию по мобилизации, 255 000 вообще не умели стрелять⁷³.

В ходе Крымской войны подобные недостатки австрийской армии частично устранялись тем, что войска много месяцев провели вдоль границы в мобилизованном состоянии, а это облегчало командованию проблему подготовки новобранцев и боевого слаживания резервных подразделений. Но даже в этом случае оставался открытым вопрос о возможности австрийцев успешно воевать с Россией. Часть австрийских корпусов неизбежно должна была остаться в Венгрии и Италии, а это означало, что для действий в поле у австрийцев вряд ли останется более 300–350 000 чел.

Но, несмотря на это, фельдмаршал Паскевич был серьезно озабочен проблемой обороны западной границы Российской империи. Наибольшее опасения у него вызывала Волынь. Стратегически важное шоссе Брест-Киев проходило вдоль кромки Припятских болот и в непосредственной близости от границы с Австрией. Укреплений в этом районе Николай I построить не успел, хотя признавал необходимость создания крепости в Дубно или Остроге еще в апреле 1843 г.⁷⁴ В условиях, когда главные силы 3-го и 4-го корпусов вернулись с Дуная, появилась возможность серьезно усилить пехотными частями дивизии резервной кавалерии, прикрывавшие до этого Волынь. Паскевич полностью поддерживал идею генерал-адъютанта Г. В. Жomini, которая заключалась в том, что наиболее рациональной группировка русских войск станет, если на западе России развернуть не две, а три армии (в Польше, на Волыни и в Бессарабии)⁷⁵. В этом случае русская армия получала возможность парировать фланговым ударом вторжение австрийцев на любом возможном направлении. Но десант врага в Крыму сорвал все планы по дальнейшему уплотнению обороны на австрийской границе. В начале августа Паскевич с севера на юг (от Вислы до Черного моря) располагал войсками: 1-го, 2-го, 3-го, 4-го пехотных корпусов, а также 15-й и 16-й дивизиями, соответственно, 5-го и 6-го корпусов. Помимо этого, в районе Варшавы стоял Гренадерский корпус, а за спиной у Горчакова 1-й и 2-й Резервные кавалерийские корпуса, не считая резервных пехотных бригад и дивизий. Однако к концу года значительная часть этих сил ушла под Севастополь.

Несмотря на неудачное для России начало боевых действий в Крыму, фельдмаршал достаточно оптимистично подводил итоги весенне-летней кампании 1854 г.: «Кампания эта кончилась лучше, чем ожидать было можно: турки и союзники их понесли потери бо-

лее нас; мы удержали Германию, остановили Австрию, сохранили армию и выиграли время, которое даст нам возможность усилиться для будущего. Осада Силистрии до половины лета удержала союзников от покушений на наши берега»⁷⁶.

Англо-французская высадка в Крыму открыла новый этап Восточной войны. На полуострове находились 16-я и 17-я дивизии 6-го корпуса и бригада 14-й пехотной дивизии 5-го корпуса. С этими силами Меншиков встретил на Альме имевшую почти двойной численный перевес армию противника и потерпел поражение.

Князь Меншиков предупреждал, что имеющимися силами ему никак не отразить вторжение 50–60 000 чел.⁷⁷, однако летом 1854 г. Паскевич категорически возражал против отправки в Крым даже одной 16-й пехотной дивизии. Внимание фельдмаршала по-прежнему было поглощено укреплением западной границы. Имеющиеся в Крыму войска князь Варшавский считал достаточными для обороны Севастополя, а Меншикова обвинял в неразумном решении принять сражение на Альме. Действительно, фронт позиции на Альме был несоразмерен с силами русских, и более рациональным решением могло стать занятие флангового положения по отношению к союзной армии, которая не имела транспортных средств и не могла двинуться вглубь полуострова.

Но, как бы то ни было, поражение Меншикова потребовало срочного усиления Крымской армии. В сентябре-ноябре в Крым были направлены большие массы кавалерии, а также войска 4-го пехотного корпуса П. А. Данненберга. Дивизии Данненберга приняли участие в тяжелых сражениях под Балаклавой и Инкерманом. Поскольку и после этого снять осаду Севастополя не удалось, в Крым отправился 3-й корпус Д. Е. Остен-Сакена.

Драматизм обстановки в Крыму 1854–1855 гг. заключался в том, что если лишние 2 или 3 дивизии, окажись они у Меншикова на Альме, могли радикально изменить ход боевых действий, то после того, как вражеский десант окопался на Сапун-горе, задача сбрасывания врага в море многократно усложнялась. Под Севастополем возникла патовая ситуация, которую не удавалось переломить даже с помощью постепенно прибывающих подкреплений.

Таким образом, к осени 1854 г. перед русским командованием возникли задачи, явно превышавшие реальные военные возможности русской армии. Было необходимо спасти Севастополь, прикрыть Новороссию от новых возможных десантов и обеспечить отражение все еще вероятного нападения Австрии.

73 McElwee W. The art of war Waterloo to Mons. Lnd. 1974. P. 50–52.

74 Записка императора Николая об укреплении западной границы 1843 г. // Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1 (Приложение). СПб., 1908. С. 561–564.

75 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 241–242.

76 Там же. С. 192.

77 Оборона Севастополя: Письма князя А. С. Меншикова к князю М. Д. Горчакову (1853–1855 гг.) // Русская Старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 303–305.

К ноябрю 1854 г. русская армия оказалась рассредоточенной на громадном пространстве. Армия Ридигера в Польше имела 144 батальона пехоты и 97 эскадронов кавалерии, Горчаков на Днестре — 149 батальонов и 203 эскадрона, Меншиков в Крыму — 169 батальонов и 79 эскадронов, 229,5 батальонов и 118 эскадронов защищали балтийское побережье⁷⁸.

Австрийцы продолжали стоять на границе в боевой готовности. В Галиции (3-я армия), по данным русской разведки, они имели 147 000 чел. Трансильванская (4-я) армия эрцгерцога Альбрехта насчитывала 124 000 чел., сократившихся после занятия австрийцами Княжеств до 90 000⁷⁹.

Дунайская монархия испытывала большие трудности. Финансовое положение Австрии грозило ей банкротством. Огромные непредвиденные расходы привели к тому, что годовой военный бюджет 1854 г. был полностью израсходован уже в течение первого квартала⁸⁰. Правительство было вынуждено прибегнуть к принудительным займам. На покрытие старых долгов было выпущено бумажных денег на 140 млн. флоринов⁸¹. Мобилизация и содержание армии в ходе Крымской войны обошлись Австрии в 610 млн.

Буоль в своей политике не мог рассчитывать на поддержку генералитета. Главнокомандующий войсками в Италии фельдмаршал Й. Радецки категорически возражал против отправки из Италии на восток 6-го корпуса и недопустимого ослабления своей армии. Тем не менее, Франц Иосиф, следуя политике Буоля, 22 октября объявил, что австрийская армия должна быть готова к войне с Россией весной 1855 г. После окончательного завершения мобилизации фон Гесс предполагал иметь 327 380 чел. в полевых и около 100 000 во вспомогательных войсках, объединенных в 11 корпусов⁸².

Однако этим планам не суждено было сбыться. 26 октября в своем меморандуме фон Гесс открыто заявил, что даже успешная война с Россией, во-первых, окончательно разорит государство, а, во-вторых, не соответствует политическим интересам монархии. Жесткое противостояние Буоля и военных имело тот результат, что к середине ноября 1854 г. мобилизация австрийских войск была приостановлена⁸³, хотя в декабре Австрия и заключила с Англией и Францией формальный союз.

78 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 48. Л. 8–9. Сведения о распределении войск армии в Прибалтийском крае, Царстве польском, Придунайских княжествах и в Крыму.

79 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 73.

80 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. P. 51.

81 Петров А. Н. Война России с Турцией: Дунайская кампания 1853–1854 гг. Т. 2. С. 312.

82 Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. P. 51.

83 Ibid.

Вследствие тяжелых условий расквартирования, в войсках на территории Галиции и Трансильвании резко возросла смертность от болезней⁸⁴. В принципе, можно сказать, что к осени 1854 г. Австрия достигла пика своей боеготовности, после этого возможности ее армии неуклонно снижались. Но в России этого не могли знать наверняка. Поэтому в Петербурге, куда 18 декабря был срочно вызван фельдмаршал, обсуждалась в основном перспектива военного противостояния с австрийцами.

Таким образом, вывод, сделанный Паскевичем в конце февраля 1854 г. о том, что «для Австрии мы можем быть весьма опасны»⁸⁵, нашел свое подтверждение. Неуверенность австрийского генералитета и его опасения перед лицом войны с Россией являлись прямым следствием широкомасштабных военных приготовлений, предпринятых князем Варшавским на западной границе империи. Австрийцы боялись начинать войну без гарантии военной помощи со стороны Пруссии, а пруссаки сохраняли нейтралитет, видя, что русский император не собирается выступать инициатором войны.

Совещания Паскевича с Николаем I и военным министром продолжались до начала февраля. Предстояло определить направление, откуда для России исходит главная опасность, выработать план кампании на следующий год и, в соответствии с ним, распределить войска.

Разнообразные варианты плана кампании на 1855 г. в двух записках на имя военного министра обобщил и проанализировал генерал-майор Д. А. Милютин⁸⁶. Авторами этих вариантов были, главным образом, Николай I, Паскевич, Горчаков и Ридигер.

Австрийцы в случае войны могли действовать на трех направлениях. С одной стороны — против Ридигера в Польше. Такой удар не имел для Австрии стратегической перспективы. В этом случае, им бы противостояли войска 1-го и 2-го пехотных корпусов, в резерве за которыми находились две гренадерские дивизии. Этих сил вполне хватало для прочной обороны. Помимо войск, пришлось бы иметь дело с Ивангородом и другими крепостями, возведенными в Царстве Польском в 1830–1840-е гг. Без активной помощи Пруссии задача завоевания Царства австрийцам была не по плечу.

Второе направление удара — вдоль берега Черного моря. Пользуясь постоянным ослаблением Южной армии, вынужденной посылать из своего состава подкрепления в Крым, австрийцы могли выйти на левый берег Днестра и двинуться к Одессе и Николаеву. Такой удар стратегически приближал их к союзникам в Крыму и для России был чрезвычайно опасен. Парировать наступление

84 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 61–62.

85 РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

86 РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 5649. Л. 1–29. Предположения на случай войны с Австрией.

было нечем — Ридигер был слишком далеко, а армии на Волыни не существовало.

И, наконец, удар собственно на Волыни — в районе Дубно, Кременца и Острога. От Царства Польского до Брацлава зияла 400-километровая брешь, прикрытая лишь несколькими батальонами пехоты и кавалерией. Противник в этом случае выходил к фактически не имевшему гарнизона Житомиру, а в перспективе и к Киеву. Но самое главное то, что выход австрийских войск к Припятским болотам отсекал южную армию от войск Ридигера. Русские силы на Днестре были слишком слабы, чтобы ударом с юга остановить неприятеля, а Ридигер из-за договора 8 / 20 апреля не мог перейти австрийскую границу в Галиции и ударить на Львов (Лемберг) или Краков. При таких обстоятельствах единственной реальной возможностью сдерживать продвижение австрийцев на юге было направить удар войск Ридигера не на Галицию, а из района Люблина на юго-восток — по шоссе Брест-Киев на Волынь — вдоль кромки Припятских болот.

Записка Милютина от 3 марта 1855 г., под названием: «Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией», дает представление о наличии различных взглядов на перспективу кампании. Паскевич продолжал считать Австрию наибольшей угрозой и потому требовал концентрации всех свободных сил в Польше.

Он хотел собрать между Брестом и Варшавой ударный кулак в 200 батальонов и 200 эскадронов. Помимо сдерживания Австрии, такая концентрация сил была единственным спасением в том, крайнем, случае, если Пруссия вступила бы в войну или если австрийская армия усилилась бы французским экспедиционным корпусом. Весной и летом 1855 г. русское командование всерьез опасалось появления французской армии на западе. Сейчас уже совершенно ясно, что для мобилизации еще одной армии у Наполеона III просто не было резервов, а сама идея появления французских войск в Германии была политически неприемлема для Пруссии и германских государств, тем не менее, слухи такие циркулировали⁸⁷.

Князь М. Д. Горчаков, назначенный в феврале главнокомандующим всеми силами на юге, т. е. Южной и Крымской армиями, придерживался несколько иного мнения. Он признавал опасность со стороны Австрии, но настаивал на первостепенной важности сохранения за Россией Крыма. Ф. В. Ридигер рассматривал варианты максимально эффективного использования своих войск в случае австрийского нападения. Николай I, в принципе, склонялся к точке зрения князя Варшавского и при любых действиях в Крыму требовал безусловного сохранения за Россией Царства Польского. В соответствии с этим решением, в Польшу были направлены две гвардейские дивизии.

87 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 130.

Важно отметить, что во время шестинедельного пребывания в столице Паскевич заметил, что наследник в гораздо большей степени разделяет настроения общественного мнения и важнейшей считает борьбу в Крыму⁸⁸. 2 февраля Иван Федорович покинул Петербург и вернулся в Варшаву, а 18 февраля скончался Николай I.

Смерть монарха сразу же изменила многое в плане будущей кампании. Горчаков сменил Меншикова, и, пользуясь правами главнокомандующего на юге России, направил в Крым дополнительно 2½ пехотные и одну драгунскую дивизии (40 батальонов, 30 эскадронов и 6 казачьих сотен). Подкрепления были взяты из Южной армии, которая после этого оставалась армией только по названию. А. Н. Лидерс, который теперь командовал войсками в Бессарабии, для действий в поле располагал только 34 батальонами и 80 эскадронами. Такими силами ни остановить, ни даже задержать австрийцев, если бы они решились вторгнуться в Россию на юге, было невозможно⁸⁹.

Когда так называемая Южная армия сократилась до примерно 50 000 чел., стало очевидно, что оборону Бессарабии и Волыни необходимо усилить. Было принято радикальное решение о создании третьей армии. Эта идея в 1854 г. высказывалась и Паскевичем, и Жомини, и Николаем Павловичем, только тогда в Крыму не требовалось держать три корпуса. В условиях же весны 1855 г. для создания армии на Волыни пришлось забрать у Ридигера 2-й пехотный и Гренадерский корпуса. Теперь в Польше русские войска могли только пассивно обороняться. 30 мая был издан приказ о создании Западной и Средней армий⁹⁰.

Александр II, видимо, исходил из того, что война с Пруссией маловероятна, а два корпуса, взятых у Ридигера, в случае вторжения австрийцев только в южные области больше пригодятся на Волыни. Командующим Западной армии Александр назначил С. П. Сумарокова⁹¹. Он был командиром Гвардейского корпуса, а основой Западной армии стали именно гвардейские части. Ридигера назначили командовать Средней армией на Волыни.

К большому облегчению Паскевича, весной-летом 1855 г. нового широкомасштабного развертывания австрийских войск не последовало. Острейший финансовый кризис накладывал здесь свои ограничения. А сама австрийская армия очень сильно страдала от болезней⁹². 22 апреля агент донес Паскевичу о том, что нового рек-

88 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 283.

89 РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 5649. Л. 1–29.

90 Там же.

91 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 320.

92 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 134 об.-135; РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 243. Л. 95–95 об. Агентурные сведения о подготовке Австрии к войне и возможности военных действий между Россией и Австрией.

русского набора в 1855 г. в Австрии еще не было⁹³. 3 мая пришло важное сообщение о том, что австрийская армия не готова к вступлению в войну⁹⁴. Внушало определенный оптимизм и поведение Австрии на Венской конференции 15 марта-4 июня 1855 г.⁹⁵

Наличие в донесениях большого количества сведений, подтверждающих неготовность Австрии к немедленному выступлению, по всей видимости, и объясняет тот факт, что фельдмаршал согласился с выводом двух корпусов из Польши. Но он рассчитывал, что войска отправятся на Волынь. Подобная перегруппировка, в некотором смысле, отвечала бы общей стратегии сдерживания Австрии, но сосредоточить на Волыни выведенные из Польши корпуса не получилось. Тяжелейшие бои в Крыму истощали армию. Защитники Севастополя 6 июня отразили первый штурм. Александр II не был склонен разделять взгляд на Крым как на второстепенный театр военных действий. Желая переломить ситуацию, он отправил в Крым 2-й корпус, Гренадерский корпус занял позиции на Перекопе. Средняя армия, не успев сформироваться, сразу же потеряла большую часть своих дивизий⁹⁶.

В стратегических приоритетах фельдмаршала Крым не занимал первое место. Весной 1855 г. Паскевич писал Горчакову, выражая тому свое несогласие с идеей направления в Крым максимально возможного числа войск: «Отстоять Севастополь можно и с меньшими средствами. Крым же нечего отстаивать, а стремление к обратному и посылка туда такой массы войск, ослабляя другие пункты, могут стоить России страшной и невыгодной войны»⁹⁷.

Хотя эта точка зрения и представляется, до некоторой степени, оправданной, Паскевич явно недооценивал сложности, с которыми сталкивалось командование Крымской армии. Удерживать под ураганным огнем англо-французской осадной артиллерии передовые укрепления южной стороны Севастополя было совсем не так просто, как оно виделось Паскевичу в Варшаве. В любом случае, сокрушительная критика практически всех действий Горчакова, сохранившаяся в написанном им незадолго до смерти письме, выглядит преувеличенной⁹⁸.

Как уже указывалось выше, особенность боевых действий в Крыму заключалась в том, что многочисленные подкрепления

не позволяли решительно повлиять на ход боевых действий. Находясь на гребне Сапун-горы за мощными укреплениями, союзная армия могла успешно отражать деблокирующие удары. Точка зрения Паскевича относительно ведения боевых действий на полуострове заключалась в том, что командованию Крымской армии следовало признать невозможность сбросить противника в море. Князь Варшавский советовал фланкировать осадные работы противника передовыми укреплениями, такими как Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты. Когда же эти укрепления были захвачены французами, фельдмаршал считал падение южной стороны лишь вопросом времени.

Желая спасти Севастополь, Александр II требовал от Горчакова перехода в наступление. Михаил Дмитриевич не верил в успех операции, но прямо заявить об этом не решился. 28 июля военный совет армии высказался за наступление на р. Черной. Узнав об этом, Паскевич записал: «Суворов не осмелился бы исполнить того, на что отважился главнокомандующий Крымской армией»⁹⁹. Сражение закончилось неудачей и тяжелыми потерями, что лишний раз подтвердило фактическую неприступность союзных укреплений на Федюхиных высотах и Сапун-горе. Возмущение старого фельдмаршала вызвал тот факт, что Горчаков «шел на верное поражение», вместо того, чтобы честно доложить императору о невозможности исполнить его волю¹⁰⁰.

После падения южной стороны Севастополя начался вывод из Крыма лишних войск. Группировка русских армий вновь стала приобретать очертания, выгодные в плане подготовки к боевым действиям против Австрии. В сентябре 1855 г. Паскевич в письме императору, как и прежде, указывал на необходимость особого внимания к проблеме обороны западной границы. Фельдмаршал справедливо отметил, что «положение дел наших с Австрией, в сущности, не изменилось сравнительно с прошедшим годом. Если Австрия не объявила нам доселе войны, то была удержана лишь сильной армией, собранной в 1854 г. в Польше»¹⁰¹.

Паскевич и на этот раз советовал Александру II сосредоточить большие массы войск в составе Западной и Средней армий. Император ответил, что собрать 175 батальонов для Западной армии и 80–100 для Средней, как просит фельдмаршал, не представляется возможным¹⁰².

Несмотря на это, обращает на себя внимание тот факт, что к концу 1855 г. Россия была готова к борьбе с Австрией гораздо

93 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 243. Л. 105–106.

94 Там же. Л. 130 об.

95 Дегоев В. В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. С. 286–287.

96 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 325.

97 Там же. С. 303.

98 Мысли фельдмаршала Паскевича по поводу обороны и падения Севастополя // Русская Старина. 1872. Т. 6. С. 427. См. также: Степанов Н. П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г. // Русская Старина. 1883. Т. 40. №. 11. С. 369–380.

99 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 330–331.

100 Степанов Н. П. Князь Михаил Дмитриевич Горчаков в Севастополе. Записка фельдмаршала князя Паскевича 16 сентября 1855 г. // Русская Старина. 1883. Т. 40. №. 11. С. 372.

101 Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 7. С. 341–342.

102 Там же. С. 346–347.

лучше, чем летом. Полки армии усиливались дружинами Государственного подвижного ополчения. По сравнению с 1853 г., численность вооруженных сил к январю 1856 г. увеличилась в 2,5 раза, если исключить потери, и достигала астрономических по тем временам показателей — 2,3–2,5 млн. чел.¹⁰³ Опасного оголения западной границы, вызванного желанием добиться успеха в Крыму, более не наблюдалось. Союзники, заняв южную сторону Севастополя, даже не пытались затем атаковать Крымскую армию. Потери их были крайне тяжелы, а возможность развить успех в Крыму или где бы то ни было еще — сомнительна.

Сведения, получаемые князем Варшавским с австрийской территории, говорили о невысокой боеготовности армии по другую сторону границы. А в ноябре вообще пришло известие о роспуске по домам австрийских войск в Галиции¹⁰⁴.

Мобилизация громадной, по меркам середины XIX в., армии дорого обошлась России. За время войны, с 1853 по 1856 г. дефицит бюджета по обыкновенным расходам возрос почти в семь раз (с 9 млн. руб. серебром почти до 61 млн.), а общая сумма дефицита — в шесть раз (52 млн. до 307 млн. руб.). Более чем на 50 % уменьшилась золотая обеспеченность бумажных денег¹⁰⁵. К началу 1856 г. общая сумма внешних и внутренних долгов за годы войны составила 533 273 782 руб. Военные расходы в 1856 г. составили 228 999 796 руб., а общая сумма расходов — 593 833 068 руб., при том, что доходы за тот же год равнялись 264 925 321 руб. Общая сумма формального долга государства, включая довоенные внешние заимствования, достигла к окончанию войны 1,5 млрд. руб.¹⁰⁶

На этом фоне в декабре 1855 г. австрийцы в очередной раз предъявили ультиматум России, требуя от Александра II согласия начать переговоры на основе «четырёх пунктов». Русский император испытывал мучительные колебания в вопросе о продолжении войны. В ходе двух правительственных совещаний, на которых обсуждался ультиматум, все участники, кроме Д. Н. Блудова, высказались за ее прекращение¹⁰⁷.

Паскевич не был приглашен на совещание. В это время он умирал в Варшаве. Трудно сказать, какое решение он бы поддержал, если бы Александр II спросил его совета. Но важно отметить, что положение России в случае отказа принять ультиматум не выгляде-

103 Кухарук А. В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. С. 181–182. Kagan F. W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. P. 243.

104 РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 243. Л. 133 об.–134.

105 Захарова Л. Г. Самодержавие, бюрократия и реформы 60–70-х годов XIX в. в России // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 6.

106 Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). С. 219.

107 Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. Кн. 1. М., 1996. С. 201.

ло безнадежным. Ресурсы для продолжения войны еще не были исчерпаны. Угроза вступления Австрии в войну, конечно, существовала, но необходимо учесть, что практическая готовность австрийцев начать боевые действия была гораздо ниже, чем летом и осенью 1854 г. Но участники совещания и Александр II сделали свой выбор и признали поражение.

Подведем итоги.

Влияние князя Варшавского на стратегию России в 1853–1855 гг. представляется не исключительным, но определяющим. Фельдмаршал и Николай I несут ответственность за предвоенные внешнеполитические просчеты, приведшие Россию к столкновению с коалицией в условиях дипломатической изоляции, однако, сложность прогнозирования развития событий в ходе Восточного кризиса слугит им смягчающим обстоятельством.

Когда угроза войны с Турцией стала очевидной, фельдмаршал призывал к осторожности, чтобы одновременно не войти в острый конфликт с Англией и Францией как главными конкурентами России в Восточном вопросе. По его мнению, такое противостояние было опасно тем, что грозило России не дать воспользоваться плодами ее возможных побед над Турцией. С его (применительно к тем условиям ошибочной) точки зрения, сложившийся союз Англии и Франции не мог быть прочным, поэтому, если бы Россия, в случае начала войны с Турцией, приняла оборонительное положение, появлялся шанс оставить турок без иностранной поддержки.

Эти надежды не оправдались. Середина февраля 1854 г. стала для Паскевича переломным моментом. После того, как выяснилось, что Англия и Франция вступают в войну на стороне Турции, а Австрия занимает враждебную по отношению к России позицию, князь Варшавский начал отчетливо понимать, что вырисовывающиеся масштабы конфликта превышают реальные возможности вооруженных сил России.

Если до февраля 1854 г. Паскевич еще надеялся на сепаратные переговоры с Турцией и верил в непрочность англо-французской коалиции против России, то после февраля все эти надежды рухнули. Когда же и Пруссия отказалась подписывать с Россией договор о нейтралитете, фельдмаршал начал обдумывать сценарий возможного противостояния изолированной России с четырьмя великими державами.

Возвращаясь в памяти к событиям 1812 г., фельдмаршал отчетливо понимал, что Россия попала в исключительно опасное положение. Несмотря на, казалось бы, неограниченное доверие Николая Павловича к «отцу-командиру», ему летом 1854 г. стоило огромных трудов склонить императора на уступки. Эвакуировав войска из Придунайских княжеств, Паскевич, с его точки зрения, добился выигрыша времени и некоторой разрядки внешнеполитической

обстановки — так волновавшая его перспектива войны с Пруссией отодвигалась. Риск войны с Австрией также был снижен.

К осени 1854 г. фельдмаршал надеялся сосредоточить на границе Австрии главные силы Действующей армии, чтобы иметь возможность гарантированно отбить нападение на наиболее вероятных направлениях, однако десант союзников в Крыму существенным образом изменил стратегическую обстановку. С этого момента оборона Крыма начала стремительно поглощать войска, столь необходимые, по мнению Паскевича, на западной границе.

Вопреки ожиданиям Паскевича, австрийцы в 1855 г. из-за нехватки средств оказались не в состоянии осуществить развертывание своей армии на российской границе в таком же масштабе, как осенью 1854 г. Это позволило сделать попытку, дополнительно направив в Крым подкрепление, решительным ударом прорвать осаду Севастополя. Однако природные условия позиций союзников на Сапун-горе и Федюхиных высотах практически исключали успех их лобового штурма.

Оценивая роль князя Варшавского в Восточной войне, нужно признать, что он в целом верно представлял себе предел военных возможностей Российской империи. И как только в феврале 1854 г., по мнению Паскевича, произошел выход за эти пределы, стало ясно, что конечный успех в войне уже невозможен.

Паскевич видел глубину внешнеполитической изоляции России и хорошо себе представлял, что эта изоляция означает с военной точки зрения. Наиболее опасным из всех актуальных и потенциальных противников была Австрия — сильнейшая из германских держав. В отличие от Пруссии, она имела с Россией важные политические противоречия, именно ее армия была в состоянии создать угрозу наиболее опасному для России стратегическому направлению — западному.

Паскевич понимал невозможность одержать победу в таком противостоянии, поэтому его план сводился к затягиванию войны и к стремлению свести конечный результат к наименьшим для Российской империи потерям. С его точки зрения, падение Севастополя, стратегическое значение которого исчерпывалось с утратой флота, после продолжительной и стойкой обороны, было наименее тяжелой моральной и материальной потерей в войне. А риск потери Крыма представлялся менее опасным, чем перспектива потери Царства Польского, Литвы и Правобережной Украины.

ИБРАХИМ КЁРЕМЕЗЛИ

ТУРЕЦКАЯ ОБОРОНА НА ДУНАЙСКОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ (1853–1854)

Дипломатический кризис 1853 г. между Османской империей и Российской империей вылился в войну, которая на следующий год переросла в конфликт европейского масштаба, известный нам под названием «Крымская война». Пока в ней участвовали только русские и османские силы, основным театром военных действий являлись Балканы. Поскольку война разразилась накануне зимы, а дипломатическая деятельность не умеряла своих темпов, обе стороны не желали подвергать себя риску и придерживались осторожной стратегии. Основными боями осенью и зимой были сражения под Ольтеницей и Четати (Чатаной). В мае 1854 г. русские форсировали Дунай и осадили Силистрию, что, несомненно, стало самым важным военным событием на этом театре. Однако угроза австрийского удара из Трансильвании и высадка союзных армий в Варне заставили русских к концу июня снять осаду. Во время русского отступления из Дунайских княжеств османская армия перешла в наступление на Журжу; это было последнее русско-турецкое сражение на Дунае.

По сути, ни фельдмаршал Иван Федорович Паскевич¹, ни Михаил Дмитриевич Горчаков² не верили в возможность марша на Константинополь, в то время как Омер-паша³ не имел намерения очи-

1 Его титулы отражали прежние успехи на поле боя: граф Эриванский, светлейший князь Варшавский, фельдмаршал трех европейских армий и наместник Царства Польского. В активное командование войсками он вступил лишь незадолго до осады Силистрии.

2 Главнокомандующий русскими силами в дунайских княжествах.

3 Его настоящее имя — Михайло Латас. Хорват родом, в 1820-е гг. он прибыл в Османскую империю, принял ислам и в течение двадцати лет пользовался популярностью под именем Омер-паши. Во время Крымской войны он был

щать княжества от русских. Однако осенью 1853 г. европейские газеты изображали Омер-пашу как великого тактика и восхваляли мощь турецкой армии⁴. Несомненно, русские войска на Дунае проявили себя с наилучшей стороны, между тем как новосозданная османская армия действительно добилась неплохих результатов. Но каков был реальный уровень турецкой военной мощи? Могла ли Турция разбить Россию без вмешательства европейских держав? Вследствие того, что Турция оказалась их младшим союзником, присутствие османских вооруженных сил в Крыму до сих пор представляет собой некоторую загадку, при том, что о русской героической обороне и наступательных действиях англичан и французов написано очень много. На Кавказе русская армия со временем продемонстрировала свою силу и в конце концов захватила Карс. Поэтому оценка успеха османских сил на Балканах не только объяснит один из важных аспектов Крымской войны, но и может пролить некоторый свет на преобразование османской армии в середине XIX века⁵.

Летом 1853 г. российская армия вторглась в Дунайские княжества, чтобы заставить Высокую Порту признать за Россией право защищать православное христианское население Османской империи. Передовые силы 2 июля переправились через Прут и через три недели Дунайские княжества были полностью оккупированы.

сперва *мюширом* (фельдмаршалом) Дунайской армии, а затем *сердар-и-эвремом* (главнокомандующим) всех османских армий.

4 Первые книги о Крымской войне на западных языках не свободны от этих настроений. В качестве примера можно указать, что Эмерсон в своем описании войны на Дунае не только преувеличивает успехи турок, но и реконструирует ход сражений без какой-либо оглядки на исторические факты. См.: George Emerson. Sebastopol: The Story of its Fall. London, 1855. Pp. 25–29.

5 Источники по Крымской войне чрезвычайно многочисленны. Но в отношении Дунайской кампании западные монографии дают лишь весьма поверхностную информацию. Классическими источниками по этой теме могут считаться две русские работы, переведенные также на немецкий: Ковалевский Е. П. Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. СПб., 1871; Петров А. Н. Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг. В 2 тт. СПб., 1890. Однако еще раньше на немецком языке были изданы следующие труды, в том числе анонимные: Der russisch-türkische krieg in den Jahren 1853 und 1854 (Karlsruhe, 1854); Der russisch-türkische krieg in Europa 1853, bis zum März 1854 (Kiel, 1854); August Prinz, Der russisch-türkische krieg nach brieflichen Mittheilungen und Originalberichten (Hamburg, 1855). Единственным турецким источником, посвященным исключительно дунайскому фронту, являются воспоминания участника осады Силистрии, записанные знаменитым турецким поэтом и изданные в 1873 г. Их второе издание: Namık Kemal, Silistre Muhasarası: Kalede Bulunan Gazilerden Yüzbaşı Ahmed Nafiz'in Hatıraları, подготовил и перевел с османского Хакки Тарик Ус (Istanbul, 1946). [Далее — Silistre Muhasarası]. Эти воспоминания были также изданы по-русски в сокращенном виде: Силистрия 1854 г. Записки Нафиз-эффенди // Военный сборник. 1875. № 12. С. 488–502.

28 июля Горчаков со своей свитой прибыл в Бухарест. Пока европейская дипломатия пыталась разрешить русско-османский конфликт, Порта принимала меры к возможной войне: лихорадочно запасались продовольствие и амуниция, ремонтировались и укреплялись фортификации.

Вообще говоря, на стороне турок в начале войны имелось много преимуществ. Во-первых, южный берег Дуная выше северного, из-за чего его легче оборонять. Через высокий Балканский хребет — второй барьер на пути захватчиков — на юг вело лишь несколько перевалов. Вследствие этого целью русской армии являлось наступление по восточной Болгарии, где горный хребет кончается — именно так в предыдущей войне русским удалось дойти до Эдирне (Адрианополя). Помимо этих географических преимуществ, на южном берегу Дуная находились все главные крепости: Руцук, Силистрия и Видин на Дунае в то время были первоклассными крепостями. Более того, именно русская армия подавила в 1848 г. революцию в Центральной Европе. Поэтому русские едва ли могли рассчитывать на дружелюбие местного населения, в то время как османскую армию ожидал сердечный прием в Малой Валахии⁶. Собственно, Омер-паша намеревался использовать это обстоятельство, рассылая пропагандистские листовки, в которых призывал валахов восстать против русской армии⁷. Разведка Омер-паши также была эффективной благодаря сотрудничеству как валахов, так и европейских купцов и дипломатических агентов в Дунайских княжествах⁸. Кроме того, в противоположность прежним русско-турецким войнам, Россия не обладала господством на Черном море даже после уничтожения османского флота у Синопа вслед-

6 Военно-исторический архив Турецкого генерального штаба [Genelkurmay ATASE Başkanlığı Arşivi, далее — ATASE], фонд Крымской войны [все документы из ATASE, использовавшиеся в данной статье, находятся в одном фонде, поэтому далее указание на него будет опускаться], Ахмед-паша — Омер-паше, Klasör: 4, Dosya: 12, Belge: 4, 5 Safer 1270 [7 ноября 1853]; Ахмед-паша — Высокой Порте, Klasör: 4, Dosya: 12, Belge: 16, 14 Rebiulevvel 1270 [15 декабря 1853] [копия]; А. А. Paton, The Bulgarian, The Turk and the German (Brussels, 1855), p. 34; Петров. Т. I. С. 156.

7 О предложении Омер-паши см.: ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 10 / 2, 4 Muharrem 1270 [7 октября 1853]; сераскер-паша передал его запрос в Высокую Порту, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 049, 9 Safer 1270 [11 ноября 1853] [черновик]. Омер-паша просил напечатать 2000 листовок, но неизвестно, были ли они распространены. Хотя они были напечатаны и отправлены Омер-паше, их не хотели распространять раньше времени; вероятно, Порта опасалась возможной реакции Австрии. ATASE, Высокая Порта — Омер-паше, Klasör: 5, Dosya: 14, Belge: 11. Следует упомянуть, что в Малой Валахии действительно произошло восстание, которое русские приписывали проискал Османской империи: Тарле Е. В. Крымская война. М., 1950. Т. I. С. 279–280.

8 Там же. С. 275; Петров. Т. I. С. 149.

ствие появления в Черном море французского и британского флотов. Все эти факторы, разумеется, сыграли свою роль в поражении России, но самым важным было отсутствие у русской армии стратегического планирования и четко обозначенных целей на данном фронте, в то время как у турок все это было, пусть и в ограниченном масштабе. Более того, османская армия давно не бывала так хорошо подготовлена к войне.

Накануне войны османская действующая армия, *низам*, состояла из шести армейских корпусов территориального базирования⁹. Каждая из этих армий набирала рекрутов из того военного округа, к которому была приписана; состояли они преимущественно из этнических турок, которые считались намного более надежными, чем прочие мусульманские подданные империи. К этим действующим армиям были также приданы резервные армии, которые назывались *редифами*.

Армия, расположенная на европейском берегу Босфора, носила название Гвардейской (*Hassa ordusu*). Константинопольская армия (*Dersaadet ordusu*) базировалась в районе Шумлы, Румелийская армия (*Rumeli ordusu*) — Манастира, Анатолийская армия (*Anadolu ordusu*) — Эрзинджана (*Irak ordusu*), Арабская армия — Дамаска, и недавно созданная Иракская армия — в районе Багдада.¹⁰ Корпус состоял из шести пехотных полков, четырех кавалерийских, артиллерийского полка и саперной роты, и при полной укомплектованности насчитывал около 20 тыс. человек. В Гвардейской и Румелийской армиях имелись дополнительные пехотный полк, стрелковый батальон и кавалерийский полк. Каждый пехотный полк состоял из 4 батальонов, по 8 рот в каждом. В артиллерийских полках насчитывалось по 70 орудий. Однако *низам* и *редифы* не представляли собой всей турецкой армии. Кроме них, имелось еще несколько артиллерийских и инженерных корпусов, приданных Имперскому арсеналу (*Tophane-i Hümayûn*), и четыре батальона, размещенные в крепостях на Дарданеллах и в Константинополе. Отдельные отряды находились также на Крите, в Триполи и в Тунисе.

Служба в действующей армии продолжалась пять лет; рекруты, отслужившие свой срок, отправлялись на семь лет в запас, из которого вновь могли быть призваны на действительную службу. *Сераскер*-паша, теоретически являвшийся главнокомандующим всех шести армий, вместе взятых, также выполнял обязанности воен-

⁹ Об османской армии во время Крымской войны см.: A. Tefvik Gürel, 1853–55 Türk-Rus ve Müttefiklerinin Kırım Savaşı (Istanbul, 1935), pp. 7–14; Богданович М. И. Восточная война 1853–56 гг. Т. I. Приложения. СПб., 1876. С. 21–26; George Dodd, Pictorial History of the Russian War 1854–56 (Edinburgh and London, 1856), p. 27.

¹⁰ *Türk Silahlı Kuvvetleri Tarihi*, Т. III Ч. 5 (1793–1908) (Анкара, 1978), С. 201–205

ного министра. Во главе каждой армии стоял *мюшир* (фельдмаршал); во главе дивизии — *ферик*, бригады — *мирлива*, полка — *миралай*, а батальона — *бинбаши*. В реальности эти военные части были не единственными; в качестве тактических единиц могли использоваться батальоны из различных корпусов, не говоря уже о полках или дивизиях. Хотя принятая в Османской империи система воинского призыва и резервных армий появилась в результате реформ, осуществленных под влиянием французского и прусского опыта, в османской армии отсутствовали такие учреждения, как комиссариат и генеральный штаб, которые в то время имелись в любой современной армии.

Система *редифов* не была доведена до завершения; например, у армий в Дамаске и Багдаде не имелось своих резервов. *Редифы* были организованы так же, как *низам*, но в них не хватало офицеров. Хотя *танзимат*¹¹ уже приносил первые плоды, в том числе и в сфере образования, чему весьма искренне радовался Омер-паша во время подготовки к войне, модернизация османской армии была еще далека от завершения, и в ней остро ощущался недостаток способных офицеров¹². Арчибалд Патон, осенью 1853 г. посетивший турецкие укрепления на Дунае, а также штаб в Шумле, отмечал: «Турецкая армия превосходна в своих крайностях, она имеет, с одной стороны, умелого командира в лице Омер-паши, а также нескольких достойных людей среди его подчиненных, а с другой стороны — инстинктивно отважных и выносливых бойцов; но в промежутке между ними мы видим безобразный вакуум непрофессионализма и коррупции». Кроме того, он приводит слова русского офицера, который побывал в Константинополе пленником — вероятно, в предыдущем столетии: «Думаю, что султан должен выдать всем своим рядовым по ордену Нишан, а всех офицеров побить палками»¹³. Хроническая нехватка офицерских кадров восполнялась приглашением европейских офицеров, а также назначением на офицерские должности польских и венгерских перебежчиков.

Османская конница также обладала явно недостаточной численностью. Поскольку на Балканах имелась только 6-тысячная регулярная кавалерия, на действительную службу в Дунайскую армию была призвана балканская и анатолийская конная полиция (*зантийе*)¹⁴. Из различных провинций империи тысячами набирались иррегулярные войска (которые тогда назывались *башибузю*-

¹¹ Реформы, проводившиеся в Османской империи в 1830-х — 1870-х гг. — прим. перев.

¹² ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 8, Dosya: 3, Belge: 3 / 1, 27 Ramazan 1269 [4 июля 1853].

¹³ Цит. по: Paton, p. 39.

¹⁴ ATASE, Klasör: 2, Dosya: 6, Belge: 13; Klasör: 2, Dosya: 7, Belge: 12. Согласно Додду, османская полиция была хорошо оснащена лошадьми и вооружена: Dodd, p. 27.

ками). После объявления войны ожидалось прибытие в Константинополь более 10 тыс. человек из Анатолии и Сирии, которые получали не только пропитание, но и денежные выплаты; им даже обещали выдавать новых лошадей в случае потери собственных¹⁵. При перевозке этих иррегулярных сил должностные лица старались не допустить с их стороны никаких жестокостей по отношению к мирным жителям¹⁶. Имелись также иррегулярные части добруджинских татар под командованием Хан-Мирзы и два недавно созданных казачьих полка, которые состояли из казаков-некрасовцев (липован)¹⁷ и польских добровольцев; ими командовал Мехмед-Садык-Паша (Михаил Чайковский)¹⁸.

Помимо вспомогательных сил из примерно 14 тыс. египетских пехотинцев¹⁹, 12 тыс. человек было набрано в Албании²⁰. Кроме того, 50-тысячное войско было организовано в Боснии и Герцеговине, чтобы использовать его в случае восстания на Балканах²¹.

Во время Крымской войны в османской армии насчитывалось примерно 290 тыс. человек. В документе без даты приводится следующая численность войск, собранных в Шумле, Варне и на дунайском берегу: 8 тыс. артиллеристов, 63934 пехотинца и 10240 кавалеристов²². Согласно Гюрелю, силы, направленные на балканский фронт, всего насчитывали 105 тыс. пехотинцев, 12 полков кавалерии (включая два казачьих полка), в составе которых находилось 8700 человек, 4300 артиллеристов в 40 батареях, 10 тыс. человек конной полиции и 12 тыс. человек иррегулярной кавалерии²³. Часть этих сил была оставлена в Эдирне и Софии в качестве резер-

ва. Таким образом, османская Румелийская армия, действовавшая против русской Южной армии, включала в себя полки Румелийской, Константинопольской и Гвардейской армии, как регулярные, так и резервные, при поддержке вспомогательных сил, иррегулярных частей и конной полиции²⁴. В османских архивных материалах не удалось найти точную численность турецких сил²⁵ на Балканах, но приблизительно они насчитывали 140 тыс. человек. Половина этих сил была размещена в укреплениях и крепостях вдоль Дуная и за ним, а другая половина использовалась как полевая армия, базировавшаяся в Шумле²⁶.

Омер-Паша признавал, что если бы Россия хотела воевать летом, османские войска оказались бы не готовы к войне и скорее всего были бы разбиты²⁷. Однако осенью русские силы в Дунайских княжествах имели скромную численность даже по сравнению с османской Дунайской армией. Россия выставила лишь около 80 тыс. человек — Четвертую армию и часть Пятой²⁸. Неравенство русских и османских сил явственно демонстрирует, что Россия не собиралась осуществлять планы захвата Константинополя, которые обсуждались верховным командованием русской армии и царем Николаем I перед вторжением в Дунайские княжества²⁹. Порта догадывалась о нежелании России воевать, но приготовления велись с расчетом на наихудший исход³⁰ и из благоразумия³¹. Омер-Паша также предполагал, что русские останутся в Дунайских княжествах и будут ждать дипломатического решения³².

15 ATASE, Высокая Порты — губернаторам Коньи и других соответствующих провинций, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 13 [Черновик]. В действительности неясно, распространялась ли такая щедрость на все иррегулярные войска.

16 См., например: ATASE, Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 1, 1 Ramazan 1269 [8 июня 1853].

17 Это были бывшие донские казаки, бежавшие на турецкую территорию в второй половине XVIII века. Часть из них жила в Добрудже, а другая — в анатолийском Маньясе.

18 Эти силы использовались в основном для рекогносцировки.

19 См. письмо Аббас-Халим-паши, египетского наместника: ATASE, Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 23, 7 Şevval 1269 [14 июля 1853]. Согласно этому письму, готовые к отправке сухопутные силы состояли из 6 полков и превышали 14 тыс. человек. После объявления войны Стамбул потребовал прислать дополнительные силы в 3 пехотных полка и некоторое число артиллеристов, а также 50 тыс. мушкетов, но неясно, были ли они действительно отправлены. ATASE, Высокая Порты — наместнику Египта, Klasör: 3, Dosya: 9, Belge: 35 / 1 [черновик]. Египетские силы, находившиеся под командованием Селим-паши, служили в Добрудже, Силистрии и в Крыму.

20 ATASE, Klasör: 2, Dosya: 6, Belge: 15 / 1.

21 ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 8.

22 ATASE, Klasör: 2, Dosya: 6, Belge: 17.

23 Gürel, pp. 8–11.

24 См., например, письмо, отправленное Омер-пашой после сбора различных полков из разных армий во время подготовки к войне: ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 8, Dosya: 3, Belge: 14, 27 Şevval 1269 [3 августа 1853]. Согласно этому документу, два батальона пятого полка из резерва Гвардейской армии были отправлены в Рахову и Нигболу, четвертый батальон второго полка и второй батальон третьего полка из резерва Константинопольской армии прибыли в Шумлу.

25 Необходимо отметить, что в Османской империи в XIX в. войска также назывались «османскими» или «исламскими», а не «турецкими», напр. ‘İslam askeri’, ‘Osmanlı askeri’, ‘Osmanlı Devleti’. Однако, в западных державах, в данном случае в России, использовались термины «турецкие войска», «Турция» и т. д.

26 ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 8, Dosya: 3, Belge: 3 / 1, 27 Ramazan 1269 [4 июля 1853].

27 ATASE, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 8.

28 О боевом составе русской армии см. приложения в следующих книгах: Der russisch-türkische krieg, p. 143–146; Петров. Т. I. С. 185–188; Богданович. Т. I. Приложения. С. 6–15.

29 Петров. Т. I. С. 63–64.

30 ATASE, Высокая Порты — султану Абдул-Меджиду, Klasör: 2, Dosya: 7, Belge: 30, 14 Ramazan 1269 [21 июня 1853].

31 ATASE, Klasör: 9, Dosya: 7, Belge: 11.

32 ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 54.

В реальности на наступление были настроены скорее не русские, а турки; они укрепили некоторые острова на Дунае и приняли меры к наведению понтонных мостов. Еще до начала военных действий Омер-Паша в глубокой тайне, не уведомив даже подчиненных командиров, проинспектировал наличие бревен, лодок и кораблей, которые могли быть использованы при переброске понтонных мостов через Дунай³³. Но сражения на этом фронте явно показывают, что турецкое наступление не предусматривалось в широких стратегических планах.

Управление русской армией в Дунайских княжествах осуществлялось из Бухареста. Четвертая армия под командованием генерала П. А. Данненберга размещалась в Большой Валахии³⁴. Левое крыло русских, растянувшееся от Браилы до Килии, включало часть сил Пятой армии под командованием генерала А. Н. Лидерса. На правом крыле, в Малой Валахии, русские силы до прибытия Третьей армии были незначительными. Здесь сперва командовал генерал-лейтенант Фишбах, а после появления более серьезных сил его сменил генерал-адъютант Анреп-Эльмпт.

Османская оборона в основном опиралась на треугольник первокласных крепостей в Варне, Силистрии и Рущуке, и на укрепленный лагерь в Шумле, где размещался и штаб османской армии. Османское верховное командование в реальности отнюдь не отличалось стабильностью. Ферику Мустафа-паше, занявшему Туртукай, сперва поручили командовать центром турецких сил на Дунае. Но в 1854 г. он получил назначение на крайний правый фланг, в Добруджу, вместо Хассан-Хакки-паши³⁵. Однако, к началу войны Добруджа находилась под командованием ферики Абдулхалим-паши.

Крайний левый фланг турок опирался на первоклассную крепость в Видине и окружающие ее позиции. Во время подготовки к войне на этом фланге османскими силами командовал ферики Исмаил-паша³⁶. Еще до начала военных действий сюда были также

направлены ферики Ахмед-паша³⁷ и ферики Мустафа-Тевфик-паша. Присутствие в Калафате трех высокопоставленных командиров — главным из которых был Ахмед-паша — говорит о том значении, которое Омер-паша придавал этому крылу. По словам корреспондента английской «Таймс», Ахмед-паша являлся мозгом сил, стоявших в Калафате, в то время как Исмаил-паша вдыхал в них энергию. Весной 1854 г. войсками в Калафате командовал Абдулхалим-паша. По всей вероятности, после вторжения русских в Добруджу Ахмед-паша и Исмаил-паша были отозваны в Шумлу, чтобы командовать войсками во время генерального сражения с русской армией, ожидавшегося в случае падения Силистрии.

Отклонение Венской ноты, турецкий ультиматум с требованием вывести русские войска из Дунайских княжеств и первые перестрелки на Дунае шокировали не только русских, но и европейские державы в целом. Вследствие такого политического выбора Порты Османская империя в литературе о Крымской войне обычно описывается как единственная сторона, стремившаяся к войне. В реальности же Высокая Порта не выказывала особой готовности воевать. Во время ремонта укреплений нередко поднимался вопрос, не нарушаются ли при этом действующие договоры³⁸. В турецких документах периода, непосредственно предшествовавшего военным действиям, чаще всего присутствует озабоченность тем, чтобы не дать России какого-либо предлога к войне³⁹. Хотя русским военным кораблям было запрещено проходить в Браилу, Порта обсуждала вопрос о том, нельзя ли отменить этот запрет, чтобы он не послужил для России предлогом. Было решено, что это правило следует применять лишь после консультаций со Стрэтфордом де Редклиффом, знаменитым британским послом в Константинополе; кроме того, пришли к выводу, что присутствие русских пароходов и судов выше по Дунаю крайне затруднит османскую оборону в случае войны⁴⁰.

33 ATASE, Инструкции Омер-паши Сулейман-Бею, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 11, 5 Muharrem 1270 [8 октября 1853].

34 Территория приблизительно к западу от реки Олт (или Алута) в то время называлась Малой Валахией, а к востоку — Большой Валахией.

35 ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 5, Dosya: 15, Belge: 9, 18 Rebiulahir 1270 [18 января 1854].

36 Патон пишет: «На вид ему сорок пять лет. Он смуглолицый и слегка косит одним глазом [...] Природные способности заменяют ему отсутствие широкого стратегического мышления и европейских навыков Омер-паши; Исмаил-паша не только отличается выдающейся отвагой, но и может быть в известных пределах назван весьма умелым стратегом» Paton, pp. 38–39. Исмаил-паша командовал силами и в Видине, и в Софии. О подготовке к обороне Видина и окружающих городов под командованием Исмаил-паши см.: ATASE, военный губернатор Видина Мехмед-Салим и генерал-гу-

бернатор Видина Абдурахман-Сами — Высокой Порте, Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 15, 5 Şevval 1269 [12 июля 1853].

37 По описанию Патона, Ахмед-паша был «образованным военным инженером, который в течение семи лет обучался в Вене своему ремеслу, вследствие чего бегло и правильно говорит по-немецки; сам по себе он высокий и породный человек, близкий к тучности, с римским носом и правильными чертами лица». Paton, s. 34.

38 ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 2, Dosya: 7, Belge: 31, 14 Ramazan 1269 [21 июня 1853]; ATASE, Klasör: 2, Dosya: 7, Belge: 28 / 1, 19 Ramazan 1269 [26 июня 1853] [копия].

39 См., например: ATASE, Высокая Порта — муширам Анатолийской и Румелийской армий, Klasör: 2, Dosya: 6, Belge: 1 и 1 / 1, 3 Ramazan 1269 [10 июня 1853].

40 ATASE, Омер-паша — Высокой Порте, Klasör: 8, Dosya: 3, Belge: 4, 28 Ramazan 1269 [5 июля 1853] [черновик]; Высокая Порта — Омер-паше, Klasör: 8, Dosya: 3, Belge: 4 [черновик]; Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 38 [ко-

Тем не менее, османский Большой совет высказался за войну с Россией и 8 октября генералу Горчакову через Омер-пашу был отправлен ультиматум с требованием очистить Дунайские княжества. Отсутствие положительного ответа через пятнадцать дней после получения ультиматума означало войну⁴¹. Впоследствии Порта хотела продлить срок ожидания ответа на одну неделю, но послание прибыло с запозданием на одиннадцать часов, когда военные действия уже начались⁴². Интересно, что начало военных действий произошло несколько раньше истечения ультиматума, вследствие чего встает важный вопрос — не стремился ли сам Омер-паша к ускорению разрыва.⁴³

В ночь с 22 на 23 октября турецкие силы малыми отрядами по 20–40 человек переправились через Дунай и напали на русские позиции. В Туртукае мелкий отряд, форсировавший реку, убил четырех казаков, а одного взял в плен⁴⁴. Египетские солдаты, переправившиеся через реку в Богазкёе (вблизи Карасу), напали на казачий пикет и убили нескольких казаков⁴⁵. Первое серьезное столкновение произошло на следующий день между турецкой батареей на острове перед Исакчи и направлявшимся в Галац русским легким флотом в составе двух пароходов и восьми лодок⁴⁶. Согласно русским источникам, их потери были незначительными и нападение на батарею завершилось полным успехом⁴⁷. Но в османских донесениях указываются тяжелые повреждения, причиненные лодкам и пароходам. Хотя турецкие цифры русских потерь не совпадают друг с другом, они в любом случае значительно выше, чем по русским сведениям⁴⁸. Фактически в каждом сражении на Дунае обе

пия решения Высокой Порты], 17 Şevval 1269 [24 июля 1853]; Высокая Порты — Омер-паше, Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 38 / 1 [черновик], 26 Şevval 1269 [2 августа 1853]; Омер-паша — генералу Горчакову, Klasör: 8, Dosya: 3, Belge: 5 / 2; После получения ответа от генерала Горчакова, ATASE, Klasör: 8, Dosya: 3, Belge: 19 [черновик], 29 Zilkâde 1269 [3 сентября 1853].

41 ATASE, Омер-паша — генералу Горчакову, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 61.

42 ATASE, Омер-паша — Высокой Порте, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 29, 21 Muharrem 1270 [24 октября 1853].

43 Омер-паша заявлял, что военные действия начались уже после окончания срока ультиматума (ibid.). Но Горчаков получил ультиматум лишь утром 9 октября, поэтому ждал начала военных действий лишь 24 октября.

44 Мустафа-паша — Омер-паше, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 26, 19 Muharrem 1270 [22 октября 1853]; Петров. Т. I. С. 129, 131.

45 ATASE, Омер-паша — Высокой Порте, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 29.

46 Интересное донесение добруджинских христиан о последствиях сражения при Исакчи, которое предназначалось для русского полковника в Сюнне (Сулине), и о последовавшем суде над ними см.: ATASE, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 43.

47 14 погибших, включая командовавшего флотом — Варпаховского, и 60 раненых: Петров. Т. I. С. 128–130.

48 Донесение Ислам-Бея в Мачин, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 11 / 1, 10 Safer 1270

стороны существенно занижали свои потери и преувеличивали потери противника.

По мнению Омер-паши, туркам следовало захватить стратегические позиции на левом берегу реки до прибытия Третьей армии, после которого наступление против русских сил будет трудноосуществимым⁴⁹. Наступательными действиями Омер-паша собирался поднять боевой дух своих войск. И действительно, успех турецких атак деморализовал русских, в то время как османские солдаты набрались уверенности в своих возможностях⁵⁰. Но турецкие атаки на Дунае планировались в первую очередь с расчетом расстроить вероятные стратегические планы русских в отношении Сербии. Омер-паша так объяснял свой план: «Поскольку самой важной задачей является полное предотвращение таких русских замыслов и их практического воплощения [...] не забывая об уже принятых мерах предосторожности и без всякой спешки, [нами будут] предприняты отвлекающие наступления на Дунае и два истинных наступления в тех местах, где русские слабы, с переправой через реку по мостам»⁵¹.

Больше всего турки опасались неожиданного нападения русских и их последующего контакта с сербами и черногорцами, который мог спровоцировать местное население на восстание. Поэтому турки постепенно наращивали численность войск в Видине и его окрестностях⁵². Омер-паша не собирался полагаться только на видинскую крепость и приказал укрепить остров перед городом и захватить город Калафат на левом берегу реки.

Дискуссии об устройстве укреплений на острове, который в то время находился под водой, шли уже летом 1853 г. Кроме того, заявлялось, что в крайнем случае можно будет послать письмо генералу Горчакову с объяснением необходимости таких укреплений для безопасности турецкого города⁵³. Но 15 октября ввиду неизбежности войны турецкие силы под командованием Мехмед-Салим-паши, военного губернатора Видина, закончили укрепление острова, не вступая ни в какие сношения с русским генералом. 28 октября 10 тысяч османских солдат под началом ферики Исмаил-паши захватили Калафат и укрепили этот город. После этого по соседним

[12 ноября 1853]. По слухам, число погибших достигало 95 или даже 180 человек.

49 ATASE, Омер-паша — Высокой Порте, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 29, 21 Muharrem 1270 [24 октября 1853].

50 Петров. Т. I. С. 131.

51 ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 8.

52 ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 44 / 1, 23 Şevval 1269 [30 июля 1853]; сераскер-паша — Омер-паше, Klasör: 3, Dosya: 9, Belge: 39, 26 Zilhicce 1269 [30 сентября 1853]; Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 6, 29 Zilhicce 1269 [3 октября 1853].

53 ATASE, Высокая Порты — Омер-паше, Klasör: 8, Dosya: 3, Belge: 4 и 4 / 1 [черновик].

деревням была разослана турецкая кавалерия, а между городом Калафат и островом навели мост⁵⁴. По словам Патона, который посетил Калафат лишь несколько недель спустя, город превратился «в один из самых замечательных укрепленных лагерей нашей эпохи»⁵⁵. В результате в распоряжении османской армии оказались обширные материальные ресурсы Малой Валахии, которые иначе попали бы в руки врага. Со временем русские силы в Малой Валахии значительно увеличились, но вплоть до первых дней 1854 г. здесь не происходило серьезных сражений.

Однако, османская разведка в Валахии убедила Омер-пашу в том, что русские вскоре нападут на Калафат⁵⁶. Сочтя, что он находится слишком далеко от Калафата и не сможет ему помочь, Омер-паша решил напасть на Ольтеницу, чтобы ввести русский штаб в заблуждение. Вся подготовка проводилась в полном секрете. Османские силы под командованием ферика Мустафы-паши высадились на острове и укрепили его. На следующий день, 2 ноября, Кютахьяли-Хусейн-бей с двумя пехотными батальонами, тремя орудиями и сотней конных полицейских захватил русский карантин при поддержке артиллерийского огня с правого берега Дуная⁵⁷. Сразу же после этого карантин был укреплен и в нем оставили гарнизон примерно в 8 тыс. человек. Кроме того, под командованием Омер-паши в Туртукае был размещен корпус, доставленный туда под прикрытием тумана⁵⁸. И на острове, и в Туртукае были установлены батареи на случай возможного сражения.

Разумеется, появление таких крупных вражеских сил поблизости от Бухареста свергло генерала Горчакова в панику, и тот приказал генералу Данненбергу разбить турок. Русские силы под командованием генерал-майора Павлова, состоявшие из бригады, шести уланских эскадронов, трех казачьих сотен и двух батарей, атаковали Ольтеницу 4 ноября⁵⁹. Сражение началось на рассвете и продолжалось четыре часа. Атака возобновлялась три раза, несмотря на сильный огонь турецкой артиллерии и с правого берега Дуная, и с острова. Хотя русские дошли почти до самых траншей, генерал Данненберг, наблюдавший за сражением из Новой Ольтеницы, приказал русским силам отступать. Он решил, что даже в случае успешного штурма позицию не удастся удержать из-за мощной турецкой канонады. Соглас-

но Петрову, приказ к отступлению пришел ровно в тот момент, когда русские войска уже одержали победу⁶⁰. Русские потери составляли 236 убитых, включая 5 офицеров, и 734 раненых, включая 39 офицеров⁶¹. Турки приводят совершенно иные цифры. Омер-паша доносил, что русские потеряли тысячу человек убитыми и две тысячи — ранеными, в то время как турки потеряли лишь 106 человек⁶². Кроме того, он утверждал, что турецкая артиллерия прекратила огонь, чтобы позволить русским забрать убитых и раненых, в противоположность русским источникам, согласно которым у турок кончились заряды.

После этого сражения вследствие турецкого наступления на Бухарест русские силы в Браиле и Бессарабии были переведены в Большую Валахию и сосредоточены между Будештами и Негоештами, чтобы защитить Бухарест от турок⁶³. Однако, посчитав, что задача выполнена, Омер-паша 12 ноября отвел свои силы на левый берег реки. Калафат был уже укреплен, а силы в Ольтенице едва ли могли бы выдержать мощный русский натиск. Но часть турецких сил осталась на острове напротив Туртукая. Патон так писал об итогах сражения при Ольтенице — очевидно, со слов Омер-паши: «В этом деле замысел Омер-паши сводился к тому, чтобы обеспечить локтевую поддержку Исмаил-паше в Калафате: запутать русских и отвлечь их внимание от того места, в котором должно было реально начаться наступление, и в то же время вдохнуть уверенность в собственные войска; во всем этом он совершенно преуспел»⁶⁴. Однако, в русской литературе это отступление описывается как признание турецким командованием мощи русской армии и понимание трудностей наступления на Бухарест⁶⁵.

Хотя в России обсуждалось несколько сценариев народного восстания на Балканах, эти теории за всю войну так и не были воплощены на практике — возможно, с целью сохранить хорошие отношения с Австрией. Вследствие этого многие русские исследователи Крымской войны полагают, что австрийская дружба обошлась России слишком дорого. С другой стороны, присутствие сильных турецких сил в Видине и Калафате постоянно тревожило русских, ожидавших возможного нападения из Малой Валахии⁶⁶.

Со временем Калафат превратился в настоящую крепость. Отвечая на предупреждение из Константинополя о возможной русской атаке,

54 Петров. Т. 1. С. 132; Hüseyin Hüsnü, Saika-i Zafer (İstanbul), ss. 95–97.

55 Paton, p. 33.

56 См., например: сераскер-паша — Омер-паше, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 55/1 [черновик].

57 Hüseyin Hüsnü, pp. 121–128; Омер-паша — Высокой Порте, приводится по-английски в: Dodd, pp. 37–38.

58 Петров. Т. 1. С. 135–137.

59 По сведениям Омер-паши, русские силы насчитывали 20 пехотных батальонов, 2 кавалерийских полка и одного казачьего полка с 32 пушками.

60 Петров. Т. 1. С. 144.

61 Там же.

62 Петров. Т. 1. С. 145; Ömer Dodd, p. 38; ATASE, Высокая Порте — Омер-паше, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 51/1 [черновик], 16 Safer 1270; Hüseyin Hüsnü повышает русские потери до 4800 человек: Saika-i Zafer, pp. 120–134.

63 Петров. Т. 1. С. 147.

64 Paton, p. 82.

65 Петров. Т. 1. С. 149.

66 Там же. С. 153–154.

Омер-паша подробно расписал оборонительные возможности города. Согласно его донесению, там находилось десять пехотных батальонов, вооруженных в том числе и винтовками, и насчитывавших 5600 человек, семь кавалерийских рот, около 400 конных полицейских и около 500 человек иррегулярной кавалерии с 28 пушками. В видинском порту стояли шесть батальонов, три батареи и кавалерийский полк, готовые пересечь реку в случае необходимости. Более того, к отправке в Калафат были подготовлены тысяча человек иррегулярного войска. Утверждая, что для захвата укреплений Калафата необходимо 50 тысяч человек, Омер-паша прибавлял, что с надеждой ожидает русской атаки⁶⁷. Из этой переписки видна не только уверенность Омер-паши в своих войсках, но и явная озабоченность Стамбула безопасностью Калафата и Видина. Письмо Омер-паши действительно успокоило и обрадовало и правительство, и султана Абдул-Меджида⁶⁸.

На исходе года в Калафате снова стало известно о возможном русском нападении. По сведениям турецкой разведки, 25-тысячный русский отряд из Бухареста, соединившись с 10-тысячным отрядом из Крайовы, занял ближайшие к Калафату деревни⁶⁹. Хотя русских было не так много, как считали турки, их силы в Малой Валахии существенно увеличились с прибытием 12-й дивизии. Командующий ими также сменился: теперь их возглавлял генерал-адъютант Анреп-Эльмпт. По мнению Ахмед-паши, наличие таких крупных русских войск в Малой Валахии по меньшей мере приведет к изоляции османских сил от местного населения. В реальности увеличение численности войск изображается в русской литературе всего лишь как мера против местного населения, находившегося в тот момент на грани восстания, а не как подготовка к изгнанию турок из Калафата⁷⁰.

31 декабря турецкие силы атаковали русские позиции в Четати, но атака не отличалась решительностью и вскоре турки отступили. Скорее всего это нападение было предпринято для оценки мощи противника. Настоящий штурм был намечен на русское рождество — 6 января. Первоначально по плану предполагалась скоординированная атака тремя колоннами на несколько деревень. Но разведка выяснила, что русские силы более многочисленны, чем ранее предполагалось, и целью атаки стала одна лишь деревня Четати⁷¹.

67 ATASE, Омер-паша — Высокой Порте, Klasör: 4, Dosya: 12, Belge: 13, 11 Rebiulevvel 1270 [12 декабря 1853]; см. также: ATASE, Ахмед-паша — Омер-паше, Klasör: 46, Dosya: 1, Belge: 1 / 2, 14 Rebiulevvel 1270 [15 декабря 1853].

68 ATASE, ираде (указ) султана, Klasör: 4, Dosya: 12, Belge: 13 / 2, 23 Rebiulevvel 1270 [24 декабря 1853] [копия]; Высокая Порте — Омер-паше, Klasör: 4, Dosya: 12, 13 / 3 [черновик].

69 ATASE, губернатор Видина Абдуррахман-Сами-паша — Высокой Порте, Klasör: 5, Dosya: 14, Belge: 12.

70 Петров. Т. I. С. 157–159.

71 ATASE, Ахмед-паша — Высокой Порте, Klasör: 5, Dosya: 14, Belge: 13, 8 Rebiulahir 1270 [8 января 1854].

Вообще говоря, турки свои нападением застigli русских врасплох, так во время русско-турецких войн серьезные турецкие наступления в суровых зимних условиях были очень редки⁷². Атакующие силы насчитывали 13 пехотных батальонов, три полка кавалерии, 300 человек конной полиции и 28 пушек. Оставив часть сил в Маглавите и Гунье в качестве резерва, они подошли к Четати 6 января 1854 г. Хотя турецкие силы численностью превосходили русских вовсе не в десять раз, как утверждает Петров, они, несомненно, имели большое численное преимущество; Четати обороняли лишь три батальона под командованием полковника А. К. Баумгартена⁷³. Исмаил-паша атаковал русские позиции шестью пехотными батальонами, семью стрелковыми ротами, двумя кавалерийскими полками, 300 конными полицейскими и 12 пушками. Ахмед-паша остался вне деревни с пятью пехотными батальонами, одним кавалерийским полком и десятью пушками, чтобы предотвратить прибытие к русским возможных подкреплений. После того, как Исмаил-паша был ранен, командование принял Мустафа-Тевфик-паша. После шестичасового сражения на сцене появились генерал-майор Бельгард и генерал-майор Жигмонт с девятью пехотными батальонами, одним стрелковым батальоном, двумя кавалерийскими полками и 16 пушками. Ахмед-паша не позволил этим русским силам войти в деревню и после полуторачасового сражения вынудил их отступить. Согласно Петрову, это подкрепление было призвано только спасти силы Баумгартена, и оно отступило, выполнив свою задачу. После сражения турки вернулись в Калафат.

По османским донесениям, русские потери исчислялись тысячами. Ахмед-паша, командовавший операцией, сообщал, что русские потеряли убитыми более 2500 человек, а число раненых должно быть вдвое больше⁷⁴. Несколько дней спустя, получив более надежные сведения, он утверждал, что у русских погибло 4000 человек и столько же было ранено. Кроме того, он прибавлял, что Баумгартен, командовавший русскими силами в Четати, был тяжело ранен в сражении и вскоре умер⁷⁵. В реальности же он получил только легкое ранение. Согласно русским источникам, потери русских составляли 835 убитых, в том числе 22 офицера, и 1190 раненых, в том числе 32 офицера, в то время как турки потеряли около 3000 чело-

72 Петров. Т. I. С. 162.

73 Турки оценивали русские силы в Четати в четыре пехотных батальона, одну стрелковую и две гусарские роты, четыре казачьи сотни и шесть пушек.

74 ATASE, Ахмед-паша — Высокой Порте, Klasör: 5, Dosya: 14, Belge: 13, 8 Rebiulahir 1270 [8 января 1854].

75 ATASE, Ахмед-паша — Омер-паше, Klasör: 5, Dosya: 14, Belge: 20, 13 Rebiulahir 1270 [13 января 1854] [копия].

век⁷⁶. Несмотря на такое несовпадение в числах, несомненно, это было одно из самых кровавых сражений Крымской войны.

В разных источниках заметно различаются не только цифры потерь, но и численность участников сражения. Например, Е. В. Тарле утверждает, что в сражениях под Ольтеницей, Четати и Журжей русским противостоял враг, в два, а то и в три раза превышавший их числом⁷⁷. Аналогичным образом и в османских документах отмечается численное неравенство русских и турецких сил. Поэтому необходимо прийти к сбалансированной оценке, изучив данные, приводящиеся обеими сторонами.

Двести русских, захваченных в плен во время этого боя, были убиты османскими солдатами. Османские командиры оправдывались тем, что они не могли остановить своих солдат, разъяренных известиями о Синопском сражении, в котором погибли тысячи османских бойцов. *Сераскерлик* заявил, что произошедшее было неоправданным актом военной жестокости, повторение которого недопустимо⁷⁸. После сражения в Калафат были отправлены подкрепления на случай возможной русской атаки⁷⁹. Участники сражения, проявившие храбрость, были щедро награждены с обеих сторон орденами, оружием и различными подарками⁸⁰.

Все до сих пор рассмотренные сражения произошли в результате неожиданных турецких нападений. Россия придерживалась оборонительной стратегии и выжидала дипломатического решения, поскольку переправа через Дунай означала войну не только с Османской империей, но и по всей вероятности с прочими великими державами. Чтобы перейти к наступательной стратегии, России требовалось по меньшей мере заручиться поддержкой германских держав. Но после Синопского сражения европейская дипломатическая активность увяла и на повестке дня стояла союзная кампания против России. До того, как на поле сражения появились британские и французские силы, Николай I хотел, чтобы русская армия продвинулась как можно дальше, несмотря на отсутствие поддержки со стороны Австрии и Пруссии. Первой мишенью русского наступления стала турецкая крепость в Силистрии, которую русская армия прежде занимала дважды, в 1810 и 1829 гг.

24 марта русская армия тремя колоннами переправилась через Дунай. Но Силистрию осадили лишь в середине мая. Фельдмар-

шал Иван Паскевич, сменивший генерала Горчакова на посту командующего армией, был настроен весьма пессимистично по поводу этого предприятия вследствие австрийской угрозы на русском фланге и приближения союзных войск к османской территории. Осада велась исключительно по желанию царя. Фельдмаршал сперва покинул поле боя под предлогом раны, а затем убедил царя снять осаду.

Войска под командованием генерала Лидерса прибыли под Силистрию 16 мая. И в этот же день произошла первая стычка между османскими и русскими силами. Пока русские проводили разведку, защитники напали на русские позиции из форта Араб-Табия. Во время осады подобные атаки регулярно повторялись с целью предотвратить окопные работы и рытье противником подкопов.

Омер-паша утверждал, что Варну можно защитить военно-морскими силами, но в Силистрию как в ближайший ко врагу пункт необходимо назначить знающего и способного коменданта⁸¹. После начала войны крепость доверили Муса-Хулуси-паше, генеральному директору османского арсенала (*Reis-i Meclis-i Tophane-i Âmiri*)⁸². Именно он в реальности вел всю подготовку к обороне на Дунае летом 1853 г.⁸³ Его правой рукой в Силистрии был прусак Грах-паша. Именно из-за него осада Силистрии неизменно изображается как противоборство двух немецких инженеров: Граха и К. А. Шильдера.

Русская армия, осадившая Силистрию, насчитывала 77 батальонов, 68 эскадронов, 27 казачьих сотен и 266 пушек. Русские силы к концу осады достигали приблизительно 90 тыс. человек. Согласно генералу Шильдеру, в Силистрии находилось не более 7–8 тыс. человек турецких регулярных сил⁸⁴. Турецкие силы, по словам Петрова, не превышали 12 тыс. человек, существенную часть которых составляли иррегулярные войска⁸⁵. В момент вторжения в Дунайские княжества в Силистрии располагалось шесть пехотных батальонов — по мнению Муса-паши, вполне достаточно в то время. Он лишь просил прислать ему немного кавалерии и артиллерийскую

76 Петров. Т. I. С. 175.

77 Тарле. Т. I. С. 287.

78 ATASE, Высокая Порты — Омер-паше, Klasör: 5, Dosya: 14, Belge: 5, 29 Rebiulahir 1270 [29 января 1854].

79 Омер-паша — сераскер-паше, ATASE, Klasör: 5, Dosya: 14, Belge: 20 / 2, 17 Rebiulahir 1270 [17 января 1854].

80 ATASE, Klasör: 5, Dosya: 14, Belge: 20 / 1; Петров. С. 176.

81 ATASE, Омер-паша — сераскер-паше, Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 8, 27 Ramazan 1269 [23 июня 1853].

82 «Муса-паша был [...] низкорослым, крепким и очень сильным человеком, лед сорока на вид. Волосы у него темные, бледное лицо — круглое и симпатичное. Он очень много говорил, непрерывно фонтанируя идеями и выражаясь с большим природным изяществом; — по сути я порой совершенно не понимал его высокопарных турецких фраз. — Во всем этом он нисколько не походил на турка, и когда мне сказали, что он происходит из евреев, я был ничуть не удивлен»: Paton, p. 85.

83 Муса-паша — Высокой Порте, ATASE, Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 32, 13 Şevval 1269 [20 июля 1853].

84 Петров. Т. II. С. 134.

85 Там же. С. 139.

роту⁸⁶. Но затем османские силы в Силистрии постепенно увеличивались. Омер-паша, определяя численность турецких войск в десять пехотных батальонов, саперный полк (четыре роты), две стрелковые роты, триста человек конной полиции, четыре кавалерийские роты, добавлял, что отправил туда еще два батальона и восемьсот человек иррегулярной кавалерии, в свете того, что крепостные батальоны укомплектованы не полностью. Под крепостью находилось также значительное число иррегулярных сил, использовавшихся для разведки — они насчитывали до 10 тыс. человек под командованием Гиридизаде-Мехмед-паши. Османские казаки впоследствии несли службу и под Силистрией. В своем другом письме Омер-паша определяет находившиеся в крепости силы в 15 тыс. пехотинцев и 3 тыс. кавалеристов, плюс к этому достаточное количество провизии и боеприпасов, которого, по оценке османского главнокомандующего, хватало для обороны⁸⁷.

Защита Силистрии в основном опиралась на несколько бастионов, окружавших крепость. В реальности летом 1853 г. успешная оборона Силистрии была совершенно невозможна⁸⁸. Но до начала осады крепости было достроено несколько редутов. В 1829 г. крепость пала в результате русского штурма с юга. Теперь там находился каменный форт Меджидие-Табия и два земляных — Араб-Табия и Йиланлы-Табия.⁸⁹ В начале осады в этом арабском форте находилось три египетских батальона и шесть пушек под командованием миралая Мустафы-бея⁹⁰. Эти силы со временем также увеличились до 3 тыс. человек за счет албанских и анатолийских иррегулярных частей; во время осады фортом командовал мирлива Кютахьяли-Хусейн-паша, герой Ольтеницы⁹¹.

Еще до осады, имея в виду внешние укрепления, Муса-паша уверенно заявлял, что «русские могут приходиться, когда хотят, мы готовы их встретить — благодаря прусской науке»⁹². Но во время осады он во всех своих письмах подчеркивал необходимость подкреплений, без которых крепость долго не продержится. 21 мая он утверждал, что русские силы насчитывают 60 тыс. человек и по-

стоянно увеличиваются, а поскольку солдатам негде укрыться от непрерывной бомбардировки города, Силистрия не устоит против такой грозной силы, если не получит поддержки от армии, расположенной в Шумле. Указывая, что эта осада оказалась более жестокой, чем предыдущие, Муса-паша хотел, чтобы ему прислали 25–30 тыс. человек для предотвращения русских осадных операций. На следующий день он повторил просьбу о срочной помощи. В ответ Омер-паша лишь заявлял о необходимости полагаться на содействие союзных держав и добавлял, что сил под командованием Гиридизаде-Мехмед-паши достаточно, чтобы беспокоить врага. 28 мая Омер-паша предложил сделать из крепости кавалерийскую вылазку для того, чтобы помешать русским рыть подкопы, и требовал, чтобы крепость держалась до прибытия союзников. По словам Омер-паши, французские и британские силы будут готовы прийти на помощь османской армии через 20 дней⁹³.

Но ни союзные силы, ни сам Омер-паша так и не появились под Силистрией. Однако 2 июня в крепость прибыли подкрепления с боеприпасами и продовольствием, а затем 12 июня — более сильный отряд под командованием Бехрам-паши (генерала Кэннона)⁹⁴. Омер-паша заверял и Муса-пашу, и Порту, что Силистрия падет не скоро⁹⁵, но с другой стороны, торопил прибытие союзной помощи, утверждая, что крепость долго не продержится⁹⁶. Оборона Силистрии и отступление русской армии поразили европейские державы.

Генерал-адъютант Шильдер, проводивший осадные работы, считал восточный участок самым слабым местом турецкой обороны. Он полагал, что для взятия крепости хватит двух недель. Но Паскевич, уверенный, что Омер-паша придет на помощь осажденным, не стал брать крепость в плотную блокаду, разместив основную часть своей армии в укрепленном лагере и решив штурмовать Араб-Табия, а не тот участок, на который указывал Шильдер. Сражения происходили главным образом у фортов Араб-Табия и Йиланлы-Табия. 18 мая действия русской разведки привели к бою. Турки сообщали о 45 погибших в их рядах, в то время как на вражеской стороне погибло 200 человек⁹⁷. На следующей неделе османские силы снова устроили вылазку на русские позиции⁹⁸. Но первое серьезное сражение произошло 29 мая под Араб-Табией. Во время этой кровавой схватки русские не только не сумели взять форт, но и по-

86 Муса-паша — Высокой Порте, ATASE, Klasör: 8, Dosya: 3, Belge: 13 / 1.

87 Османские архивы турецкого премьер-министра [Başbakanlık Osmanlı Arşivleri, далее — BOA], İ.DH., Dosya: 299, Gömlek: 18911.

88 За работы по укреплению Силистрии отвечал Осман-бей. Его доклад об оборонительных сооружениях Силистрии см.: ATASE, Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 7 / 7 [копия, без даты]; ответ Омер-паши: ATASE, Klasör: 6, Dosya: 18, Belge: 7 / 3, 21 Ramazan 1269 [17 июня 1853] [копия].

89 В русских источниках перепутаны Йиланлы и Дегирмен-Табия. Дегирмен там называется Йиланлы (Змеиное), а Йиланлы — Песчаное.

90 BOA İ. MMS, Dosya: 1, Gömlek: 30, 20 Şaban –2 Ramazan 1270 [18 мая — 29 мая 1854].

91 Silistre Muhasarası, p. 32.

92 Цит. по: Paton, p. 85.

93 BOA İ. MMS., Dosya: 1, Gömlek: 30, 20 Şaban –2 Ramazan 1270 [18 мая — 29 мая 1854].

94 Silistre Muhasarası, p. 87; Петров. Т. II. С. 160, 168–169.

95 BOA İ. MMS., Dosya: 1, Gömlek: 31, 18 Şaban — 6 Ramazan 1270 [16 мая — 2 июня 1854].

96 Тарле. Т. II. С. 509.

97 BOA İ. MMS., Dosya: 1, Gömlek: 30.

98 BOA İ. MMS., Dosya: 1, Gömlek: 31.

теряли 1000 человек, включая командовавшего операцией генерал-лейтенанта Сельвана. Оборона Араб-Табии была снова испытана на прочность 3 июня⁹⁹ и 9 июня¹⁰⁰, но все усилия осаждавших остались тщетными.

Муса-паша был во время осады убит в результате мощной русской бомбардировки 2 июня. Погиб и Шильдер во время инспекции подкопов, а Паскевич оставил войска под предлогом ранения. Осада продолжалась под командованием Горчакова до 20 июня 1854 г., когда прибыл приказ Паскевича об отступлении. Фактически именно на тот самый день был назначен многообещающий штурм Араб-Табии, частично разрушенной русскими подкопами. Согласно русским источникам, осада обошлась им примерно в 400 убитых и 1800 раненых¹⁰¹. Омер-паша писал Сент-Арно, что потери силийстрийского гарнизона составляли всего лишь 1500 убитых и раненых.¹⁰²

Через несколько дней Омер-паша прибыл к Силистрии с 2-тысячным отрядом кавалерии и решил переправиться на северный берег реки в Руцуке. В первых числах июля Омер-паша собрал в Руцуке от 30 до 40 тыс. человек¹⁰³. 7 июля 1854 г. Журжа подверглась массивной бомбардировке, и турки попытались высадиться на островах и на другом берегу Дуная. По русским источникам, это им не удалось и сражение стоило нападавшим 6 тыс. человек¹⁰⁴. Русские потеряли убитыми и ранеными около тысячи человек. В османских донесениях тоже сильно преувеличиваются потери врага, оцениваемые в 5–7 тыс. человек, а собственные потери называются незначительными. Турки считали сражение на островах Кама и Мокан своей победой, после которой они напали на Журжу¹⁰⁵. Это было последнее значительное столкновение на Дунайском фронте.

В июле и августе русские продолжили отступление из Дунайских княжеств и подготовку к обороне Севастополя. Вместо них в Дунайские княжества вошли османские и австрийские силы.

В духе общей эйфории того времени сражения на Дунае так изображались в работе английского автора: «Кампания на Дунае в 1853–1854 гг. навсегда останется памятником турецкой доблести. Это была их стратегия, это они сражались, подвергались опас-

99 BOA İ. DH., Dosya: 301, Gömlek: 19068, 13 Ramazan 1270 [9 июня 1854].

100 BOA İ. DH., Dosya: 302, Gömlek: 19165, 25 Ramazan 1270 [21 июня 1854].

101 Петров. Т. II. С. 181.

102 Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. — СПб.: 1913. Т. II. Ч. II. С. 1007.

103 Там же. С. 206.

104 Там же. С. 210–215.

105 ATASE, Омер-паша — Высокой Порте, Klasör: 46, Dosya: 1, Belge: 32 и 32–1,

16 Şevval 1270 [12 июля 1854] [отрывок].

ности, добивались успеха — значит, и вся честь досталась им»¹⁰⁶. Хотя турецкие успехи в данном случае откровенно преувеличивались, можно смело утверждать, что турки уже давно так удачно не воевали против своего колоссального соседа. По крайней мере турецкая тактика в этой войне была четкой и прямолинейной. Во-первых, было необходимо удержать стратегические позиции на правом берегу Дуная и на островах. Во-вторых, Омер-паша намеревался измотать русских мелкими сражениями. Вообще говоря, у турок не имелось грандиозных планов по наступлению на Бухарест и очистке Дунайских княжеств от русских войск. По сути, любые сколько-нибудь рискованные предприятия были исключены из османского стратегического планирования. В самом начале войны сераскер-паша, признавая необходимость захватить плацдарм в Валахии, требовал от Омер-паши тщательно обдумывать каждую военную операцию¹⁰⁷. В другом документе Омер-паше напоминали, что у турок нет резервной армии для защиты Константинополя¹⁰⁸. Безопасности Константинополя придавалось первоочередное значение, и всего, что могло повредить его обороне, следовало избегать. По сути, все наступательные действия османской армии были предприняты из соображений обороны. Захват Калафата был призван помешать установлению возможных связей между сербами и русской армией. Захват Ольтеницы был предпринят для отвлечения внимания русской армии, пока не завершено укрепление Калафата. Поэтому все действия турок следует понимать как активную оборону, которая бы вынудила русскую армию отступить из Дунайских княжеств. Во время осады Силистрии Омер-паша не рискнул дать сражение в поле, выжидая прибытия союзных сил. Неизвестно, выстояли бы турки в случае более решительных русских действий, если бы интервенция великих держав не состоялась, но османская Дунайская армия обладала достаточным потенциалом, чтобы остановить русские силы.

С другой стороны, даже после начала военных действий Россия ожидала дипломатического решения, не используя свою армию на болгарской земле из опасения вероятной интервенции Франции и Великобритании. Осенью 1853 г. османская оборонительная стратегия во многом носила символический характер, так как целью войны была объявлена защита османских земель, но русские солдаты не могли понять, почему они не переходят за Дунай¹⁰⁹. Цель и стратегия русской армии оставались невнятными до самого конца войны. Во время оккупации Дунайских княжеств, когда рус-

106 Dodd, p. 30.

107 ATASE, сераскер-паша — Омер-паше, Klasör: 4, Dosya: 11, Belge: 29 / 1.

108 ATASE, Высокая Порте — Омер-паше, Klasör: 46, Dosya: 1, Belge: 16, 21 Receb 1270 [19 апреля 1854] [копия].

109 Петров. Т. I. С. 131.

ская армия оказалась на чужой земле, она четыре месяца провела в подвешенном состоянии между войной и миром. После объявления войны русские не спешили переходить в наступление и лишь через пять месяцев форсировали Дунай. Осада Силистрии началась только через десять месяцев после оккупации Дунайских княжеств. Николай I, планировавший занять Константинополь, летом 1853 г. был бы удовлетворен и дипломатической победой над Портой. Через несколько месяцев разразилась война и весной 1854 г. Россия оказалась в полной изоляции. Осада Силистрии стала последней попыткой, но было уже слишком поздно. Присутствие союзных флотов в Черном море и угроза со стороны австрийской армии в Трансильвании существенно осложняли русским ведение войны. Меншиков, проваливший свою миссию в Константинополе, был поставлен во главе русских войск, оборонявших Севастополь. И в то время как России пришлось воевать против Франции и Англии, Порта потеряла всякую инициативу в войне. С того момента это была не русско-османская, а европейская война.

Перевод с английского Николая Эдельмана

П. М. ЛЯШУК

СТРОЕВЫЕ ОФИЦЕРЫ ЧЕРНОМОРСКОГО
ФЛОТА, ПОГИБШИЕ ПРИ ЗАЩИТЕ
СЕВАСТОПОЛЯ В 1854–1855 ГГ.

349дневная оборона Севастополя 1854–1855 гг. стала одной из наиболее трагических и вместе с тем блестящих страниц в 225-летней истории Черноморского флота России. Трагичной, поскольку флот потерял при защите своей главной базы 90 % судового состава и не менее 30 % личного. Блестящей, ибо героизм моряков-черноморцев стал для русского человека символом самопожертвования, бесстрашия и мужества. Именно во время Крымской войны Севастополь стал известен всему миру как город Российской морской славы.

Личный состав Черноморского флота сыграл ведущую роль в подготовке города к обороне, будучи основной рабочей силой при строительстве его укреплений и вооружении их морскими орудиями.

Флот дал гарнизону Севастополя выдающихся организаторов обороны крепости, которые своей энергией и личным примером способствовали продлению защиты города. Среди наиболее известных — имена адмиралов В. А. Корнилова, П. С. Нахимова, Ф. М. Новосильского, В. И. Истомина, А. И. Панфилова...

Из 18000 моряков, служивших в 17 флотских экипажах на судах Черноморского флота, на берег сошло не менее 14 000. Они вместе с 7000 личного состава береговых команд Морского ведомства до марта 1855 г. составляли всю артиллерийскую прислугу при орудиях оборонительной линии, а также защищали укрепления в стрелковых батальонах, участвовали в саперных и других работах. Таким образом, длительное противостояние Севастополя превосходящим силам Турции, Франции, Британии и Сардинии в огромной степени стало возможным благодаря Черноморскому флоту: его судам, запасам и, особенно, личному составу (табл. 1).

Таблица 1. Личный состав Черноморского флота в начале 1854 г.¹

По родам службы	На судах флота					По береговой части				
	Строевых			Нестроевых		Строевых			Нестроевых	
	Адмиралов и генералов	Штаб- и обер-офицеров	Нижних чинов	Штаб- и обер-офицеров	Нижних чинов	Адмиралов и генералов	Штаб- и обер-офицеров	Нижних чинов	Штаб- и обер-офицеров	Нижних чинов
В 17-ти флотских экипажах	10	478	19305	85	476	10	48	—	—	—
В Корпусе морской артиллерии	—	63	194	22	30	2	7	—	—	3
В арсенальной и лабораторной ротах	—	—	—	—	—	—	22	47	8	459
В Корпусе флотских штурманов	1	142	57	—	—	—	14	—	—	22
В Корпусе инженер-механиков	3	37	61	—	—	—	19	—	—	3
В строевых ластовых экипажах	2	42	2049	8	80	—	—	—	—	—
В нестроевых ластовых экипажах	—	—	—	—	—	—	23	—	1	2093
В рабочих экипажах	—	—	—	—	—	—	148	—	27	8155
В Корпусе инженеров морской строительной части	—	—	—	—	—	1	29	14	—	—
В военно-рабочих ротах	—	—	—	—	—	—	10	453	—	18
В арестантских ротах	—	—	—	—	—	—	72	359	—	55
Состоящих по адмиралтейству	—	—	—	—	—	6	96	—	—	—
Итого	16	762	21666	115	586	19	488	873	36	10808

¹ Описание обороны г. Севастополя / Сост. под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. СПб, 1863. Ч. 1. Приложения. С. 22.

Годы спустя главнокомандующий французскими войсками в Крыму в 1854–1855 гг. маршал Франции Франсуа Канробер на вопрос о неприятеле отвечал: «Чтобы понять, что такое были наши противники, вспомните о шестнадцати тысячах моряков, которые плача уничтожали свои суда с целью загородить проход (на рейд) и которые заперлись в казематах бастионов со своими пушками, под командой своих адмиралов Корнилова, Нахимова, Истомина! К концу осады от них осталось восемьсот человек, а остальные и все три адмирала погибли у своих пушек»².

«Пока всеобщая молва не стала говорить о защитниках Севастополя как о героях, никто из них не думал, чтобы стоя на бастионах, он делал что-нибудь особенное или чтобы служить можно было бы иначе; а в России никто не знал, что Черноморский флот представляет едва ли не лучший, организованный в одно целое и одушевленный истинным военным духом корпус офицеров и солдат. Такой дух составлял нравственную силу обороны», — вспоминал через 15 лет после окончания осады Севастополя ее участник контр-адмирал В. А. Стеценко³.

В 1854–1855 гг. с оборонительных стен главной базы Черноморского флота, под грохот разрывов снарядов и свист пуль постепенно «сошли в могилу» почти 16000 чинов Морского ведомства. Таких больших потерь за одну «кампанию» Российский флот еще не знал. Несомненно, что этому способствовал прецедент, когда 60 % личного состава Черноморского флота сошло на берег и практически год защищало город в составе сухопутного гарнизона.

Сведения об убитых и умерших от ран и болезней в Севастополе морских чинах поступали в форме строевых рапортов из экипажей и команд Черноморского флота в Инспекторский департамент Морского министерства. Рапорты служили основанием для исключения погибших из списочного состава Российского флота Высочайшими приказами по Морскому ведомству. Много сведений об обстоятельствах смерти флотских офицеров в Севастополе содержат отчеты командированных в осажденный город чиновников Морского министерства А. Д. Крылова и Б. П. Мансурова. Их сообщения регулярно публиковал журнал «Морской сборник» в 1854–1856 гг.

Абсолютное большинство убитых, умерших от ран и болезней моряков было похоронено на Михайловском кладбище на Северной стороне Севастополя, ныне уже несуществующем⁴.

² Тарле Е. В. Крымская война. В 2-х тт. Изд. 2-е, испр. и доп. М. –Л., 1950. Т. 2. С. 255–256.

³ Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне Севастопольцами. В 3-х тт. СПб., 1872. Т. II. С. 266–267.

⁴ «Упразднено» по решению городских властей Севастополя без перезахороне-

Первый поименный список офицеров Черноморского флота, погибших при обороне Севастополя 1854–1855 гг., был опубликован в «Памятной книжке Морского ведомства на 1856 г.». В нем значились фамилии 3 адмиралов, 15 штаб- и 83 обер-офицеров⁵. К 1888 г. синодик увеличился до 135 человек. Имена погибших офицеров до конца XIX в. были увековечены занесением на мраморные мемориальные доски в Морских и Военных храмах Санкт-Петербурга, Кронштадта и Севастополя.

Еще 20 морских офицеров Российского флота в 1854–1857 гг. были исключены из состава с формулировкой «умершие», хотя в источниках имеются прямые указания на то, что они скончались от последствий ран и контузий, полученных при обороне Севастополя. С учетом последних цифр общее число погибших, умерших от болезни и пропавших без вести составило 4 адмирала и 151 офицер Черноморского флота. Их краткие биографии, составленные на основе опубликованных источников и архивных материалов из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ), были опубликованы нами в 2005 г.⁶

Из 155 убитых и умерших 98 человек (65 %) были флотскими строевыми офицерами. Строевые флотские (линейные) офицеры руководили общим прохождением службы в Российском флоте. Заметим, что во всех предшествующих вооруженных конфликтах с участием России с 1770 по 1853 г. погибло не более 40 строевых офицеров Императорского флота⁷. На протяжении осады Севастополя именно линейные офицеры командовали всеми дистанциями оборонительной линии и артиллерией на дистанциях, бастионами, редутами, люнетами и большинством батарей. Кроме этого, они часто руководили вылазками на позиции неприятеля, траншейными караулами и аванпостами (табл. 2).

В 1854–1855 гг. «ушли в вечность» полный адмирал, вице-адмирал, 2 контр-адмирала, 3 капитана 1-го ранга, 6 капитанов 2-го ранга, 18 капитан-лейтенантов, 47 лейтенантов и 20 мичманов или 15,5 % от числа всех строевых офицеров Черноморского флота на начало 1854 г. Материалы к их биографиям унифицированы и приведены в таблицах 3–8. Следует оговорить источники данных и каким образом мы их обрабатывали:

ний в 1985–1986 гг. Ныне на его месте находятся школа и жилые дома микрорайона «Радиогорка».

5 Памятная книжка Морского ведомства на 1856 г. Издается под наблюдением директора Инспекторского департамента. Испр. по 18 февраля 1856 г. СПб., 1856. С. 322–323.

6 Ляшук П. М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя 1854–1855 гг.: Биограф. справ. Симферополь, 2005. 256 с., ил.

7 [Коргуев Н.] Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. С приложением списка выпускных воспитанников. 1753–1896. СПб., 1897. С. 61–65.

Таблица 2. Численность офицеров Черноморского флота, погибших и умерших от болезни при защите Севастополя 1854–1855 гг. по родам службы⁸

Рода службы	Адмиралов и генералов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Всего
Строевых офицеров флотских экипажей	4	27	67	98
В Корпусе морской артиллерии	—	—	19	19
В арсенальных и лабораторных ротах	—	—	9	9
В Корпусе флотских штурманов	—	—	10	10
В Корпусе инженеров морской строительной части	—	—	2	2
В строевых ластовых экипажах	—	1	2	3
В рабочих экипажах	—	1	5	6
В военно-рабочих ротах	—	—	1	1
Состоящих по адмиралтейству	—	—	2	2
В арестантских ротах	—	—	5	5
Итого	4	29	122	155

Фамилия, имя, отчество. Приводятся по формулярным спискам о службе и достоинстве⁹.

Даты жизни и возрастной состав. Даты рождения устанавливались в основном по формулярным спискам. В метрических книгах Адмиралтейского Свято-Никольского собора в Севастополе¹⁰ найдены записи о рождении 5 офицеров (лейтенантов Ф. Г. Петрова и П. И. Скаловского, мичманов М. А. Броневского, Г. П. Повало-Швейковского и Х. К. Попандопуло), в двух случаях использовались работы генеалогов российского дворянства (лейтенанты А. А. Бутаков и Н. А. Лазарев). Сложнее всего было установить время рождения по формулярным спискам, т. к. в них не указывались даты рождения, а только число полных лет на время заполнения документа. Поэтому, установить возрастной состав погибших

8 Ляшук. Указ. соч. С. 172–186.

9 РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3.

10 Государственный архив г. Севастополя. Ф. 23. Оп. 1.

с точностью до года в абсолютном большинстве случаев не представляется возможным.

Сведения о датах смерти приведены по документам Морского министерства, опубликованным в «Морском сборнике» в 1854–1856 гг. Не всегда удавалось определить дату смерти умерших от болезней, особенно тех, кто был вывезен из Севастополя в Николаев или скончался в отпуске «для излечения от болезней от ран и контузий происходящих». В таких случаях приводится дата Высочайшего приказа об исключении из списков с корреляцией на время поступления строевого рапорта из госпиталя в Севастополь в экипаж, а оттуда в С.-Петербург.

Должности во флоте и в гарнизоне Севастополя на время смерти. Должности во флоте приведены по Высочайшим приказам и приказам по Севастопольскому порту за 1854–1855 гг.¹¹, в гарнизоне — по приказам по Севастопольскому гарнизону¹². В ходе осады флотские офицеры нередко меняли должности в гарнизоне, перемещались по укреплениям оборонительной линии, и не всегда эти изменения отражались в приказах по гарнизону и по Севастопольскому порту за 1854–1855 гг. Поэтому достаточно часто не удавалось установить должности на момент смерти. Это особенно касается обер-офицерского состава — мичманов и части лейтенантов.

Среди погибших значительная группа лиц, занимавших командные должности в составе гарнизона, и командиры опорных пунктов оборонительной линии. Это адмирал, командир Севастопольского порта и временный военный губернатор Севастополя П. С. Нахимов, начальник штаба Черноморского флота и гарнизона Севастополя вице-адмирал, генерал-адъютант В. А. Корнилов; 2 начальника отделений оборонительной линии (контр-адмирал В. И. Истомин и капитан 1-го ранга Н. Ф. Юрковский); 3 начальника артиллерии на отделениях (капитаны 2-го ранга М. М. Коцебу, И. В. Ширинский-Шихматов и капитан-лейтенант К. П. Тироль); 3 командира морских батальонов (капитан 2-го ранга А. Н. Скоробогатов, капитан-лейтенант Э. В. Наленч-Рачинский и лейтенант И. С. Мусин-Пушкин), 5 командиров бастионов (капитан-лейтенанты Н. Ф. Гусаков, Е. И. Лесли, В. К. Орлов, лейтенанты П. Г. Банков, Е. О. Викорст); 4 командира редутов и люнетов (капитан 2-го ранга Н. Н. Липкин, капитан-лейтенант П. А. Шестаков, лейтенанты А. А. Бутаков, Э. К. Эбелинг); 23 командира батарей оборонительной линии (капитан-лейтенанты Н. Н. Волоцкой, В. Н. Десятов, М. И. Швенднер и К. Я. Явленский, лейтенанты Н. П. Белавенец, В. В. Богданович, М. Л. Гагемейстер, К. В. Головинский, А. Г. Ивашкин, А. П. Львов,

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 19. Оп. 4. Д. 350; Ф. 920. Оп. 9. Д. 51.

¹² Российский государственный Военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 9196. Оп. 22 / 285. Д. 1.

Н. А. Макалинский, А. С. Озерский, Ф. Г. Петров, П. И. Скаловский, А. А. Соколовский, В. Ф. Титов, М. С. Шемякин, С. Ф. Юрьев и И. С. Яновский, мичмана Н. Д. Бурцов, В. А. Дурново, Г. П. Пovalo-Швейковский и Х. К. Попандопуло).

Из числа погибших и умерших 7 человек до своей смерти за отличие при защите Севастополя были награждены орденами Св. Георгия: контр-адмирал В. И. Истомин (3-я степень), капитан 2-го ранга И. В. Ширинский-Шихматов, капитан-лейтенанты Н. Ф. Гусаков и П. А. Шестаков, лейтенанты Д. И. Бутаков, Е. О. Викорст, А. Г. Ивашкин (все — 4-я степень)¹³. Фамилии указанных офицеров, помимо увековечения в храмах, занесены на доски в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца в Москве.

Причины смерти. Установленные причины смерти и смертельных ранений: штурцеры пули — 15, осколки бомб — 11, прямые попадания ядер — 13, взрывы запасов пороха — 2, подрыв при попытке разрядить бомбу — 1, убит по ошибке картечью при возвращении из вылазки — 1, убит штыком в вылазке — 1. Штурцеры огонь и обстрел бомбами производились с целью поражения живой силы, стрельба ядрами применялась для разрушения укреплений и в «контрбатарейной войне» для выведения из строя орудий.

Исключены из списков убитыми 37 линейных офицеров (37,7%), умершими от ран и контузий 45 (45,9%), умершими от ран, контузий и болезни 8 (8,1%), умершими от болезни 6 (6,1%), пропавшими без вести 2 (2%).

29 человек было убито и получили смертельные ранения во время шести многодневных бомбардировок города, когда плотность артиллерийского огня возрастала в десятки раз. 4 офицера погибли и пропали без вести в бою с французами за передовые укрепления Корабельной стороны, Волынский, Селенгинский редуты и Камчатский люнет 26 мая 1855 г., 6 — в последний день обороны 27 августа 1855 г. На протяжении осады еще 6 офицеров пали в ночных вылазках на позиции британцев и французов (лейтенанты Л. И. Батъянов, М. Д. Головин, П. П. Троицкий, Н. Г. Челеев, мичмана Ф. Г. Иванов, Д. А. Путятин).

Воспитание, подготовка, происхождение и вероисповедание. Подготовка строевых флотских офицеров в России осуществлялась, в основном, в стенах образованного в 1752 г. в С.-Петербурге Морского кадетского корпуса. Это было одно из самых «закрытых» учебных заведений, которое комплектовалось кадета-

¹³ Ляшук П. М. Герои «Севастопольской страды». Кавалеры ордена Св. Георгия за оборону Севастополя 1854–1855 гг.: Биограф. справочник / Серия «Памятники и поля сражений Крымской войны». Симферополь, 2001. С. 18–86.

ми морской роты Александровского малолетнего кадетского корпуса¹⁴ и «кандидатами со стороны».

Александровский кадетский корпус в С.-Петербурге был учрежден в 1830 г. для «воспитания малолетних сирот, детей заслуженных воинов дворянского происхождения» от 7 лет до возраста поступления в столичные кадетские корпуса. № 4-я рота корпуса (до 100 человек) предназначалась для воспитания будущих моряков. В нее поступали, преимущественно, сироты, числившиеся в кандидатском списке Морского кадетского корпуса. В 10 лет воспитанники переводились кадетами в Морской корпус. За 30 лет существования морской роты из нее в комплект Морского корпуса поступило более 800 человек.

«Кандидаты со стороны» принимались в корпус в возрасте 10–15 лет. Это были: а) Дети флотских офицеров и офицеров Морской артиллерии, состоящих на службе, а преимущественно убитых и раненых в сражениях или погибших на службе в море; б) Дети чиновников, воспитывавшихся в корпусе, служивших во флоте офицерами и вышедших в отставку или перешедших на другую службу; в) Дети природных дворян, внесенных в четвертую, пятую и шестую части дворянской родословной книги; г) Дети дворян Великого Княжества Финляндского и губерний: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, имеющих доказательства на дворянство за 100 лет и более; д) Дети дворян Царства Польского, дворянского происхождения которых, по рассмотрению где следует документов, будет доказано и притом соображено с корпусным начальством с правилами (...); е) Вообще, дети особ, не ниже как в четвертом классе состоящих»¹⁵.

Обучение продолжалось шесть лет, курс наук состоял из кадетского (общеобразовательного) и гардемаринского. По своей программе он приравнивался к программам артиллерийского и инженерного училищ. Кадеты изучали Закон Божий, арифметику, алгебру, геометрию, плоскую и сферическую тригонометрию, историю, географию, русский, французский и английский языки, рисование и чистописание.

В гардемаринском, или специальном курсе преподавались, кроме общих наук, трех иностранных языков и строевой службы, все предметы, относящиеся к морскому делу. В их число входили навигация, астрономия, теория кораблестроения, практическая механика, морская съемка, морская эволюция, корабельная архитектура, артиллерия, фортификация. Летом кадеты выходили в практические плавания на судах, приписанных к корпусу.

Штаты Морского корпуса состояли из 600 воспитанников, разделенных на пять рот, из которых старшая называлась гардемаринской. Ежегодно после принятия присяги в корпусном храме во имя св. Павла Исповедника и подписания присяжных листов около 70 человек вы-

пускались во флот мичманами. В 1850–1854 гг. в Морской корпус было принято 403 человека, выпущено 303, мичманами 293, на гражданскую службу — 4, в ластовые экипажи — 6¹⁶. За вторую четверть XIX в. (до 1855 г.) корпус подготовил 1 976 офицеров для Российского флота.

В 1827 г. при корпусе учредили офицерский класс (впоследствии Морская академия), куда из каждого выпуска поступали до 10 лучших воспитанников. Обучение продолжалось сначала два, а с 1831 г. — три года. В классе преподавали астрономию, теоретическую и практическую механику, теорию кораблестроения, интегральное и дифференциальное исчисление, аналитическую и начертательную геометрию, высшую алгебру, физику, химию, артиллерию, фортификацию, физическую географию, русский, французский и английский языки. С 1827 по 1857 гг. в классы поступило 319 человек, выпущено лейтенантами 158, без производства в следующий чин — 46, не окончили курс — 68.

Однако Морской корпус не мог удовлетворить полностью потребности Российского флота в строевых офицерах, и значительную часть их составляли офицеры «с домашним образованием», произведенные из гардемарин и юнкеров флота по сдаче ими установленных экзаменов по программе Морского корпуса и при условии плавания на военном судне не менее двух кампаний. В каждом флотском экипаже числились по 4 юнкера. По воспоминаниям бывшего юнкера Черноморского флота М. И. Скаловского, «все они воспитывались по своему усмотрению у разных лиц; те из них, кто проживал в Николаеве, у преподавателей, состоящих при Штурманской роте, а проживающие в Севастополе у старых Штурманских офицеров. Для выдерживания же выпускного экзамена и производства в мичманы, юнкеров отправляли в Петербург в Морской корпус, что в то время составляло большой денежный расход для казны»¹⁷. Нередко начальное образование будущие гардемарин и юнкера флота получали в Черноморской штурманской роте и Черноморском артиллерийском училище, находившихся в Николаеве.

В Черноморском флоте в первой половине XIX в. все гардемарин и юнкера для лучшего ознакомления с «фронтовой службой» прикомандировывались к 2-му Учебному Морскому экипажу в г. Николаеве. Командир экипажа был обязан докладывать в штаб флота о состоянии подготовки юнкеров и их «нравственности» перед отправкой в Кронштадт для экзамена.

В октябре 1851 г. в виде «опыта» юнкеров собрали в г. Николаеве в особую школу, где они обучались назначенными для этого преподавателями¹⁸. В 1852 г. эта частная инициатива начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала В. А. Корнилова была

14 Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. СПб., 1897. С. 14–15. Примечание.

15 Морской сборник. 1856. № 4. Приложение. С. 1–2.

16 Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 589.

17 РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 41. Л. 80.

18 Морской сборник. 1858. № 4. Отд. II. С. 262–264.

узаконена учреждением в г. Николаеве Школы флотских юнкеров со штатом в 70 чел.

По Высочайшему повелению от 13 октября 1853 г. в школу принимали «детей дворян, записанных во 2-ю и в 3-ю части родословной книги, равно детей и братьев Черноморских офицеров, как-то Флотских, Артиллерийских, Штурманских и Инженеров: Корабельной и Морской строительной части (за исключением братьев офицеров, происходящих из простого звания), а также и поступивших из сих родов службы в другие части войск и управлений Морского ведомства, но каждый раз с удостоверением начальства Черноморского флота, что юноши эти заслуживают, по нравственному образованию, определения в означенную школу»¹⁹. Ее выпускники после двух морских кампаний производились в мичманы с правом выпускников Морского корпуса. В 1854 г. штат определили в 60 человек, курс обучения был трехлетний по программе Морского корпуса. Преподавателями назначали морских офицеров и учителей Николаевских пансионеров. Летом юнкера находились в плаваниях на судах практической эскадры и на особых фрегатах. Ежегодно выпуск составлял около 18 человек, в 1852–1856 гг. Школа выпустила во флот 81 мичмана.

По данным формулярных списков, 59 строевых офицеров, погибших и умерших при обороне Севастополя, являлись выпускниками Морского кадетского корпуса (60,2%), 1 окончил офицерский класс при корпусе (капитан 2-го ранга М. М. Коцебу), 28 воспитывались дома у родителей (28,6%), 6 окончили Школу флотских юнкеров в Николаеве (6,1%), воспитывались в Черноморской штурманской роте 4 офицера (4,1%) и в Черноморском артиллерийском училище в Николаеве 1 (1%). Практически все те из них, кто получил чин мичмана, минуя кадетский корпус, были потомственными дворянами Херсонской и Таврической губерний, детьми офицеров и чиновников Морского ведомства.

Поступали в Морской корпус преимущественно выходцы из центральных губерний России, Санкт-Петербурга и Прибалтики. Из 93 человек погибших, чье региональное дворянство было установлено, Херсонской губернии — 22 человека, Таврической губернии — 15, С.-Петербургской — 8, Смоленской, Костромской, Тверской — по 6, Новгородской — 4, Эстляндской — 3, Тамбовской, Рязанской, Орловской, Псковской — по 2, Полтавской, Архангельской, Курляндской, Ярославской, Лифляндской, Казанской, Тульской, Тифлисской, Вологодской, Калужской, Московской и Воронежской губерний — по 1. Один человек происходил из дворян «черногорской нации» (контр-адмирал Н. М. Вукотич), еще один «из молдавских бояр» (мичман Н. Д. Раллет).

По формулярным спискам установлено, что 94 человека из 98 являлись православными (94%), 2 — католиками (капитан-лейтенанты Э. В. Наленч-Рачинский и М. И. Швенднер), 2 — армяно-григо-

рианского вероисповедания (капитан-лейтенант М. Л. Серебряков и лейтенант Л. И. Карганов).

Семейное положение. Семейное положение офицера Черноморского флота в середине XIX в. было неразрывно связано с условиями его службы и быта. Многомесячные крейсерства, частые вахты, скромное жалование и «съемные квартиры» явно не располагали к женитьбе. С другой стороны, для абсолютного большинства строевых офицеров служба была единственным источником средств к существованию и, не создав семью во время службы, офицер мог навсегда остаться холостым. Вместе с тем, разрешение на брак давалось начальством жениха, учитывался его возраст, звание, происхождение и здоровье невесты, финансовое обеспечение будущей семьи, дабы ее члены вели достойный образ жизни и не роняли достоинство офицера. Поэтому мичманам жениться на службе было запрещено из-за юного возраста (17–24 года), небольшого жалования, не позволяющего содержать семью, и отсутствия устоявшейся репутации по службе. Многие строевые офицеры Российского флота так и оставались холостыми до конца жизни.

В формулярных списках погибших и умерших при обороне Севастополя офицеров Черноморского флота удалось найти сведения о семейном положении 94 человек. Всего были женаты 20 офицеров, так что общий процент имевших семью на время смерти составил 20%. Семейными были 1 адмирал, 1 капитан 1-го ранга, 3 капитана 2-го ранга, 7 капитан-лейтенантов и 8 лейтенантов. Большинство офицерских жен происходили из семей морских и пехотных офицеров и не понаслышке знали о трудностях семейного быта русского офицера. Среди жен погибших дочери сенатора, генерал-лейтенанта, генерал-майора, контр-адмирала, полковника, капитана 2-го ранга, трех майоров, капитан-лейтенанта, штабс-капитана, подпоручика, коллежского советника, надворного советника, протоиерея, вдова капитана, о двух сведений не имеется. Супруга капитана 2-го ранга Н. Н. Липкина, оставшаяся в Севастополе во время осады, умерла от болезни.

К сожалению, до настоящего времени история участия офицерского корпуса Черноморского флота в обороне Севастополя 1854–1855 гг. остается слабо изученной. Пока даже не установлено, какое число морских офицеров защищало свою главную базу. Но на вопрос: «Что заставляло выходцев из разных уголков Российской империи, объединенных именем „офицер Черноморского флота“, стоять насмерть в Севастополе?» ответ дать можно сейчас — то были граждане России, для которых слова Вера, Отечество, Присяга, Долг и Честь значили больше, чем Жизнь. «Мертвые сраму не имут» — написал много веков назад русский летописец о воинах, павших при защите родной земли. И не было разницы — в каком сражении они погибли: победном или проигранном — ибо отдали Отечеству самое ценное из того, что имели — свои жизни.

¹⁹ Морской сборник. 1853. № 11. Отд. I. С. 81.

Таблица 3. Адмиралы Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг.

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должности во флоте и в гарнизоне Севастополя на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
1	Нахимов Павел Степанович	23.06.1802 – 30.06.1855	адмирал, командир Севастопольского порта и временный военный губернатор Севастополя.	28.06.1855 ранен пулей на Корниловском бастионе	П	Смоленской губ.	МКК	Х
2	Корнилов Владимир Алексеевич	1806 – 05.10.1854	вице-адмирал, генерал-адъютант, начальник штаба Черноморского флота и гарнизона Севастополя в 1854 г.	05.10.1854 ранен ядром на Малом кургане при 1-й бомбардировке	П	Тверской губ.	МКК	Ж
3	Вукогич Николай Михайлович	1799 – 23.07.1855	контр-адмирал, командир 2-й бригады 4-й флотской дивизии; заведовал перевязочными пунктами Морского ведомства	умер от холеры	П	из дворян «черногорской нации»	Д	Х
4	Истомин Владимир Иванович	1809 – 07.03.1855	контр-адмирал, командир 3-й бригады 4-й флотской дивизии; начальник 4-го отделения оборонительной линии. Орден Св. Георгия 3-й ст. за защиту Севастополя	убит ядром у Камчатского люнета.	П	Эстляндской губ.	МКК	Х

Таблица 4. Капитаны 1-го ранга, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг.

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должности во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
1	Будищев Лев Иванович	1814 – 06.06.1855	командир 40-го фл. эк. и корабля «Императрица Мария»; начальник левого фланга 3-го отделения оборонительной линии	убит пулей на батарее при 1-м штурме	П	Херсонской губ.	МКК	Х
2	Дорохов Александр Павлович	ум. до 01.12.1854	состоял по флоту, президент комиссии военного суда в Севастополе	умер от болезни	П	?	МКК	?
3	Юрковский Николай Федорович	1797 – 11.06.1855	командир 39-го фл. эк.; начальник 4-го отделения оборонительной линии	05.06.1855 ранен осколком бомбы на Корниловском бастионе при 4-й бомбардировке	П	Полтавской губ.	Д	Ж

Таблица 5. Капитаны 2-го ранга, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг.

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
1	Долман Лев Иванович	1804–18.06.1855	состоял по флоту, помощник капитана над Севастопольским портом	убит осколком бомбы в Адмиралтействе «при работах»	П	Херсонской губ.	Д	Х
2	Коцёбу Михаил Морיצович	1828–27.08.1855	41 фл. эк.; начальник морской артиллерии Северной стороны Севастополя	27.08.1855 ранен осколком бомбы на Северной стороне на батарее при 2-м штурме	П	Эстляндской губ.	МКК и ОФК при МКК	Х
3	Липкин Николай Никитич	1808–26.04.1855	состоял по флоту, ассесор военно-судной комиссии в Севастополе; командир Язовского редута и батареи вокруг него	26.04.1855 ранен пулей	П	С.-Петербургской губ.	МКК	Вдов
4	Ловягин Николай Васильевич	1806–20.06.1855	состоял по флоту, помощник капитана над Севастопольским портом	умер от болезни	П	Таврической губ.	Д	Ж
5	Скоробогатов Антон Никитич	1812–05.10.1854	командующий 36-го фл. эк. и корабля «Ростислав»; командир морского батальона на Малаховом кургане	5.10.1854 ранен на Малаховом кургане при 1-й бомбардировке	П	Таврической губ.	Д	Ж
6	Ширинский-Шихматов Иван Владимирович	1819–26.04.1855	42 фл. эк.; начальник артиллерии 1-го отделения оборонительной линии. Орден Св. Георгия 4-й ст. за защиту Севастополя	26.04.1855 ранен ядром у 5-го бастиона.	П	князь, Новгородской губ.	МКК	Х

Таблица 6. Капитан-лейтенанты, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг.

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
1	Алексеев Иван Тимофеевич	1811–окт. 15.03.1855	38 фл. эк., командир транспорта «Ялта».	умер от болезни	П	Таврической губ.	Д	Х
2	Волоцкий Николай Николаевич	1815–25.11.1854	37 фл. эк., командир корвета «Орест»; командир береговой батареи № 4 на Северной стороне Севастополя	07.11.1854 ранен на 4-м бастионе «в гостях»	П	Херсонской губ.	МКК	Х
3	Воробьев Илья Иванович	1813–до 24.08.1855	40 фл. эк., командир п / х «Инкерман»; на 2-м отделении оборонительной линии	умер от контузии и болезни	П	Херсонской губ.	ЧАУ	Ж
4	Говоров Константин Иванович	1808–10.08.1855	29 фл. эк.; надзор за перевязочными пунктами Морского ведомства	умер от контузии и болезни	П	Таврической губ.	Д	Ж
5	Гусаков Николай Федорович	1821–24.09.1855	36 фл. эк.; командир 6-го бастиона. Орден Св. Георгия 4-й ст. за защиту Севастополя	умер от ран и чашотки	П	Херсонской губ.	Д	Х
6	Десгтов Владимир Николаевич	1813–13.05.1855	43 фл. эк.; командир батареи на 3-м отделении оборонительной линии	29.03.1855 ранен осколком бомбы при 2-й бомбардировке	П	Тверской губ.	МКК	Ж
7	Засс Константин Павлович	1819–до 01.08.1855	37 фл. эк.; на 4-м бастионе	умер от ран и болезни	П	Архангельской губ.	МКК	Ж

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
8	Кондогури Пантелей Николаевич	1818–31.10.1854	41 фл. эк.; на 3-м бастионе	3.10.1854 ранен ядром	П	Таврической губ.	Д	Ж
9	Лесли Евгений Иванович	1828–05.10.1854	38 фл. эк.; командир 3-го бастиона	убит при взрыве порохового погреба на 3-м бастионе при 1-й бомбардировке	П	Смоленской губ.	МГК	Х
10	Наденч-Рачинский Эдуард Викентьевич	1825–05.10.1854	38 фл. эк.; командир морского батальона на 3-м бастионе	убит на 3-м бастионе при 1-й бомбардировке	К	Курляндской губ.	МГК	Х
11	Орлов Вячеслав Кондратьевич	1815–19.07.1855	33 фл. эк.; командир 1-го бастиона	18.07.1855 ранен пулей	П	С.-Петербургской губ.	МГК	Х
12	Прокопович Василий Николаевич	1812–до 01.06.1855	36 фл. эк.	умер от болезни	П	Херсонской губ.	Д	Ж
13	Рамглу Петр Федорович	1817–26.10.1854	39 фл. эк., командир транспорта «Лаба»; на Малаховом кургане	05.10.1854 контужен на кургане при 1-й бомбардировке	П	Херсонской губ.	МГК	Ж

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
14	Серебряков Марк Лазаревич	1820–23.03.1855	37 фл. эк.; траншей-майор Камчатского люнета	убит осколком гранаты в траншее люнета при 2-й бомбардировке	АГ	Таврической губ.	МГК	Х
15	Тироль Константин Петрович	1816–21.09.1854	40 фл. эк., командир фрегата «Месемврия»; начальник артиллерии 1-го отделения оборонительной линии	21.09.1854 ранен пулей на 5-м бастионе	П	С.-Петербургской губ.	МГК	Х
16	Шванднер Михаил Игнатьевич	1819–05.04.1855	34 фл. эк., командир транспорта «Лиман»; командир батареи №17 на Корниловском бастионе	убит ядром на бастионе при 2-й бомбардировке	К	Херсонской губ.	МГК	Х
17	Шестаков Петр Алексеевич	1827–26.05.1855	34 фл. эк.; командир Селегинского и Вольнского редутов и примыкавших к ним батарей. Орден Св. Георгия 4-й ст. за защиту Севастополя	пропал без вести в бою за редуты	П	Смоленской губ.	МГК	Х
18	Явленский Константин Яковлевич	1815–до 01.08.1855	29 фл. эк.; командир батареи №18 и «на гласисе» на Корниловском бастионе	умер от ран и болезней	П	Эстляндской губ.	МГК	Х

Таблица 7. Лейтенанты, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг.

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
1	Бабенко Николай Григорьевич	1827–21.07.1855	40 фл. эк.; на 3-м отделении оборонительной линии	21.07.1855 ранен	П	Херсонской губ.	Д	Х
2	Банков Петр Григорьевич	1823–27.08.1855	37 фл. эк.; командир 5-го бастиона	убит пулей на бастионе при 2-м штурме	П	Херсонской губ.	Д	Ж
3	Батянов Лев Иванович	1835–05.12.1854	34 фл. эк.; по особым поручениям при начальнике 2-го отделения вице-адмирале Н. Ф. Новосильском	30.11.1854 ранен пулей в вылазке с 4-го бастиона	П	Херсонской губ.	МГК	Х
4	Белавенец Николай Петрович	1826–24.10.1854	34 фл. эк.; командир батареи на люнете 6-го бастиона	убит на батарее	П	Смоленской губ.	МГК	Х
5	Беренъев Николай Владимирович	1827–20.04.1855	21 фл. эк.; на 3-м бастионе	11.04.1855 ранен	П	Ярославской губ.	МГК	Х
6	Богданович Виктор Васильевич	1833–21.03.1855	30 фл. эк.; командир батареи на Волынском редуте	убит пулей на батарее	П	Херсонской губ.	ШФЮ	Х
7	Бутаков Александр Александрович	14.02.1831–16.04.1855	5 фл. эк.; командир люнета между 5-м и 6-м бастионами	12.04.1855 ранен осколком бомбы на люнете	П	Костромской губ.	МГК	Х
8	Бутаков Дмитрий Иванович	1827–19.09.1855	37 фл. эк.; командир левого фаса 4-го бастиона. Орден Св. Георгия 4-й ст. за защиту Севастополя	26.08.1855 ранен осколком бомбы на бастионе при 6-й бомбардировке	П	Костромской губ.	МГК	Х
9	Варницкий Иван Николаевич	1827–31.03.1855	44 фл. эк.; на Камчатском люнете	24.03.1855 ранен пулей у люнета	П	Таврической губ.	Д	Х
10	Викорст Егор Осипович	1821–14.07.1855	38 фл. эк.; командир 3-го бастиона. Орден Св. Георгия 4-й ст. за защиту Севастополя	28.06.1855 ранен ядром на бастионе	П	Лифляндской губ.	Д	Х
11	Гагемейстер Михаил Леонтьевич	1821–05.09.1855	31 фл. эк.; командир приморской батареи № 19 на Северной стороне Севастополя	27.08.1855 контужен на Северной стороне на батарее при 2-м штурме	П	С. — Петербургской губ.	МГК	Ж
12	Головинский Константин Васильевич	1830–19.06.1855	37 фл. эк.; командир батарей №№ 70, 71 на восточном склоне Южной бухты	убит на 3-м отделении оборонительной линии	П	Казанской губ.	МГК	Х

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
13	Головин Михаил Дмитриевич	1832–11.03.1855	35 фл. эк.; на 3-м бастионе	убит пулей в вылазке с бастиона	П	Тамбовской губ.	МГК	Х
14	Головин Сергей Григорьевич	1831–26.05.1855	33 фл. эк.; на Волынском и Селенгинском редутах	умер в плену от раны, полученной в бою за редуты	П	Рязанской губ.	МГК	Х
15	Зубов Павел Николаевич	1831–06.11.1854	40 фл. эк.; на 3-м бастионе	14.10.1854 ранен пулей в траншее у бастиона	П	Вологодской губ.	МГК	Х
16	Ивашкин Александр Григорьевич	1822–05.12.1855	34 фл. эк.; командир батареи № 22 на 2-м отделении оборонительной линии. Орден Св. Георгия 4-й ст. за защиту Севастополя	05.12.1854 ранен пулей на 4-м бастионе «в гостях»	П	Тульской губ.	МГК	Х
17	Кекуатов Алексей Алексеевич	1825–26.08.1855	36 фл. эк.; в перевозном отряде судов	убит при взрыве баркаса с порохом в Севастопольской бухте	П	С.-Петербургской губ.	МГК	Ж
18	Климов Иван Михайлович	1822–23.03.1855	45 фл. эк.; на батарее № 5 на 3-м отделении оборонительной линии	умер от ран, болезни и контузий	П	Херсонской губ.	ЧШР	Ж

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
19	Комстадиус Август Карлович	1826–17.09.1855	34 фл. эк.; командир правого фаса 4-го бастиона	27.08.1855 ранен ядром на бастионе при 2-м штурме	П	Херсонской губ.	Д	Х
20	Корганов Лев Иванович	1824–15.08.1855	42 фл. эк.; на 4-м отделении оборонительной линии	06.08.1855 ранен при 5-й бомбардировке	АГ	Тифлисский губ.	Д	Х
21	Крякин Василий Дмитриевич	1827–26.08.1855	32 фл. эк.; адъютант 2-й бригады 4-й фл. дивизии	10.08.1855 ранен на 5-м отделении оборонительной линии	П	Таврической губ.	Д	Х
22	Кумани Николай Михайлович	ум. 11.04.1855	41 фл. эк.; на 3-м бастионе	30.03.1855 ранен осколком бомбы на бастионе при 2-й бомбардировке	П	Таврической губ.	ЧШР	?
23	Лазарев Николай Андреевич	02.04.1829–9.09.1855	30 фл. эк.; на 3-м бастионе	27.08.1855 ранен пулей на бастионе при 2-м штурме	П	С.-Петербургской губ.	Д	Х
24	Львов Алексей Петрович	1827–28.03.1855	30 фл. эк.; командир батареи № 75 за левым фасом 4-го бастиона	28.03.1855 ранен ядром при 2-й бомбардировке	П	Тверской губ.	МГК	Ж

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
25	Макалинский Николай Александрович	ум. 07.09.1855	45 фл. эк.; командир батареи № 21.левее 3-го бастиона	27.08.1855 ранен при 2-м штурме	П		МГК.	?
26	Макшеев Николай Иванович	1834–19.06.1855	43 фл. эк.; на 3-м бастионе в штурмерной команде	убит при попытке разрядить бомбу	П	Новгородской губ.	МГК	Х
27	Мартьян Александр Самойлович	1829–14.08.1855	31 фл. эк.; на 2-м отделении оборонительной линии	убит	П	Херсонской губ.	Д	Х
28	Мусин-Пушкин Иван Сергеевич	1825—ум. до 27.08.1855	29 фл. эк.; командир морского батальона на 4-м бастионе	умер от тифа	П	Киевской губ.	МГК	Ж
29	Озерский Александр Семенович	1823–28.06.1855	25 фл. эк.; командир батареи «на гласисе» Корниловского бастиона»	05.06.1855 ранен и контужен на бастионе при 4-й бомбардировке	П	Орловской губ.	МГК	Х
30	Петров Федор Григорьевич	[?]02.1825–11.03.1855	29 фл. эк.; командир батареи №№ 9, 11 и 12 на 1-м отделении	убит осколком бомбы	П	Таврической губ.	Д	Ж
31	Плакса Николай Семенович	1824–26.05.1855	43 фл. эк.; на Волыньском и Селенгинском редутах	пропал без вести в бою за редуты	П	Херсонской губ.	ЧШР	Х

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
32	Полоцанинов Иван Васильевич	ум. до 01.07.1856	41 фл. эк.; на 4-м бастионе	умер от контузий и болезни	П	?	МГК.	?
33	Самойлович Михаил Осипович	1825–17.08.1855	32 фл. эк.; на 4-м бастионе	08.08.1855 ранен при 5-й бомбардировке	П	Херсонской губ.	Д	Ж
34	Сиренко Тимофей Абрамович	1829–27.03.1856	34 фл. эк.; на Малаховом кургане	22.06.1855 контужен на бастионе	П	Херсонской губ.	Д	Х
35	Скаловский Петр Иванович	[?]08.1827–20.04.1855	37 фл. эк.; командир батареи на правом фланге 4-го бастиона	убит ядром на бастионе	П	Таврической губ.	Д	Х
36	Соколовский Аполлон Андреевич	1818–26.05.1855	34 фл. эк.; командир батареи № 75 на 2-м отделении	убит ядром на 4-м бастионе	П	Херсонской губ.	ЧШР	Х
37	Титов Владимир Федорович	1830–31.03.1855	40 фл. эк.; командир батареи № 25 на 5-м бастионе	убит при 2-й бомбардировке	П	Новгородской губ.	МГК	Х
38	Троицкий Петр Петрович	1826–09.10.1854	33 фл. эк.; на 1-м отделении оборонительной линии	убит в вылазке пулями на валу батарей	П	Смоленской губ.	МГК	Х

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
39	Тучапский Михаил Фомич	1825–15.10.1854	32 фл. эк.; на 4-м бастионе	убит на бастионе	П	Таврической губ.	Д	Х
40	Фон-Дер-Флис Матвей Борисович	1825–до 12.02.1857	43 фл. эк.; на 2-м отделении оборонительной линии	умер от ран и контузий	П	Херсонской губ.	Д	Х
41	Челеев Геннадий Николаевич	1831–30.03.1855	44 фл. эк.; на Камчатском люнете	о.4.03.1855 ранен в вылазке с люнета	П	Костромской губ.	МГК	Х
42	Чистяков Николай Павлович	1833–28.05.1855	40 фл. эк.; на Корабельной стороне	убит	П	Костромской губ.	МГК	Х
43	Шемякин Михаил Сергеевич	1823–28.03.1855	33 фл. эк.; командир батареи №№ 26,60 и 61 за 6-м бастионом	убит ядром у 5-го бастиона при 2-й бомбардировке	П	Таврической губ.	Д	Х
44	Ширинский-Шихматов Николай Владимирович	1828–09.10.1854	40 фл. эк.; на 3-м бастионе	убит на бастионе при 1-й бомбардировке	П	Пековской губ.	МГК	Х

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание	Семейное положение
45	Эбелинг Эммануил Карлович	1822–01.06.1855	34 фл. эк.; комендант Волынского редута	25.05.1855 ранен на редуте при 3-й бомбардировке	П	С.-Петербургской губ.	МГК	Х
46	Юрьев Семен Федорович	1823–26.05.1855	39 фл. эк.; командир батареи на Корниловском бастионе	убит пулей на батарее	П	Тверской губ.	Д	Х
47	Яновский Иван Семенович	1831–30.07.1855	45 фл. эк.; командир батареи № 21 левее 3-го бастиона	8.07.1855 ранен осколком бомбы на батарее	П	Калужской губ.	МГК	Х

Таблица 8. Мичманы, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг.

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание
1	Алтуфьев Владимир Николаевич	1829–03.04.1855	37 фл. эк., ?	02.04.1855 ранен при 2-й бомбардировке	П	Новгородской губ.	МКК
2	Басаков Николай Александрович	1832–08.10.1854	37 фл. эк.; на 4-м бастионе в составе морского батальона	убит при 1-й бомбардировке	П	Тамбовской губ.	МКК
3	Бегичев Иван Степанович	1831–26.05.1855	42 фл. эк.; командир роты на 4-м отделении оборонительной линии	убит в бою за Камчатский люнет	П	Московской губ.	МКК
4	Болтин Митрофан Михайлович	1831–05.12.1854	39 фл. эк., ?	убит	П	Воронежской губ.	МКК
5	Броневский Митрофан Александрович	05.04.1836–29.03.1855	37 фл. эк.; на 4-м бастионе в составе морского батальона, вахтенный офицер	28.03.1855 ранен осколком бомбы при 2-й бомбардировке	П	?	ШФЮ
6	Бурцов Николай Дмитриевич	1831–26.05.1855	43 фл. эк.; командир батареи № 24 на 5-м бастионе	убит на бастионе	П	Рязанской губ.	МКК
7	Годзевич Петр Васильевич	1831–25.04.1855	33 фл. эк.; на Волынском редуте	убит на редуте при обстреле	П	Херсонской губ.	ШФЮ

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание
8	Дурново Василий Александрович	1835–02.04.1855	34 фл. эк.; командир батареи за левым фасом 4-го бастиона	02.04.1855 ранен пулей на 4-м бастионе при 2-й бомбардировке	П	Костромской губ.	МКК
9	Иванов Федор Григорьевич	1833–25.09.1854	30 фл. эк.; на 5-м бастионе	по ошибке убит картечью с 5-го бастиона при возвращении из вылазки	П	Херсонской губ.	ШФЮ
10	Куприянов Николай Николаевич	1830–05.10.1854	38 фл. эк.; на 3-м бастионе	убит на бастионе при 1-й бомбардировке	П	Костромской губ.	МКК
11	Лаухин Иван Дмитриевич	1834–04.01.1856	42 фл. эк.; на 5-м бастионе	умер от ран	П	Орловской губ.	МКК
12	Мессер Иван Павлович	1830–05.12.1854	39 фл. эк.; на 3-м бастионе	07.11.1854 ранен пулей на бастионе	П	Таврической губ.	Д
13	Неелов Модест Николаевич	1831–07.04.1855	39 фл. эк.; вахтенный офицер на Камчатском люнете	03.04.1855 ранен ядром на люнете при 2-й бомбардировке	П	Псковской губ.	МКК
14	Повалов-Швейковский Гавриил Павлович	01.03.1831–28.03.1855	41 фл. эк.; командир батареи № 46 у 3-го бастиона	убит при 2-й бомбардировке	П	Смоленской губ.	МКК

№	Фамилия, имя и отчество	Даты жизни	Должность во флоте и в гарнизоне Севастополе на время смерти	Причина смерти	Вероисповедание	Потомственное дворянство	Воспитание
15	Попандонуло Харлампий Константинович	30.01.1835–28.10.1854	44 фл. эк.; командир батареи № 47 на 3-м бастионе	о5.10.1854 ранен при 1-й бомбардировке	П	Таврической губ.	ШФЮ
16	Путятин Дмитрий Александрович	1835–09.10.1854	33 фл. эк.; на 1-м отделении оборонительной линии	убит штыком в вылазке на батарее противника	П	Тверской губ.	МКК
17	Раллет Николай Радужакович	1835–15.12.1854	44 фл. эк.; на 5-м бастионе	убит на бастионе	П	из «молдавских бояр»	МКК
18	Сеславин Николай Николаевич	1830–14.08.1855	32 фл. эк.; на 3-м отделении оборонительной линии	убит	П	Тверской губ.	МКК
19	Сызранский Николай	уб. 09.10.1854	40 фл. эк.; на 3-м бастионе	убит при 1-й бомбардировке	П	?	ШФЮ
20	Чистяков Василий Павлович	1830–30.05.1855	44 фл. эк.,?	25.05.1855 ранен при 3-й бомбардировке	П	С.-Петербургской губ.	МКК

Сокращения в таблицах: АГ — армяно-григорианского вероисповедания; губ. — губерния; Д — домашнее воспитание; Ж — женат; К — католик; МКК — Морской кадетский корпус; ОК — офицерский класс при Морском кадетском корпусе; П — православный; фл. эк. — флотский экипаж; Х — холостой; ЧАУ — Черноморское артиллерийское училище в Николаеве; ЧШР — Черноморская штурманская рота в Николаеве; ШФЮ — Школа флотских юнкеров в Николаеве

Пояснения к таблицам

Флотский экипаж. Строевые офицеры проходили службу во флотских экипажах, учрежденных в 1816 г. для управления чинами флота. Флотский экипаж — береговая строевая, административная и хозяйственная единица. В экипаже состояло 1000 строевых нижних чинов, разделенных в 1844 г. на четыре роты. По штатам 1837 г. в экипаже полагалось иметь следующее количество строевых офицеров: командир экипажа капитан 1-го ранга 1, капитан 2-го ранга 1, капитан-лейтенантов 4, лейтенантов 12, мичманов¹. Флотский экипаж формировал команды нескольких судов. В обороне Севастополя 1854–1855 гг. принимали участие все 17 экипажей Черноморского флота (№№ 29–45).

Отделение или дистанция оборонительной линии — часть укреплений оборонительной линии Севастополя в 1854–1855 гг., выделенная с учетом рельефа местности для удобства управления войсками и координации военных действий. Оборонительную линию длиной в 7,5 км для удобства управления разделили на 3 дистанции или отделения. В первую дистанцию были включены укрепления от береговой батареи № 10 до Балаклавской дороги (8-й, 7-й, 6-й, 5-й бастионы). Вторая дистанция начиналась от Балаклавской дороги до Докового оврага (4-й, 3-й бастионы). В третью дистанцию вошли Малахов курган и укрепления до берега Килен-бухты (бастион на Малаховом кургане, 1-й, 2-й бастионы). 20 сентября 1854 г.

¹ Расписание флота по дивизиям, эскадрам и экипажам. СПб., 1837. С. 18–30. Мичман — первый обер-офицерский чин во флоте, соответствовавший поручику армии и 12 классу. На корабле мичмана помогали лейтенантам, при авральных работах назначались на марсы, стояли на карауле и назначались с различными поручениями на берег и на другие суда. Лейтенант — обер-офицерский чин во флоте, соответствовавший капитану армии и 9 классу. Командовали ротами, а в море — вахтами. Иногда назначались капитанами мелких судов и пароходов. Капитан-лейтенант — чин во флоте, соответствовавший майору армии. Назначались капитанами фрегат, шхун, бригов, люгеров и пароходов. На 110-пушечный линейный корабль полагалось по 3 капитан-лейтенанта, на 84-пушечный по 2, на 74-пушечный — 1. Капитан 2-го ранга — чин во флоте, соответствовавший армии подполковнику. Назначались командирами фрегат, иногда командовали экипажами и линейными кораблями. Капитан 1-го ранга — чин во флоте, соответствовавший полковнику армии; командовали экипажами и линейными кораблями.

из-за большой протяженности и сложности рельефа, вторая дистанция была разделена на две. Во вторую дистанцию вошли 4-й бастион и батареи на Бульварной высоте (ныне Исторический бульвар), в третью — укрепления на Пересыпи Южной бухты (район современного ж / д вокзала) и 3-й бастион. Бывшая третья дистанция стала 4-й. 29 марта 1855 было образовано 5-е отделение оборонительной линии, в состав которого входили передовые укрепления Корабельной стороны Севастополя — Волынский и Селенгинский редуты и Забалканская батарея. Упразднено после падения редутов 26 мая 1855 г. 4-е отделение 3 июня 1855 г. для «удобства обороны» разделили на два: 4-е и 5-е. К 4-му относились Корниловский бастион на Малаховом кургане и укрепления до Докового оврага, в 5-е вошли 1-й, 2-й бастионы и куртина до Малахова кургана.

Бомбардировки: 1-я бомбардировка — 5–10 октября 1854 г.; 2-я бомбардировка — 28 марта — 7 апреля 1855; 3-я бомбардировка — 25 мая 1855 г.; 4-я бомбардировка — 5 июня 1855 г.; 5-я бомбардировка — 5–8 августа 1855 г.; 6-я бомбардировка — 24–26 августа 1855 г.

Н. Н. СМОЛИН

ДРУЖИНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОДВИЖНОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1855–1856 ГГ.

В ходе Крымской войны, главным образом в обороне Севастополя, русские войска несли серьезные потери. К началу 1855 г. перед руководством страны встала задача изыскать источники пополнения действующей армии. Дополнительные рекрутские наборы были малоэффективны. В силу этого было решено сформировать ополчение. Манифест о его создании вышел 29 января 1855 г. Одновременно вступило в силу положение об ополчении, согласно которому оно подразделялось на дружины. Ополчение было названо Государственным и Подвижным. Последнее слово названия означало, что оно предназначалось не для местной самообороны, и его дружины могли быть введены в бой за пределами губерний, в которых они формировались. В соответствии с императорским указом, вышедшим в тот же день, следовало приступить к набору ратников в губерниях первой очереди. Остальным регионам была поставлена задача подготовиться к набору ополчения второго и третьего призыва.

Ополчение, в том числе его командный состав, формировалось не на добровольной основе. Офицеров следовало избрать дворянским собраниям губерний и уездов из числа помещиков, ранее «с отличием» служивших в армии и военном флоте. В ратники набирались по 23 человека с каждой тысячи ревизских душ из всех сословий, уплачивавших подушную подать. Порядок их призыва был подобен рекрутским наборам. Урядниками, то есть унтер-офицерами, следовало назначать так называемых кадровых нижних чинов из личного состава гарнизонных частей. Их основная функция заключалась в обучении ратников. Главное отличие ополчения от регулярной армии заключалось в том, что оно созывалось лишь до конца войны, и ратникам было обещано возвращение по домам после подписания мира. Ополчение отличалось и своим внешним

видом. Ратникам было предписано носить форменную одежду из серого сукна, кресты из желтого металла на головных уборах, разрешалось носить бороды. Артиллерийскому департаменту военного министерства была поставлена задача предоставить ополчению ружья и патроны. «Главнейшее внимание, — отмечалось в инструкции по подготовке ратников, утвержденной императором 21 февраля, — должно быть обращено на обучение стрельбе в цель»¹.

С получением документов, утвержденных 29 января, местному руководству надлежало учредить губернский комитет ополчения. Его функции заключались в сборе ратников, продовольствия, фуража, материальных пожертвований, обеспечении дружин форменной одеждой и имуществом. В каждом уезде создавалась одна дружина. Она должна была насчитывать 19 офицеров, 80 урядников, 920 ратников, 18 горнистов и барабанщиков, 51 нестроевых, к которым относились врач, фельдшер, писари, оружейники, ложники, кузнецы, плотники, ездовые и денщики². Иногда одну дружину формировали два или три уезда. Позднее штатная численность частей ополчения несколько возросла за счет включения в них кадровых нижних чинов — по 9 унтер-офицеров и 40 рядовых в каждую дружину. Численность Государственного Подвижного ополчения первого призыва превысила 200 тысяч человек.

Дружины первого призыва формировались в течение весны и начала лета 1855 г. Приступив к выполнению решений правительства, местное руководство столкнулось со многими проблемами. Обстановка в регионах не отвечала уровню сложности поставленных задач. Так, например, в уездах не было необходимого количества отставных военных, сохранивших способность носить оружие, в силу чего при формировании офицерского корпуса ополчения возникли ощутимые кадровые сложности. Постепенно правительству пришлось предоставить право служить офицерами ополчения более широкому кругу лиц, упростить порядок их принятия на службу, увеличить материальные стимулы. Несмотря на это, почти во всех дружинах, вплоть до их расформирования, не хватало офицеров. Еще большие сложности были вызваны недостатком врачей. В основном части ополчения не были укомплектованы медицинским персоналом. Последствия такого оборота событий не замедлили сказаться³.

Много критики вызвало оружие, предоставленное ополчению. В основном это были кремневые гладкоствольные ружья, часто неисправные. Впрочем, и этого оружия всем не хватило. В каждой дружине ружья получили лишь 800 ратников. Из остальных было прика-

зано формировать безоружные команды по 160–200 человек, которых следовало использовать для восполнения потерь. Зачастую, для обучения стрельбе роты в 200 человек командование предписывало использовать два-три десятка исправных ружей⁴. Состояние оружия внесло коррективы в обучение дружин. Не имея возможности уделить должное внимание стрельбе, командование ополчения было вынуждено направить основные усилия на строевую подготовку.

Имущество дружин также не отличалось качеством. Чаще всего губернные комитеты ополчения заключали договоры на поставку обмундирования с подрядчиками-купцами. Поставленная ими форменная одежда, как правило, была низкого качества, при ее изготовлении часто использовались старые, испорченные материалы и их заменители. Многочисленные жалобы на эту тему вынудили правительство организовать несколько расследований, по итогам которых члены комитетов ополчения ряда губерний понесли наказания⁵. В течение осени 1855 г. и последующей зимы, когда дружины, проделав длительный поход, прибыли на театр военных действий, их форменная одежда и обувь пришли в негодность. Словом, при выполнении решений правительства местному руководству и командованию ополчения в основном приходилось прибегать к полумерам, которые привели к неудовлетворительным результатам. К окончанию своего формирования ополчение не было готово к непосредственному участию в войне.

Летом 1855 г. дружины первого призыва были разделены на четыре отдела и выступили в поход. 78 дружин, набранных в Курской, Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской и Пензенской губерниях, были отнесены к Южному отделу и предназначались для пополнения русских войск в Крыму. Восточный отдел составили 17 дружин Тамбовской губернии, которым следовало во взаимодействии с частями Донского казачьего войска оборонять побережье Азовского моря. 64 дружины, сформированные в Смоленской, Московской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской губерниях, были отнесены к Западному отделу и направлены на усиление Средней и Западной армий. 31 дружина из Петербургской, Тверской, Новгородской, Олонецкой и Вологодской губерний, составившие Северный отдел, были направлены в различные районы Прибалтики. Остальные 7 дружин было решено сосредоточить в Московской губернии и впоследствии направить туда, где они будут необходимы⁶.

1 РГВИА. Ф. 14882. Оп. 1. Д. 1. Л. 46.

2 ПСЗ. 2-е изд. Т. XXX. СПб., 1856. С. 85–87, 95.

3 Подробнее см.: Смолин Н. Н. Государственное Подвижное ополчение России в Крымской войне: итоги выполнения правительственных решений // Троицкий вестник. Сборник статей. Троицк, 2006. С. 76–77.

4 РГВИА. Ф. 13056. Оп. 1. Д. 1. Л. 74–75.

5 Подробнее см.: Смолин Н. Н. «Вещи обмундирования и снаряжения... весьма дурного качества». Из истории снабжения Государственного Подвижного ополчения. 1855–1856 гг. // Исторический архив, 2006. № 3. С. 184.

6 Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–56 гг. Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича. СПб., 1878. С. 474.

Участие Государственного Подвижного ополчения в боевых действиях в целом можно считать эпизодическим. 1 июля 1855 г. две роты дружины № 1 приняли участие в отражении попытки англичан высадить десант под Выборгом. Кроме того, по подсчетам историка Б. Ф. Ливчака, в последних боях за Севастополь приняли участие 12 дружин Курской губернии, три из них в полном составе, остальные — отдельными командами по 50–200 ратников⁷. Большинство частей ополчения Южного отдела прибыли в Крым после 27 августа 1855 г., то есть после падения Севастополя. Многие из них вошли в состав регулярных полков. В течение осени и последующей зимы дружины первого призыва несли службу в составе действующей армии.

31 июля и 16 сентября Александр II подписал указы о наборе ополчения второго и третьего призывов, в соответствии с которыми осенью 1855 г. были сформированы еще 139 дружин. Численность Государственного Подвижного ополчения превысила 350 тысяч человек. В течение зимы дружины второго и третьего призывов осуществляли подготовку, после чего им следовало выступить на пополнение действующей армии. Однако в марте 1856 г. война закончилась, и большинство дружин второго и третьего призывов выступить не успели. 5 апреля 1856 г. вышел указ о роспуске ополчения. В течение весны и лета дружины вернулись в свои уезды и были расформированы.

История ополчения периода Крымской войны не часто привлекала внимание исследователей. Тем не менее, в трудах историков встречаются неоднозначные подходы к Государственному Подвижному ополчению как к объекту изучения. Ученые анализировали разные источники, занимали различные теоретические и методологические позиции, по-своему определяли цели, приоритетную проблематику исследований. Практически в каждой из опубликованных работ поднималась проблема оценки роли ополчения и эффективности его созыва. Решение данной задачи существенно осложняло то обстоятельство, что дружины приняли лишь незначительное участие в боях и не оказали серьезного влияния на ход и исход военных действий. Поэтому авторы опубликованных исследований от непосредственного участия ополчения в войне, как правило, переходили к изучению его службы в тылу, подчеркивали роль ратников в строительстве оборонительных сооружений и других военных объектов.

В числе первых исследований истории Государственного Подвижного ополчения можно считать монографию Я. Преженцова и статью И. Баграмова, опубликованные в конце XIX в. Я. Прежен-

⁷ Ливчак Б. Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России, 1806–1856 гг. Ученые труды Свердловского юридического института. Серия «История государства и права». Т. IV. Свердловск, 1961. С. 262.

цов отметил, что «многие» дружины приняли участие в боях и показали себя доблестными войсками. Остальные части ополчения успешно несли гарнизонную службу во внутренних районах и вполне заменили в этом отношении регулярные войска⁸. И. Баграмов в своей статье, посвященной роли дворянства в формировании ополчения, также отметил, что в период Крымской войны «многие дружины приняли участие в делах с неприятелями и показали себя доблестными войсками, другие же, которые оставались внутри империи, несли с полным успехом гарнизонную службу, вполне заменив части постоянных войск»⁹. Как видно, Я. Преженцов и И. Баграмов сделали вывод, что ополчение оказало поддержку регулярным войскам, и его созыв был вполне оправдан. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что оба автора рассматривали лишь постановления правительства, из чего можно сделать вывод, что их интерпретация отражала не столько реалии Крымской войны, сколько воззрения на ополчение правящих кругов страны.

В источниках другого плана тезис о том, что ополчение успешно несло гарнизонную службу в тылу действующей армии, не находит подтверждения. Например, осенью 1855 г. дружины Ярославской и Костромской губерний, прибыв в Царство Польское, были размещены на зимние квартиры в небольших селениях. Такое расположение вскоре было признано неудачным, поскольку оно затрудняло довольствие и обучение ратников. Кроме того, части ополчения не имели собственных врачей, и было очень сложно взять под контроль санитарное состояние подразделений, разбросанных на большом пространстве. Это вызвало рост заболеваемости. Поэтому было решено сосредоточить дружины ополчения в Варшаве и Новогоргиевске, разместив их в казармах гарнизонных частей, личный состав которых вывести в загородное расположение.

Однако размещение дружин в казармах регулярных войск также оказалось неудачным. В силу слабой подготовки они не могли заменить постоянные войска и нести гарнизонную службу. В результате, в конце осени 1855 г. командование Западной армии было вынуждено отменить многие распоряжения о выводе регулярных частей из Варшавы и Новогоргиевска. Генерал-квартирмейстер Западной армии полковник Семека, в частности, отмечал, что в Варшаве было решено расположить восемь батальонов пехоты для несения караульной службы, так как дружины ополчения не имели для этого достаточной подготовки, и им требовалось время на обучение¹⁰. *Перемещение частей и подразделений заня-*

⁸ Преженцов Я. Государственное ополчение. СПб., 1889. С. 37.

⁹ Баграмов И. Краткий исторический обзор отбывания военной службы нашим дворянством и образования Государственного ополчения. // Военный сборник, 1899. № 12. С. 408.

¹⁰ РГВИА. Ф. 14023. Оп. 2. Д. 4. Л. 145, 149.

ло в данном случае несколько месяцев. Таким образом, ополчение не только не высвободило гарнизонные войска для пополнения действующей армии, но и создало массу проблем для командования Западной армии.

В 1901 г. вышла в свет работа Ф. В. Петрова, где впервые было подчеркнуто, что Государственное Подвижное ополчение почти не участвовало в боевых действиях, но понесло большие потери, вызванные распространением инфекционных заболеваний и высоким уровнем смертности ратников. По данным автора работы, в начале марта 1856 г. в 45 дружинах, сформированных в Курской, Орловской, Калужской и Тульской губерниях, из 40730 нижних чинов и командиров оставалось налицо всего 21347 человек. Остальные поступили в госпитали, будучи одержимы разными болезнями, в основном тифом¹¹. Относительно новая, для своего времени, проблематика не позволила Ф. В. Петрову сделать однозначный вывод о том, какую роль сыграло ополчение и сколь оправданным был его созыв. По-видимому, он предлагал обратить внимание как на позитивные, так и на негативные моменты.

В середине XX столетия к истории ополчения обратился уральский историк Б. Ф. Ливчак, работы которого сегодня остаются наиболее фундаментальными по данному вопросу. Б. Ф. Ливчак рассмотрел законодательство об ополчении 1855–1856 гг., изучил процесс набора дружин, их вооружение, обучение, отношение населения к призыву, познакомил читателей с распределением дружин в действующей армии и их участием в боях. На основе анализа широкого круга источников он впервые пришел к выводу, что кампания по созыву Государственного Подвижного ополчения была неудачной и не привела к усилению военных сил России. В числе причин неудач Б. Ф. Ливчак выделил ряд объективных и субъективных факторов, таких как кризисное состояние крепостнической России, ее неготовность к войне, массовое нежелание дворян служить офицерами, превращение снабжения ополчения в предмет торга и наживы, в силу чего дружинам поставлялось негодное имущество, и др.¹²

Данная постановка вопроса в целом более отвечает реалиям Крымской войны, чем концепция историков XIX в. Как уже отмечалось, по прибытии на театр военных действий ополчение не было готово к несению службы и к участию в боях. Командованию действующей армии пришлось решать массу вопросов, связан-

ных с его размещением, довольствием, перевооружением, обучением, медицинским обеспечением. Названные обстоятельства наводят на мысль о неэффективности созыва ополчения. Как уже отмечалось, в силу несоответствия обстановки в уездах и губерниях уровню сложности поставленных правительством задач, местному руководству часто приходилось ограничиваться полумерами, и результаты формирования ополчения заметно отличались от проекта его создания, утвержденного руководством страны. Форменная одежда, быстро пришедшая в негодность, недостаток опытных офицеров, врачей, стесненные условия размещения, отсутствие у ратников привычки к походной жизни и другие обстоятельства вызвали распространение инфекционных заболеваний и высокий уровень смертности. В 1855–1856 гг. в боях с противником погибли около 500 нижних чинов и офицеров ополчения, тогда как в результате болезней их скончались десятки тысяч¹³.

В целом ополчение, сформированное в 1855 г., не оказало ощутимого влияния на развитие войны, не усилило русские войска, не выполнило свою функцию. Отчасти этим объясняется малое внимание ученых к его истории. Довольно меткой характеристикой места и роли ополчения в Крымской войне кажется точка зрения А. И. Шепарневой: «Созданное ополчение оказалось никому не нужным... Крымская война ярко продемонстрировала, что ресурсы рекрутского способа комплектования были исчерпаны, порядок формирования ополчения изжил себя, а введение всеобщей воинской повинности требовало решительной ломки крепостнических порядков»¹⁴.

Вместе с тем, Государственное Подвижное ополчение представляется весьма интересным объектом исследования, если не ограничиваться исключительно военным аспектом. Работа над его историей позволяет внести дополнения и уточнения в картину состояния России в середине XIX в. Крымская война послужила преддверием пореформенного периода и внесла коренные изменения в самосознание русского общества. Участие в войне, безусловно, повлияло на мировоззрение дворян, служивших офицерами, многих оно заставило задуматься о причинах неудач. В известной мере оно сказалось и на убеждениях крестьян. Анализ архивных документов, воспоминаний, материалов периодической печати дает возможность изучить последствия Крымской войны в связи с основными тенденциями мировоззрения различных социальных групп и русского об-

11 Петров Ф. В. Государственное ополчение. Исторический очерк и сравнительное исследование действующего положения о государственном ополчении по русскому и иностранным законодательствам. СПб., 1901. С. 68–69.

12 Ливчак Б. Ф. Указ. соч. С. 229–230, 236, 269; См. также: Ливчак Б. Ф. История ополчения в вооруженных силах России XIX в. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1966.

13 Подробнее см.: Смолин Н. Н. Государственное ополчение 1855–1856 гг.: опыт практической реализации официальных установок. // Проблемы российской истории. Сборник статей. Вып. III. Магнитогорск, 2004. С. 177, 180.

14 Шепарнева А. И. Крымская война в оценке русского общественного мнения (1853–1856). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Орел, 1995. С. 53.

щества в целом, подготовившими идейную платформу великих реформ, которые отменили как крепостное право, так и рекрутскую повинность¹⁵.

В заключение хотелось бы отметить, что в литературе, особенно в изданиях последних лет, по вопросам участия ополчения в Крымской войне встречаются серьезные разногласия, касающиеся его численности, дислокации частей и соединений, персонального состава командования. В основном они вызваны разрозненностью сведений по этим вопросам в архивных документах и отсутствием обобщающих работ. Нередко неточные сведения последовательно повторяются в нескольких публикациях и диссертациях. Думается, есть необходимость предложить вниманию читателей результаты наших усилий по систематизации данных этого рода, почерпнутых в различных фондах центральных и местных архивов, в периодической печати 1855–1856 гг. и в мемуарных произведениях. Имеющаяся в нашем распоряжении информация также нередко отрывочна и нуждается в дополнении, в ряде случаев мы не можем указать название дружины, фамилию и чин ее начальника, место службы. Поэтому хотелось бы предложить коллегам, особенно сотрудникам местных музеев и архивов, по возможности конкретизировать названные сведения и принять участие в дополнении таблиц.

Дружины Государственного Подвижного ополчения
первого призыва 1855–1856 гг.

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
Дружины Санкт-Петербургской губернии. Заведующий — генерал от инфантерии князь <i>Шаховский</i> .				
1	Санкт-Петербургская	генерал-майор <i>Струков</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу. К Лейб-гвардии Преображенскому резервному полку	В Выборге, на Равенсари, в Санкт-Петербурге
2	Ямбургская	подполковник <i>Зиновьев</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу	В Санкт-Петербурге и окрестностях

¹⁵ Подробнее см.: Смолин Н. Н. Перспективные направления изучения истории Государственного ополчения России 1855–1856 гг. // Чтения по военной истории. Сборник статей. Вып. 1. СПб., 2005. С. 286–287.

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
3	Новоладожская	подполковник <i>Неелов</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу	В Санкт-Петербурге и окрестностях
4	Гдовская	подполковник (позднее полковник) <i>Пытин</i> (уволен в отпуск) временно капитан <i>Резников</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу	В Нарве
5	Лугская	генерал-майор <i>Ермолов</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу. К Лейб-гвардии Московскому полку.	В Луге, Санкт-Петербурге, селе Рыбацкое
Дружины Новгородской губернии. Заведующий — тайный советник сенатор <i>Зуров</i>				
6	Новгородская	подполковник князь <i>Мышецкий</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу. Ко второй гвардейской резервной пехотной дивизии. К Лейб-гвардии Гренадерскому полку	В Москве
7	Крестцовская	подполковник <i>Тарарыков</i> (уволен по болезни) временно майор дружины № 8 <i>Смирнов</i> (назначен начальником дружины № 10) далее майор князь <i>Васильчиков</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу. Ко второй гвардейской резервной пехотной дивизии	В Москве
8	Валдайская	полковник <i>Рюмин</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу. Ко второй гвардейской резервной пехотной дивизии	В Москве

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
9	Боровичская	майор <i>Висленев</i>	К Балтийскому корпусу. Ко второй резервной пехотной дивизии	В Лифляндии
10	Устюжанская	майор <i>Певцов</i> (переведен в дружину № 12) затем майор <i>Смирнов</i> (переведен в дружину № 12), затем майор <i>Певцов</i>	К Балтийскому корпусу. Ко второй резервной пехотной дивизии	В Лифляндии
11	Череповецкая	полковник <i>Нарбут</i>	К Балтийскому корпусу. Ко второй резервной пехотной дивизии	В Лифляндии
12	Белозерская	подполковник <i>Максимович</i>	К Балтийскому корпусу. Ко второй резервной пехотной дивизии	В Лифляндии

Дружины Тверской губернии.
Заведующий — генерал-майор Наумов

13	Тверская	подполковник князь <i>Шаховский</i>	К Балтийскому корпусу	В Динабурге
14	Корчевская	полковник <i>Лаврентьев</i>	К Балтийскому корпусу	В Динабурге и окрестностях
15	Калязинская	майор <i>Вульф</i> (назначен начальником дружины № 26) далее майор <i>Сахаров</i>	К Балтийскому корпусу	В Динабурге
16	Кашинская	майор <i>Эберн</i>	К Балтийскому корпусу	В Динабурге
17	Кашинская	майор <i>Томашевский</i>	К Балтийскому корпусу	В Динабурге
18	Весъегонская	майор <i>Андреев</i>	К Балтийскому корпусу	В Риге

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
19	Бежецкая	подполковник <i>Трубников</i>	К Балтийскому корпусу	В Риге
20	Новоторжская	майор <i>Давыдов</i>	К Балтийскому корпусу	В Риге
21	Вышневолоцкая	майор <i>Алексеев</i>	К Балтийскому корпусу	В Риге
22	Осташковская	подполковник <i>Развозов</i> (уволен по болезни), далее майор <i>Жеребцов</i>	К Балтийскому корпусу	В Риге
23	Ржевская	майор <i>Каровяковский</i>	К Балтийскому корпусу	В Динабурге и окрестностях
24	Ржевская	майор <i>Воробьев</i>	К Балтийскому корпусу	В Динабурге и окрестностях
25	Зубцовская	подполковник <i>Лодыженский</i> (уволен по болезни) далее майор <i>Безобразов</i>	К Балтийскому корпусу	В Витебске
26	Старицкая	майор <i>Казанков</i> (уволен по болезни) далее майор <i>Вульф</i>	К Балтийскому корпусу	В Риге

Дружины Смоленской губернии.
Заведующий — генерал от инфантерии *Головин*.
В 1856 г. генерал-адъютант граф *Орлов-Денисов*

27	Смоленская	полковник <i>Гернгрос</i>	К Южной армии	
28	Рославльская	майор <i>Дуров</i>	К Южной армии	В Хотине
29	Бельская	полковник (позднее подполковник) <i>Апухтин</i>	К Южной армии	В Измаиле
30	Дорогобужская	подполковник <i>Рачинский</i>	К Южной армии	В Измаиле
31	Вяземская	майор <i>Устругов</i>	К Южной армии	

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
32	Юхновская	подполковник <i>Юкавский</i>	К Южной армии	
33	Гжатская	подполковник <i>Сурменев</i> (умер)	К Южной армии	
34	Сычевская	подполковник <i>Эндогуров</i> (уволен по болезни) временно капитан <i>Ловейко</i>	К Южной армии	
35	Ельнинская	подполковник <i>Орел</i>	К Южной армии	В Кишиневе
36	Поречская	подполковник <i>Рачинский</i>	К Южной армии	
37	Духовищенская	майор <i>Антоньев</i>	К Южной армии. К резервному князя Варшавского графа Паскевича Эриванского полку	В Измаиле
Дружины Курской губернии. Заведующий — генерал-майор <i>Белевцов</i> (переведен на действительную службу в регулярные войска). В 1856 г. — генерал-адъютант <i>Кнорринг 2-й</i>				
38		майор <i>Корецкий</i>	К Крымской армии. К Галичскому егерскому полку, далее к Александровскому егерскому полку	В Крыму. На позиции при реке Альма
39		генерал-майор <i>Толмачев</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению и назначен состоять при командующем Южной армии и всеми военно-сухопутными и морскими силами в Крыму, был временным заведующим дружинами, вошедшими в гарнизон Симферополя),	К Крымской армии	В Крыму. На позиции близ села Такил

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
			затем майор <i>Шагаров</i> (умер), затем генерал-майор <i>Толмачев</i>	
40		полковник <i>Васильев</i>	К Крымской армии. К Одесскому пехотному полку	В Крыму
41		полковник <i>Черемисинов</i> (умер)	К Крымской армии	В Крыму
42		майор Бунин	К Крымской армии. К Днепровскому пехотному полку	В Перекопе, Бахчисарае, Симферополе
43	Старооскольская	майор <i>Малиновский</i>	К Крымской армии. К Смоленскому пехотному полку	В Симферополе
44		полковник князь <i>Голицын</i> , затем майор <i>Какуранов</i>	К Крымской армии. К Бутырскому пехотному полку. Затем откомандирована в резерв 11 пехотной дивизии	В Крыму
45	Новооскольская	полковник князь <i>Голицын</i>	К Крымской армии. К Кольванскому егерскому полку	На Северной стороне Севастополя
46	Корочанская	майор <i>Звягинцев</i>	К Крымской армии. К Егерскому генерал-фельдмаршала князя Варшавского полку. Затем откомандирована от полка в резерв командования	В Геническе, Бахчисарае
47	Обоянская	подполковник <i>фон Аммерс</i> (контужен, уволен в отпуск) временно подполковник <i>Торопов</i>	К Крымской армии. К Якутскому пехотному полку	В Севастополе
48	Белгородская	подполковник (затем полковник, затем подполковник) <i>Редин</i>	К Крымской армии	В Севастополе

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
49	Новооскольская	полковник <i>Трифонов</i> , затем майор <i>Креницин</i>	К Крымской армии. К Елецкому пехотному полку	В Севастополе
50	Суджанская	майор <i>Видов</i>	К Крымской армии. К Полоцкому егерскому полку. Затем откомандирована от полка в резерв командования	В Крыму. На позиции при селе Бакшае на реке Салгир
51		подполковник <i>Сафионов</i>	К Крымской армии. К Могилевскому пехотному полку. Затем откомандирована от полка в резерв командования	В Крыму. На позиции при реке Бельбек
52		действительный статский советник <i>Степанов</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению и назначен состоять при главнокомандующем Южной армии и всеми военно-сухопутными и морскими силами в Крыму)	К Крымской армии. К Алексопольскому егерскому полку, затем к Полоцкому егерскому полку	В Симферополе
53		майор <i>Изъединов</i>	К Крымской армии. К Витебскому егерскому полку, затем откомандирована от полка в резерв командования	В Крыму

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
54		подполковник <i>Сагарев</i>	К Крымской армии. К Костромскому егерскому полку, затем к Витебскому егерскому полку, по другим данным — к Смоленскому пехотному полку	В Крыму. На позициях при реке Альма, при реке Бельбек
			Дружины Орловской губернии. Заведующий — генерал-майор Данилевский (умер), затем временно — полковник Кузьмин (умер), затем временно — генерал-адъютант, вице-адмирал граф Гейден	
55	Брянская	полковник <i>Кузьмин</i> (умер) затем капитан <i>Правиков</i>	К Южной армии	В Николаеве
56	Трубчевская	полковник <i>Миرونенко</i>	К Крымской армии. Входила в состав Ополченного полка	В Перекопе, на позиции при реке Бельбек
57	Орловская	подполковник князь <i>Долгорукий</i> (уволен от должности, с зачислением на службу по ополчению, вскоре умер)	К Крымской армии. Входила в состав Ополченного полка	В Бахчисарае, на позиции при реке Бельбек
58	Орловская	майор <i>Матвеев</i>	К Крымской армии. К 1-му Конно-пионерному дивизиону	В Перекопе
59	Севская		К Крымской армии	В Перекопе, в Симферополе
60	Карачевская	майор <i>Соковнин</i> , временно капитан <i>Житков</i>	К Южной армии	В Николаеве
61	Дмитровская	полковник <i>Хлюстин</i>	К Крымской армии	В Бахчисарае, Перекопе, Армянске
62	Кромская	майор <i>Василевский</i>	К Крымской армии	В Бахчисарае
63	Мценская	подполковник <i>Миллюков</i>	К Южной армии	В Николаеве

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
6 4	Болховская	подполковник <i>Подымов</i>	К Южной армии	В Николаеве
6 5	Елецкая	полковник <i>Грушецкий</i>	К Крымской армии	В Бахчисарае, на Северной стороне Севастополя
6 6	Елецкая	полковник <i>Ильин</i>	К Крымской армии	В Перекопе, на Северной стороне Севастополя
6 7	Ливенская	подполковник <i>Лавров</i>	К Крымской армии	В Бахчисарае
6 8	Ливенская	майор <i>Охотников</i>	К Крымской армии. Входила в состав Ополченного полка	В Бахчисарае, на позиции при реке Бельбек
6 9	Малоархангельская	подполковник <i>Казаков</i>	К Крымской армии. Входила в состав Ополченного полка	В Бахчисарае, на позиции при реке Бельбек

Дружины Калужской губернии. Заведующий — сенатор генерал-лейтенант граф Толстой (назначен командиром второго резервного пехотного корпуса). В 1856 г. — генерал-адъютант *Бетанкур*

70	Калужская	майор князь <i>Несвицкий</i> (уволен), затем майор <i>Загоскин</i>	К Крымской армии. К Егерскому генерал-фельдмаршала князя Варшавского полку	В Херсоне, в Крыму, на позиции при реке Бельбек, на Инкерманских высотах
71	Козельская	генерал-майор <i>Астрецов</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению и назначен состоять при главнокомандующем Южной армии и всеми военно-сухопутными и морскими силами в Крыму)	К Крымской армии. К Витебскому резервному егерскому полку	В Симферополе, селе Кулеш-Мечеть

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
72	Перемышльская	подполковник <i>Тимченко</i>	К Крымской армии. К Полтавскому пехотному полку	В Крыму
73	Малоярославская	полковник <i>Обнинский</i>	К Крымской армии. К Полоцкому егерскому полку	В Херсоне, в Крыму, на позиции при реке Бельбек
74	Лихвинская	майор <i>Янов</i>	К Крымской армии. К Кременчугскому егерскому полку	В Крыму
75	Мещовская	майор <i>Камынин</i>	К Крымской армии. К Елецкому пехотному полку, затем — к Егерскому генерал-адъютанта князя Горчакова полку	В Крыму
76	Мосальская	подполковник <i>Суходольский</i>	К Крымской армии. К Севскому пехотному полку	В Крыму
77	Жиздринская	майор <i>Борисов</i>	К Крымской армии. К Полоцкому резервному егерскому полку	В Феодосии, Симферополе, селе Кулеш-Мечеть
78	Медынская	майор <i>Ларионов</i>	К Крымской армии. К третьему пехотному корпусу, к Алексопольскому егерскому полку. Затем откомандирована	В Херсоне, в Симферополе
79	Тарусская	действительный статский советник <i>Миллер</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению и назначен состоять при главнокомандующем Южной армии и всеми военно-сухопутными и морскими силами в Крыму), затем временно капитан <i>Щербачев</i> , затем действительный статский советник <i>Миллер</i>	К Крымской армии. К Витебскому егерскому полку. Затем откомандирована	В Херсоне, в Симферополе

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
Дружины Тульской губернии. Заведующий — генерал-лейтенант князь Голицын				
80	Тульская	майор <i>Озеров</i> (уволен), затем майор <i>Исаев</i>	К Крымской армии. К Селенгинскому пехотному полку	В Крыму, на позиции при реке Бельбек
81		майор <i>Меринский</i>	К Крымской армии. К Полоцкому резервному егерскому полку, затем к Смоленскому резервному пехотному полку	В Крыму, на позиции при реке Бельбек
82		полковник <i>Баргельсон</i>	К Крымской армии. К Екатеринбургскому пехотному полку	В Крыму, на позиции при реке Бельбек, при реке Альма.
83	Каширская	подполковник <i>Муромцев</i> (уволен по болезни)	К Крымской армии. К Тобольскому пехотному полку	В Симферополе, Бахчисарае
84		генерал-майор <i>Любенков</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению), затем майор <i>Ладыженский</i>	К Крымской армии. К Могилевскому резервному пехотному полку	В Геническе
85	Ефремовская	майор <i>Маслов</i>	К Крымской армии	В Геническе
86	Новосильская	майор <i>Зыбин</i>	К Крымской армии	В Геническе
87	Крапивненская	полковник <i>Чернавкин</i>	К Крымской армии. К Томскому егерскому полку	В Крыму. На позиции при реке Бельбек
88	Чернская	майор <i>Сухотин</i>	К Крымской армии.	В Геническе
89	Виневская	гвардии полковник <i>Норов</i>	К Крымской армии. К Охотскому егерскому полку	В Крыму. На позициях при реке Бельбек, на Инкерманских высотах

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
90	Епифанская	подполковник <i>Муравьев</i>	К Крымской армии. К Камчатскому егерскому полку	В Крыму. На позиции при реке Бельбек
Дружины Рязанской губернии. Заведующий — генерал-майор Павленков				
91	Рязанская	подполковник <i>Григориус</i> (уволен в отпуск по болезни), затем временно майор <i>Бакмеев</i>	К Южной армии	В селе Воскресенское, в Херсоне
92	Зарайская	майор князь <i>Волконский</i> (уволен), затем майор <i>Ржевский</i> (уволен в отпуск) временно капитан <i>Зыбин</i>	К Южной армии	В селе Воскресенское, в Николаеве
93	Пронская	подполковник <i>Лактеев</i>	К Южной армии	В Херсоне, в селах Явкино и Пески
94	Спасская	подполковник <i>Перемежко-Галич</i>	К Южной армии	В Николаеве, в селах Явкино и Пески
95	Сапожковская	полковник <i>Шиловский</i> , временно майор <i>Никифоров</i>	К Южной армии	В Херсоне, в Николаеве
96	Егорьевская	подполковник <i>Мороз</i>	К Южной армии	В Херсоне, в Николаеве
97	Скопинская	подполковник <i>Сухомлинов</i>	К Южной армии	В Николаеве
98	Касимовская	подполковник <i>Ржевский</i> (умер), затем капитан <i>Глебов</i>	К Южной армии. К Камчатскому резервному егерскому полку	В Херсоне, в Николаеве

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
99	Данковская	майор <i>Белокопытов</i>	К Южной армии	В Николаеве
100	Михайловская	майор <i>Золотухин</i> (уволен в отпуск) временно капитан <i>Давыдов</i>	К Южной армии	В Херсоне
101	Рязская	майор <i>Кавдин</i> (уволен по болезни), затем майор <i>Протасьев</i> , затем капитан <i>Воронов</i>	К Южной армии	В Николаеве
102	Раненбургская	майор <i>Чернышев</i>	К Южной армии	В Николаеве
103	Рязанская	майор <i>Загоскин</i> , временно капитан <i>Кондратов</i>	К Южной армии	В Херсоне
104	Рязанская	полковник <i>Хрущов</i> , временно майор <i>Никифоров</i>	К Южной армии	В Херсоне

Дружины Московской губернии. Заведующий — генерал от артиллерии *Ермолов* (уволен по болезни), затем — генерал-адъютант граф *Строганов*

105	Московская	тайный советник князь <i>Голицын</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению и назначен состоять при главнокомандующем Южной армии), временно штабс-капитан князь <i>Оболенский</i>	К Южной армии, к Модлинскому пехотному полку	В Одессе
-----	------------	---	--	----------

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
106	Коломенская	действительный статский советник <i>Загряжский</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению и назначен состоять при командующем Южной армии), затем подполковник <i>Васильев</i>	К Южной армии, к Прагскому пехотному полку	В Одессе
107	Дмитровская	действительный статский советник, камергер князь <i>Голицын</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению и назначен состоять при главнокомандующем Южной армии и всеми военно-сухопутными и морскими силами в Крыму)	К Южной армии, К Люблинскому егерскому полку	
108	Волоколамская	полковник <i>Шереметев</i>	К Южной армии, к Замосецкому егерскому полку	В Одессе
109	Верейская	майор граф <i>Гурьев</i>	К Южной армии	В крепости Бендеры
110	Звенигородская (иногда называлась также Вторая Московская)	действительный статский советник, камергер князь <i>Трубецкой</i> (уволен по болезни), затем штабс-капитан <i>Бове</i>	К Южной армии	В Одессе, в крепости Бендеры

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
111	Серпуховская	действительный статский советник, камергер граф <i>Толстой</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению и назначен состоять при главнокомандующем Южной армии, назначен временным заведующим дружинами Московской губернии, вошедшими в состав Южной армии), затем майор <i>Гордеев</i> (уволен по болезни), затем штабс-капитан <i>Сушков</i>	К Южной армии	В крепости Бендеры
112	Рузская	подполковник <i>Дуров</i>	К Южной армии	В Кишиневе
113	Клинская	майор <i>Алмазов</i> (уволен в отпуск по болезни), временно штабс-капитан <i>Иванчин-Писарев</i>	К Южной армии. К Модлинскому резервному пехотному полку	В колонии Незавертайловка (в 70 верстах от Одессы)
114	Бронницкая	подполковник Савостьянов	К Южной армии. К Прагскому резервному пехотному полку	В колонии Кандель Одесского уезда
115	Подольская	майор барон <i>Боде</i> (умер), затем штабс-капитан граф <i>Распончин</i>	К Южной армии	В окрестностях Одессы
116	Богородская	подполковник <i>Сипягин</i>	К Южной армии	

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
Дружины Владимирской губернии. Заведующий — гвардии полковник Катенин				
117	Владимирская	майор <i>Уманов</i>	К Средней армии. К Муромскому резервному пехотному полку	В Белогордке Волынской губернии
118	Суздальская	полковник <i>Меркулов</i>	К Средней армии. К Нижегородскому резервному пехотному полку	В Шелестовке Волынской губернии
119	Муромская	полковник <i>Бурцев</i>	К Средней армии. К Шлиссельбургскому резервному егерскому полку	В Погребичах Бердичевского уезда Киевской губернии
120	Переславль-ская	подполковник <i>Повалишин</i>	К Средней армии. К Шлиссельбургскому резервному егерскому полку	В Тетьеве Киевской губернии
121	Юрьевская	полковник <i>Чечерин</i>	К Средней армии. К Нижегородскому резервному егерскому полку	В Полонное Волынской губернии
122	Гороховецкая	полковник <i>Языков</i> (уволен по болезни), временно капитан (затем майор) камерюнкер князь <i>Щербатов</i> (уволен)	К Средней армии. К Ладожскому резервному пехотному полку	В Цибулеве Киевской губернии
123	Шуйская	майор <i>Иконников</i>	К Средней армии. К Белозерскому резервному егерскому полку	В Радомысле Киевской губернии
124	Александровская	подполковник <i>Катынский</i>	К Средней армии. К Ладожскому резервному пехотному полку	В Буки Киевской губернии
125	Покровская	подполковник <i>Наумов</i>	К Средней армии. К Муромскому резервному пехотному полку	В Заславе Волынской губернии

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
126	Меленская	майор <i>Чижев</i>	К Средней армии. К Низовскому резервному егерскому полку	В Летичеве Подольской губернии
127	Ковровская	подполковник <i>Бороздин</i> (уволен по болезни), затем временно штабс-капитан <i>Секерин</i>	К Средней армии. К Низовскому резервному егерскому полку	В Литине Подольской губернии
Дружины Ярославской губернии. Заведующий — генерал-майор Боборыкин				
128	Ростовская	майор князь <i>Урусов</i> (по другим данным полковник <i>Жнов</i>), затем майор <i>Черевин</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Пултуск, Новогеоргиевск
129	Ярославская	полковник <i>Жнов</i> (уволен по болезни) затем майор князь <i>Урусов</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Маков, Новогеоргиевск, Плоцк.
130	Угличская	майор <i>Мезенцов</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Цеханов
131	Рыбинская	майор <i>Завьялов</i> (умер), затем временно капитан князь <i>Ухтомский</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Пржасныш, Пултуск
132	Мышкинская	майор <i>Скрипичин</i> (умер), затем временно штабс-капитан дружины № 131 <i>Сабанеев</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Рожан, Новогеоргиевск
133	Мологская	подполковник <i>Глебов</i> , временно майор <i>Шмаков</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Сероцк

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
134	Пошехонская	майор <i>Меркуров</i> (переведен в дружину № 136), затем майор <i>Стойков</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Вышков
135	Любимо-Даниловская	майор (затем подполковник) <i>Философов</i> (уволен по болезни), затем майор дружины № 132 <i>Сысов</i>	К Западной армии.	В Царстве Польском: Вышгород
136	Романо-Борисоглебская	подполковник <i>Васильев</i>	К Западной армии.	В Царстве Польском: Радзымин, Варшава
Дружины Вологодской губернии. Заведующий — генерал-майор Брянчанинов				
137		полковник Эндауров (Эндоуров)	К Симбирскому резервному егерскому полку	
138		генерал-майор <i>Золотилев</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению), затем майор <i>Неелов</i>		
139		подполковник (затем действительный статский советник) <i>Боборыкин</i> (уволен от должности с зачислением на службу по ополчению и назначен состоять при командующем Южной армии и всеми военно-сухопутными и морскими силами в Кры-		

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
		му), затем майор <i>Боборыкин</i> , затем действительный статский советник <i>Боборыкин</i>		
140		полковник <i>Зубов</i>		
141		полковник <i>Кусов</i>		
142		майор <i>Брянчанинов</i>		
143		майор <i>Волоцкой</i> (уволен по болезни), затем майор дружины № 141 <i>Никонов</i>		

Дружины Костромской губернии. Заведующий — действительный статский советник *Васьков* (умер), затем генерал-майор *Путилин* (уволен по болезни).

144		Полковник <i>Пасынков</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Лович, Варшава
145		полковник <i>Нелидов</i> (умер)	К Западной армии	В Царстве Польском: Рава, Варшава
146		майор <i>Ратьков</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Блоне, Варшава
147		генерал-майор фон <i>Менгден</i> (умер), затем майор <i>Бутаков</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Торчин, Варшава

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
148		полковник <i>Плаутин</i> (уволен по болезни), затем майор <i>Поливанов</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Рава, Варшава, Лович
149		полковник <i>Шигорин</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Гродзиск, Варшава
150	Чухломская	майор <i>Денисьев</i> , затем временно капитан <i>Марин</i>	К Западной армии	В Царстве Польском: Гура Кальвария, Петроков
151		майор <i>Чагин</i>	К Западной армии	В Бобруйске
152		майор <i>Мошков</i>	К Западной армии	В Бобруйске
153	Ветлужская	полковник <i>Быстроглазов</i>	К Западной армии	В Бобруйске

Дружины Нижегородской губернии. Заведующий — генерал-адъютант граф *Строганов* (назначен заведующим дружинами Московской губернии), затем — генерал-майор граф *Толстой*

154	Нижегородская	полковник <i>Козлов</i>	К Средней армии. К Галицкому резервному егерскому полку	
155	Балахнинская	подполковник <i>Масальский</i>	К Средней армии. К Костромскому резервному егерскому полку	
156	Горбатовская	подполковник <i>Щербаков</i> , затем временно капитан <i>Вонлярлярский</i>	К Средней армии. К Вологодскому резервному пехотному полку	
157	Семеновская	майор граф <i>Толстой</i>	К Средней армии. К резервному пехотному Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича полку	

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
158	Макарьевская	подполковник <i>Шипилов</i>	К Средней армии. К Оло-нецкому резервному пехотному полку	
159	Васильская	майор <i>Суцев</i>	К Средней армии. К Белоозерскому резервному пехотному полку	
160	Княгининская	майор <i>Шебуев</i>	К Средней армии. К резервному пехотному Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича полку	
161	Арзамасская	майор <i>Мессинг</i>	К Средней армии. К Галицкому резервному егерскому полку	
162	Ардатовская	майор граф <i>Кутайсов</i>	К Средней армии. К Вологодскому резервному пехотному полку	
163	Лукояновская	майор <i>Русинов</i>	К Средней армии. К Костромскому резервному егерскому полку	
164	Сергачская	майор <i>Болтин</i>	К Средней армии. К Оло-нецкому резервному пехотному полку	

Дружины Пензенской губернии.
Заведующий — генерал-лейтенант Арапов

165		подполковник <i>Загоскин</i>	К Южной армии	В Херсонской губернии
166		майор <i>Сабуров</i> , затем майор <i>Владыкин</i>	К Южной армии. К Суздальскому пехотному полку	В Херсонской губернии
167		майор <i>Сабуров</i>	К Южной армии	В Херсонской губернии
168		майор <i>Арапов</i> , затем майор <i>Салов</i>	К Южной армии	В Херсонской губернии
169		майор <i>фон Моллер</i>	К Южной армии. К Московскому пехотному полку	В Херсонской губернии

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
170		подполковник <i>Ховрин</i>	К Южной армии	В Херсонской губернии
171		майор <i>Дубенский</i>	К Южной армии	В Херсонской губернии
172		подполковник <i>Салов</i>	К Южной армии	В Херсонской губернии
173		майор <i>Щерба</i>	К Южной армии	В Херсонской губернии
174		майор <i>Кишени-ский</i> (прежде служил в дру-жине № 165 в чине капитана)	К Южной армии	В Херсонской губернии
175	Чембарская	майор <i>Лопатин</i>	К Южной армии	В Херсонской губернии

Дружины Тамбовской губернии.
Заведующий — генерал-майор Жихарев

176	Усманская	майор <i>Полетаев</i> , затем подпол-ковник <i>Валков-ский</i>	Поступила в распоря-жение генерал-лейте-нанта Хомутова	В Екатерино-славской губернии и Земле войска Донского
177	Тамбовская	полковник Селиванов	Поступила в распоря-жение генерал-лейте-нанта Хомутова	В Екатерино-славской губернии и Земле войска Донского
178	Тамбовская	подполковник Бабичев	Поступила в распоря-жение генерал-лейте-нанта Хомутова	В Екатерино-славской губернии и Земле войска Донского
179	Моршанская	подполковник Козлов	Поступила в распоря-жение генерал-лейте-нанта Хомутова	В Екатерино-славской губернии и Земле войска Донского
180	Моршанская	майор Давы-дов, затем подполковник Панов	Поступила в распоря-жение генерал-лейте-нанта Хомутова	В Екатерино-славской губернии и Земле войска Донского

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
181	Шацкая	генерал-майор Масолов	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
182	Елатомская	подполковник Айгустов	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
183	Темниковская	майор Маслов (уволен по болезни)	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
184	Спасская	майор Прохоров (переведен в дружину № 180)	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
185	Кирсановская	майор Тимофеев	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
186	Кирсановская	подполковник Ломан	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
187	Борисоглебская	подполковник Панов (назначен начальником дружины № 180)	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
188	Борисоглебская	подполковник Угла	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
189	Липецкая	майор Бланк	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
190	Лебедянская	майор Писарев	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
191	Козловская	подполковник Маслов	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
192	Козловская	майор Лачинов	Поступила в распоряжение генерал-лейтенанта Хомутова	В Екатеринославской губернии и Земле войска Донского
Стрелковые дружины				
1	Олонецкой губернии	полковник <i>Стажиев</i> (уволен), затем камергер, действительный статский советник <i>Бульчев</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу, к первой бригаде третьей гвардейской резервной пехотной дивизии	В Петербурге и окрестностях
2	Олонецкой губернии	подполковник <i>Зиновьев</i> , затем майор <i>Масловский</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу, к первой бригаде третьей гвардейской резервной пехотной дивизии	В Петербурге и окрестностях
3	Вологодской губернии	подполковник <i>Бердяев</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу, ко второй бригаде третьей гвардейской резервной пехотной дивизии	В Петербурге и окрестностях
4	Вологодской губернии	подполковник <i>Сахновский</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу, ко второй бригаде третьей гвардейской резервной пехотной дивизии	В Петербурге и окрестностях

№	Название дружины	Начальник дружины	К каким соединениям и частям дружина была прикомандирована	Где несла службу
5	(Старорусская) Новгородской губернии	майор <i>Симанский</i>	К Гвардейскому резервному пехотному корпусу. Ко второй гвардейской резервной пехотной дивизии.	В Москве
6	Калужской губернии	капитан (затем майор) князь <i>Кочубей</i>	К Крымской армии. К третьему пехотному корпусу в качестве отдельного стрелкового батальона	В Крыму, в селении Орта-Королез

Дружины Государственного Подвижного ополчения второго и третьего призыва 1855–1856 гг.

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред-назначались	Куда направлялись для несения службы
---	------------------	-------------------	--	--------------------------------------

Дружины Псковской губернии.

Заведующий — тайный советник, камергер князь *Дондуков-Корсаков*

193	Псковская	майор <i>Мельницкий</i>		В Ревель
194	Островская	подполковник (затем полковник) <i>Назимов</i>		В Ревель
195	Опочкинская	полковник <i>Гребский</i>		В Ревель
196	Великолукская	подполковник Елагин		В Ревель
197	Холмская	подполковник <i>Лопатин</i>		В Ревель
198	Порховская	полковник <i>Рындин</i>		В Ревель

Дружины Черниговской губернии.

Заведующий — генерал от кавалерии *Олферьев*

199	Черниговская	полковник <i>Линдфорс</i>	В Чонгарский отряд	В Таврическую губернию
200	Остерская	подполковник <i>Туманский</i>	В Чонгарский отряд	В Таврическую губернию

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред-назначались	Куда направлялись для несения службы
201	Нежинская	полковник <i>Поморский</i>	В Чонгарский отряд	В Таврическую губернию
202	Новгородсверская	подполковник <i>Огиевский</i> (уволен по болезни), затем майор <i>Марковский</i>	В Чонгарский отряд	В Таврическую губернию
203	Конотопская	майор <i>Силевич</i>	В Чонгарский отряд	В Таврическую губернию
204	Сосницкая	полковник <i>Чернецкий-Дубиновский</i>	В Чонгарский отряд	В Таврическую губернию
205	Мглинская	майор граф <i>Гудович</i>	В Чонгарский отряд	В Таврическую губернию
206	Новозыбковская	подполковник <i>Короткевич</i>	В Чонгарский отряд	В Таврическую губернию
207	Суражская	генерал-майор <i>Озерский</i>	В Чонгарский отряд	В Таврическую губернию

Дружины Полтавской губернии.

Заведующий — генерал-майор Анненков

208	Полтавская	генерал-майор <i>Кондратьев</i> , генерал-майор <i>Кондзеровский</i> (уволен по болезни), затем подполковник <i>Ярошевский</i>		В Ростов на Дону
209	Карловская (Константиноградская)	майор <i>Мезенцев</i>		В Ростов на Дону
210	Гадячская	подполковник <i>Тулинский</i>		В Ростов на Дону
211	Хорольская	полковник <i>Ковалевский</i>		В Ростов на Дону
212	Остапьевская (Хорольская)	подполковник <i>Варунов</i>		В Ростов на Дону

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред-назначались	Куда направлялись для несения службы
213	Прилукская	подполковник <i>Рубанов</i> (уволен по болезни)		В Ростов на Дону
214	Пирятинская	подполковник (затем майор) <i>Гребенка</i>		В Ростов на Дону
215	Ромненская	полковник <i>Соколов</i>		В Ростов на Дону
216	Лохвицкая	полковник <i>Звягольский-Мельников</i>		В Ростов на Дону
Дружины Харьковской губернии. Заведующий — генерал-майор Шатов				
217		генерал-майор <i>Каркач</i>		На Кавказ
218		подполковник <i>Вальман</i>		На Кавказ
219		майор <i>Репеловский</i>		На Кавказ
220		майор <i>Владиславович</i> (уволен по болезни)		На Кавказ
221		майор <i>Анкудинов</i>		На Кавказ
222		подполковник <i>Крюковский</i> (уволен по болезни)		На Кавказ
223	Купянская	полковник <i>фон-Баранов</i>		На Кавказ
224		майор граф <i>Долон</i>		На Кавказ
225		майор <i>Смаковский</i>		На Кавказ
226	Волчанская	майор <i>Резванов</i>		На Кавказ

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред-назначались	Куда направлялись для несения службы
227		подполковник <i>Левенфельд</i>		На Кавказ
228		подполковник <i>Гончаров</i>		На Кавказ
Дружины Воронежской губернии. Заведующий — генерал-майор Матвеев				
229	Воронежская	майор <i>Шишкин</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
230	Воронежская	майор Шепелев	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
231	Задонская	подполковник <i>Беренд</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
232	Землянская	подполковник <i>Жмурин</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
233	Нижнедевицкая	подполковник <i>Марченко</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
234	Коротоякская	майор <i>Козьмин</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
235	Острогожская	генерал-майор <i>Айгустов</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
236	Острогожская	подполковник <i>Лохвицкий</i> (уволен по болезни), затем подполковник <i>Домашев</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
237	Бирючская	подполковник (затем полковник) <i>Александров</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
238	Бирючская	майор <i>Пушковский</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред-назначались	Куда направлялись для несения службы
239	Валуйкинская	майор граф <i>Девьер</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
240	Павловская	майор <i>Завадский</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
241	Богучарская	подполковник барон <i>Вольф</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
242	Богучарская	подполковник <i>Куколевский</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
243	Новохоперская	подполковник <i>Сойманов</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
244	Бобровская	подполковник <i>Черняев</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
245	Бобровская	подполковник <i>Петров</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву

Дружины Саратовской губернии.
Заведующий — генерал-лейтенант Граббе

246	Саратовская	майор <i>Скибиневский</i>		
247	Саратовская	подполковник <i>Арцимович</i> (назначен начальником дружины № 257), затем майор <i>Гебауер</i>		
248	Вольская	полковник <i>Юрковский</i>		
249	Аткарская	подполковник <i>Сумароков</i> (уволен по болезни), затем майор <i>Варыпаев</i>		

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред-назначались	Куда направлялись для несения службы
250	Аткарская	полковник <i>Странден</i>		
251	Балашовская	подполковник <i>Ртищев</i>		
252	Балашовская	майор <i>Пятковский</i>		
253	Камышинская	подполковник <i>Ершов</i>		
254	Царицинская	подполковник <i>Скибиневский</i>		
255	Сердобская	подполковник <i>Лихарев</i>		
256	Хвалынская	полковник <i>Сумароков</i>		
257	Хвалынская сводная	полковник <i>Храповицкий</i> (уволен по болезни), затем подполковник <i>Арцимович</i>		
258	Кузнецкая	действительный статский советник <i>Шахматов</i>		
259	Петровская	майор <i>Лихачев</i> , затем капитан барон <i>Дельвиц</i>		

Дружины Симбирской губернии. Заведующий — генерал-майор *Пашков* (уволен по болезни), затем генерал-адъютант *Толстой*

261	Симбирская	подполковник <i>Киндяков</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
262	Бунинская	князь <i>Урусов</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
263	Сызранская	подполковник <i>Городецкий</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред-назначались	Куда направлялись для несения службы
264	Сенгилейская	подполковник <i>Дубровин</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
265	Карсунская	майор <i>Ахматов</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
266	Алатырская	подполковник <i>Филатов</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
267	Ардатовская	майор <i>Ланской</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
268	Курмышская	полковник <i>Кельц</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
269	Симбирская	полковник <i>Соловцов</i> , затем подполковник <i>Сойманов</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
270	Сызранская	майор <i>Давыдов</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву
271	Карсунская	полковник <i>Полыванов</i>	В резерв войск Прибалтийского края	В Москву

Дружины Вятской губернии.
Заведующий — генерал-адъютант *Ланской*

272	Вятская	полковник <i>Якубовский</i>		В Финляндию
273	Вятская	майор <i>Королев</i>		В Финляндию
274	Глазовская	майор <i>Щодро</i>		В Финляндию
275	Глазовская	подполковник <i>Булашевич</i> , затем майор <i>Якубовский</i>		В Финляндию
276	Елабугская	полковник <i>Калугин</i>		В Финляндию

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред-назначались	Куда направлялись для несения службы
277	Котельническая	майор <i>Кузнецов</i>		В Финляндию
278	Котельническая	майор <i>Дворжицкий</i>		В Финляндию
279	Малмыжская	Временно штабс-капитан дружины № 281 <i>Пухов</i>		В Финляндию
280	Нолинская	майор <i>Абаза</i>		В Финляндию
281	Орловская	подполковник <i>Душкинский</i>		В Финляндию
282	Орловская	подполковник <i>Жданов</i>		В Финляндию
283	Сарапульская	майор <i>Сербинович</i>		В Финляндию
284	Сарапульская	майор <i>Аргиландер</i>		В Финляндию
285	Уржумская	майор <i>Масалов</i>		В Финляндию
286	Уржумская	майор <i>Левашев</i>		В Финляндию
287	Яранская	майор <i>Нотара</i> , затем майор <i>Пуха</i>		В Финляндию
288	Яранская	подполковник <i>Зорин</i>		В Финляндию
289	Слободская	подполковник <i>Чечель</i>		В Финляндию

Дружины Пермской губернии.
Заведующий — генерал-адъютант *Яфимович*

290	Пермская	полковник <i>Анадольский</i>		
291	Пермская	майор <i>Долгих</i>		
292	Пермская	майор <i>Любарский</i>		
293	Чердынская	майор <i>Насекин</i>		
294	Соликамская	майор <i>Блохин</i>		

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред-назначались	Куда направлялись для несения службы
295	Осинская			
296	Верхотурская	подполковник <i>Астафьев</i>		
297	Кунгурская	полковник <i>Чернов</i> (умер)		
298	Екатеринбургская	майор <i>Холкин</i> (уволен по болезни)		
299	Екатеринбургская			
300	Красноуфимская			
301	Ирбитская	подполковник <i>Темников</i> (уволен по болезни)		
302	Камышловская	подполковник <i>Бордунов</i>		
303	Камышловская			
304	Шадринская	подполковник <i>Дрозжилов</i>		
305	Шадринская	майор <i>Гавриленко</i>		
Дружины Оренбургской губернии. Заведующий — генерал-майор Казадаев				
260	Уфимская	полковник <i>Тевкелев</i>		На Кавказ
306	Уфимская	полковник <i>Базыкин</i>		На Кавказ
307	Оренбургская			На Кавказ
308	Стерлитамакская	подполковник <i>Суворов</i>		На Кавказ
309	Белебейская	Генерал-майор <i>Мансуров</i>		На Кавказ
310	Мензелинская	майор <i>Авдеев</i>		На Кавказ

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред-назначались	Куда направлялись для несения службы
311	Бирская	подполковник <i>Левашов</i>		На Кавказ
Дружины Самарской губернии. Заведующий — генерал-майор князь <i>Урусов</i>				
312	Самарская	полковник <i>Семенов</i>		На Кавказ
313	Самарская	майор <i>Путилов</i>		На Кавказ
314	Ставропольская			На Кавказ
315	Черкасская	майор <i>Шелашиников</i>		На Кавказ
316	Бузулукская	майор <i>Миллер</i>		На Кавказ
317	Бузулукская	майор <i>Мертваго</i>		На Кавказ
318	Бугурусланская	подполковник <i>Дурасов</i>		На Кавказ
319	Бугурусланская	подполковник <i>Начаткин</i>		На Кавказ
320	Бугульминская	майор <i>Михулин</i>		На Кавказ
321	Николаевская	майор <i>Бороздин</i>		На Кавказ
322	Николаевская	майор <i>Данненберг</i>		На Кавказ
323	Новоузенская	подполковник князь <i>Трубецкой</i> (уволен по болезни)		На Кавказ
Дружины Витебской губернии (саперные)				
1	Витебская			
2	Полоцкая	майор <i>Чижев</i>		
3	Режицкая	майор <i>Гейрихсон</i>		

№	Название дружины	Начальник дружины	В состав каких соединений пред- назначались	Куда направлялись для несения службы
Дружины Могилевской губернии (саперные)				
4	Могилевская			
5	Чериковская			
6	Рогачевская			
Стрелковые дружины				
№ 7	Харьковской губернии			На Кавказ
№ 8	Харьковской губернии			На Кавказ

~

Ю. А. НАУМОВА

РАНЕНИЕ, БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ
В ПОВСЕДНЕВНОСТИ РУССКИХ ВОЙСК
В КРЫМСКУЮ ВОЙНУ

Смертью своею никого здесь
не удивишь. К ее торжеству все
привыкли. Умереть — здесь дело
весьма обыкновенное

П. В. Алабин

Самому яркому сюжету Крымской войны — севастопольской обороне — посвящены многочисленные труды, как научного¹, так и публицистического характера². Описывая героизм защитников, авторы чаще всего избирают для примеров подвиги особо колоритных героев: матроса Кошки, мальчика Коли Пищенко, профессора Н. И. Пирогова и других. Порой этими яркими рассказами оттеняется настоящая осадная жизнь, с ее однообразными тяжелыми буднями, страданиями, болью и смертью, которые являются неразлучными спутниками военных действий. Последнее, если можно так выразиться, является «изнанкой» любой войны. Именно ей посвящена данная статья. Мемуарное наследие участников войны³ в це-

1 См., например: Гершельман С. К. Нравственный элемент под Севастополем. СПб., 1897; Зайончковский А. М. Оборона Севастополя. Подвиги защитников. СПб., 1899; Тарле Е. В. Город русской славы: Севастополь в 1854–1855 гг. М., 1954.

2 См., например: Валуева (Мунт) А. П. Севастополь и его славное прошлое. СПб., 1899; Троицкий Д. И. Севастополь. Очерки и рассказы из истории Крымской войны. СПб., 1905.

3 См., например: Алабин П. В. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 годах. Ч. 2–3. М., 1890–1891; Бабенчиков В. П. День и ночь в Севастополе. Сцены из боевой жизни (из записок артиллериста) // Военный сборник. 1875. № 8. С. 315–364; Вроченский М. А. Севастопольский разгром. Воспоминания участника славной обороны Севастополя. Киев,

лом позволяет попытаться выделить основные штрихи субъективного переживания угрозы жизни и здоровью, включая определенное отношение к медицинской помощи, человека в русском мундире.

Следует отметить, что практически все опубликованные воспоминания о Крымской войне принадлежат перу офицеров, потому выводы о положении нижних чинов можно делать только со слов их военных начальников. В качестве источников нами привлечены были также воспоминания медиков и сестер милосердия⁴, которые были главными свидетелями страданий защитников Севастополя.

Как известно, первые военные действия Крымской войны разворачивались на Дунае и Кавказе. Особо стоит сказать о войсках, действовавших на Кавказе, которые, по причине постоянной военной практики в этом регионе, считались среди российского офицерства в плане боевой подготовки лучшими. Подполковник П. К. Меньков, который состоял при главном штабе сначала на Дунае, а потом в Севастополе и вел журнал военных действий, в своих записках жаловался, что любого военного, прибывшего с Кавказа, считали героем, и чаще всего незаслуженно⁵. Как бы там ни было, севастопольские офицеры сожалели, что кавказские войска не принимали участия в обороне вместе с ними. Генерал-майор М. Лихутин, заведовавший штабом Эриванского отряда, указывал на то, что войска, действовавшие на Кавказе, выносливее и опытнее в походе, чем войска, действовавшие в Европе: «Кавказский солдат знает как надо ходить в походе, чтобы менее утомиться... Войска воюющие в Европе, более или менее находят все готовым или удобным добыть скоро, и в здешних пустынях станут в затруднение. Искусство доставлять себе свой возможный комфорт сохраняет здоровье и силы, а крепость тела имеет влияние на бодрость духа»⁶.

1893; Ершов А. И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. СПб., 1858; Колчак В. И. Война и плен. 1853–1855 гг. СПб., 1904; Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 гг. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. СПб., 1863; Милошевич Н. С. Из записок Севастопольца. СПб., 1904; Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. Т. 1. СПб., 1872; Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов // Военный сборник. 1905. № 6, 9. С. 37–48. № 10. С. 39–48.

⁴ См., например: Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины // Вестник Европы. 1898. № 3; Генрици А. А. Воспоминание о Восточной войне 1853–1855 гг. // Русская старина. 1877. Т. 20; Лашкевич М. Г., Розенбергер К. О. Практико-медицинские замечания, выведенные из наблюдений в прошедшую войну // Морской сборник. 1859. Т. 42. № 7; Л-ский И. Впечатления военного врача в Крымскую кампанию // Русский вестник. 1873. Т. 106. Кн. 7.

⁵ Меньков П. К. Записки Петра Кононовича Менькова. Дунай и немцы (Восточный вопрос 1853–1855 гг.). Т. 1. СПб., 1898. С. 39.

⁶ Лихутин М. Указ. соч. С. 322.

Постоянные военные действия закаляли этих людей, приучили их к выносливости и бдительности: «Побывали бы на Кавказе, так не расспрашивали бы — как же да как же? А держали бы ухо остро и почаще бы Бога вспоминали. Там хоть на самой веселой свадьбе пируй, а все-таки кинжал за пазухой придерживай, да по сторонам оглядывайся»⁷. Неудачи в этих войсках рождали не уныние и нерешительность, а негодование и жажду мщения. Не стоит забывать также, что все три года Восточной войны Отдельный Кавказский корпус, действовавший против турецких войск, одерживал только победы. «Победа возвышает дух. Все предвидели дальнейшие движения, не хотели отставать и желали быть участниками хотя нравственных удовольствий, которые должна была предоставить нам выигранная битва. В нашем положении одно уже свободное вторжение в неприятельскую землю была награда победителей, потому что в этом каждый солдат видел свое достоинство и наше превосходство: «попирать землю врага, как говориться, есть наслаждение!»⁸. В такой атмосфере солдаты легче переносили физические страдания. Легко раненные не хотели оставлять рядов, их перевязывали в батальонах и сотнях. «Везде были движение и жизнь. Кругом лежали убитые; часто слышались стоны раненых и умирающих; но звуки жизни и радости вырывались из рядов и кучек солдат и казаков; везде слышался говор, как ликование победы... все были счастливы»⁹. Этот особый дух победы на Кавказе осознавал новый главнокомандующий Н. Н. Муравьев, который принял командование над отдельным корпусом в 1855 году. В своих указах он приводил в пример легенду былых времен — П. С. Котляревского. Князя В. О. Бебутова прилюдно благодарил за заслуги и за отличное войско, указывал, что если суждено одержать новые победы — то это заслуга предыдущих кампаний. Но даже среди кавказских войск оборона Севастополя вызывала удивление, перевод в Крымскую армию (по собственному желанию или приказанию начальства) офицеры воспринимали как удачу. Уже столкнувшись с севастопольской действительностью, один из них, прикомандированный из Кавказа в Крым ординарцем контр-адмирала В. И. Истомина, Д. И. Никифоров вспоминал: «Наступившая севастопольская кампания выбила у меня из памяти кавказские прогулки с потерей во время перестрелок одного или двух человек. На Малаховом кургане, куда я попал по приходу в Севастополь, сперва мы считали убитых и раненых десятками, потом сотнями, а бывали и тысячи»¹⁰.

Среди дунайских войск в 1853 году было много новичков военного дела. Недавние выпускники Военной академии Генерального шта-

⁷ Из дневника раненого офицера // Библиотека для чтения. 1856. № 9. С. 28.

⁸ Лихутин М. Указ. соч. С. 104.

⁹ Там же. С. 109.

¹⁰ Никифоров Д. И. Кавказ и Севастополь. М., 1901. С. 17.

ба, необстрелянные офицеры шли на свое первое военное дело, полные высокого патриотического чувства. Можно уверенно сказать, что понятие долга перед отечеством и императором было в высшей степени развито в офицерах армии Николая I. Именно под влиянием этого чувства многие из них добровольно отправились на войну в Севастополь. Среди них Н. С. Милошевич, человек уже немолодой, семейный, переживший энтузиазм и увлечения, свойственные первой молодости. На вопрос, почему он попросился в севастопольский гарнизон, ответил: «Никаких расчетов у меня не было и не могло быть; просто-напросто я был сыном своего времени, того великого времени, когда в русском обществе царил дух высокого патриотизма и народной чести. В этом отношении я нимало не выделялся из среды, в которой жили тогда, и то, что сделал я, готов был сделать каждый из моих товарищей; лично мне принадлежала лишь настойчивость в достижении намеченной цели. Чувство воинской доблести держалось вообще очень высоко в русской армии в царствование покойного Императора Николая Павловича; неравная борьба с коалицией еще более подняла это чувство, и оно то направляло носящих военный мундир в Севастополь, вопреки всяким расчетам. Если б в массе русских офицеров того времени преобладали личные расчеты, которые охватили ее через год по окончании Крымской войны, разве была бы возможна Севастопольская эпопея»¹¹. Помимо чувства патриотизма и желания жертвовать жизнью за отечество, молодыми офицерами, отправившимися в Дунайские княжества, двигал еще интерес к новым местам, возможность получить новые сильные ощущения. Безусловно, присутствовала карьерная и материальная заинтересованность. Для молодого поколения это был, прежде всего, повод отличиться, а война с Турцией, которую они не считали серьезным противником, предоставляла для того обширную арену действий. Для людей менее пылких заграничный поход был интересен удвоенным жалованьем. Были и своего рода авантюристы, которым надоедало сидеть на одном месте. Но, прежде всего, офицерами николаевской армии руководило чувство долга и чести.

По словам военных начальников, солдаты также шли на войну охотно. Старший адъютант генерала Павлова П. В. Алабин писал об отправлении 11-й пехотной дивизии, в которой он служил: «Ныне солдат вполне доволен своим настоящим: этот поход хоть век не кончайся, солдату он не надоест; он ему гораздо приятнее тех зимовых квартир, которые у нас были, например, в Полесье, в Овручском, да в Луцком уездах, где солдаты стали было хворать, а несчастные полешуки, конечно не получающие пайка, которым единственно питались наши солдаты, пухли от голода. Солдат рад радехонек, что ушел от волынской холеры, доволен, что стоит отличная, хотя жаркая погода, и может быть, ждет в будущем не-

11 Милошевич Н. С. Указ. соч. С. 1–2.

знакомому ему еще упоения битвы!»¹². Упоминание об относительно приятном для солдат дунайском походе можно встретить у старшего адъютанта генерала С. П. Бутурлина Н. Г. Залесова, который привел слова одного капитана: «И солдатикам-то не в пример вольготнее, даром что переходы верст в сорок отмахивают. Мясную порцию получают чуть не каждый день, водочку три раза в неделю пьют, учений почти никаких, а если б Бог дал амуницию поудобнее, так и горевать бы не о чем»¹³.

Одним из самых ярких моментов, о которых вспоминали молодые офицеры, безусловно, было ощущение первого в их жизни боя. Для многих из них война представлялась в романтическом свете. Они говорили о поэзии боя, о немеркнущей славе, которой они обязательно себя украсят при первой к тому возможности. «Молодежь была в восторге; боя ждали как желанного пира, как радостного праздника; старики своими рассказами о минувших подвигах еще сильнее распалили военный жар, — в таком возбужденном состоянии находился П. В. Алабин и его товарищи накануне их первого боя, — Даже между солдатами не было, казалось, человека, который бы думал об усталости, который не был бы готов отказаться от привала, столь желанного во время обыкновенных переходов и столь досадного теперь; не было человека, который не хотел бы, не останавливаясь ни на минуту, идти на недруга! ... Завтрашний день с последующими за ним рисовался пред каждым радужными красками надежды; заманчивость загадочного будущего была так велика, что никому и в голову не приходила возможность завтра, послезавтра покончить все расчеты с жизнью. Казалось, самый проникательный физиономист не нашел бы на этих одушевленных лицах ни печальной думы, ни грустной мысли. Души всех настроились близостью великих событий на такой возвышенный лад, что всякий искал, каким бы хорошим делом ознаменовать это поэтическое ожидание кровавого пира!»¹⁴. Дивизионный квартирмейстер Л. Н. Клуген, вспоминал, что мысль о возможном бое привела его в такое волнение, что он не спал всю ночь¹⁵. По свидетельству Алабина, офицеры не осознавали возможность ранения, физической боли, возможно, даже смерти, как нечто реальное. Их не пугала изнанка войны, они о ней еще не задумывались. А если и проносилась в голове мысль о ранении или смерти, то она неизбежно облекалась в те же формы восторга, как и сам бой: «Смерть в бою всегда желанна и завидна»¹⁶. Но вот желанный час настал. Ощу-

12 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 38.

13 Залесов Н. Г. Записки адъютанта // Русская старина. 1903. № 12. С. 535.

14 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 104.

15 Воспоминания о Дунайской кампании 1853–1854 годов // Военный сборник. 1873. № 1. С. 187.

16 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 91.

щения первого боя потрясли Алабина до глубины души, этот день он помнил как никакой другой; последующие более кровавые события при обороне Севастополя не оставили в нем такого яркого следа, как довольно-таки посредственное, с военной точки зрения, Ольтеницкое сражение 23 октября 1853 года. Но самое тяжелое впечатление на автора произвел перевязочный пункт, куда он был послан по своим обязанностям старшего адъютанта: «Что бой со всеми его ужасами сравнительно с этими несколькими комнатами, облитыми кровью, с мрачными лицами умирающих, озабоченными лицами врачей, едва успевающих делать операции, страдальческими лицами тех, кому их сделали, или ожидающих своей очереди с перебитой ногой или оторванной челюстью!»¹⁷. Действительно, в пылу боя, увлеченности не сразу отдаешь отчет в происходящих вокруг тебя событиях. Нервы напряжены до предела. Многие вспоминали, что в этот момент даже не всегда чувствовалась боль от полученной раны или контузии. Один из участников Альминского сражения, которого свалила с ног взрывная волна, с трудом заставил себя встать, боясь обнаружить, что у него уже нет ног. Но после боя, когда увлечение проходило, военная жизнь представляла во всей ее устрашающей наготу. Безусловно, картины человеческих страданий, осознание потери близкого, еще вчера здравствующего человека, совершали определенный нравственный переворот в душе юных воинов. Свидетельства участников показывали, что чаще поэзия войны умирала не во время первого увиденного сильного огня неприятеля, а от зрелищ последствий этого огня. Такой же новичок военного дела, как и Алабин, артиллерийский офицер А. И. Ершов, сам вызвался в Севастополь. Представляя себя будущим героем, он не думал о грозящей ему опасности: «Но в эту ночь оно было так: мало того, что я не думал о ранах, о смерти, обо всем горе, — но я не поверил бы ни во что худое для меня собственно. Даже мысль о том, что я могу быть убит завтра, в своей квартире, при первом обходе укреплений, меня не касалась. Увидеть Севастополь, примкнуть к ряду его защитников — и тотчас же быть убитым — какой вздор! Неужели для этого я ехал так долго и кончаю мой путь так весело?»¹⁸. Его встреча с войной, в отличие от Алабина, произошла не на поле брани, а около стен перевязочного пункта. Ершов из любопытства решил взглянуть на раненых, которых еще не видел. «Со мною случился нравственный переворот: меня разом оставили все радужные мечты поэзии, все одуряющие картины боя, так привлекательные вдали, от действительных ужасов войны. Мне стало жутко, больно, страшно за себя, стыдно за свою прапорщичью восторженность»¹⁹. Подобное потрясение при встре-

17 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 121.

18 Ершов А. И. Указ. соч. С. 3.

19 Там же. С. 18.

че со смертью пережил юнкер В. И. Колчак. Прибыв в Севастополь почти сразу после пасхального бомбардирования (28 марта — 7 апреля 1855 года), он застал груды мертвых тел на одном корабле. Картина уже довольно привычная для глаз гарнизона, оказала сильное впечатление на юношу: «На палубе лежали убитые на бастионах — какая-то куча окровавленных шинелей. Кое-где за бортом свешивались руки и ноги, обутые в толстые сапоги. Исхудалые, бледные лица, у некоторых израненные, запекшаяся кровь, широко раскрытые глаза, застывшие судороги жестоких предсмертных страданий... Тяжелое, ужасное настроение, и никогда не изгладится оно из памяти того, кто хоть раз его пережил!»²⁰.

Эти воспоминания можно было бы продолжать. Первая встреча с такой стороной войны, как страдание от ран и смерть, на всех производила впечатление самое тяжелое, в душе поднимался естественный страх, побороть который в себе мог не каждый. Так кондуктор морской артиллерии М. Венецкий, потрясенный картиной человеческих страданий, не мог равнодушно смотреть на госпитальные носилки²¹. Справедливости ради надо сказать, что бывали натуры не столь впечатлительные. После попытки атаки Туртукайского острова 1 марта 1854 года, ее участник армейский офицер Л. Н. Клуген пошел на батарею, служившую перевязочным пунктом, куда свозили убитых, так как раньше еще не имел возможности видеть подобного: «В некоторые мертвые лица я вглядывался пристально; но ни спокойно-величавое выражение иных, ни даже обезображенное лицо одного солдата, которому пуля пробилась череп, пройдя через затылок и разорвав нос, и которого по его особенному хрипению сначала приняли еще за живого, — ничто в этой картине не произвело на меня, против ожидания, потрясающего действия. Быть может, это было результатом сильного напряжения собственных нервов от усталости, от предыдущей бессонницы и от испытанных в огне ощущений»²².

В любом случае, первое близкое столкновение с войной срывало романтическую пелену с глаз и заставляло смотреть на военные действия более холодно и расчетливо. Положение новичка, впервые попадающего под выстрелы, иногда сравнивали «с положением человека, внезапно окачиваемого водой. Это сравнение, как по силе, так и мгновению впечатления, довольно верно»²³. Артиллерийский офицер В. П. Бабенчиков совсем юношей встретил свой первый бой 5 октября 1854 года — первую бомбардировку Севастополя. «Бой был в полном разгаре, но совершенно не соответствовал моим о нем представлениям. Я был еще очень молод; желание отличиться, сделать что-нибудь необыкновенное было во мне весьма сильно.

20 Колчак В. И. Указ. соч. С. 31.

21 Венецкий М. Война и плен. Из воспоминаний молодости. Б. м., 1858. С. 17.

22 Воспоминания о Дунайской кампании... // Военный сборник. 1873. № 2. С. 337.

23 Бабенчиков В. П. Указ. соч. С. 333.

Не раз мечтались мне корабли, подходящие к батарее с тем, чтобы ворваться в бухту Севастополя. Вот один из них, пробитый насквозь удачными выстрелами, уже тонет; другой, взорванный, взлетает на воздух; третий, полуразбитый, обращается в бегство; прочие, не смея и думать о прорыве, спешат удалиться... Не то было на самом деле»²⁴. Бабенчиков неоднократно в течение боя пытался увенчать себя славным подвигом. Но бастионный бой шел по своим правилам, и несмотря на свои попытки, автор так и не нашел способа «отличиться» и «выйти из общего уровня». «Мечты мои совершить подвиг окончательно рушились. Так разлетаются надежды пылкой юности, идеальные представления о бое»²⁵.

Насколько тяжелым был бой, настолько сладостным казался после него бивуачный отдых. Безусловно, что общее настроение лагеря зависело от результата сражения, но, независимо от того, среди людей, собравшихся у бивуачного огня, обычно царил только один дух — дух торжества жизни над смертью. «После опасности сражения и возможности смерти, после принесенных жертв самоотвержения, душевной борьбы, нравственных усилий и готовности пасть, жизнь будто вновь возвращается, все ее мелочи выказываются с их лучшей стороны и получают большую цену и прелесть»²⁶. Ночь после ольтеницкого сражения Алабин провел без сна. Последующие военные действия уже не вызывали у него столько восторга. Да и солдаты, уже побывавшие в сильном огне и видевшие его роковые последствия, вступали в новый бой не с таким увлечением, как в первый раз²⁷. Алабин, на правах опытного обстрелянного офицера, вспоминал следующий курьезный случай. Перед осадой Силистрии он познакомился с недавним выпускником Военной академии Генерального штаба Лавровым, тот восторженно ждал бой. Когда мимо них пролетела пуля, то Лавров, узнав, что это была пуля, снял фуражку и перекрестился со словами, что это его первая встреча с пулей. У Алабина этот поступок вызвал усмешку²⁸. Впоследствии своей отвагой и презрением к смерти при обороне Севастополя Лавров завоевал искреннее уважение сослуживцев. После окончания дунайской кампании дивизия Алабина была направлена в Крым. Они подошли к Севастополю 23 октября 1854 года, накануне намеченного крымским военным командованием сражения. Задействовать в нем предполагалось и дивизию Алабина. Узнав, что ему завтра предстоит бой, автор записал в своем дневнике: «Но при всем том надо сказать, что канун Ольтенецкого дела был несравненно живее и одушевленное. Моложе ли мы были целым годом или меньше

у нас теперь в душе надежды на успех, чем было ее тогда, как мы шли смахнуть врага с занятой им местности — одним веянием наших знамен, одним ударом штыка, или горький опыт виною не совсем радостного настроения нашего духа, — опыт, убедивший нас, как переменчива судьба битв и как тверды бывают препоны, воздвигаемые обстоятельствами мужеству и отваге человека»²⁹. После Инкерманского сражения 24 октября он был послан на перевязочный пункт, но картины увиденного уже не вызывали у него таких сильных эмоций, как при Ольтенице. Здесь было сочувствие страдальцам, негодование на административные беспорядки, но предыдущего ужаса уже не было: «Что же делать, такова уже судьбина битв»³⁰.

Через некоторое время Алабин был переведен в севастопольский гарнизон. Оборона Севастополя была беспрецедентным явлением в военной истории России. Первую бомбардировку города 5 октября 1854 года по мощи ее артиллерийского огня многие защитники называли «страшным судом». Н. С. Милошевич говорил об этом дне: «Книжные наши понятия о бомбардировках оказались никуда не годными. Первая бомбардировка 5 октября, по новизне своей, произвела на первых порах едва не панику между обороняющимися, и в некоторых местах матросы начали было покидать свои пушки; но скоро все осмотрелись и стали отстреливаться спокойно и самоуверенно, в особенности, когда заметили, что из неприятельской пальбы выходило более грома, чем действительного вреда собственно для артиллерийской прислуги, по той причине, что неприятельские батареи были далеко и стреляли преимущественно сплошными снарядами (ядрами), падавшими за укреплениями»³¹. Начиная с этой бомбардировки, на протяжении всей обороны Севастополя, его защитникам каждый день приходилось жить в такой близости со смертью и физической болью, что сам факт жизни гарнизона в подобной обстановке современниками приравнивался к подвигу. Начало ему положено в тот момент, когда, встретившись лицом со смертью, севастопольский гарнизон продолжил выполнять свой воинский долг. Надо сказать, что защитники так и не смогли до конца смириться с ужасом бомбардировок, каждая последующая описывалась ими в тех же тонах, что и первая. Каждую называли небывалой в истории и считали адом. Но именно 5 октября стало для жизни осажденного города своеобразным рубежом. Преодолевшие его приобрели веру в свои духовные и физические силы, которая, впоследствии, в короткое время передавалась вновь прибывающим войскам. Если и были случаи, когда матросы под градом снарядов первой бомбардировки уходили со своих позиций, то эти явления паники были единичны и вскоре преодолены. Артиллерист В. П. Бабенчиков, находясь в тот день на шестом

24 Там же. С. 335.

25 Бабенчиков В. П. Указ. соч. С. 337.

26 Лихутин М. Указ. соч. С. 109.

27 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 114.

28 Там же. С. 143.

29 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 87.

30 Там же. С. 103.

31 Милошевич Н. С. Указ. соч. СПб., 1904. С. 23.

бастионе, вспоминал, что не все характеры были настолько твердыми, чтобы, похоронив в себе всякое чувство, спокойно смотреть в глаза опасности, как бы велика она ни была. «В особенности это случается в первом бою, когда собственная неопытность и сила воображения представляют опасность в удесятеренном значении»³². Он говорил о поведении одного старика-матроса, которого все уважали, и до сих пор не было повода заподозрить его в малодушии. Он честно служил во славу Черноморского флота, но во время бомбардировки так растерялся, что бессознательно повторял: «Вот когда мы пропали!». Только после спокойной шутки юного офицера, старик, конфузясь, пошел выполнять свою работу.

Для шестого бастиона, бомбардируемого с моря неприятельскими кораблями, 5 октября был тяжелый, но увлекательный бой. «Вопрос шел не только о жизни и смерти, но о чести оружия, достоинства войска; славе отечества, — вспоминал Бабенчиков. — Неудивительно, что сердца у всех забились сильнее, кровь взволновалась, одушевление достигло высочайшей степени. Человек перестал быть человеком. Он весь превратился в увлечение. Увлечение было так велико, что орудийная прислуга для ускорения стрельбы решилась вовсе не прикрываться бруствером. Смутно сознавалось, что при такой громадной силе бруствер был ничтожною защитой. Заряжать, прикрываясь им, было бы и бесполезно, и неудобно и медленно; тогда как настояла надобность стрелять как можно скорее, чтобы быстротою стрельбы вознаградить слишком малое число орудий. Сознавалось, что если надлежало погибнуть неминуемо, то следовало погибнуть достойно и мужественно, не рассчитывая ни на прикрытие, ни на соразмерность сил, а нанося врагу возможно большее поражение в высшей степени ускоренною стрельбою из тех немногих орудий, которыми приходилось отбиваться от неприятеля. Такое сознание возникло само собою мгновенно, и также мгновенно выполнено самими солдатами, без всякого приказания или наставления. Приказать орудийной прислуге действовать, не прикрываясь бруствером, было не только невозможно, но и неблагоприятно. Точно также было невозможно и еще более неблагоприятно воспрепятствовать такой способ действия, как единственный, дающий возможность состязаться с несоразмерно сильнейшим неприятелем»³³. Но это увлечение первым боем уже через несколько дней стало проходить. Севастополь выдержал первую бомбардировку, его последующая жизнь превратилась в тяжелые однообразные будни осажденного города, когда каждый день людям приходилось выполнять одну и ту же работу, и каждый день складывать в мертвецкий угол павших. Чем дольше продолжалась осада, тем тяжелее было нравственное и физическое положение защитников. Как метко выразил-

32 Бабенчиков В. П. Указ. соч. С. 328.

33 Бабенчиков В. П. Указ. соч. С. 330–331.

ся Алабин, это было «систематическое, истомляющее нас кровопускание»³⁴. Солдаты и матросы ждали боя, а вместо этого вынуждены были сидеть за брустверами и методично направлять орудия в сторону таких же брустверов. Осадная война, в отличие от полевых сражений, была тяжелее и физически, и психологически. Переутомление, раздражение от невозможности ближнего боя, тяжелая атмосфера переполненного людьми города, душного «от бесчисленного множества гниющих нечистот, покрывающих все углы его и закоулки, все дворы, даже площади и улицы»³⁵, угроза постоянной смерти и боли — вот те немногие характерные черты осажденного Севастополя, которые мы находим в воспоминаниях участников обороны. Со временем пребывание в стенах осажденного города рождало в его защитниках равнодушие и к жизни, и к смерти. Юный офицер Ершов после нескольких месяцев в Севастополе уже не так эмоционально относился к кровавым сценам, как во время своего первого визита на перевязочный пункт: «При встрече на пути с окровавленными носилками не испытывалось уже, как бывало, — какое-то невольное неприятное, неловкое чувство, похожее весьма на страх. Теперь равнодушным взором смотрелось на подобное зрелище. Порой даже и вовсе не обращалось на это внимания; как на что-то неизбежное, как на свист пуль»³⁶. М. А. Вроченский, находившийся в составе севастопольского гарнизона с ноября 1854 года, вспоминал: «Внутреннее состояние человека в такое время не поддается анализу — утомление без меры и нервное напряжение, большею частью, приводят в состояние полного равнодушия к жизни и всему окружающему и тогда, исполняя свои обязанности, ждешь только своей очереди — или прогуляться на носилках к перевязочному пункту, или разом успокоиться навеки от всяких тревожностей житейских»³⁷. Венецкий прибыл в Севастополь в июле 1855, в осажденном городе он пробыл только два месяца, но зато какие это были месяцы! К этому времени равнодушие к военным опасностям дошло в городе до своего предела. «Все точно одеревенели, — вспоминал юнкер В. И. Колчак. — Неизбежность смертельной опасности на каждом шагу, буквально каждую секунду, в течение долгих месяцев примирила и солдат, и офицеров с окружающей их невероятной обстановкой. Как пчелы возле улья, жужжат штуцерные пули, стон стоит от беспрестанных разрывов гранат и бомб, — а тут вези порох, тащи туры, воду и прочее. Поневоле привыкли. Спокойной вереницей плетутся солдаты с пустыми котелками за кашей; тащится полуфурок на тройке заморенных непосильной работой лошадей; возвращаются на бастион с окровавленными носилка-

34 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 372.

35 Там же. С. 348.

36 Ершов А. И. Указ. соч. С. 220.

37 Вроченский М. А. Указ. соч. С. 199.

ми носильщики; медленно тянутся гуськом еще солдаты с тяжелыми мешками земли на плечах. Навстречу им попадает раненый: осколки камней и песок окровавили ему лицо, выворотили целые куски мяса и кожи, он стонет от неистовой боли. „Эк тебе портрет-то разворотило!“ — с самой добродушной усмешечкой замечает один из солдат. Кругом разом загремел дружный хохот. Души огрубели от постоянного вида самых разнообразных по жестокости смертей — от унесенного ядром живота со всеми внутренностями до мясного дождя из останков и пыль разнесенного бомбой человека»³⁸. Венецкий, недовольный своим первоначальным назначением, попросил перевести его на более активный участок военных действий. Этим поступком остались недовольны все: товарищи посчитали его выскочкой, а севастопольский начальник, как и многие севастопольцы, отдавшие свою судьбу в руки Провидения, не любил людей, которые выпрашивали назначение. Желание Венецкого было удовлетворено, и он был отправлен на самый опасный в то время участок обороны — Малахов курган. Автор искренне поразился тем людям, которых он здесь застал, он называл их богатырями, но богатство их было не у дел: «Эти располагающие лица, казалось, говорили: мы бы и рады умереть, лишь бы не даром; эти богатырские груди и плечи, казалось, не ушли бы ни от какой кровавой, беспощадной драки; но если бы это и не казалось, если бы и, действительно, были такие чувства и такие люди, они были высоки, но бесполезны. Тут надо было только хладнокровие, больше чем хладнокровие — равнодушие; тут не было неприятеля, тут были бомбы, пули, ядра»³⁹.

Защитники настолько свыклись со своим положением, с бесконечным гулом пуль и лопающихся бомб, что уже неуютно чувствовали себя в тишине. Она рождала нервную подозрительность. Многие из них вспоминали, что когда в городе наступало затишье, это наводило на всех уныние, все ждали либо новой бомбардировки, либо штурма. Инженерный офицер А. П. Орда, который накануне последнего штурма 27 августа 1855 года заведовал всеми оборонительными работами на Малаховом кургане, вспоминал: «Скажу Вам правду, что мы привыкли до такой степени к гулу орудий, что когда редкая, как теперь, например, пальба, то просто невыносимо тяжело; а как только начинает разыгрываться потеха, так и легче становиться на сердце. Тогда все мы выходим из землянок и спешим каждый на свою дистанцию полюбоваться зрелищем и работаем, как чернорабочие под огнем»⁴⁰. Возможно, один из участников обороны был прав, когда говорил, что именно усиленная работа под огнем отвлекала солдат и моряков, не давала им времени думать и бояться, и тем делала их совершенно хладнокровными.

38 Колчак В. И. Указ. соч. С. 66.

39 Венецкий М. Указ. соч. С. 125–126.

40 Орда А. П. Письмо севастопольца // Русская старина. 1893. № 12. С. 613.

Понятие о чести офицера русской императорской армии складывалось из нескольких компонентов, главными из которых были личная преданность императору и самопожертвование во имя блага отечества. Офицер считал для себя недопустимым быть заподозренным в отсутствии этих качеств, равно как и личной отваги. Флигель-адъютант В. И. Ден, со стыдом вспоминал свою первую встречу с бомбой, с которой познакомился во время своего пребывания в Одессе в 1854 году: «При этом я впервые испытал к своему горю ... что значит кланяться неприятельским снарядам. В то самое время как в воздухе разрывало гранаты, над моей головой пролетел испуганный голубь, и от его полета по светлой каменной лестнице, ярко освещенной солнцем, промелькнула тень, — все это произвело на меня впечатление как будто над самой головой у меня разорвало бомбу — и я поклонился ... Никогда не забуду этого мгновения; оно сейчас же сменилось другим, в которое я успел отдать отчет впечатления и почувствовал, не смотря на мое совершенное одиночество, что я покраснел, что мне стыдно!... Но спрашивается — стыдно чего? Самого естественного чувства самосохранения. Но оттого и ценится храбрость — что она составляет торжество над самым натуральным инстинктивным чувством; так рассуждая, я дал себе слово наблюдать за собой, впрочем, не допуская и мысли, чтобы я мог оказаться трусом»⁴¹. Упомянутое автором словосочетание «кланяться пулям», своего рода военный жаргон, постоянно звучало в воспоминаниях участников. Вполне естественный страх за собственную жизнь, который испытал Владимир Иванович Ден, «поклонившись» снаряду, рассматривался везде как непозволительная слабость и подвергался в офицерской среде общему порицанию. Хотя не каждый, однажды уже обстрелянный воин, мог преодолеть свой внутренний страх. Инженерный офицер К. Д. Хлебников, служивший на Дунае при штабе главнокомандующего, вспоминал, как трудно привыкал он к неприятельским снарядам при осаде Силистрии: «Мало помалу и я привык к пулям и гранатам и замечал, что если я нахожусь перед войсками или вообще не один, я в силах не наклоняться перед пулями и способен мыслить и вести себя совершенно прилично; когда же случалось ночью проходить по обстреливаемому пространству одному, то я невольно бросался из стороны в сторону при каждом снаряде»⁴².

В исторической литературе довольно много написано о мужестве и бесстрашии, прежде всего, морских начальников, об их влиянии на подчиненных и других окружающих. Эти сюжеты не нуждаются в пересказе. Можно добавить, что многие армейские участники обороны Севастополя с обидой вспоминали, что, действуя на рав-

41 Ден В. И. Записки Владимира Ивановича Дена. На Крымском полуострове // Русская старина. 1890. Т. 65. С. 559.

42 Хлебников К. Д. Записки // Русский архив. 1907. Кн. 1. № 3. С. 430.

ных с морскими офицерами, оставались незаслуженно забываемы командованием. Так, например, Вроченский упоминал, что слава обороны Севастополя первого периода полностью доставалась черноморцам, только они получали высшую военную награду — орден Святого Георгия, из сухопутных офицеров в то время его получили только пять артиллерийских генералов. Как бы там ни было, демонстрируемое старшими офицерами пренебрежение к смертельной опасности, положительно действовало на молодых, еще не обстрелянных воинов: «Согласитесь, что такое презрение к смерти сильно действовало на наше молодое воображение. Всякий из нас, хотя и чувствовал инстинктивный страх, но никто никогда не показал бы его, боясь прослыть трусом»⁴³. Под влиянием участников первых дней обороны Севастополя в осажденном городе сформировалось особое «общественное мнение». Оно действовало как строгий судья в оценке воинской доблести. Тон ему задавали не только офицеры, но и нижние чины. Обыкновенно, считалось малодушием погибать при звуке летящего снаряда. На рассказ одного из новичков в севастопольском гарнизоне своим более опытным товарищам, о том, что ему пришлось сегодня «кланяться пулям», прозвучал следующий ответ: «Ты вероятно перестанешь кивать головою, а о том, что кивал, никому не рассказывай; здесь в Севастополе это не принято»⁴⁴. Об этом явлении севастопольской жизни также вспоминал Алабин: «Здесь общественное мнение не издевается над тем только, кто ищет спасения от бомбы: все, даже прославленные храбрцы, бросаются на землю, если бомба падает от них в нескольких шагах или даже саженьях. Так скорее можно спастись от осколков»⁴⁵. Принципиальной была позиция П. С. Нахимова, он не только сам рисковал жизнью под неприятельским огнем, но и требовал того же от своих подчиненных. Подобные примеры оказывали сильное впечатление на нижние чины. Среди севастопольского гарнизона стало развиваться не просто хладнокровие и равнодушие к смерти, а показываться черты полного пренебрежения к ней, переходящие в дерзость и лихачество. Последнее порой некоторыми осуждалось. Так, например, морской офицер В. П. Бабенчиков считал, что подобное «бестолковое удалство» ни к чему не приводило, кроме как к потере жизни. Тем не менее, и такое поведение солдат и матросов, в свою очередь, положительно влияло на молодых офицеров, которые, не могли позволить себе проявить слабость в присутствии подчиненных⁴⁶. Майор Н. С. Лягушинский вспоминал: «Первое впечатление летающих мимо и над головою пуль и артиллерийских снарядов было такое неприятное, что я невольно съеживался и ки-

43 Никифоров Д. И. Указ. соч. С. 33.

44 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 138.

45 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 521.

46 Там же.

вал головой; но вид солдат, уже хорошо обстрелянных, меня скоро отрезвил, заставил прийти в себя и исполнять свою обязанность, не обращая внимания на пули и другие снаряды»⁴⁷. Но действие примера было необходимо только в первое время. Все без исключения вспоминали, что «в боевую жизнь Севастополя скоро втягиваешься, скоро сродняешься с нею: убитые, раненые, оглушающий, непрерывный гул пушечной и ружейной стрельбы не производил особого впечатления на обитателей бастионов»⁴⁸.

Новичок военного дела, который оказывался в стенах Севастополя, первое время сильно терялся. Офицеры вспоминали, что как ни пытался такой человек скрыть внутренний страх и волнение, оно все равно бросалось в глаза более опытных сослуживцев. Вот что вспоминал Алабин о своей первой ночи в Севастополе: «Совершенно новая открылась мне жизнь, полная неиспытанных доселе ощущений: жизнь ежеминутного ожидания смерти, постоянной душевной тревоги; конечно, через день, через два, эта тревога пройдет, как прошла у здешних жителей. Особенно для меня была тяжела первая севастопольская ночь. Обыкновенно сплю как убитый; а тут первый раз в жизни пришлось спать под неприятельскими снарядами! ... Воля ваша, господа, а первая ночь подобного рода заставит каждого смертного испытать сильные ощущения. Товарищ мой Клейнгауз тоже не трусливого десятка человек, а и в нем с непривычки сердце екало. Вот летит со стоном и визгом какой-то снаряд над нашей крышей, так и кажется — заденет за нее и ее развалинами прикроет и нас... И вскочим мы оба, внезапно проснувшись, и окликнем друг друга, будто по команде: „Слышите?“ — «Слышу, батюшка, эк ее ревет!». Посмеемся друг над другом и опять засыпаем, на несколько мгновений, чтобы вновь проснуться при пролете первого за тем снаряда. А между тем за перегородкою старуха, прислужница убежавших хозяев нашего дома, храпит во всю ивановскую со своим девятилетним сынишкой, не обращая ни малейшего внимания на близкий перелет снарядов, на смерть ежеминутно грозящую, которая тревожит наши сердца — людей закаленных в огне сражений, не раз уже видевших смерть над головою своею и под ногами. Живое доказательство, что стоит нам пожить здесь несколько деньков, переночевать несколько ночей, и нас та только разве бомба разбудит, которая разметет наше жилище»⁴⁹. У более опытных офицеров первые шаги на севастопольской земле не вызывали такого волнения. Н. С. Милошевич, участник венгерской кампании 1849 года, вспоминал, что поначалу вел себя крайне бесстрашно: «В первое время, например, я с увлечением отдавался штурцерной стрельбе и смело расхаживал по банкету в обычной то-

47 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 137.

48 Меньков П. К. Указ. соч. С. 333.

49 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 160–161.

гда форме, т. е. без сюртука, не понимая, что белизна белья служила отличною целью неприятельским стрелкам, вследствие чего около меня особенно часто летали пули. Когда мне разъяснили все это, я круто перешел к осторожности и заботливо перестал выставляться под выстрелы»⁵⁰. Истинное же бесстрашие в нем, как и в других участниках севастопольской обороны, родилось только со временем, под действием привычки к постоянной опасности. «Потому ли, что с дальнейшим развитием опасности, оберегание себя казалось бесполезною и смешною заботою; потому ли, что самая жизнь теряла всякую привлекательность, но только мысль об опасности не входила уже в помыслы, — писал Милошевич. — И не есть ли этот процесс общий для человеческой натуры; по крайней мере — не кроется ли в нем объяснение той несомненной истины, что в деле войны один обстрелянный стоит многих необстрелянных»⁵¹. Со временем большинство участников обороны приходило к выводу о бесполезности и бессмысленности лихачества. «Здесь, в Севастополе, начнешь играть со смертью, дразнить ее, так сейчас доиграешься. Зачем же без всякой пользы губить себя. Смертью своею никого здесь не удивишь. К ее торжеству все привыкли. Умереть — здесь дело весьма обыкновенное», — записал в своем дневнике Алабин в августе 1855 года⁵². Он же писал: «Раны, смерть, увечье товарища перестали производить впечатление на оставшихся невредимыми... Здешняя жизнь со всеми ее ужасными подробностями сделалась для нас обыкновенною жизнью»⁵³. Это привело к развитию между участниками севастопольской обороны фатализма. Считали, что от пули не спрячешься, и что кому суждено умереть в постели, того не убьют и в сражении. Севастопольцы определяли себе разный жребий: кто-то твердо решал, что не уйдет с этой земли живым, и демонстрировал храбрость и равнодушие к смерти, кто-то уже отчаивался выжить, но основная масса просто хладнокровно выполняла свой воинский долг, без лишнего лихачества, но с готовностью к самопожертвованию. Армия и флот знали, что согласно приказу императора от 6 декабря 1854 года каждый месяц их службы в Севастополе им засчитают за год. «Севастопольская опытность, — писал В. П. Бабенчиков, — научила меня ответить на два вопроса, совершенно противоположные: „как совершать подвиг и где найти наиболее безопасное место в бою“. Несмотря на кажущуюся противоположность таких вопросов, на основании приобретенной опытности я отвечал бы почти одно и то же. Совершить подвиг, значит добросовестно выполнить свою обязанность, быть именно там, где кто поставлен, сделать все, что представляется возможным, по мере сил

⁵⁰ Милошевич Н. С. Указ. соч. С. 6.

⁵¹ Там же. С. 7.

⁵² Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 504.

⁵³ Там же. С. 236.

крайнего разумения, спокойной твердости и стойкости. Чтобы наиболее обезопасить себя в бою, следует держаться именно своего места, нести свою прямую обязанность, спокойно глядеть на всякую опасность и благоразумно отклонять ее, никогда и нигде не утрачивая необходимой твердости. В таком случае поражают только те снаряды или пули, которые попадают собственно в тот пункт, где находишься; а это весьма редкая случайность, несколько вершков выше головы вправо или влево от нее делают уже их безвредными. Это особенно справедливо для артиллеристов на батареях и пехотинцах обороняющихся, в большинстве случаев прикрытых от прямого поражения бруствером или траверсами. Не то бывает с ищущими безопасности: от боевых линий их поражает все, даже и не прямо направленное в них: осколки Бог весть где разорванной бомбы; камни стены, за которую они думали укрыться; шальная пуля; снаряд на излете, отраженный в сторону каким либо местным препятствием и попадающий туда, где его никак не ожидали; наконец, простое действие пороховой силы и дыма, от разрыва бомбы в тесном пространстве подвала или погребка, губящее сразу всех находящихся в нем; убивает даже самая сырость этих, по-видимому, укрывающих от смерти, подвалов и погребков, производящая холеру и другие заражения»⁵⁴. В подтверждение своих слов автор привел довольно курьезный пример: «При бомбардировании Константиновской батареи, цирюльник, желавший спастись от нее в отхожем месте, находящемся в подвальном этаже, на стороне совершенно противоположной бомбардировке, со входом, изогнутым многими зигзагами, был настигнут ядром, отражавшимся по зигзагам от стены в стену. Ему оторвало ноги. Это заставило бывших с ним укрыться сквозь дыры ватерклозета, рискуя утонуть в зловонной жидкости. Но если неизбежно умереть, то не лучше ли, не честнее ли умирать с врагом лицом к лицу, как в битве следует бойцу?»⁵⁵.

Известно, что многие севастопольские защитники не обращались за медицинской помощью в случае легких ранений и контузий. Такое поведение стало считаться не только обычным, но и должным: «Наши офицеры и солдаты честно исполняли свою обязанность: с легкими ранами и контузиями они не ходили даже на перевязочный пункт, и очень часто случалось видеть защитников Севастополя на бастионах с обвязанными головами, с рукою на перевязи. Поручик нашего полка, Воронеж, был на бастионе с перевязанной головой, а один юнкер стоял на банкете даже без руки. Случалось видеть защитников и на костылях»⁵⁶. Здесь так же играло свою роль особое общественное мнение, которое оказывало сильное влияние на характер поведения войск в гарнизоне. Идти на перевязоч-

⁵⁴ Бабенчиков В. П. Указ. соч. С. 359.

⁵⁵ Там же. С. 360.

⁵⁶ Корвин-Павловский И. Из воспоминаний севастопольца. В. м., 1871. С. 304.

ный пункт с легкой раной, было не принято и даже молчаливо осуждаемо товарищами по оружию. Храбрость воина здесь измерялась, в том числе, пренебрежением к ранам и контузиям: «Юркевич, пользовавшийся уважением сослуживцев, был уже несколько раз контужен, но свято исполнял свой долг — долг честного солдата, отстаивающего достоинство своего народа и, подобно многим другим храбрым офицерам, не был даже на перевязочном пункте»⁵⁷. Многие офицеры считали своим долгом оставаться на боевом посту, несмотря на полученные травмы, и потому скрывали от всех свои болезненные ощущения. «Разумеется от синяков, контузий и легких ран нельзя было уберечься, равно как и от земли, которая, обваливаясь с брустверов и траверсов, засыпала зачастую. Но пока силы позволяли, до последней своей раны, я оставался на бастионе»⁵⁸. Только близко знавшие Павла Степановича Нахимова были свидетелями страданий, причиненных ему контузией. Правда вскрылась уже после смертельного ранения адмирала, когда врачи увидели посиневшую от контузии спину. Но надо сказать, что контузии вообще не рассматривались как серьезные повреждения. О точном определении понятия контузии врачи еще долго спорили после Крымской войны. Тогда же и офицеры, и солдаты в общей своей массе игнорировали ее: «Контужены были многие из нас, но контузиям не придавалось значения, никто не обращался к докторам, так и ходили с синяками, опухольями и ссадинами на теле, сила молодости была лучшим лекарством»⁵⁹. Подобно офицерам, неохотно отправлялись на перевязку и нижние чины. Ершов вспоминал, как при нем ранило осколком бомбы в плечо артиллериста, на ободряющие слова Ершова тот ответил: «Ох, ваше благородие!... Божья воля на все! Многим и вам довольны. Ай, братцы! Смерть тошно идти-ть во шпиталь; и, — продолжал рассказ мемуарист, — горькие слезы, собственно от печали разлуки, заструились по суровому лицу. Русский солдат, вообще, неохотно отправляется в лазарет: при малейшей возможности, всегда предпочитали оставаться при своей части»⁶⁰. Число легкораненых и контуженных, оставшихся в строю, всегда было значительно. Меньков считал одной из причин подобного поведения нижних чинов денежное поощрение: «Всем легко раненым и контуженным нижним чинам, состоящим во фронте, давалось до трех рублей серебром. Не чувствуя сгоряча боли и имея в виду денежную приманку, многие нижние чины оставались во фронте. Но дальнейший ход раны или контузии, постоянное изнурение, отсутствие сна и покоя в самое короткое время вынуждали их оставить бастионы»⁶¹. Как бы

57 Там же. С. 302.

58 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 32.

59 Вроченский М. А. Указ. соч. С. 118.

60 Ершов А. И. Указ. соч. С. 50.

61 Меньков П. К. Указ. соч. С. 353.

там ни было, в одном он точно был прав: воины которые игнорировали полученные ими повреждения (раны и контузии) чаще всего за это расплачивались. Ершов вспоминал свой разговор с солдатом об ополченцах: «Ничего, ваше благородие, — говорил пехотинец, — ополченный, известно, человек свежий, он недавно сюда пришел, на свободе прогуливался. Нашему-то брату... тепереча трех фунтов хлеба не съест, а тому-то пяти мало! Нашего заденет, так на перевязку и тащись; а того два-три раза хватит и нипочем! Вот что, народ свежий!»⁶². Ершов писал, что слова солдата подтверждались его изнуренным лицом: «От тревоги, передвижений, бессонных ночей, ежечасной опасности, люди теряли аппетит»⁶³. Со временем организм людей, изнуренных физически и психологически, со следами не вылеченных ран и контузий, практически не поддавался лечению. Самые легкие раны принимали смертельный исход, такие люди чаще умирали от гангрены («антонова огня») и тифозных лихорадок. Морской врач М. Г. Лашкевич такое очевидное ухудшение в лечении ранений к концу обороны приписывал возможному действию хлороформа или неприятельских бомб, начиненных ядовитыми газами, полагая, что у противника было такое оружие, в действительности не существовавшее⁶⁴.

Безусловно, многие обращались за медицинской помощью, хотя чаще всего это были люди с такими повреждениями, которые игнорировать было трудно. Многие из них, получив первоначальную помощь, при первых признаках улучшения самочувствия старались быстрее вернуться к службе. Недолеченные раны и контузии так же через некоторое время сказывались на здоровье. Д. И. Никифоров вспоминал про последствия «маленького казуса», который произошел с ним в начале его боевой службы в Севастополе. Он был контужен осколками разбившегося камня в голову и позвоночник: «Доктор наложил мне холодные компрессы, и пролежав часть ночи в лазаретной палатке, к утру я был на коне. Спустя слишком шесть месяцев, контузия дала о себе знать. Я пролежал шесть недель в симферопольском госпитале, потом лечился на квартире и после операции остался одноглазым и одноухим»⁶⁵. Помимо этого автор упоминал, что остаточным следствием контузии явились также сильные нарывы на шее, которые беспокоили его и через 50 лет после Крымской кампании. Другого севастопольца после контузии осколком бомбы в грудь на перевязочный пункт принесли без сознания. «Грудная боль, кровохаркание и обморочное состояние побудили медиков отправить меня в госпиталь на Северную сторону. Оттуда через два дня, я отправлен был на подводе, в числе прочих

62 Ершов А. И. Указ. соч. С. 265

63 Там же.

64 Лашкевич М. Г., Розенбергер К. О. Указ. соч. С. 41, 43.

65 Никифоров Д. И. Указ. соч. С. 26.

раненых офицеров, в один из симферопольских госпиталей. В 3 недели я получил некоторое облегчение, и хотя чувствовал себя далеко еще не окрепшим и здоровым, — однако упросил медиков выписать меня из госпиталя. Тут желание участвовать в обороне взяло вверх над физической слабостью. По выписке, я на другой день уехал в Севастополь. Неполное излечение оставило пожизненный отпечаток на моем здоровье»⁶⁶. Офицер Н. С. Лягушинский был два раза контужен в ногу, но оба раза при первых признаках улучшения возвращался на службу. Вторая контузия тяжелее переносилась автором, что на фоне общего физического и морального истощения организма не было удивительным: «Дня через три мне сделалось легче и я упросил, чтобы меня перенесли на мою квартиру, где, пролежав дней пять, я начал чувствовать себя лучше, отчего и решился продолжать ходить на службу. В сущности же я уже до самого конца осады не мог окончательно поправиться. Нельзя сказать, чтобы контузии эти были тому исключительно причиной; они помогли только общему расстройству; нервы мои никогда негодились от постоянно наэлектризованного положения и напряженного состояния; к тому же меня посетила еще лихорадка. Товарищи, видя что я хожу как тень, советовали мне отправиться в госпиталь, но я никого не хотел слушать и в продолжение целого августа месяца день ходил на службу, а другой день лежал»⁶⁷. Автор до последнего штурма оставался в Севастополе, но через некоторое время по окончании Крымской войны должен был оставить военную службу по причине сильной болезненности. Надо сказать, что большинство выживших в «севастопольской бойне» сильно надломило свое здоровье. Среди них подпоручик В. В. Безобразов, который был несколько раз ранен и контужен, но севастопольскую землю он покинул только при общем отступлении. Это сильно сказалось на его физическом здоровье: «Куда девалась его юношеская красота, его живость?! Не имея еще тридцати лет от роду, Безобразов казался уже стариком. Постоянные страдания головы и ревматические боли не давали ему дня покоя, но страдания физические были бессильны сломить его нравственную природу»⁶⁸. С началом русско-турецкой войны в 1877 года он смог добиться назначения в действующую армию. Здесь он был смертельно ранен. «Итак, В. В. Безобразов в две войны получил девять высочайших наград, но, с тем вместе, в первую из этих войн он получил и разрушение здоровья, источник 24-летних постоянных страданий, преждевременную седину, преждевременную старость, а во вторую войну получил смерть»⁶⁹. Сила молодости, стремление достойно выполнить

66 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 49.

67 Там же. С. 170.

68 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 736.

69 Там же. С. 737.

свой воинский долг понуждали многих участников обороны игнорировать полученные ими повреждения. Чаще всего, последствия несвоевременного обращения за медицинской помощью давали о себе знать, когда военные действия были уже позади.

Но были и другие причины, почему воинские чины неохотно шли на перевязочный пункт и еще более неохотно в госпиталь. Вера в силу медицины была невысока, врачей боялись, а госпитали считали источником заразы. Как известно, в Крыму с приездом Н. И. Пирогова в качестве анестезирующего средства стало широко практиковаться применение хлороформа. Он и до этого был в распоряжении военных врачей, но многие к нему относились как к вредному нововведению, к тому же, не всегда он был в достаточном количестве. Армейский врач Ульрихсон писал, что до приезда в Севастополь Пирогова большая часть операций в сухопутных госпиталях производилась без хлороформа, «по случаю ничтожного его количества, положенного по аптечному каталогу»⁷⁰. Но и при Пирогове не всякая операция производилась с применением хлороформа. Сестра Крестовоздвиженской общины Е. М. Бакунина указывала, что обезболивание применялось только в тех случаях, когда была полная уверенность, что сердце оперируемого вынесет действие хлороформа. Таким образом, самые тяжелые ранения и как следствие самые болезненные операции проходили как обычно, то есть без какой-либо анестезии. Без хлороформа проводили операции пожилым воинам. Такая осторожность была неслучайной, обезболивание только вводилось в медицинскую практику, действие эфиров было не до конца изучено. Екатерина Михайловна вспоминала, что один пациент умер от применения хлороформа, хотя операция предстояла несерьезная, ранен был большой палец на ноге. Еще более подозрительны к хлороформу были пациенты. Юнкер С. Гунаропуло писал о своем товарище Гусакове, которому прострелили ногу и врачи сказали, что необходимо ее тотчас ампутировать: «Гусаков на это согласился, но решительно отказался хлороформироваться; просил только, чтобы во время операции ему позволили курить. В это время приехал Корнилов с контр-адмиралом Истоминым. Корнилов был страшно взволнован, ... когда доктора объявили ему, что больному нужно сделать операцию, благополучный исход которой требует совершенного спокойствия оперируемого, то адмирал упрасивал Гусакова не сопротивляться желанию докторов; но увещания его не подействовали, и Гусаков остался при прежнем своем решении»⁷¹. Операция прошла благополучно, и моряк скоро поправился. Офицер П. И. Степанов, бессменный ординарец С. А. Хрулева во время обороны Севастополя, писал: «Случаи, что раненые отвергали хлороформ, были

70 Ульрихсон. Тяжелые дни Севастопольского военно-временного госпиталя во время осады 1854–1855 гг. СПб., 1890. С. 38.

71 Гунаропуло С. Воспоминания старого моряка. СПб., 1903. С. 20.

не редки, особенно между матросами»⁷². Но уже через некоторое время войны, убедившись в безвредности «сонных капель» (как они прозвали хлороформ) сами просили об обезболивании. Так, например, поступил полковник Ф. Плющинский, когда его с тяжелыми ранениями принесли на перевязочный пункт: «Не смею описывать происходившего на перевязочном пункте, скажу только, что отдав на произвол медиков мою левую руку, я просил спасти правую и скорее хлороформировать меня, чтобы не видеть и не слышать происходившего вокруг меня, раздиравшего мне душу»⁷³. Обезболивание постепенно стало необходимой процедурой, невозможность его применения в отдельных случаях вызывала у большинства докторов сожаление. Но несмотря на это достижение отечественной военной хирургии, нужно признать, что медицинская помощь того времени была довольно болезненной. Развитие поражающего действия боевого оружия опережало развитие медицинской науки. Раздробление кости чаще всего приводило к ампутациям и резекциям. Николай Иванович Пирогов пытался противопоставить этим распространенным операциям метод так называемой сберегательной хирургии, реализуемый с помощью наложения на поврежденный член гипсовой повязки. Но приготовление гипсового раствора занимало некоторое время, так что в условиях большого наплыва больных и необходимости срочных операций, гипсовая повязка не всегда была пригодна. В результате руки и ноги резались практически в том же количестве, что и раньше. Это являлось основной причиной, по которой боялись перевязочных пунктов и госпиталей. Унтер-офицер П. И. Степанов вспоминал такой случай: «При входе в лазарет делался страшный шум; прибежавши туда мы увидели, что красивый ратник с простреленной кистью руки упирается в дверях, „не пойду“, — кричит он, «там рубят ноги (он видел в окошко операцию), мне рука нужна, чем же я отплачу врагу за руку». С трудом убедили мы его сделать перевязку, обещая, что ему без надобности не отрежут руку; в самом деле, можно было обойтись, но надо было вынуть пулю, завязнувшую между костей. Он попросил у нас папироску и без хлороформа, хладнокровно выдержал операцию. Когда она кончилась, он только спросил: «А что, скоро мне можно туда, рассчитывать с проклятым французом?»⁷⁴. Из-за боязни врачей и госпиталей среди войск было распространено самолечение. Н. В. Берг, служивший переводчиком при штабе князя М. Д. Горчакова, главнокомандующего Дунайской, а впоследствии и Крымской армии, вспоминал о ранении в голову матроса Бадюка. Пуля прошла по чере-

72 Степанов П. И. Севастопольские записки... // Военный сборник. 1905. № 10. С. 47.

73 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 338.

74 Степанов П. И. Севастопольские записки... // Военный сборник. 1905. № 10. С. 47.

пу, ото лба до затылка, разрезав кожу до кости. Матроса отнесли на перевязочный пункт, сделали перевязку и он, в тот же день, стал опять проситься на бастион. «Да куда ты там годишься? Ты едва жив!» — сказали ему. «Нет уж, пустите, заставьте за себя Богу молиться!» Его отпустили, и он больше не являлся; лечил голову какими-то своими притираниями, как говорится «травкой-фуфоркой» и рана закрылась без всяких последствий»⁷⁵. Распространение самолечения в этот период неудивительно. Так, например, контузии врачи лечили в основном кровопусканием, пиявками, банками, иногда прописывали мази. При лечении холеры доктора активно использовали обвертывание в холодные простыни, лихорадки лечили растительным препаратом — хинином. При поносах давали отвар риса и гречки, в качестве общеукрепляющих средств прописывали кисель и чай с сахаром. Потому при несложных контузиях и ранениях, войны предпочитали лечиться самостоятельно, а не в госпиталях и лазаретах, где боялись заразиться гангреной, которая в условиях отсутствия антисептики и асептики была явлением распространенным. Так, майор Н. С. Лягушинский свою первую контузию в ногу вылечил в домашних условиях: «Доктор осмотрел ногу и сказал мне: „Кости целы, но нужно поставить сейчас же пиявки или банки, после чего иметь несколько дней спокойствия; почему не угодно ли вам будет остаться здесь“. Я поблагодарил доктора, но на перевязочном пункте оставаться не хотел, а отправился домой, куда впрочем, еле, еле дошел. Дома привел в исполнение совет доктора и через несколько дней выздоровел»⁷⁶. Потому в одних случаях раненые бойцы терпели и не обращались за медицинской помощью, в других лечились сами. «А вот ... ежели, оборони Бог, руку, али, там, ногу отхватит, ну тогда шабаш! Лечи дохтур»⁷⁷, — рассуждали они.

Атмосфера госпиталей и перевязочных пунктов на всех действовала одинаково удручающе. Участники севастопольской обороны в своих воспоминаниях рисовали картины самых разнообразных страданий, сосредоточенные лица врачей, груды отрезанных человеческих рук и ног по углам. При этом мемуаристы с особенным удовольствием отмечали наличие чувства собственного достоинства и выдержки у раненых офицеров и нижних чинов. Прежде всего, этим отличались опытные обстрелянные солдаты, еще чаще морские чины. Хрестоматийным стал сюжет, рассказанный доктором Х. Я. Гюббенетом о моряке, который сидя в госпитальном зале рядом с собственной оторванной бомбой ногой, преспокойно достал из сапога этой ноги табак и закурил. Возможно, многие из подобных явлений были результатом болевого шока, однако такие примеры положительно влияли на других раненых, «отстраняя пово-

75 Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя. Т. 1. М., 1858. С. 229.

76 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 169.

77 Ершов А. И. Указ. соч. С. 217.

ды к унынию»⁷⁸. Майор Н. С. Лягушинский, сильно контуженный в ногу, вспоминал, как поразило его спокойствие одного оперируемого на перевязочном пункте: «Этот пункт в Севастополе, начиная с весны, почти каждый день был люден; когда я пришел, на длинных невысоких столах лежало несколько человек в ожидании отнятия членов; между тем около одного офицера хлопотали доктора, отрезывая ему руку выше локтя. Офицер этот был немолодой, с длинными усами, полный, выглядывал таким здоровяком, при этом курил папироску и не издавал ни одной жалобы, как будто бы не ему делали операцию, тогда как другие раненые в ожидании ее стонали; в особенности же кричали и жаловались приносимые при мне, когда их укладывали на столы»⁷⁹. Конечно, многие не могли перешагнуть свой болевой порог и скрыть физические страдания. Притом, доктора не очень оптимистически смотрели на раненых, которые при ампутациях молчали, ибо считали, что такие редко выздоравливали.

О стойкости морских чинов обычно вспоминали в контрасте с ополченцами: «Но скоро и ополченцев стали приносить к нам ранеными, и они как-то совсем падали духом; стоны и крики их были ужасны! Вот флотские — те были терпеливее и тверже и лучше переносили и раны, и операции. Армейских по терпению и твердости можно считать серединой; но и между ними были очень твердые и терпеливые»⁸⁰. Алабин вспоминал, что прибывших ополченцев не сразу посылали в севастопольский гарнизон. «Они на Северной переносят раненых с шаланд в госпитали, содержат караулы, работают при постройке укреплений и тем приносят большую пользу, освободив от этих работ многих старых боевых солдат, которых поневоле приходилось привлекать к названным занятиям. Осмотрятся, прислушаются к канонаде, да к стонам человеческих страданий, тогда только поведут их на ту бойню, что зовут Севастополь»⁸¹. Это мало помогало. По общим воспоминаниям, ополченцы хуже переносили физические мучения. «Перевязочный пункт 5 бастиона помещался в казематированной башне его горжи (на половину разрушенной неприятельскими выстрелами) и оглашался стонами ополченцев; солдаты же обстрелянных полков и в особенности матросы стоически переносили физические страдания от ран»⁸².

Быть убитым, то есть умереть на поле боя или при исполнении своего долга на бастионах осажденного города, считалось более желанным жребием, чем умереть от ран в госпитале. «Убитый воин в наиболее опозитизированный момент земной своей жизни, в мо-

мент полного восторга и увлечения, внезапно переносится в другой, светлый мир нескончаемого райского блаженства, — писал П. В. Алабин. — Тоска о покидаемом; ужас пути, пред ним в это мгновение разверстого, едва успели сложиться в один звук, прощальный стон, вопль жизни — и человек уже там, в той лучезарной сфере, которая доступна только избранныкам Божиим. Не завидная ли доля?»⁸³. Князь Д. Святополк-Мирский был пулей ранен в грудь при сражении на Черной реке 4 августа 1855 года. Он вспоминал, что был так увлечен боем, что совсем не думал об опасности и ее возможных последствиях. Первые его мысли при ранении были: «А вот об этом-то и позабыл»⁸⁴. Он нашел в себе силы передать начальство старшему по чину и самостоятельно отправиться на перевязочный пункт. По пути силы стали оставлять его, и он, добравшись до разрушенной каменной ограда — относительно спокойного места, прилег там в ожидании помощи носильщиков. В какое-то мгновение ему показалось, что из раны при выдохе вырвался воздух, и он решил, что это смерть, которую приготовился принять с надлежащей воином стойкостью: «За стенкою, где я лег, было покойнее, я был уверен, что тут мне и суждено умереть, но мысль эта не возбуждала во мне ни страха, ни сожаления, смерть представлялась прекращением страданий и желанным успокоением»⁸⁵. Уже практически без сознания князь был доставлен на главный перевязочный пункт, где доктор поспешно вынул пулю и продемонстрировал ее раненому. С этого момента в нем снова проснулась надежда на жизнь. Его отнесли в госпитальную палатку, где проснувшаяся жажда к жизни сделала его более беспокойным и чувствительным к страданиям. В какой-то момент князь неаккуратно повернулся и сломал кровать: «Мною овладело отчаяние, — мысль, что могу умереть не от раны, а от того, что сломалась кровать, была мне невыносимой. С тех пор как доктор показал мне пулю, вырезанную из моей спины, в моем душевном настроении сделался совершенный переворот. До того я ожидал смерти с покойным смирением, — но вид вынутой пули возбудил желание и надежду сохранить жизнь и уверенность, что она может быть сохранена»⁸⁶. Надежда не обманула Д. Святополк-Мирского, в конце концов он выздоровел. Но долгая борьба раненого со смертью могла оказаться и безнадёжной. Смертельно раненый лейтенант Август Карлович Комстадиус писал письма своей семье из госпитальных палаток бельбекского лагеря. Из них мы узнаем, что автор лежал в палате с еще двумя тяжелоранеными офицерами, остальные же раненые морские чины были отправлены в Николаев. В письмах Август Карлович брави-

78 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 165.

79 Там же. С. 168.

80 Бакунина Е. М. Указ. соч. С. 170.

81 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 483.

82 Милошевич Н. С. Указ. соч. С. 72.

83 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 91.

84 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 396.

85 Там же. С. 397.

86 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 401.

ровал своим терпением при перевязках и описывал страдания товарищей по госпитальной палате. В их выздоровлении он сомневался, но в своем был поначалу уверен. Однако время проходило, а долгожданного улучшения не наступало. Он писал, насколько ярким казался ему окружающий мир, и как хотелось жить: «Утром я выходил на балкон. Как приятно взглянуть на природу. Я нахожу прелесть в каждом листке. Теперь только я вижу, как я люблю жизнь и как дорога она для человека»⁸⁷. В его письмах запечатлены все мучительные тревоги умирающего человека: упорство в исполнении врачебных предписаний, надежда на выздоровление и в тоже время первые попытки смирения с неизбежной смертью. В последнем письме от 15 сентября 1855 года в его переживаниях нашлось место утешению в религиозном чувстве и сознанию исполненного долга: «Вчера после причастия мне все утро было так легко, так покойно; вечером я надеялся на выздоровление, потому что доктор вынул из раны кусочек лигатуры, которая была причиной раздражения в ране и лихорадки, но ночью опять был сильным пароксизм. Мне невыносимо тяжело, жду со смирением последней минуты. Молитесь за меня, ваша молитва спасет меня. Не тревожьте себя горем, я счастлив мыслью, что умираю за много любимое мною отечество. Вы вправе сказать, что сыновья ваши умерли, как следует умирать в эту тяжелую пору русскому, и что любовь их к отечеству была им внушена вами. Да поддержит вас и поможет вам Господь!»⁸⁸. Через два дня, 17 сентября 1855 года Август Карлович умер.

Вид умерших, как и сам факт погребения, угнетающе действовал на дух войск. Клуген вспоминал о расположении его отряда под Силистрией: «Место для лагеря было удобное и все расположились бы как следует, если бы левому флангу не мешали вырытые ямы, из которых одна была весьма почтенных размеров. На вопрос: для чего понарыты ямы, получился ответ: для умерших в госпитале и для помещения ампутированных рук и ног. Сейчас же приказано, без дальнейших рассуждений, зарыть эти ямы, чтобы не производить на войска, идущие на усиление осаждающих, неблагоприятного впечатления»⁸⁹. Чтобы избежать уныния в войсках и распространения вредных «миазмов», убитых старались быстрее похоронить, и чем дальше от лагеря войск, тем лучше. При этом войсковые начальники старались соблюдать определенные похоронные ритуалы: на могилах обыкновенно ставились кресты, при захоронении присутствовали войсковые священники, погребение производилось, как правило, в гробах. Алабин вспоминал, с каким вниманием и сочувствием отнеслась его дивизия к погребению павших

87 Комстадиус А. К. Осажденный Севастополь в письмах убитого офицера 1853–1855 гг. СПб., 1890. С. 103.

88 Там же. С. 105.

89 Воспоминания о Дунайской кампании... // Военный сборник. 1873. № 2. С. 401.

товарищей после Ольтенецкого сражения: «Убитые в этом сражении вечером другого дня с воинской почестью преданы земле у перевязочного пункта в Новой Ольтенице. Окрестные жители не забудут солдатской могилы и в отдаленные времена будут указывать место, где почуют кости храбрых. Мы насыпали на этом священном для всякого русского, для всякого православного, месте большой курган, обсадили его деревьями и, по состоявшейся подписке между офицерами и нижними чинами отряда, на собранные деньги ставим на этом кургане надгробный памятник. С тем же, чтоб товарищи наши, убитые в этом сражении, независимо от тех молитв, какими церковь наша, в известные дни, поминает всех воинов, во брани живот свой положивших, пользовались особым вечным предстательством у престола Божья местной церкви, мы делаем, по этой же подписке, в Ольтеницкую православную церковь значительный вклад, ежегодно, в день 23 октября, совершать на могиле наших товарищей панихиду»⁹⁰.

В Севастополе соблюдение традиционных похоронных ритуалов было не всегда возможно. Многие защитники признавались, что самыми тяжелыми впечатлениями обороны остались бесконечные транспорты с умершими. Хоронили их в окрестностях Севастополя, чаще на Северной стороне, куда они доставлялись на шаландах. «Убитых на Южной стороне свозили обыкновенно в фурштатских телегах на Николаевский мысок; убитых в Корабельной — на Павловский. Здесь они лежали навзничь, на спине, без всякого порядка, большая часть в своей кровавой одежде: в рубашке, или в шинели; а иные и в чистом белье, надетом на них товарищами, и со свечою в руке, принесенною теми же товарищами, — вспоминал Н. В. Берг. — Можно было заметить, что у иных пальцы сложились знаменем креста ... Православные люди, солдаты и матросы, подходя к покойникам, грустно и молча смотрели им в лицо и крестились. Почти не произносилось никакого слова на мертвом мыске. Да и к чему было говорить, когда и так, само собою, все рассказывалось этими безмолвными трупами, каждый день прибывавшими более и более. Иного мертвеца уже не показывали: свернуто было что-то такое в шинели, и шинель была зашита»⁹¹. Мемуаристы писали, о том тягостном впечатлении, которая оказывала на защитников Севастополя погребальная музыка, сопровождавшая похоронные процессии: «Тогда ходил слух, что несколько офицеров умерли в одном госпитале, в городе, слыша поминутно под окнами похоронный марш. ... Кроме того, похоронные звуки не редко мешались со звуками полек и мазурок, гремевших на Маленьком бульваре, и это было странно и неприятно»⁹². Возможно, по этим причинам

90 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 126.

91 Берг Н. В. Указ. соч. С. 129.

92 Там же. С. 132.

похоронная музыка на некоторое время была запрещена. «Впоследствии погребальную музыку разрешили опять; но тогда уже не играли на бульваре ничего»⁹³.

Солдаты погребались в братских могилах. «Братские могилы, куда складывались тела павших за веру и отечество борцов, копались огромные. В них складывалось человек по 50 и более. Покойники погребались в одном белье, без сапог. Их клали головами к краям могилы, а ногами друг к другу. Положив десять человек, их засыпали сперва известью, а потом небольшим слоем земли. На этот слой клался второй ряд, снова засыпался известью и землею, затем третий, четвертый и пятый, поверх которого насыпался большой холм... Хоронили по родам войск. В одном отделении ютились артиллеристы, в другом моряки, в третьем саперы и инженеры, а самое большое отделение занимала пехота»⁹⁴. Такое раздельное захоронение не всегда было возможно. Часто количество умерших было так велико, что их едва успевали хоронить. И тогда уже не было времени выяснять, ни род войск, ни имен павших. «Многие раненые умерли, не сделав известными своих имен ни медицинскому, ни госпитальному начальству, и их хоронили, не зная не только кого хоронят, но часто не зная даже к какому полку или команде принадлежал умерший, потому что во время дела многих доставили в госпиталь даже без верхней одежды, которую, при торопливости медиков перевязочного пункта, разрывали на части на раненом, чтобы скорее обнажить пораженное место и остановить кровотечение, либо сделать ампутацию»⁹⁵.

«В гробах хоронили только офицеров; гроба эти были в большинстве случаев розовые, с серебряными крестами»⁹⁶. Нижних чинов в гробах хоронили редко: «Роскошь эта доступна была немногим, оставлявшим после себя деньги. Впрочем, в Севастополе встречались между солдатами обладавшие капиталами в несколько десятков полуимпериалов, которые скоплялись от проданной добычи, от обобранных убитых неприятелей и т. п., — вспоминал Н. С. Милошевич. — Богачи солдаты обыкновенно готовились к погребению близ Артиллерийской бухты (за Николаевской батареей), где устроена была убогая часовня и находился небольшой запас гробов, саванов, восковых свечей. Похоронное братство, устроившее это, состояло из матросов, и к нему-то обращались родные или друзья покойника, желавшие похоронить его «по-христиански»⁹⁷. Чаще всего это были матросские семьи, которые практически до последнего штурма отказывались покидать город. Потому могилы моря-

ков выделялись среди прочих своей ухоженностью. В целом севастопольское общество настолько привыкло к картинам смерти, что обыкновенно уважительное отношение к покойникам среди войск стало ослабевать. Смерть превратилась в будничное явление, что повлекло за собой и будничное к ней отношение, иногда доходившее до цинизма. Были случаи обирания мертвых. Один из севастопольских офицеров со стыдом вспоминал о том, как французский офицер, принимая своих убитых, возмущенно указывал ему на раздетые и обобранные тела. Степанов вспоминал: «Перенося мертвых, носильщики не упускали случая снять с них сапоги и через»⁹⁸. Через — это была подвязка под коленкой, которую русские солдаты употребляли для хранения своих ценностей.

Для Крымской войны характерны были не только значительные по тем временам боевые потери, но и сильное развитие среди войск эпидемических болезней. Многим пришлось погибнуть не от пули неприятеля на поле брани, а от тифа и поноса в госпитальных стенах. Надо сказать, что медицинские потери в русских войсках были значительны в то время. П. А. Зайончковский указывал, что за период правления Николая I в армии умерло от болезней 1 062 839 человек. По расчетам историка, «из пяти пришедших на службу солдат двое умирали»⁹⁹. Причинами этого являлись довольно примитивные средства лечения, которыми располагала медицинская наука того периода, а также общее недоверие в среде военного командования к труду зависимого от них медицинского персонала и к военной медицине. Было распространено мнение, что «заболевших в полку стало много с тех пор, как расплодилось в нем много медиков; что Суворов не знал их и потому побеждал; что армия не армия, если ее нежить и сажать на лекарства; что люди хворают от бездействия, а главное, что медики не лечат, а морят солдат; что больные только и остаются в живых, пока не попадут в их руки, и что медики небезопасны для духа армии своим вольнодумством»¹⁰⁰. При этом штаб-лекарь Азовского пехотного полка А. А. Генрици, вспоминал, что когда медицинская помощь требовалась офицерам, они были более щепетильны: «В пехоте командиры не верили в действительность медицины и гигиены для солдат, хотя сами не отказывались лечиться в случае болезни и требовали от своего медика весьма заботливого и нежного ухода»¹⁰¹. Сами врачи развитие болезненности в войсках чаще всего объясняли действием неблагоприятного для здоровья климата, тесным и неудоб-

93 Там же.

94 Валуева (Мунт) А. П. Указ. соч. С. 82.

95 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 135.

96 Валуева (Мунт) А. П. Указ. соч. С. 83.

97 Милошевич Н. С. Указ. соч. С. 66.

98 Степанов П. И. Севастопольские записки... // Военный сборник. 1905. № 6. С. 51.

99 Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 115.

100 Генрици А. А. Указ. соч. С. 312.

101 Там же. С. 331.

ным размещением воинских чинов. Потому военным командованием и медицинской администрацией особое внимание уделялось изучению местности и климата страны, в которой предполагалось расквартирование войск. В 1853 году войскам было известно, какие опасности таил в себе поход в Дунайские княжества. Алабин вспоминал, что больше всего в войсках боялись эпидемии холеры и чумы, особенно последней, к которой испытывали почти что средневековый страх: «Холера-то еще ничего, старая знакомка, с нею мы уже сдружились и обжились. Свежо еще в памяти, как она косила нашу братию в Польше в 1848, в Венгрии в 1849 годах; не говорю уже о давно забытых подвигах индийской гостыи, сопровождавших ее появление у нас в 1830-х годах. Но вот от чего иногда болезненно сжимается наше сердце: это — от возможности встретиться с чумою, если пойдем в Турцию, — писал П. В. Алабин. — Страшен этот неотразимый враг и потому, что нет исцеления заболевшему, и еще более потому, что не успеют вполне проявиться в тебе роковые признаки болезни, как уже покидает и с ужасом бежит от тебя и друг, и брат, и товарищ! Страшен потому, что убежит от тебя и бросит на произвол судьбы жена, любовница, сестра, разве не убежит от тебя одно только существо — мать! Мгновенно на твое чело будто положат печать отвержения; все тебя покинут и только толпа мортусов в их ужасных костюмах, кожаных масках, рукавицах, вымазанных дегтем, будто демоны схватят тебя крючьями и молча потащат в преддверие ада — в чумной госпиталь! Но буде що буде, говорят хохлы, а буде то, що Бог даст!»¹⁰². Такой страх перед заразными болезнями был вполне оправдан. Военные медики порой сами признавали свое бессилие при лечении подобных болезней. Та же холера поддавалась лечению только на самых ранних стадиях развития. Алабин действительно боялся заразиться, но не только потому, что его пугала перспектива умереть в чумном госпитале. Смерть от болезни была привычной в глазах воинских чинов, она не производила на них особого впечатления, и как всякая привычка не вызывала особого страха. Но если в мирное время такая смерть принималась как вполне естественная, со смирением религиозного человека перед уготованным ему жребием, то во время войны отношение к ней менялось. Умереть от тифа или поноса, в то время как товарищи по оружию завоевывали себе славную память в потомстве на поле боя, в глазах офицерства было и бесславно, и в высшей степени обидно. Такое отношение к болезни выразилось в приказе по армии главнокомандующего М. Д. Горчакова. «С самого вступления нашего в Придунайские княжества, где, как известно, чрезвычайное обилие всяких овощей и фруктов, потребление которых в значительном количестве людьми, к ним непривычными, может быть губительно, наше высшее начальство обра-

102 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 2. М., 1890. С. 13.

тило на этот предмет строжайшее внимание»¹⁰³. Горчаков запретил «употребление в пищу как овощей в сыром виде, так и плодов»¹⁰⁴, и призвал войска одуматься, объясняя, что глупо и стыдно жертвовать своею жизнью, нужною отечеству, из-за какой-нибудь дыни или арбуза! Опасения Алабина по поводу возможного распространения в войсках эпидемических болезней не оправдались. В отличие от англо-французской армии, медицинская ситуация в русских войсках во время их пребывания в Дунайских княжествах оставалась, в целом, благополучной. За этот период в Дунайской армии, по данным генерал-штаб-доктора этой армии Н. Я. Чернобаева, умерло от ран и болезней 13 947 человек¹⁰⁵. Отношение умерших к числу больных здесь было следующее: в лазаретах — 1:13, в военно-временных госпиталях — 1:18, в постоянных госпиталях — 1:9,5. Если учитывать, что соотношение умерших и общего числа заболевших, которое признавалось высшим военным командованием допустимым в войсках, равнялось 1:12¹⁰⁶, то можно сказать, что смертность от ран и болезней в русской армии во время дунайского похода была невысока.

Но в Крыму медицинская ситуация не была столь благоприятной. В результате опоздания мероприятий высшего военного командования по организации медицинской помощи войскам Крымской армии и неожиданно больших боевых потерь на этом театре военных действий, среди войск стали развиваться эпидемические болезни, прежде всего тифозные лихорадки. По данным исследователей Н. Соловьева и Н. Стефановского, за все время осады Севастополя от ран умерло 15 820 человек¹⁰⁷, от болезней — 80 689 человек¹⁰⁸, всего — 96 509 человек. Отношение умерших от ран к умершим от болезней было 1:5. Участники обороны на себе прочувствовали, что значит крымские лихорадки, которые, как правило, принимали тифозный характер. Многочисленные рассказы о недостатках крымских госпиталей, где доктора и смотрители наживаются за счет больных, которые лежат в кровавом белье на червивых тюфяках с неперевязанными ранами, еще более усиливали страх в войсках перед госпи-

103 Там же. С. 85.

104 Там же.

105 Чернобаев Н. Я. Годовая ведомость о числе больных воинских чинов в военно-временных госпиталях, сформированных для войск Южной армии, равно в госпиталях постоянных в районе этих войск находящихся, с 1.11 1853 г. по 1.11 1854 г. // Военно-медицинский журнал. 1857. Т. 70. Военно-медицинская статистика.

106 Кручек-Голубов В. С., Кульбин Н. И. Исторический очерк развития и деятельности военно-медицинского ведомства в царствование императора Николая I // Столетие Военного министерства. 1908. Т. 8. Ч. 2. С. 159.

107 Соловьев Н., Стефановский Н. Очерки санитарного состояния Крымской армии в кампанию 1854–1856 гг. Вып. 3 С. 39.

108 Там же. С. 45.

талями и болезнями. Подпоручик В. В. Безобразов вспоминал, что, служа на четвертом бастионе в самое опасное время (в первый период осады Севастополя неприятельский огонь был сосредоточен в основном против этого бастиона), более всего боялся заболеть: «И все мои героические фантазии, все блестящие надежды лопнут, как мыльные пузыри, в убийственной атмосфере какого-либо госпиталя!»¹⁰⁹. Больным сострадали, но в городе, где со временем даже смерть от оружия стала явлением будничным, на них не обращали внимания. В воспоминаниях участников только один раз встретилось упоминание о славной смерти больного. Речь шла о графе М. М. Виельгорском-Матюшкине, который был послан в Крым «для оказания помощи раненым, больным и нуждающимся и принятия и распределения пожертвований, изобильно притекавших, по призыву Государыни, со всех, иногда самых отдаленных уголков нашего Отечества»¹¹⁰. Денежное вознаграждение воинов за жертвы, понесенные перед отечеством, не было явлением исключительным в императорской России. Но под этими патриотическими жертвами военным и гражданским сообществом традиционно понимались ранение и смерть от неприятельского оружия. Потому основная доля пожертвований распределялась между ранеными и семьями убитых. Чиновник по особым поручениям, состоящий при канцелярии Морского министерства, статский советник Б. П. Мансуров, который был направлен в Крым для раздачи денежного пособия раненым морским чинам, вскоре попросил разрешения помогать также и больным, которым общественное мнение уделяло значительно меньше внимания. По мнению Мансурова, это было несправедливо: «Мое поручение относится исключительно до раненых, и потому на больных я обращать внимания не могу: между тем весьма часто поражает меня разница, между моряком, получающим легкую рану, удерживающую его в госпитале неделю или две, и таким же может быть храбрецом, которого пули и ядра пощадили, а лихорадка и тиф поставили на край смерти. Не далее как в офицерском госпитале подле лейтенанта князя Путятина, у кого пуля оторвала сережку уха, лежит страдающий тифозною горячкою офицер, заболевший на бастионе; одному я обязан выдать по желанию пособие, а у другого могу только спросить о положении здоровья, тогда как быть может, он пролежит месяца два и беднее других»¹¹¹. Безусловно, то же самое видел Виельгорский-Матюшкин. Со временем больным он стал оказывать не меньшую заботу, чем раненым. Постепенно в глазах медицинского администратора смылась разница между страданиями от пуль или от тифа, но в глазах обществен-

109 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 731.

110 Таборовский А. О. Когда и где положено основание общества Красного креста // Русская старина. 1889. Т. 63. № 7. С. 191.

111 ГА РФ. Ф. 722 (Мраморного дворца). Оп. 1. Д. 214. Л. 36 об.

ного мнения, в том числе севастопольского, она продолжала быть сильной. В одном из симферопольских госпиталей граф заразился тифом и, несмотря на усилия врачей, в скором времени умер. Его смерть от тифозной лихорадки один из севастопольцев назвал завидной, как и смерть любого человека, который до конца исполнил свой гражданский долг.

Но, конечно, не все относились с пренебрежением к болезни, а госпитали не всегда вызвали невольное чувство страха. Порой в них отправлялись отдохнуть от военных действий. Участники рассказывали, что тяжелая севастопольская атмосфера постепенно истощала их нравственные и физические силы. Бледное лицо, впалые воспаленные глаза, общая худоба — таков был характерный облик севастопольцев к концу осады. Некоторых буквально насильно выпроваживали из города под предлогом выдumanной болезни, опасаясь, что в случае ее действительного появления, организм человека с ней не справится. За городом, вдали от военной суеты и шума, утомленные защитники быстро приходили в себя. «Свежий воздух, зелень и тень, веселые, беззаботные лица, места, где не было слышно непрерывной пальбы, стона раненых и умирающих — все это в одни сутки воскресило полубольного», — вспоминал П. К. Меньков о своем пребывании в бельбекском лагере¹¹². Но надо сказать, что не все достойно пользовались возможностью такого «отпуска». В медицинских мемуарах упоминались слухи, что некоторые офицеры отсиживались в госпиталях за казенный счет, хотя были вполне здоровы. Не всегда подобные слухи были беспочвенны. Гусарский поручик И. Дунин-Карвицкий, вспоминая о крымской кампании, говорил о своем друге, который, не желая участвовать в военных действиях, пытался уйти в отставку по болезни, хотя сам был совершенно здоров: «Потом он должен был подать рапорт о болезни и зачислиться в главный военный госпиталь в Одессе, чтобы легче добиться отставки, действительно им полученной, хотя и с трудом, перед заключением мира. Я виделся с ним еще довольно часто в Одессе, куда вскоре прибыл весь полк; я навещал его там в госпитале, где он вынужден был жить, дорого оплачивая свою относительную свободу»¹¹³. Один симферопольский врач сам был свидетелем, как офицер с перевязанной правой рукой усердно крестился левой, тем не менее, в пылу забывчивости давал громкую затрещину своему денщику правой¹¹⁴. Подобные случаи заставили главнокомандующего обратить на этот предмет особое внимание: «Усмотрев, что под благовидными предложениями множе-

112 Меньков П. К. Указ. соч. С. 368.

113 Дунин-Карвицкий И. Воспоминания офицера, служившего во время крымской кампании в лейб-гусарском Павлоградском Его Величества Императора Александра II полку. Киев, 1902. С. 106.

114 Л-ский И. Указ. соч. С. 261.

ство офицеров убираются из Севастополя, князь Горчаков решительно воспретил выезжать офицерам из Севастополя для лечения, без особого в действительной необходимости этого выезда засвидетельствования доктора, — писал П. В. Алабин. — В таком же роде последовал приказ по гарнизону и относительно нижних чинов, которых, в случае необходимости оставить Севастополь по болезни, предписано присылать для освидетельствования на центральный перевязочный пункт, где им будет выдаваться особый билет, с которым они, через посредство жандармского офицера, будут препровождены из Севастополя»¹¹⁵.

Южная часть Севастополя была оставлена по общему приказу от 27 августа 1856 года. Защитники уходили из Севастополя и с тяжелым чувством, и одновременно с радостным оттого, что они выжили. «Действительно, в говоре людей слышалось более радости, чем грусти, — вспоминал священник Петропавловской севастопольской церкви А. Г. Лебединцев. — Слышались и слова сожаления о пролитой крови, о павших товарищах. Суетились и кричали об оставших людях или забытых, нужных вещах. Но всяк видимо ускорял шаги от бывшей беды и шел как бы на верный отдых»¹¹⁶. Алабин вспоминал, что при отступлении в нем больше говорило чувство национального унижения, стыда за честь русского мундира. Но чем дальше автор уходил от Севастополя, тем меньше его терзали тягостные мысли, и тем больше хотелось погрузиться в мир и покой семейного уюта. Его опубликованный дневник кончался фразой: «О, как сладостно возвращаться с продолжительной войны и знать, что есть на белом свете существа, которым дорого твое существование, которые ждут тебя»¹¹⁷. Пережившие оборону севастопольцы еще долго помнили войну. В своих воспоминаниях они рассказывали, как трудно было уснуть первое время в тишине и как порой они просыпались ночью от кошмаров военных картин. Один из участников вспоминал про свои послевоенные впечатления: «В госпитале через две недели я начал оправляться; доктор разрешил мне выйти пройтись. Помнится, я шел тихо, о чем-то задумавшись; улица была не людная, проезжающих никого не было и никто не нарушал тишины; между тем на противоположной стороне улицы, позади меня, из переулка вышла дама в шелковом платье. Шелест этого платья напомнил мне полет бомбы, когда она, поднимаясь на высоту и вертясь около оси, делает поворот дуги, чтобы падать. Я вздрогнул и оглянулся. Узнавши в чем дело, сконфузился за свою слабость, и пошел обратно в госпиталь»¹¹⁸. Такие ощущения испытывали многие из бывших защитников Сева-

115 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 427.

116 Лебединцев А. Г. Письма протоирея Арсения Лебединцева. Киев, 1896. С. 144.

117 Алабин П. В. Указ. соч. Ч. 3. М., 1891. С. 692.

118 Сборник рукописей... Т. 1. СПб., 1872. С. 175.

стополя: дуновение ветра, полет птицы они еще долго принимали за свист пуль и бомб.

Николаевские войска, воспитанные в духе патриотизма и самопожертвования во имя России, отправляясь на предполагаемую войну с Турцией в 1853 году, в целом, готовы были в очередной раз продемонстрировать всему миру силу русского оружия. Физические и нравственные тяготы военных действий, как и прежде, преодолевались усиленной деятельностью, «воинственным настроением духа ... долгом присяги и чести и строгим сознанием своей важной обязанности»¹¹⁹. Однако осадная война в Крыму с войсками и флотом коалиции потребовала беспрецедентного напряжения человека-воина.

Оборона Севастополя вышла за рамки традиционных представлений военного сообщества того времени о войне. Севастопольскую кампанию в определенной степени можно считать прообразом мировых войн XX столетия. Союзниками было выпущено 1 350 000 снарядов, русской стороной за все время обороны — 1 027 000. «Цифры эти будут превзойдены лишь шестьдесят лет спустя (и при совершенно иной технике) под Верденом», — отмечал А. А. Керсновский¹²⁰. Крымский театр военных действий принес русской армии около 81 247 раненых и контуженных, 40 548 убитых и умерших от ран¹²¹. В результате войны практически прекратил свое существование Черноморский флот. Из 25 000 морских чинов, находившихся на службе в Севастополе во время войны, было убито и умерло от ран около 16 000¹²². Даже самые высокие патриотические чувства, профессиональный опыт и закалка, повышая боевой дух, были не в состоянии устранить естественный предел человеческих нравственных и физических сил. К концу обороны, по воспоминаниям участников, общее переутомление гарнизонных войск дошло до крайности. Люди теряли аппетит, почти не переносили отсутствие многочасового сна в течение суток (засыпали они даже под гул артиллерийского огня), легкие ранения стали сопровождаться тяжелыми осложнениями. Новая по возросшей разрушительной мощи оружия война, в целом, предъявила повышенные требования к военному командованию по рациональному расходованию запаса моральных и физических сил личного состава войск. Довольно примитивная тогда еще система медицинской помощи не справлялась с задачей лечения организма, подорванного беспримерным напряжением. Залогом успешного лечения в то время считалось свободное размещение больных и устранение причин,

119 Из дневника... // Библиотека для чтения. 1856. № 9. С. 24.

120 Керсновский А. А. История русской армии. Т. 2. М., 1993. С. 145.

121 Стефановский Н., Соловьев Н. Указ. соч. Вып. 3. С. 39, 47.

122 Ляшук П. М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг. Симферополь, 2005. С. 6.

нарушающих их душевное спокойствие. Но специфика крымского театра военных действий не позволяла этого достигнуть. В результате распространение эпидемий в госпиталях, переполненных ранеными, носило характер вполне закономерный. Предотвратить их медицина того времени была не в состоянии. Выжившие благодаря умению свыкнуться с обыденностью военной жизни осажденного города и развить в себе хладнокровие при исполнении служебного долга участники обороны еще долго, а чаще до конца своей жизни, обречены были испытывать негативные последствия войны на своем здоровье.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барметтлер Рето (Reto Barmettler) — научный сотрудник Университета Лозанны (Швейцария)

Бибиков Григорий Николаевич — аспирант исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Иванов Дмитрий Николаевич — соискатель аспирантуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Кёремезли Ибрахим (İbrahim Köremezli) — аспирант факультета международных отношений (Центр российских исследований) Билькентского университета (Анкара, Турция)

Кондратенко Роберт Владимирович — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Кривопалов Алексей Алексеевич — аспирант исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Кухарук Александр Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Черниговского государственного института права и социальных технологий (Украина)

Ляшук Павел Михайлович — ведущий научный сотрудник Музея героической обороны и освобождения Севастополя (Севастополь, Украина)

Меннинг Брюс В. (Bruce W. Menning) — доктор истории, профессор Командно-штабного колледжа Сухопутных войск США (Форт Ливенворт, Канзас, США)

Наумова Юлия Александровна — аспирантка исторического факультета Московского государственного университета (Москва)

Петровский-Штерн Йоханан (Yohanan Petrovsky-Shtern) — профессор отделения истории Центра еврейских исследований Северо-Западного университета (Чикаго, США)

Рахимов Рамиль Насибуллович — кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения Башкирского государственного университета (Уфа)

Смолин Николай Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского государственного университета культуры и искусств (Москва)

Эдельман Ольга Валериановна — кандидат исторических наук, сотрудник Государственного архива Российской Федерации (Москва)

Яченихин Константин Михайлович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории Черниговского государственного педагогического университета имени Т. Г. Шевченко (Украина)

СВОД СОДЕРЖАНИЯ «РУССКИХ СБОРНИКОВ» (I–VII)

I — Русский Сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. Том I. / Ред.-сост. М. А. Колеров, О. Р. Айрапетов, Пол Чейсти. М., 2004.

II — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том II. / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2006.

III — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том III. / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2006.

IV — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том IV. / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2007.

V — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том V. / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2008.

VI — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том VI. / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2009.

VII — Русский Сборник: Исследования по истории России. Том VII: **Восная политика императора Николая I** / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М., 2009.

* * *

Ваагн Аглян. О формировании Армянского корпуса (1917–1918). VI
О. Р. Айрапетов. Контекст одной пропагандистской акции 1914 года. I

О. Айрапетов: М. М. Блиев. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. II

О. Р. Айрапетов: К. Б. Назаренко. «Мозг» флота России от Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006. V

О. Р. Айрапетов: В. В. Поликарпов. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. VI

А. И. Акманов. Законодательные инициативы и нормативные акты о землевладении башкирских общин в XIX — начале XX вв. I

В. Аюбян: М. А. Колеров. Без СССР: «Ближнее зарубежье» новой России и «задний двор» США. М., 2008. VI

Ю. Г. Алексеев. Кампания 1480 г. II

Ю. Г. Алексеев. Первая Свейская война 1495–1497 гг. V

Рето Барметтлер. Жомини и русско-турецкая война 1828–1829 гг.: фрагмент биографии. VI

Г. Н. Бибиков: Clive Emsley. Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe. Oxford, 1999; Gendarmerie, État et société au XIXe siècle. Paris, 2002. VI

Г. Н. Бибиков. Инструкция жандармам 1827 года по контролю за набором рекрутов. VII

К. Г. Боленко. Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего (1799–1804). IV

Ю. Борисёнок: Antoni A. Kamiński. Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michaiła Bakunina. Wrocław, 2004. II

Ю. Борисёнок: К. В. Никифоров. Самопровозглашенные государства на территории бывшей Югославии. М., 2005. III

Д. С. Брыков. Русско-шведские отношения в период первой мировой войны: военно-политический аспект (1914 — февраль 1917). V

Джон Буинелл. Борьба за невесту: Крестьянские свадьбы в Рязанском уезде 1690-х гг. II

Ю. Викторов: Переяславська рада 1654 року: Історіографія та дослідження. К., 2003. II

Ф. А. Гайда: А. Б. Николаев. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. IV

Ф. А. Гайда: А. С. Карцов. Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX века (князь В. П. Мещерский). СПб., 2004. V

Ф. А. Гайда: А. И. Солженицын. Размышления над Февральской революцией. М., 2007. VI

А. В. Ганин. Вожди антибольшевистского движения оренбургского казачества в Николаевской Академии Генерального штаба, 1901–1914 гг.: опыт историко-психологического исследования. I

А. В. Ганин. Оренбургские казаки в борьбе с революционным движением в Поволжье и на Урале в 1905–1908 гг. III

А. В. Ганин. Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916–1917 гг. V

М. М. Гершзон. Министерство культуры СССР в 1953–1963 гг. VI

А. А. Горчаков. Вступление России в ВТО: влияние на наукоемкий сектор экономики. III

Мирослав Даниш. Словаки и Россия: политические концепции и планы в 1900–1917 гг. III

Д. М. Демурин. Русско-английское соглашение 1907 года и противостояние России и Великобритании в Персии накануне Первой мировой войны. V

Далибор Денда. Русские беженцы в югославской армии, 1919–1941: к вопросу о деятельности русской эмиграции в Югославии. VI

И. Добрикович: Горан Милорадовић. Карантин за идеје. Јогори за изолацију «сумњивих елемената» у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца 1919–1922. Београд, 2004. II

Александр Дюков. Советские репрессии против прибалтийских коллаборационистов Гитлера: новые документы (1943–1946). V

Е. Евсеева: Симон Кордонский. Кристалл и кисель: e-мейлы и статьи 1989–2000. М., 2002. III

А. Ю. Ермолов. Состояние производственной базы наркомата танковой промышленности и проблема модернизации выпускаемой наркоматом продукции в 1942–1944 годах. I

С. Е. Заславский: Paul Chaisty. Legislative Politics and Economic Power in Russia. Oxford, 2006. V

В. Зотов: Ф. Ангели. Гагаузская автономия. Люди и факты (1989–2005 гг.). Кишинев, 2006. V

В. Зотов: Фундамент Великой Молдовы. Как рождается новая национальная идеология. Кишинёв; Одесса, 2008. VI

Д. Н. Иванов. Черноморский флот и турецко-египетский конфликт во второй половине 1830-х годов. VII

К. В. Иванов. Дальний Восток в русской военной печати конца XIX — начала XX века. VI

Э. К. Илизбегова. Проблемы трудовой миграции в Киргизии (данные 2006 года). V

Мирослав Йованович. Идея лихорадочная и дугая: манифест «Михаила Александровича» (Один несостоявшийся эпизод гражданской войны). I

Мирослав Йованович. Сербия (Югославия) между большевиками и белыми генералами, или о дипломатическом признании Колчака. II

Ю. В. Казанова. Русская военно-инструкторская миссия в Македонии: формирование и начало работы. (Из истории реализации Мюрцштегской программы). VI

К. Казенин: С. Х. Хотко. Очерки истории черкесов от эпохи киммерийцев до Кавказской войны. СПб., 2001. II

В. Н. Казимиров. Мир Карабаху (наброски к анатомии урегулирования). II, VI

В. Б. Каширин. Агентура полковника Б. А. Семенова (из истории деятельности русской военной разведки в Румынии в годы Первой мировой войны). I

В. Б. Каширин. Неотвращенная катастрофа союзника: Борьба на Балканском фронте в 1914–1915 гг. в суждениях русского военного агента при сербской Верховной Команде. III

В. Б. Каширин: Е. В. Ключин. Юго-Западная Кавказская республика: Очерк политической истории. СПб., 2002. IV

Катриона Келли. Лаборатория по выработке рабочих писателей: стенгазета, «культурность» и политический язык в ранний советский период. I

Катриона Келли. «Спасибо за замечательную книгу»: советские читатели и организация детского чтения в 1950–1975 гг. V

Ибрагим Кёремезли. Турецкая оборона на Дунайском театре военных действий (1853–1854). VII

Ким Ен-Су. Русские военные инструкторы в Корее и корейская армия. II

А. А. Колеватов. Организация и развертывание Слободско-Украинских военных поселений в 1817–1832 гг. I

М. А. Колеров. Политическое дежавю оппозиции: голод 1921-го как голод 1891 года. I

М. Колеров: П. Полански. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания Библиотеки имени Гамильтона Гавайского университета. М., 2002. I

М. А. Колеров. Непризнанные государства бывш. СССР в контексте Балкан и Черноморского региона: Тезисы к постановке проблемы. II

М. Колеров: Стивен Коэн. Можно ли было реформировать советскую систему? М., 2005. III

М. Колеров: История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950: Собрание документов в 7-ми томах. М., 2004–2005. IV

М. К. Капитуляция перед Зюгановым: инициатива 13-ти предпринимателей в зеркале русских СМИ (1996). IV

М. А. Колеров: Артур Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. V

М. А. Колеров. На пути к лояльности: «Декларация трудовой интеллигенции» (1920). VI

А. А. Комзолова. Просвещение Юго-Западной Руси: письма П. А. Безсонова к князю В. А. Черкасскому (1864). IV

Р. В. Кондратенко. К вопросу о военных портах России на Тихом океане в XVIII–XIX веках. VI

Р. В. Кондратенко. К вопросу о регулировании корабельного состава Балтийского флота во второй четверти XIX века. VII

Юрий Коргунюк. Становление партийной системы в современной России. Эпизод первый: от однопартийной системы к флуктуационной (1989–1991). IV

Ю. Г. Коргунюк: В. Л. Шейнис. Взлёт и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985–1993). М., 2005; А. В. Шубин. Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989). М., 2006. IV

Б. Косарев: В. В. Дудихин, О. В. Дудихин. Конкурентная разведка в интернет. М., 2004. III

В. Косик: М. Йованович. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. IV

В. В. Крестьянников. Белая контрразведка в Крыму в гражданскую войну. I

В. В. Крестьянников. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе. III

А. А. Кривошалов: Frederick W. Kagan. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N. Y., 1999. IV

А. А. Кривошалов. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич и проблема стратегии России в Восточной войне 1853–1856 гг. VII

А. С. Кручинин. Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918). I

А. С. Кручинин. Генерал А. И. Деникин и атаман Г. М. Семенов — оппоненты или единомышленники? («оборончество» и «пораженчество»). III

Роберт Крюс. Империя и конфессиональное государство: Ислам и религиозная политика Российской империи в XIX веке. II

А. В. Кухарук. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е гг. VII

Антти Куяла. Финские «реформы» российского правительства и противоречия внутри правящей элиты, 1908–1914. II

М. В. Лескинен: Два лика России. Образ России как фундамент финской идентичности / Под ред. Тимо Вихавайнена. СПб., 2007. VI

Доминик Ливен. Россия и наполеоновские войны: первые мысли новичка. IV

Н. В. Лукина. От «книг для народа» к очеркам непосредственных наблюдателей: русские авторы о Сербии и сербах в конце XIX — начале XX в. IV

П. М. Ляшук. Загадка генерала Мак-Магона (Эпизод из истории обороны Севастополя, 1854–1855). II

П. М. Ляшук. Строевые офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг. VII

Дэвид Мак-Ларен Мак-Дональд. Размышления о понятии «глушь»: провинция, государство и дворянство в России. V

О. В. Маринин. Николай I в Москве: По неопубликованным воспоминаниям А. Х. Бенкендорфа. VI

Стивен Дж. Маркс. «Браво, храбрый тигр Востока!» Русско-японская война и подъём национализма в британском Египте и Индии. IV

А. Г. Матвеева: R. В. Birn. Die Sicherheitspolizei in Estland 1941–1944. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006. V

З. У. Махмудова. Взаимодействие этноконфессиональных общин в городской среде: Дербент XIX века. II

З. У. Махмудова: Артур Цуциев. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. IV

Икуко Мацумото. Ота Какумин (1866–1944), настоятель буддийского храма во Владивостоке: Взгляд на Россию, СССР и Японию. V

Николай Межевич. «Оккупация» и континуитет: к вопросу о происхождении государственности Прибалтийских стран. V

Брюс В. Меннинг. Скромные итоги десятилетия: Русская и советская военная история после Холодной войны. I

Брюс В. Меннинг. А. И. Чернышев: русский Ликург. VII

Горан Милорадович. Подарки Сталина (Тематика югославского художественного фильма, 1945–1955 гг.). I

Горан Милорадович. Роман Замятина «Мы»: между историей и утопией. V

Ю. А. Наумова. Ранение, болезнь и смерть в повседневности русских войск в Крымскую войну. VII

З. С. Ненашева. Начало эмиграции чехов в Россию в середине XIX века. III

Д. С. Новоселов. «Все моё несчастье в том, что я рано начал работать и печататься...» О судьбе художника К. П. Ротова. V

Г. Нозадзе: Илья Заславский. Дело труба: Баку-Тбилиси-Джейхан и казахстанский выбор на Каспии. М., 2005. III

И. А. Павловский: Март Лаар. История Эстонии с высоты птичьего полета. Таллин, 2005. IV

Джудит Паллот. Конструирование рационального ландшафта в позднимператорской России. I

Уильям Партлетт. Культурная война в сельской школе: Калужский школьный комплекс С. Т. Шацкого в 1919–1927 гг. III

М. Ю. Планида: Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. Сб. ст. М., 2002. IV

Йоханан Петровский-Штерн. Николай I и еврейская рекрутчина: новые контексты. VII

Парадорн Рангсимапорн. Российские представления о китайской демографической экспансии. I

Дональд Райт. Русская армия и столетний юбилей войны 1812 года. IV

Р. Н. Рахимов. Башкиры в наполеоновской Европе. IV

Р. Н. Рахимов. Отдельный Оренбургский корпус: проекты и реалии воюющей окраины в николаевскую эпоху. VII

Татьяна Резвыл. Два обновленчества: справа и слева (проблема формирования идеологии обновленческого раскола и Карловацкого движения). II

Н. В. Самивер: О. Ю. Солодянкина. Иностранцы гувернантки в России. М., 2007. VI

И. Сапожникова: Елена Борисёнок. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006. IV

Р. А. Сетов: Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего / Отв. редактор С. А. Караганов. М., 2007. V

А. А. Смирнов. «Рассолдаченная» армия: к вопросу о слове русской военной традиции после 1917 года. I

А. Смирнов: М. М. Шевченко. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. II

А. А. Смирнов. О подлинном облике Г. И. Кулика как военного деятеля. IV

А. А. Смирнов. О влиянии чистки Красной Армии в 1937–1938 гг. на действия советских войск в боях у озера Хасан. VI

А. А. Смирнов: Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб., 2007. VI

Н. Н. Смолин. Дружины Государственного Подвижного ополчения 1855–1856 гг. VII

Н. А. Соколова. Укоренение рода Пестелей в России: новые источники. VI

Дэвид Сондерс. Русская революция 1905 года на берегах Тайна. III

Б. Степанов: Г. Гусейнов. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. Helsinki, 2000. I

Е. А. Степанова. Ни мира, ни войны: МИД России и сербо-болгарский спор (1913). IV

Е. Б. Стрилюк. П. А. Столыпин и еврейский вопрос в России. I

А. Ю. Тимофеев. Русская эмиграция и Гражданская война в Югославии, 1941–1945. VI

О. М. Тупицын. К вопросу о «немецком засилье» и «невежестве» в МИД России второй четверти XIX в. VI

А. М. Фомин: М. Волхонский, В. Муханов. По следам Азербайджанской демократической республики. М., 2006. VI

Энтони Хейвуд. Зарубежная заготовительная деятельность Царского правительства в Первую мировую войну: Импорт железнодорожного оборудования. II

Энтони Дж. Хейвуд. «Самый катастрофический вопрос»: железнодорожное строительство и военная стратегия в позднеимперской России. VI

Николаос А. Хрисидис. Аристотель Иезуитов в России XVII века: космология и планетная система в Славяно-Греко-Латинской Академии. V

К. В. Шевченко. Русинский вопрос и политика Чехословакии в межвоенный период. I

К. В. Шевченко. «Война с Сербией не должна стать международной катастрофой»: канун Первой мировой войны в чешской прессе. III

К. Шевченко: Milan Sládek. Němci v Čechách. Německá menšina v Českých zemích a Československu 1848–1946. Praha, 2002. III

К. В. Шевченко. «Играть в Беларусь...» (Владимир Мацкевич. Вопреки очевидности.

СПб., 2006). VI

М. М. Шевченко. Славянский вопрос глазами русского правительства в 1842 году: С. С. Уваров и К. В. Нессельроде. I

М. М. Шевченко. Записка С. С. Уварова о крепостном праве в России (1830 / 1831). II

М. М. Шевченко: В. В. Дегоев. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004. V

А. Л. Шемьякин. Генерал М. Г. Черняев и Сербская война. II

Я. Шулатов: Ито Юкио. Конституционное государство в Японии и русско-японская война (1898–1905). IV

В. В. Чарский: Прот. Димитрий Сидор. Грамматика Русиньског Языка. Ужгород, 1996–2005. IV

А. Чаус: Ідея правової держави: історія і сучасність. Київ — Луганськ, 2002; Ідея правової держави: історія і сучасність. Луганськ, 2004. III

Пол Чейсти. Причины институциональной стабильности Второй Государственной Думы (1996–1999). I

Пол Чейсти: George W. Breslauer. Gorbachev and Yeltsin as Leaders. Cambridge, 2002; Andrew Felkay. Yeltsin's Russia and the West. Westport, 2002. I

П. Чейсти: Herbert J. Ellison. Boris Yeltsin and Russia's Democratic Transformation. Seattle, 2006. V

П. Чейсти: Byron Moraski. Elections by Design: Parties and Patronage in Russia's Regions. 2006. V

О. Эдельман: В. М. Бокова. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. I

О. Эдельман: Гертрауде Бахманн. Герцогиня Мария Саксен-Кобургская и Готская, урожденная герцогиня Вюртембергская. 1799–1860: Жизнь между Россией и Германией. СПб., 2004. VI

О. Эдельман: Ираклий Церетели. Впечатления детства. По записям Элико Церетели-Демолон, Бориса Николаевского и черновикам И. Г. Церетели / Сост., комментарий и послесловие А. П. Ненарокова. М., 2006. VI

О. В. Эдельман. На следующий день после 14 декабря: Николай I и его гвардия. VII

Г. Энгельгардт: R. F. Baumann, G. W. Gawrych, W. E. Kretchik. Armed Peacekeepers in Bosnia. Fort Leavenworth, 2004. V

Д. А. Юрьев. Неизвестные отцы: Как делали Конституцию для России (1990). Воспоминания. IV

К. М. Ячменихин. Военные поселения при императоре Николае I. VII

~

Русский сборник. Том VII

Редакторы-составители
*О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти*

Издатель МОДЕСТ КОЛЕРОВ
Издательство ООО «Регнум»
Москва 123001, Трехпрудный пер., д. 11–13, стр. 1
kolerov@regnum.ru

Наши книги в Интернете: www.csterum.com

Подписано в печать 00.04.2009. Формат 700×100/16.
Гарнитура Old Standard (© А. Крюков, 2006).
Объем 33,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“». Заказ №

